

Государственное научное бюджетное учреждение
«Академия наук Республики Татарстан»

На правах рукописи

МИРХАЕВ РИФАТ ФИРДИНАТОВИЧ

**СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА
ФУНКЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ**

10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (татарский язык)

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант:
доктор филологических наук,
профессор Ф.Ю. Юсупов

Казань – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ТАТАРСКОМ ОБЩЕСТВЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.	19
1.1. Научно-теоретические аспекты изучения вопроса и степень разработанности проблемы в татарском языкознании	19
1.2. Социальные условия развития татарского языка во второй половине XIX – начале XX вв.	42
1.3. Функциональная парадигма татарского языка во второй половине XIX – начале XX вв.	67
1.4. Среды бытования татарского языка во второй половине XIX – начале XX вв.	110
1.5. Сферы употребления татарского языка во второй половине XIX – начале XX вв.	130
Выводы по главе I	147
ГЛАВА II. СТРАФИКАЦИОННО-СИТУАТИВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ СОЦИАЛЬНО-РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА ТАТАРСКОГО ОБЩЕСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.	151
2.1. Научно-теоретические аспекты изучения вопроса и степень разработанности проблемы в татарском языкознании	151
2.2. Социально-речевой портрет купцов, торговцев и приказчиков	167
2.3. Социально-речевой портрет мулл, мугаллимов и шакирдов	212
2.4. Социально-речевой портрет крестьян и простых горожан	243
Выводы по главе II	264
ГЛАВА III. СОЦИАЛЬНО МАРКИРОВАННЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.	267
3.1. Научно-теоретические аспекты изучения вопроса и степень разработанности проблемы в татарском языкознании	267
3.2. Социально маркированные абстрактные слова	274
3.3. Социально маркированные конкретные слова	304
3.4. Социально маркированные имена собственные	338
Выводы по главе III	365
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	370
БИБЛИОГРАФИЯ	379
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	419
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	420

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В условиях современной действительности, в которой национальные языки все больше подвержены влиянию социокультурных факторов, связанных с глобализационными процессами, перед мировым сообществом остро стоит вопрос сохранения того уникального языкового многообразия, которое человечество унаследовало от предыдущих поколений. По данным крупнейшего языкового каталога «Ethnologue: Languages of the World» («Этнология: языки мира») [<https://www.ethnologue.com>], на сегодняшний день в мире насчитывается более семи тысяч языков. При этом с периодичностью в две недели на планете вымирает один язык. Согласно сведениям из «Атласа мировых языков, находящихся под угрозой исчезновения» специализированного учреждения ООН по вопросам образования, науки и культуры ЮНЕСКО [www.unesco.org/culture/endangeredlanguages/atlas], в Европе в настоящий момент данной тенденции подвержены примерно пятьдесят языков, в планетарном масштабе их насчитывается более четырехсот. По мнению специалистов, если в ближайшем будущем не будут приняты какие-либо действенные меры, к середине нынешнего столетия из употребления выйдет почти половина существующих на сегодняшний день языков.

Большинство языков вымирают по причине контактирования их носителей с другими языками, находящимися в более сильных позициях в плане их функционального развития. Поэтому переход в разряд мертвых языков, в первую очередь грозит ограниченным в своем использовании языкам малых этнических групп и народов. В определенной степени данная проблема актуальна и для татарского языка.

В свете данных обстоятельств в рамках современной лингвистики неоспоримую актуальность приобретают исследования, направленные на выявление социальных механизмов поддержания и развития функциональной мощности подверженных угрозе исчезновения языков. И здесь достижению

необходимых результатов может способствовать обращение к историческим периодам, в которые тот или иной язык достиг наивысшей точки своей эволюции в указанном аспекте. Для татарского языка таковым является вторая половина XIX – начало XX вв. В историческом плане именно этот хронологический промежуток считается самым эффективным в плане его функционального развития, что проявилось в расширении как сред и сфер функционирования, так и лексико-семантической и грамматической структур. Учеными данный период характеризуется как время языкового ренессанса [Хаков, 1993, с. 209–201; Хаков, 2003, с. 153; Бәширова, 2008, с. 4]. И все это происходило в условиях национальной политики царской администрации, направленной на притеснение прав национальных меньшинств империи, что еще раз подчеркивает его уникальность.

Одним из показателей развитости языка в функциональном плане является наличие его различных модификаций, посредством которых обслуживаются коммуникативные потребности общества в определенных сферах жизнедеятельности. И исследование видов языковой дифференциации, социальная маркированность которых уже давно не подвергается сомнению, является одним из важных направлений лингвистической науки, поскольку дает возможность описать как современное состояние языка, так и реконструировать его в более ранних этапах. Другими словами, изучение языковых членений способствует более детальной интерпретации явлений и закономерностей эволюции языка, а также происхождения структурных элементов его внешней и внутренней организации.

В сущности, за исключением отдельных случаев, всякий язык не является в полной мере гомогенной структурой, а представляет собой совокупность взаимосвязанных функциональных подсистем, статус которых определяется характером языковой ситуации. При этом выделяются первичная и вторичная степени языковой дифференциации. Если первая включает в себя членение языка на такие страты как литературная, народно-разговорные (территориальные и

социальные диалекты, койне, общенародно-разговорный идиом) и просторечная, вторая подразумевает его дифференциацию в рамках указанных подразделений на функционально-стилистические, территориальные (пространственные), временные (хронологические) подсистемы. В татарском языкознании исследование различных разновидностей татарского языка имеет давнюю традицию, которая своими корнями уходит к середине XIX в. На ее основе выросла целая научная школа, в трудах представителей которой в подробностях изучены лексические, фонетические и грамматические особенности как литературной, так и разговорных форм существования татарского языка, в частности его диалектов. *(Об этом более подробно далее.)* Как показывает анализ научных трудов, исследования в области татарского литературного языка в основной своей массе выполнены в диахроническом аспекте и направлены на реконструкцию его письменных норм и традиций. Работы же татарских диалектологов, за исключением отдельно взятых исследований, в целом нацелены на изучение современного состояния лексического состава, фонетической системы и грамматической структуры региональных разновидностей татарского языка, а история становления и развития его разговорных форм ждет своего дальнейшего изучения.

В диахронической социолингвистике в качестве основной структуры, которая «детерминирует функционирование и развитие своего языка, социализирует, присваивает либо отвергает те или иные варианты языковой техники, как спонтанно порождаемые эволюционирующей системой данного языка, так и проникающие из других родственных и неродственных лингвем» [Диахроническая социолингвистика, 1993, с. 6], выделяется социалема, т.е. «языковой коллектив, в рамках которого осуществляется обмен социальной информацией, речевое взаимодействие на данном языке или диалекте» [Там же]. В историческом плане именно общественно значимая деятельность представителей отдельно взятых социальных слоев, групп и сообществ

накладывает свой отпечаток на внешней и внутренней структуре языка, пробуждая тем самым механизмы его развития.

Таким образом, в свете сказанного выше несомненную значимость обретает изучение характера языковой ситуации, сложившейся в татарском обществе второй половины XIX – начала XX вв., структур социально-речевых портретов его основных корпоративных групп, а именно их стратификационно-ситуативных параметров, а также степени и характера воздействия, которое в указанный период социокультурные факторы оказали на татарский язык, чем и определяется **актуальность** темы настоящей диссертационной работы.

Степень разработанности темы. Научно-теоретические основы изучения вопросов, связанных с изучением соотношения различных языков, форм их существования и функциональных разновидностей в рамках определенных географических ареалов, политических объединений и социокультурных сообществ, то есть языковой ситуации, которая в качестве краеугольного камня социолингвистических исследований была выведена еще в 30-е гг. XX в., в настоящее время разработаны и развиты в работах У. Лабова [Labov, 1966], Ч. Фергюсона [Ferguson, 1971], Дж.А. Фишман [Fishman, 1972], В.А. Аврорина [Аврорин, 1975], Л.П. Никольского [Никольский, 1976], Г.В. Степанова [Степанов, 1976], Ю.Д. Дешериева [Дешериев, 1977], А.Д. Швейцера [Швейцер, 1982; 1983]. Кроме этого отдельные проблемы теории языковой ситуации, касающиеся взаимодействия литературных и разговорных идиомов, затрагиваются в исследованиях по теории и истории литературных языков. Здесь следует отметить труды К. Брокельмана [Brokelmann, 1954], Л.В. Щербы [Щерба, 1957], В.В. Виноградова [Виноградов, 1959; 1967; 1978], А.Н. Кононова [Кононов, 1956; 1980], Н.А. Баскакова [Баскаков, 1969; 1970], Г.Ф. Благовой [Благова, 1971; 1976; 1986; 1994], Э.Н. Наджипа [Наджип, 1975; 1976; 1989], Э.Р. Тенишева [Тенишев, 1979; 1986; 1988; 2000], Ф.П. Филина [Филин, 1981], А.И. Горшкова [Горшков, 1983], М.М. Гухман [Гухман, 1983], М.М. Гухман, Н.Н. Семенюк, Н.С.

Бабенко [Гухман, Семенюк, Бабенко, 1984], Э.А. Груниной [Грунина, 1991], Б.А. Успенского [Успенский, 1994; 2002] и др.

В татарском языкознании характер языковых ситуаций, которые складывались в различные периоды в татарском обществе, в общих чертах раскрываются в исследованиях, посвященных изучению языковых особенностей старотатарских письменных текстов различных жанров, а также истории развития письменных литературных норм татарского языка. Здесь первыми образцами данного рода работ по праву считаются труды таких тюркологов как М. Иванов [Иванов, 1842], С. Кукляшев [Кукляшев, 1859], Н.Ф. Катанов [Катанов, 1898] и Н.И. Ашмарин [Ашмарин, 1901]. В 20-30-е гг. XX в. социальные аспекты развития татарского литературного языка в своих сочинениях освещают Г. Ибрагимов [Ибрагимов, 1922], Дж. Валиди [Вэлиди, 1928], Х. Бадиги [Бэдигы, 1930], Г. Толымбайский [Tolmbajski, 1931]. Далее отдельные вопросы теории языковой ситуации в контексте истории развития татарского языка, а именно взаимодействия письменной разновидности его литературного идиома и разговорных форм, разрабатываются в исследованиях Ф.С. Фасеева [Фасеев, 1966], М.З. Закиева [Закиев, 1986; 1988], В.Х. Хакова [Хаков, 1972; 1993; 2003], Ф.С. Хакимзянова [Хакимзянов, 1978; 1987], Я.С. Ахметгалиевой [Ахметгалиева, 1979], Х.Р. Курбатова [Курбатов, 1987; 1992; 1998], Ф.М. Хисамовой [Хисамова, 1999], И.Б. Башировой [Бэширова, 1999; 2008] и др.

Кроме этого исследованию социолингвистических проблем функционирования татарского языка в условиях сложившейся в конце XX в. в Республике Татарстан татарско-русского двуязычия, в частности изучению особенностей его бытования в городской среде и в различных общественных сферах, симметричного и асимметричного видов двуязычия, характера взаимодействия татарского и русского языков и отражения данного взаимодействия на культуре речи, возможностей расширения сфер функционирования татарского языка как государственного, использования языковой политики как инструмента регулирования языковой ситуации,

посвящены работы З.А. Исхаковой [Исхакова, 1999], Л.К. Байрамовой [Байрамова, 2001], Ф.К. Сагдеевой [Сагдеева, 2001], И.М. Низамова [Низамов, 1996, 2002, 2011], Ф.М. Гараева [Гараев, 2002], Н.Х. Шарыповой [Шарыпова, 2004], Г.Ф. Калгановой [Калганова, 2006], Дж.Н. Тухватуллиной [Тухватуллина, 2007] и т.д.

Далее вопросы соотношения литературного и диалектного идиом татарского языка, которые также входят в круг проблем теории языковой ситуации, затрагиваются в трудах Л.З. Заляя [Жэлэй, 1947; Заляй, 1954], Л.Т. Махмутовой [Махмутова, 1952; 1976; 1978], Н.Б. Бургановой [Бурганова, 1953; 1962; 1974; 1978; 1980; 1985], Д.Г. Тумашевой [Тумашева, 1961; 1970; 1977], Г.Х. Ахатова [Ахатов, 1963; 1979; 1980], Д.Б. Рамазановой [Рамазанова, 1970; 1984; 1992; 1996; 1998], Ф.Ю. Юсупова [Юсупов, 1972; 1985; 1986; 1988; 2003; 2004], Ф.С. Баязитовой [Баязитова, 1973; 1979; 1986; 1998], Т.Х. Хайрутдиновой [Хайрутдинова, 1980; 1985], З.Р. Садыковой [Садыкова, 1985; 1986], Ф.С. Сафиуллиной [Сафиуллина, 1978; 2000], И.С. Насипова [Насипов, 2013], Ф.Ш. Нуриевой [Нуриева, 2015а; 2017] и др.

Проблемы, относящиеся к теории социально-речевого портрета общества, а именно связанные с изучением соотношения в его структуре стратификационной и ситуативной разновидностей языковой вариативности, форм существования языка, а также различных языков; с исследованием социальных условий реализации речевой практики той или иной группы, ее соотношенности с коммуникативными сферами; с моделированием социально-речевого портрета языковой личности, выступающего в качестве обобщенного представителя того или иного сообщества, раскрыты в работах Б.А. Ларина [Ларин, 1928а; 1928б], Й.Л. Вейсгербера [Weisgerber, 1929], П. Фридриха [Friedrich, 1972], В.В. Виноградова [Виноградов, 1980], Г.И. Богина [Богин, 1980], А.Д. Швейцера [Швейцер, 1982], Ю.Н. Караулова [Караулов, 1987], М.В. Панова [Панов, 1990], Л.П. Крысина [Крысин, 2001], В.И. Карасика [Карасик, 2002], В.П. Нерознака [Нерознак, 2003], Т.П. Млечко [Млечко, 2014] и др.

В татарском языкознании отмеченный круг проблем в определенной степени находят свое отражение в исследованиях И.А. Абдуллина [Абдуллин, 1968], Я.С. Ахметгалеевой [Ахметгалеева, 1979], Н.Б. Бургановой [Бурганова, 1980], З.А. Хисамиевой [Хисамиева, 1980], Э.Х. Кадировой (Вафиной) [Вафина, 1985; Кадирова, 2001, 2013, 2014а, 2014б], Х.Р. Курбатова [Курбатов, 1987, 1998], И.Б. Башировой [Баширова, 1987, 1988, 1990 и т.д.], А.Х. Алеевой [Алеева, 1987, 1988, 1993], Р.З. Мухаметрахимовой [Мухаметрахимова, 1990], М.Г. Мухамадиева [Мухамадиев, 1970, 1982], Ф.Ш. Нуриевой [Нуриева, 1993, 1999, 2004, 2016], Х.Х. Кузьминой [Кузьмина, 1998, 2001] и др, посвященных изучению лингвостилистических особенностей произведений представителей татарской литературы различных эпох.

Далее вопросы социальной маркированности языковых единиц, в частности лексико-семантических явлений, рассматривается в трудах В.В. Виноградова [Виноградов, 1953; 1959], А.А. Уфимцевой [Уфимцева, 1986], В.Н. Телии [Телия, 1986], Л.П. Крысина [Крысин, 2000], В.И. Карасика [Карасик, 2002] и др. В татарском языкознании они затрагиваются в работах М.Б. Хайруллина [Хайруллин, 2000], И.Б. Башировой [Бәширова, 2006; 2010], Г.Р. Галиуллиной [Галиуллина, 2008], Ф.Ш. Нуриевой [Нуриева, 2015б; 2016а; 2016б], в коллективных монографиях «Татар лексикологиясе» [Татар лексикологиясе..., 2015] и «Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр – XX йөз башы)» [Татар әдәби теле тарихы..., 2019].

Объектом диссертационного исследования является функциональное состояние татарского языка во второй половине XIX – начале XX вв. **Предметом** исследования выступили социально обусловленные лингвистические структуры и элементы, имевшие место в татарском языке в указанном историческом этапе.

В качестве **цели** было определено раскрытие корреляционных отношений между имевшими место в татарском обществе во второй половине XIX – начале XX вв. социокультурными процессами и происходившими в данный период на

различных участках татарского языка системными трансформациями. Для достижения намеченной цели были обозначены следующие **задачи**:

- 1) проанализировать социальные условия развития татарского языка во второй половине XIX – начале XX вв.;
- 2) реконструировать функциональную парадигму татарского языка во второй половине XIX – начале XX вв.;
- 3) описать среды функционирования татарского языка во второй половине XIX – начале XX вв.;
- 4) охарактеризовать сферы употребления татарского языка во второй половине XIX – начале XX вв.;
- 5) определить степень соотнесенности речевой практики основных корпоративных групп татарского общества второй половины XIX – начала XX вв. с функциональными стратами татарского языка;
- 6) выявить коммуникативные сферы и социальные ситуации, в рамках которых осуществлялась речевая практика основных корпоративных групп татарского общества второй половины XIX – начала XX вв.;
- 7) изучить особенности репрезентации имевших место в татарском обществе во второй половине XIX – начале XX вв. социокультурных явлений внутри семиологических классов имен собственных, абстрактных и конкретных слов.

Научная новизна исследования определяется тем, что в ней впервые в татарском языкознании формы существования татарского языка, их функциональные разновидности исследуются в социолингвистическом аспекте; впервые в рамках определенного синхронного среза раскрываются страфикационно-ситуативные параметры социально-речевых портретов основных корпоративных групп татарского общества; впервые анализируется семантика элементов лексической системы татарского языка в контексте социокультурных процессов.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что его автором на примере татарского языка второй половины XIX – начала XX вв. была разработана и апробирована методика исследования социальной обусловленности функционального развития национальных языков в условиях отсутствия каких-либо институтов государственности и рациональной языковой политики.

Кроме этого полученные результаты вносят существенный вклад в татарское языкознание в плане изучения основных форм существования татарского языка и других его функциональных разновидностей, коммуникативной деятельности представителей различных групп татарского общества и лексической системы татарского языка в социолингвистическом аспекте.

Практическая значимость исследования определяется возможностью последующего использования материалов и основных положений диссертации в работах в области социолингвистики и истории татарского литературного языка, направленных на изучение социальной природы языковых явлений. Далее они могут быть применены в процессе разработки специальных курсов и дисциплин социолингвистической направленности в высших учебных заведениях.

Теоретическую базу исследования составили научные труды ведущих зарубежных и отечественных ученых в области социолингвистики, в которых раскрывается социальная сущность функционального развития языков. В частности при изучении сложившейся в татарском обществе во второй половине XIX – начале XX вв. языковой ситуации автор обратился к работам У. Лабова, Ч. Фергюсона, Дж.А. Фишман, В.А. Аврорина, Л.П. Никольского, Г.В. Степанова, Ю.Д. Дешериева, А.Д. Швейцера. Кроме этого в решении связанных с указанной категорией проблем мы опирались на достижения лингвистов в области теории и истории литературных языков, которые нашли свое отражение в трудах К. Брокельмана, Л.В. Шербы, В.В. Виноградова, А.Н. Кононова, Н.А. Баскакова, Г.Ф. Благовой, Э.Н. Наджиба, Э.Р. Тенишева, Ф.П. Филина, А.И. Горшкова, М.М. Гухман, М.М. Гухман, Н.Н. Семенюк, Н.С. Бабенко, Э.А. Груниной, Б.А.

Успенского. Также был учтен опыт татарских языковедов Ф.С. Фасеева, В.Х. Хакова, Ф.С. Хакимзянова, Я.С. Ахметгалиевой, Х.Р. Курбатова, Ф.М. Хисамовой, И.Б. Башировой, Ф.Ш. Нуриевой, накопленный ими в ходе исследований старотатарских письменных текстов и истории татарского литературного языка. В процессе реконструкции отдельных участков сложившейся в татарском обществе в указанный период языковой ситуации, а именно связанных с диалектными идиомами, были привлечены труды Л.З. Заляя, Л.Т. Махмутовой, Н.Б. Бургановой, Д.Г. Тумашевой, Г.Х. Ахатова, Ф.Ю. Юсупова, Д.Б. Рамазановой, Ф.С. Баязитовой, Ф.С. Сафиуллиной, И.С. Насипова.

Далее при изучении соотношения в структуре социально-речевого портрета татарского общества второй половины XIX – начала XX вв. стратификационной и ситуативной разновидностей языковой вариативности, идиомов татарского языка и других языков; при исследовании социальных условий реализации речевой практики той или иной корпоративной группы татарского общества указанного периода, ее соотнесенности с коммуникативными сферами; при моделировании социально-речевого портретов языковых личностей, выступающих в качестве обобщенных представителей различных сообществ мы обращались к работам Б.А. Ларина, Й.Л. Вейсгербера, П. Фридриха, В.В. Виноградова, Г.И. Богина, А.Д. Швейцера, Ю.Н. Караулова, М.В. Панова, Л.П. Крысина, В.И. Карасика, В.П. Нерознака, Т.П. Млечко.

И в процессе анализа особенностей репрезентации социокультурных явлений в лексико-семантической системе татарского языка второй половины XIX – начала XX вв. автор опирался на работы В.В. Виноградова, А.А. Уфимцевой, В.Н. Телии, Л.П. Крысина, В.И. Карасика, И.Б. Башировой, Г.Р. Галиуллиной, а также на коллективные труды «Татар лексикологиясе» [Татар лексикологиясе..., 2015] и «Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр – XX йөз башы)» [Татар әдәби теле тарихы..., 2019].

Методологическая основа. Поставленная цель и обозначенные задачи обусловили применение в рамках работы целого комплекса научно-

исследовательских методов. В качестве основных методов исследования выступили методы социолингвистической реконструкции и социолингвистической интерпретации. Первый был применен в ходе реконструкции функциональной парадигмы татарского языка во второй половине XIX – начале XX вв., а второй – при интерпретации извлеченных из письменных источников указанного периода экстралингвистических и лингвистических данных. В процессе сбора эмпирического материала, в ходе его первичной обработки и анализа, а также в процессе истолкования социальных и языковых явлений использовался описательный метод. В ходе сопоставления фактов и явлений, имевших место в различные периоды истории татарского языка, в частности письменной разновидности его литературного идиома, а также сравнительного изучения указанной функциональной страты татарского языка с ее предшественниками – с классическими тюркскими письменными языками более ранних эпох, был задействован сравнительно-исторический метод. При выявлении частоты использования социально маркированных слов был применен метод количественно-статистического анализа. Далее для определения семантического ресурса лексических единиц привлекался метод анализа словарных дефиниций. Кроме этого при изучении содержания лексических единиц и выделения в нем социально маркированных коннотаций был использован метод компонентного анализа, а при выявлении социокультурной и функционально-стилистической нагруженности слов, словоформ и словосочетаний, при определении их контекстуально обусловленных значений – метод контекстуального анализа.

Ввиду отсутствия в силу объективных причин возможности наблюдения напрямую за языковыми процессами, в рамках исследования в качестве **источников** были привлечены созданные во второй половине XIX – начале XX вв. старотатарские письменные тексты, а именно произведения К. Насыри, М. Акъегета, З. Бигиева, Ф. Карима, Р. Фахретдина, Г. Исхаки, Ш. Мухамедова, К. Бикколова, Г. Ильяси, Ф. Халиди, Г. Камала и Г. Чокрый. В них с одной стороны

находят свое отражение письменные литературные нормы и традиции, которые имели место в татарском языке в указанный период, с другой стороны они представляют интерес с точки зрения включенности в их языковую ткань речевых особенностей представителей основных корпоративных групп татарского общества второй половины XIX – начала XX вв. Также использовались материалы из трудов ученых, которые жили в этот период и занимались изучением современного им состояния татарского языка. При этом примеры как из текстов, составленных посредством арабграфичной старотатарской письменности, так и из их вариантов, транслитерированных на современную кириллическую письменность татарского языка, были даны посредством знаков международной транслитерационной системы на основе латинской графики. Соответствие знаков трех графических систем, которое было использовано в рамках диссертационного исследования, дано в приложении 1.

Основная гипотеза заключается в том, что обеспечившие развитие татарского языка во второй половине XIX – начале XX вв. социальные механизмы нашли свое отражение во взаимодействии основных форм существования татарского языка в рамках его сред функционирования и сфер употребления, сложившихся к указанному периоду, в стратификационно-ситуативных параметрах структуры социально-речевого портрета основных корпоративных групп татарского общества второй половины XIX – начала XX вв. и в лексико-семантической системе татарского языка. При этом имевшие в нем в указанный период позитивные трансформации стали возможными благодаря поддержке экстралингвистических факторов на лингвистическом уровне. Другими словами, язык в функциональном и структурном отношениях должен достичь того состояния эволюционной зрелости, при котором он и сам мог бы эффективно реагировать на воздействие социокультурных перемен.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Функциональное развитие татарского языка во второй половине XIX – начале XX вв. было детерминировано экстралингвистическими факторами,

которые в этническом плане привели к началу становления татарской буржуазной нации прогрессивного толка; в социально-экономической сфере – к перестраиванию хозяйственных отношений и формированию новых социальных групп; в культурной жизни – к переосмыслению духовных ценностей, а в области языка ознаменовали переход к новой лингвистической системе.

2. Переход татарского языка на новую эволюционную ступень в обозначенный период сопровождался преобразованиями в структуре его функциональной парадигмы и перестраиванию внутренних связей между ее компонентами, которые складывались в течение многих веков под влиянием лингвистических и социокультурных традиций.

3. Полноценное функционирование татарского языка в качестве коммуникативного средства общенационального масштаба на выделенном историческом этапе наряду с традиционными средами его бытования было поддержано и на уровне новых социальных слоев, групп и институтов татарского общества.

4. Реализация в полном объеме функционального потенциала татарского языка во второй половине XIX – начале XX вв., обеспечившая его развитие и в дальнейшем, стала возможной благодаря широкому спектру коммуникативных сфер, диапазон которых в указанный период расширился еще больше в силу происходивших в обществе изменений.

5. Динамическое развитие татарского языка в рассмотренном временном интервале обеспечивалось широкой социальной базой, что нашло свое отражение в вовлеченности ресурсов его функциональных страт и их разновидностей в речевую практику всех корпоративных групп татарского общества рассматриваемого периода.

6. Коммуникативная деятельность основных корпоративных групп татарского общества второй половины XIX – начала XX вв. выступила в качестве внутреннего социального механизма, который обеспечил полноценное

функционирование татарского языка в указанный период в различных коммуникативных сферах.

7. Функциональное развитие татарского языка в обозначенный период было поддержано и на уровне его лексико-семантической системы, что проявилось в обогащении словарного состава новыми элементами, в расширении значений лексических единиц всех семиологических классов и их контекстуальных связей. В свою очередь данный фактор указывает на достижения им соответствующей зрелости в эволюционном отношении и гибкости в плане репрезентации новых экономических и социокультурных реалий.

Степень достоверности и апробация результатов. Достоверность полученных в рамках исследования результатов обеспечивается соответствием примененных методов цели и задачам, привлечением большого объема эмпирического материала. В частности, в процессе количественно-статистического анализа социально маркированной лексики были обработаны электронные варианты текстов произведений писателей-просветителей, суммарный объем которых составил более чем 100000 словоупотреблений.

Основные положения и результаты диссертации изложены в 4 монографиях и 43 научных статьях, 18 из которых опубликованы в изданиях, включенных в перечень Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, а также апробированы на Международной научно-практической конференции «Тюркоязычная книга в контексте мировой духовной культуры» (Казань, 2012 г.), VII Международной тюркологической конференции «Современная тюркология: язык, литература, история и культура тюркских народов» (Елабуга, 2014 г.), VI Всероссийской тюркологической конференции (с международным участием) «Урал-Алтай: через века в будущее» (Уфа, 2014 г.), Международных научно-практических конференциях «Литература и художественная культура тюркских народов в контексте Восток-Запад» (Казань, 2014, 2016 гг.), Международном научно-теоретическом симпозиуме «Түркі дүниесі: рухани мұра және бүгінгі мәдениет» (Астана, 2014 г.), V Международной

научно-практической конференции «Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы» (Казань, 2014 г.), Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Народного писателя Мордовии К.Г. Абрамова (Саранск, 2014 г.), Международных научно-практических конференциях «Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы» (Казань, 2014, 2017, 2018 гг.), VII Международной научно-практической конференции «Филология в полиэтнической среде: состояние и перспективы» (Казань, 2016 г.), XVI Всероссийской конференции (с международным участием) «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России» (Уфа, 2016 г.), I Международной научной конференции «Традиционная культура тюркских народов в изменяющемся мире» (Казань, 2017 г.), Международной научно-практической конференции «Восток–Запад: литература и художественная культура» (Казань, 2017 г.), IX Международной тюркологической конференции «Тюркский мир и исламская цивилизация: проблемы языка, литературы, истории и религии» (Елабуга, 2018 г.), Международной научно-практической конференции с элементами научной школы для молодых ученых «55-е Евсевьевские чтения» (Саранск, 2019 г.), Международной научной конференции «Тюркское языкознание XXI века: лексикология и лексикография» (Казань, 2019 г.), Международной научно-практической онлайн-конференции «Литература и художественная культура тюркских народов в контексте Восток-Запад» (Казань, 2020 г.), Казанском международном лингвистическом саммите «Вызовы и тренды мировой лингвистики» (Казань, 2020 г.), Казанском международном лингвистическом саммите «Языковое разнообразие в глобальном мире» (Казань, 2021 г.), Международной научной конференции «И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика» (VIII Международные Бодуэновские чтения) (Казань, 2021 г.).

Объем и структура работы. Диссертационная работа состоит из 422 страниц машинописного текста. В структурном плане она включает в себя

введение, три главы, заключение и библиографию. В конце даются приложения которые включают в себя использованное в рамках диссертационного исследования соответствие знаков арабицы, кириллицы, латиницы (Приложение 1) и статистические параметры функционирования социально маркированных лексических единиц и их дериватов в текстах произведений татарских писателей-просветителей (Приложение 2).

ГЛАВА I. ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ТАТАРСКОМ ОБЩЕСТВЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

1.1. Научно-теоретические аспекты изучения вопроса и степень разработанности проблемы в татарском языкознании

На сегодняшний день в языкознании сложились различные интерпретации понятия «языковая ситуация», введенного в научное употребление в 30-е гг. XX в. [Швейцер, Никольский, 1978, с. 86] и обозначающего «совокупность форм существования одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определенных географических регионов или административно-политических образований» [Словарь социолингвистических терминов, 2006, с. 266].

По мнению Ч. Фергюсона, который одним из первых предложил социолингвистическую трактовку языковой ситуации, она отражает общую конфигурацию функционирования языка в рамках определенных временных рамок и пространственных границ и складывается из следующих сегментов:

- 1) количества используемых в рассматриваемом ареале языков и их характеристик;
- 2) условий функционирования этих языков;
- 3) числа людей, разговаривающих на них;
- 4) позиции, которой придерживаются субъекты социума в отношении данных языков [Ferguson, 1971, p. 157].

Ввиду отсутствия других средств непосредственного наблюдения взаимодействия языков и их форм существования в научном плане, В.А. Аврорин пришел к мысли о том, что языковая ситуация может быть изучена только путем анализа речевых актов в совокупности с обстоятельствами их реализации. Определив взаимосвязь между языковой ситуацией и ситуацией речевого акта как отношение общего к частному, как отношение макроситуации к микроситуации, ученый пишет, что языковая ситуация также как и структура языка проявляется в

коммуникативных ситуациях и достоверность характеристики сложившейся у определенного народа, у определенной его части, у определенной группы народов языковой ситуации, т.е. макроситуации, может быть установлена большим количеством описанных речевых актов, т.е. микроситуаций. При этом первая рассматривается им не как простая сумма последних, а выделяется как основа, которая создает возможности для их реализации, как абстрактная категория, истекающая из возможного у наблюдаемой группы людей предельного количества речевых актов. В то же время, ученым отмечается необязательность и невозможность в практическом плане изучения всех реализованных актов речи, чтобы определить тип языковой ситуации. По его мнению, для получения ее более-менее точной типологической характеристики достаточно проанализировать ограниченное, но при этом непременно репрезентативное количество речевых актов. Другими словами, исследованию языковой ситуации предшествуют сплошной анализ коммуникативных ситуаций, их типологическая классификация и определение существующих между выявленными типами непростых корреляций [Аврорин, 1975, с. 115].

Речевую ситуацию В.А. Аврорин определяет, как «сложное целое, включающее в себя производителя и адресата речи со всеми их социально-демографическими признаками и характеристикой их отношений между собой, обстановку, в которой совершается акт речи, тему речевого произведения и, наконец, как функцию всего предыдущего, лингвистическую принадлежность речевого произведения» [Там же, с. 116]. Здесь под социально-демографическими признаками производителя и адресата речи подразумеваются их принадлежность к определенным социальным, профессиональным, образовательным, половозрастным группам. Именно они, по мнению ученого, в первую очередь влияют на речевую ситуацию и на выбор формы речевого произведения – на так называемый выбор кода. Обстановка, в которой совершается акт речи, складывается из конкретных условий (повседневно-бытовых, официально-рабочих, неофициально-дружеских, интимных и т.д.) протекания коммуникации.

В качестве тем речевых произведений (тематика речи), оказывающих не меньшее влияние на выбор кода, выделяются те, которые относятся к существенно отличающимся друг от друга и предопределяющим формирование в коммуникативной практике людей тех или иных языковых привычек сферам жизнедеятельности человека.

Отнесенность кода речевого произведения к определенному языку или к отдельно взятой форме его существования, а в некоторых случаях и стилистическая окрашенность, как считает ученый, предопределяет его лингвистическую принадлежность, а само речевое произведение трактуется им как высказывание одного субъекта или беседа между двумя и более субъектами различной продолжительности, состоящие как из одного модально окрашенного слова так из любого количества предложений, в условиях неизменности коммуникативной ситуации. При этом границы между речевыми произведениями определяется изменением какого-нибудь из рассмотренных выше компонентов коммуникативной ситуации, будь то соотношение социально-демографических характеристик участников речевого акта, обстановка или тематика речи [Аврорин, 1975, с. 117].

Выделив социальные условия функционирования языка, сферы и среды употребления языка, формы существования языка, функции языка в качестве объектов анализа, языковую ситуацию у одноязычного народа В.А. Аврорин определяет как состояние языка, в котором все наличные формы его существования реализуют свои функции, т.е. функционируют, во всех общественно значимых средах и сферах жизнедеятельности народа в рамках определенных социальных условий. При этом, по мнению ученого, обязательным является описание первых трех из указанных выше сегментов, так как именно по ним могут различаться друг от друга языки в плане своего бытования в социуме. Далее ученый приводит более подробное их расчленение. Так, например, при анализе социальных условий он предлагает рассматривать уровни развития народа в социально-экономическом, этническом, политическом (наличие или

отсутствие суверенитета и форм государственности) и культурном (наличие или отсутствие литературных традиций и их длительность) планах, численность и компактность народа, а также его этническое окружение. В средах употребления языка им выделяется такие, как семейное общение, производственное общение, групповое общение, региональное общение, общение при временном организованном сосредоточии людей, внутринациональное общение, межнациональное общение, общечеловеческое общение будущего. Сферы же употребления языка представляют хозяйственная деятельность, общественно-политическая деятельность, быт, организованное обучение, художественная литература, массовая информация, эстетическое воздействие, устное народное творчество, наука, делопроизводство, личная переписка, религиозные культы и т.д. В качестве основных форм существования языка ученым указываются диалекты, койне, общенародно-разговорная и литературная (в ее устной и письменной реализации) формы [Аврорин, 1975, с. 120–121].

Многоязычная ситуация, которая, как пишет В.А. Аврорин проявляется в сосуществовании у того или иного народа, или отдельного индивида вместе с родным и других языков вне зависимости их количества, и для обозначения которой он вместо термина «многоязычие», в угоду уже сложившейся традиции предлагает употреблять термин «двужычие» («билингвизм»), считая уместным использование первого для обозначения случаев, связанных с противопоставлением взаимодействия двух языков взаимосвязям между еще большим количеством языков, характеризуется как всеми рассмотренными выше признаками одноязычной ситуации, так и некоторыми отличительными чертами. Так, например, объективная характеристика данного рода ситуаций, по его мнению, возможна тогда, когда определена не только субъективное отношение говорящих к языкам, но и фактическое соотношение их функций в жизни социума, отдельных социальных групп или индивидуумов, которое находится в прямой зависимости от языковых компетенций людей [Там же, с. 127].

Другими словами, подлинное двуязычие заключается в свободном и активном употреблении в речевых и мыслительных процессах двух и более языков, которые находятся в регулярном взаимодействии в наиболее общественно важных сферах жизнедеятельности общества. Именно в этом появляется уровень интенсивности двуязычия, которая во многом детерминирована степенью владения другими языками членов различных социальных групп. Кроме этого, для определения типов двуязычия, по мнению В.А. Аврорина, необходимо также учитывать уровни его экстенсивности и универсальности. Если установление первого предполагает изучение масштабов распространения двуязычия в обществе, то второго нацелено на выявление сфер употребления второго языка [Аврорин 1975, с. 148].

Л.Б. Никольским языковая ситуация характеризуется как «совокупность языков, подязыков и функциональных стилей, обслуживающих общение в административно-территориальном объединении и этнической общности» [Никольский, 1976, с. 79]. При этом речь идет не о простой совокупности, а о едином целом, которое формируют находящиеся в определенных отношениях и взаимосвязях друг с другом языковые системы и подсистемы, относящиеся к различным функциональным типам. Тем самым, ученый «отходит от предложенного Ч. Фергюсоном количественного критерия определения языковой ситуации, делая акцент на её качественной составляющей» [Леонова, 2011, с. 24].

По типологии Л.Б. Никольского языковые ситуации, в зависимости от качественных параметров и функциональных статусов их составляющих, распадаются на четыре группы. Первично выделяются экзогlossные и эндогlossные ситуации. Если в качестве основного классификационного признака первой группы указывается совокупность отдельных языков, то в отношении второй – состав идиомов и функциональных стилей одного языка. На следующем уровне как экзогlossные, так и эндогlossные ситуации разделяются на сбалансированные и несбалансированные. В первом случае компоненты языковой ситуации в функциональном и социальном планах находятся в равнозначных

положениях, а во втором – распределяются по различным сферам употребления и социальным группам. Далее в группе экзогlossных несбалансированных ситуаций Л.Б. Никольский на основе количественного критерия, а именно исходя из того, сколько языков, обслуживают коммуникативные потребности общества, выделяет двухкомпонентные (включают в себя местные языки и язык-макропосредник), трехкомпонентные (к первым двум добавляются региональные языки) и четырехкомпонентные (языковой ряд расширяется за счет религиозных или профессиональных языков) языковые ситуации. Группу эндогlossных несбалансированных ситуаций, по мнению ученого, составляют однокомпонентные (коммуникативные потребности общества обслуживаются одним языком, который не распадается на подязыки), двухкомпонентные (коммуникативные потребности общества обслуживаются подязыками двух функциональных типов – территориальным диалектом и литературным языком) и трехкомпонентные (к компонентам предыдущей подгруппы добавляются региональные формы литературного языка) языковые ситуации [Никольский, 1976, с. 80–88].

В предложенной Г.В. Степановым модели исследования языковой ситуации как социолингвистической категории исходное место занимает внешняя (функциональная) система языка, которая объединяет в себе все без исключения виды языковой дифференциации, обусловленные воздействием таких экстралингвистических факторов как временные, пространственные, социальные, а общую основу и источник организации которой составляют языковое состояние и языковая ситуация [Степанов, 1976, с. 29].

Языковое состояние, по мнению ученого, представляет собой парадигматический план организации внешней (функциональной) системы языка, а именно все виды языковой вариативности, выступающие как единое целое и характеризующиеся как своей загруженностью в функциональном плане, так и ее неярко выраженностью. В качестве его составляющих Г.В. Степанов выделяет функциональные стили (официально-деловой, научный, художественный,

обиходно-разговорный и др.), формы существования (диалект, общенародный язык, национальный язык и др.) и формы реализации (устная, письменная) языка. При этом он указывает на возможность рассмотрения последних в плане их социально-лингвистической стратификации, которая соотносится «со стратификационной структурой социума (объективный план) и существующими в нем ценностными ориентациями (субъективный план)» [Степанов, 1976, с. 30].

В основу интерпретации языковой ситуации Г.В. Степанов закладывает и синтагматический план организации внешней (функциональной) системы языка и трактует его как «отношение языка (или его части), характеризующегося данным состоянием, к другим языкам или к другой части того же языка, и проявляющееся в различных формах пространственных и социальных взаимодействий» [Там же, с. 31].

Далее ученый выделяет два аспекта анализа языковой ситуации в функциональном плане: семасиологический и ономасиологический. Если в первом случае анализ нацелен на определение выполняемых той или иной языковой системой или подсистемой в разного рода социумах функций, во втором – на установление языковых систем и подсистем, посредством которых реализуются те или иные функции [Там же, с. 142]. Другими словами, исследование может проводиться как от языковой системы к социальной функции, так и от функции к системе.

В теории языковой ситуации, разработанной А.Д. Швейцером, одно из центральных мест занимает понятие «социально-коммуникативная система», которое, как считает ученый, можно приложить «как к языку в целом, так и к любой его разновидности (литературный стандарт, его вариант, социальный или территориальный диалект), используемой данным коллективом» [Швейцер, 1983, с. 31]. При этом для обозначения представляющих собой основные формы существования языка и взаимодействующих друг с другом в условиях одноязычия диалектов (территориальных, социальных) и литературного языка, а также формирующих социально-коммуникативную систему билингвального или

полилингвального общества языков предлагается использование термина «компонент социально-коммуникативной системы» или же «социально-коммуникативная подсистема», что, по мнению ученого, является одним и тем же.

При изучении языковой ситуации, по мнению А.Д. Швейцера, необходимо учитывать ее системный характер, который проявляется в горизонтальном и вертикальном измерениях. В первом случае системность находит свое выражение в связях между компонентами языковой ситуации, обусловленными их распределением в социальном и функциональном отношениях по различным сферам жизнедеятельности общества, а во втором – в формируемой социально-коммуникативными системами и их составляющими иерархии. Кроме этого в предложенной ученым трактовке языковой ситуации содержится и указание на ее дуалистичность, в которой выделяются объективный и субъективный аспекты. Первый складывается из самих языковых систем и связей между ними, а второй – из ценностной ориентации субъектов социума, их отношения к сосуществующим в нем языковым системам и подсистемам [Швейцер, 1983, с. 31–32]. На основе всего этого языковая ситуация определяется «как модель социально-функционального распределения и иерархии социально-коммуникативных систем и подсистем, сосуществующих и взаимодействующих в пределах данного политико-административного объединения или культурного ареала в тот или иной период, а также социальных установок, которых придерживаются в отношении этих систем и подсистем члены соответствующих языковых коллективов» [Там же, с. 32].

В вопросе типологии языковых ситуаций А.Д. Швейцер вслед за Л.Б. Никольским выделяет экзогlossные и эндогlossные ситуации. При этом первые трактуются как взаимодействие социально-коммуникативных систем разных языков, а вторые как взаимодействие социально-коммуникативных систем одного и того же языка.

В отличие от своего предшественника, в основу типологии языковых ситуаций А.Д. Швейцер закладывает определенные параметры. В первую очередь это – параметры, характеризующие «социальный статус данного языка, варианта,

диалекта, т.е. его положение относительно других языковых систем и подсистем, функционирующих в данном обществе» [Швейцер, 1983, с. 32], а именно официальный (юридический) и фактический статусы исследуемых объектов. Если первый выражается в закреплённости положения языка в законодательном плане, второй определяется совокупностью раскрывающих фактическое положение языка, его варианта или диалекта в обществе признаков, которая складывается из количества и социально-демографических характеристик, говорящих на нем людей, диапазона их функционального использования, наличия билингвизма или диглоссии среди его носителей, степени фактической реализации его официального статуса.

По мнению ученого, при описании языковых ситуаций важно также учесть объем и характер социально значимых функций, которые выполняют компоненты языковой ситуации, что в свою очередь осуществляется посредством определения:

а) степени употребления той или иной коммуникативной системы в определенных сферах жизнедеятельности общества, будь то образование или наука и т.д.;

б) выполняемой ею социально-коммуникативной роли, т.е. масштабов ее функционирования внутри отдельно взятого коллектива или вне его пределов как средства общения на местном, региональном, внутригосударственном и международном уровнях [Там же, с. 33]. На основе всего этого разграничиваются языки-микросредники, которые обслуживают определенные малочисленные социальные группы, и языки-макросредники, которые используются всеми слоями общества во всех или основных сферах общения.

В группу параметров, на основе которых определяются социальные функции языка, А.Д. Швейцер включает так называемые «символические функции», осуществляемые языком, когда он активно вовлечен в общественную жизнь и представляет собой социальный фактор, оказывающий на нее определенное воздействие, а именно объединяющую, выделительную и

престижную. Если объединяющая функция проявляется в консолидации его носителей в рамках единого коллектива, а выделительная – в обособлении одного языкового коллектива среди остальных, то престижная функция истекает из социального престижа, которым наделен язык. По мнению ученого, объединяющая функция в целом характерна для национального литературного языка и с ней тесно связана выделительная функция, так как «объединение той или иной социальной или этнической группы предполагает ее выделение среди других» [Швейцер, 1983, с. 33].

В рассматриваемом списке функций языка А.Д. Швейцер особо выделяет престижную функцию, так как влияние отдельно взятого элемента языковой ситуации на остальные, на группы носителей языка и на социум в большей степени обусловлено его социальным престижем, который складывается из языковых установок членов общества и формирующей их основу ценностной ориентации. Другими словами, он непосредственно представляет собой субъективную сторону рассматриваемой категории, которая раскрывается в престижной иерархии форм существования языка, его различных подсистем и существует наряду с их функционально обусловленной иерархией [Швейцер, 1983, с. 34].

В становлении языковой ситуации в том или ином обществе, по мнению А.Д. Швейцера, важную роль играют и присущие только той или иной языковой системе признаки. В отношении литературного языка сюда относятся разработанная система письменности, количество функциональных стилей, которые отражают реализуемые языком социальные функции и его место в социально-коммуникативной системе, а также степень разработанности и кодификации письменных литературных норм, от которой напрямую зависит бытование литературного языка как эталона [Там же].

Тот факт, что та или иная языковая ситуация складывается в рамках определенного синхронного среза, по мнению А.Д. Швейцера, не обуславливает ее рассмотрение только в статике, так как является в первую очередь результатом

ряда лингвистических и экстралингвистических процессов. Соответственно ее всесторонний анализ подразумевает и их учет, а именно изучение «тенденций изменения соотношения языков, вариантов языка и диалектов в его динамике» [Швейцер, 1983, с. 35], а также «социальных процессов, характерных для данного общества (например, динамика роста населения, миграционных процессов, урбанизации и др.) [Там же].

В коллективной монографии «Функциональная стратификация языка» (1985 г.), посвященной изучению функциональных парадигм различных языков, представляющих собой модели относительно устойчивых для определенных исторических отрезков архисистем, т.е. совокупности форм их существования, языковые идиомы рассматриваются как составляющие языковой ситуации. При этом, по мнению авторов, в условиях многоязычия эти системы могут и не полностью обслуживать коммуникативные потребности социума [Функциональная стратификация языка, 1985, с. 4]. Кроме этого в работе указывается на наличие стабильной связи между форм существования языка и определенными общественными сферами, на детерминированность изменений в структуре и составе функциональной парадигмы языка социально-политическими и духовно-культурными факторами, а также на социальную маркированность отдельных идиомов, которая обнаруживается в их взаимосвязи языковой деятельностью различных социальных слоев [Там же, с. 5–6].

Далее в коллективной монографии «Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация» (2003 г.) такие виды языковой ситуации как диглоссия и полиглоссия трактуются как проявления особенностей речевой практики представителей малых социальных групп, а именно их перехода с одних коммуникативных средств на другие внутри и вне сообществ, к которым они относятся [Современный русский язык..., 2003, с. 27–28].

Отдельные аспекты теории языковой ситуации находят свое отражение и в научных работах по теории и истории литературных языков. В частности, при определении их сущности ученые обращают внимание и на их соотнесенность с

другими идиомами. Так, например, в статье «Современный русский литературный язык» Л.В. Щерба в связи с этим пишет следующее: «Всякое понятие лучше всего выясняется из противоположений, а всем кажется очевидным, что литературный язык прежде всего противопоставляется диалектам. И в общем это верно; однако я думаю, что есть противоположение более глубокое, которое в сущности и обуславливает те, которые кажутся очевидными. Это противоположение литературного и разговорного языков» [Щерба, 1957, с. 115].

По мнению ученого, различие между указанными разновидностями языка в структурном плане проявляется прежде всего в употреблении монологической и диалогической форм построения речи. Определив монолог как организованную систему вербализации мыслей, как первоначальную форму литературного произведения, его соотнесенность с литературным языком Л.В. Щерба объясняет тем, что в процессе построения монологической речи осуществляется обработка и нормализация языковых средств, от которых в свою очередь зависит такие признаки последнего как универсальность и всеобщность. Далее, по мнению ученого, на основе монологической речи происходит и дифференциация литературного языка на функционально-стилевом уровне, так как каждый монолог на практике соотносится с той или иной сферой общения и формируется с учетом ее особенностей, а протекание монолога внутри рамок установившихся форм связывает его со стабильностью и традиционностью литературного языка. В отличие от монологов, в диалогах, с которыми Л.В. Щерба соотносит разговорный язык и которые, как он пишет, представляют собой цепи реплик, не наблюдается употребление свойственных монологической речи сложных предложений, но при этом обнаруживаются выпадения различных звуков, использование непривычных словообразовательных структур, слов, словоформ и словосочетаний, а также отступление от литературных норм [Щерба, 1957, с. 115–116].

А.И. Горшков, по мнению которого изучение общественной природы и сфер функционирования литературного языка обусловлено историческим подходом,

изначально оказавшим положительное влияние на научные исследования в этой области [Горшков, 1983, с. 14–15], так же, как и Л.В. Щерба, под противопоставлением литературного и разговорного языков понимает противопоставление монологического и диалогического форм употребления языка и считает, что оно «не исключает, а, наоборот, предполагает взаимосвязь и взаимодействие разговорного и литературного языков» [Там же, с. 25–26].

По мнению М.М. Гухман и Н.Н. Семенюк, исследования по истории литературных языков в социологическом аспекте должно включать в себя такие моменты как изучение сфер употребления литературного языка в сопоставительном плане с другими языковыми стратами, а также социальных факторов, оказавших влияние на становление норм литературного языка и процессы кодификации, и его социально детерминированных функциональных разновидностей [Гухман, Семенюк, 1969, с. 22]. В дальнейшем данная модель была использована учеными при реконструкции и изучении языковых ситуаций, которые складывались в различные периоды развития немецкого литературного языка [Гухман, Семенюк, 1983, с. 44–48, 74–76, 146–161; Гухман, Семенюк, Бабенко, 1984, с. 12–19, 60–68, 83–93].

Изучению таких видов языковой ситуации как диглоссия и двуязычие в контексте культурной ситуации посвящены работы Б.А. Успенского «Краткий очерк истории русского литературного языка (XI – XIX вв.)» (1994 г.) и «История русского литературного языка (XI – XVII вв.)» (2002 г.). По мнению ученого, «диглоссия представляет собой такой способ сосуществования двух языковых систем в рамках одного языкового коллектива, когда функции этих двух систем находятся в дополнительном распределении, соответствуя функциям одного языка в обычной (недиглоссийной) ситуации» [Успенский, 1994, с. 5]. При этом под сосуществованием языковых систем он имеет в виду соотношение книжной и некнижной систем, а не литературного языка и диалекта. Двуязычие же, как пишет Б.А. Успенский, – это функционирование внутри одного социума двух равных по своим правам и выполняющих одни и те же функции языков, что в

свою очередь предопределяет его избыточность и переходность. Другими словами, дублирование одного языка функций второго, приводит к тому, что со временем он или вытеснит его из употребления, или же они сольются друг с другом в определенных формах. В противоположность данному виду языковой ситуации диглоссия характеризуется своей стабильностью и сбалансированностью в функциональном плане, поэтому может сохраняться в течение очень долгого времени [Успенский, 1994, с. 6].

Языковые ситуации, которые складывались в татарском обществе в различные периоды его развития, в том числе во второй половине XIX – начале XX вв., в основном рассматриваются в работах по истории татарского литературного языка. Первые комментарии относительно ее характера в изучаемый период можно встретить в трудах ученых-современников. Так, например, преподавателем Неплюевского кадетского корпуса М. Ивановым было высказано мнение о бытовании татарского языка в этот период в разговорной и письменно-книжной формах [Иванов, 1842, с. 3], а языковед и педагог-просветитель С. Кукляшев указал на то, что его языковая форма функционировала в трех видах – в простом, деловом и научном [Кукляшев, 1859, с. 3].

Далее в сборнике «Материалы к изучению Казанско-татарского наречия. Ч.1. Образцы книжной и устной литературы казанских татар» (1898 г.) профессором Императорского Казанского университета и Казанской духовной академии Н.Ф. Катановым отмечается использование представителями татарской интеллигенции в своей научной и профессиональной деятельности наряду с татарским языком и других, а именно турецкого, арабского и персидского [Катанов, 1898, с. 4]. Тем самым ученым указывается на экзоглоссный характер языковой ситуации, на который обращает внимание и Н.И. Ашмарин в своей работе «Очерк литературной деятельности казанских татар-мохаммедан за 1880 – 1895 гг.» (1901 г.). В частности, он пишет о засилье в книжной речи татар арабо-персидских заимствований, которые, по его мнению, только мешают достижению в ней изящества и толковости, о смешанном характере татарского литературного

языка в этот период, а также об употреблении различными авторами в процессе своего творчества различных языков [Ашмарин, 1901, с. 1].

Более подробную характеристику языковой ситуации, сложившейся в татарском обществе во второй половине XIX – начале XX вв. можно увидеть в статье писателя, лингвиста и общественного деятеля Г. Ибрагимова «Яна әдәби татар теленең беренче баскычларында» («На первых ступенях нового литературного татарского языка») (1922 г.), написанной им касательно научной деятельности мыслителя-просветителя и общественного деятеля К. Насыри. Так, по мнению автора, литературный язык у татар формировался под влиянием чагатайского – средневекового среднеазиатско-тюркского письменного литературного языка, и османского (староосманского, османско-турецкого) – государственного языка Османской империи, отличительной чертой которых является проникновение в их структуру в большом количестве лексических единиц, грамматических форм и конструкций арабо-персидского происхождения. По мнению автора, следы их влияния прослеживаются вплоть до произведений писателей-просветителей – современников К. Насыри. В статье также указывается на то, что большинство трудов другого выдающегося татарского мыслителя-просветителя и общественного деятеля XIX в. Ш. Марджани написано на арабском языке. Кроме этого автор в статье раскрывает и свою позицию относительно разгоревшихся в среде татарской интеллигенции в начале XX в. языковых споров, которые в основном были направлены к решению вопроса о дальнейших путях развития татарского литературного языка. В этом плане он, как и К. Насыри, был сторонником употребления в качестве названия татарского народа и его языка лексической единицы «татар» вместо традиционных «төрки», «төрөк» и «мөселман», а также придерживался мнения о том, что литературный язык в дальнейшем должен развиваться на основе собственно татарского народно-разговорного языка, а не употреблявшегося татарами до начала XX в. в качестве книжно-письменного языка старотатарского (тюрки) или османского [Ибрагимов, 2019, с. 141–150].

О состоянии и тенденциях развития татарского литературного языка в начале XX в. на примере языковых особенностей, издававшихся в этот период газет, говорится и в статье Дж. Валиди «Телебезнең үсү тарихыннан» («Из истории развития нашего языка») (1928 г.) [Вәлидов, 2007, с. 159–163].

В статье Х. Бадиги «Татар әдәби теленең барышы» («Развитие татарского литературного языка») (1930 г.) особенности эволюции татарского литературного языка в функциональном и социальном аспектах, влияние других языков на его становление и развитие, языковые установки представителей татарского общества рассматриваются по хронологии, в которой он выделяет три этапа: литературный язык эпохи феодализма, литературный язык буржуазно-националистической эпохи и литературный язык после Октябрьской революции [Хужа Бәдигый, 2021, с. 158–163]. Несмотря на сжатый характер анализа и его предопределенность идеологическими факторами современности, работа примечательна тем, что в ней впервые в татарском языкознании социолингвистические проблемы рассматриваются в диахронии.

В работах Г. Толымбайского «Tatar burzua tle – bzneñ tel tğel» («Татарский буржуазный язык – не наш язык») (1931 г.) и Ш. Рамазанова «Татар теле буенча очерклар» («Очерки по татарскому языку») (1954 г.) состояние татарского языка во второй половине XIX – начале XX вв., в частности его письменной литературной формы, также характеризуется с точки зрения так называемой «вульгарной социологии», что проявляется в установлении прямых корреляций между функциональными разновидностями старотатарского литературного языка и социальными группами [Tolmbajski, 1931, b. 75–76; Рамазанов, 1954, с. 100].

Отдельные проблемы теории языковой ситуации, а именно вопросы изучения социальной детерминированности становления и развития татарского языка, соотношения письменной разновидности его литературной формы с живой народной речью находят свое отражение и в очерке Ф.С. Фасеева, который был включен в составленный сотрудниками Казанского института, языка и истории АН СССР в 1966 г. «Татарско-русский словарь» [Фасеев, 1966, с. 809–810].

Далее в сборнике «Старотатарская деловая письменность», в котором исследуются образцы делового письма времен Крестьянской войны 1773 – 1775 гг., ученым рассматриваются социально-исторические, политические и экономические предпосылки употребления татарского языка в сфере делопроизводства. Кроме этого определяется этноязыковой статус оформленных старотатарским письмом деловых актов, особенности функционально-стилистической дифференциации старотатарского языка и его взаимодействия с общеразговорным татарским койне [Старотатарская деловая письменность, 1981, с. 3–45].

Характер языковой ситуации, которая сложилась на территории Поволжья в XIII – XIV вв., а именно особенности функционирования разновидностей письменного литературного языка этого периода, для обозначения которого в научной литературе традиционно используется термин «поволжский тюрки», раскрывается Э.Р. Тенишевым в работе «О языке поэмы «Кысса-и Йусуф» Кул Гали» (1986 г.). По его мнению, они являются не чем иным как региональными вариантами старотатарского литературного языка, а указанное произведение написано на одном из них [Тенишев, 1986, с. 274–275].

Далее в статье «Принципы составления исторических грамматик и истории литературных языков» (1988 г.) ученым при изучении различных периодов развития литературных языков отмечается также необходимость освещения наряду с языковыми обстоятельствами и таких экстралингвистических факторов как историческая, культурная и языковая ситуации, а именно «феодальной и средневековой городской или кочевой – степной культуры, конфессиональной ситуации, роль отдельных орденов и монастырей, больших городов, исторических движений и событий, деятельности поэтов, писателей, ученых и общественных лиц» [Тенишев, 1988, с. 73].

Исторические и социальные предпосылки функционирования старотатарского литературного языка на территории Поволжья и особенности сложившейся здесь языковой ситуации в эпоху Волжской Булгарии в обобщенной

форме рассматриваются в работе М.З. Закиева, посвященной изучению языка произведения поэта Кул Гали «Кыйссаи Йосыф» («Сказание о Йусуфе», 1233 г.) [Закиев, 1986, с. 108–119]. Следует отметить, что результаты проведенного ученым анализа в определенных моментах также не лишены идеологической окрашенности. Так, например, изобилие в письменном литературном языке арабских и персидских заимствований, а также древнетюркских архаических форм ученый объясняет тем, «что в условиях феодализма он служил в основном феодалам и мусульманскому духовенству» [Там же, с. 111].

Далее в статье «Введение: койне, традиционные нормы, старотатарский и современный татарский литературные языки» (1988 г.), в котором анализируются исторические предпосылки становления и развития койне и литературного языка, особенности их взаимодействия, М.З. Закиевым в общих чертах раскрывается механизм детерминирующего воздействия социальных факторов на языковые процессы. При этом и в данной работе при трактовке социальной природы языковых процессов наблюдаются влияние тенденций так называемой вульгарной социологии. В частности, время формирования сельского койне у татар ученый относит к эпохе феодализма, а городского койне – с периодом становления капиталистических отношений [Закиев, 1988, с. 6–7].

В монографии «Татар эдэби теленең барлыкка килүе һәм үсеше» («Образование и развитие татарского национального литературного языка») (1972 г.) В.Х. Хаков анализирует языковую ситуацию, которая сложилась в татарском обществе во второй половине XIX – начале XX вв. Однако, как полученные ученым результаты, так и примененная им методология в силу влияния идеологических факторов характеризуются своей односторонностью. Так, например, засилье арабо-персидских заимствований в старотатарском литературном языке и различия, существовавшие между ним и народно-разговорным языком, ученый, как и его предшественники, объясняет как результат отрицательных воздействий противоречий капиталистического общества, а возникновение различных течений в литературном языке, как

следствие деятельности представителей отдельных социальных групп и их идеологических ориентаций [Хаков, 1972, с. 50–69].

Языковые ситуации, которые складывались в татарском обществе в различные исторические эпохи, В.Х. Хаковым в общих чертах характеризуются и в его работах «Татар әдәби теле тарихы» («История татарского литературного языка») (1993 г.) и «Тел – тарих көзгесе» («Язык – зеркало истории») (2003 г.), посвященных изучению истории становления и развития письменных норм татарского литературного языка. В частности, ученым отмечается, что основы указанной идиомы и его функциональных стилей формируется в эпоху Волжской Булгарии и Золотой Орды на основе общетюркских традиций и диалектов болгарских и кыпчакских племен, и что уже в этот период предками современных татар в качестве языка науки использовались также арабский и персидский языки [Хаков, 1993, с. 22–24, 42–45; Хаков, 2003, с. 36–43; 54–56]. Кроме этого рассматриваются также особенности функционирования татарского языка и взаимодействия его письменных и разговорных форм в таких сферах как художественная литература, делопроизводство и наука.

Вопросы, касающиеся реконструкции форм существования языка и изучения их взаимодействия друг с другом и с другими языками, т.е. языковой ситуации, исследуются в монографиях и научных статьях Ф.С. Хакимзянова, посвященных изучению языковых особенностей эпиграфических памятников эпохи Волжской Булгарии и истоков татарского литературного языка [Хакимзянов, 1978, с. 15–22; Хакимзянов, 1983, с. 3–24; Хакимзянов, 1985, с. 76–89; Хакимзянов, 1987, с. 5–13; Хакимзянов, 1988, с. 78–81; Хакимзянов, 1991, с. 28–37]. По мнению ученого, сложность языковой ситуации в указанном государстве была обусловлена тем, что на его территории наряду с различными тюркскими племенами проживали и другие народы, а именно финно-угорские и славянские [Хакимзянов 1987, с. 9]. Следует отметить, что, несмотря на недостаточность письменных источников, ему все же удалось в общих чертах восстановить сложившуюся в этот исторический период языковую ситуацию. Так, например, он

считает, что язык надгробных плит не является отражением разговорного языка волжских булгар, а представляет собой язык, который сохранил свои архаичные черты и использовался только в ритуальном письме надмогильных плит, т.е. выдвигает мнение о существовании особой формы (тюркского) литературного языка в эпоху Волжской Булгарии [Хакимянов 1978, с. 3]. Далее, поставив вопрос о характере литературного языка Волжской Булгарии в домонгольское время, он отмечает бесспорность применения арабского языка в качестве языка религии и науки, а также существования книжно-письменного языка традиционных литературных жанров, нашедших свое отражение в поэме Кул Гали «Кыйссаи Йосыф» («Сказание о Йусуфе», 1233 г.) [Хакимянов 1987, с. 12–13].

В статье «Некоторые аспекты источниковой базы истории литературных языков» (1988 г.) И.А. Абдуллин в процессе изучения языковых особенностей произведений того или иного автора наряду с другими моментами отмечается также необходимость учета его идейно-художественной концепции. Именно влиянием данного во многом субъективно обусловленного фактора он объясняет тот факт, что такие известные представители татарской литературы начала XX в. как поэт Г. Тукай и писатель Ф. Карими на начальном этапе своего творчества писали на языке близком к османскому [Абдуллин, 1988, с. 84].

Исследуя язык путевых заметок (сэяхетнамэ) А.Х. Алеева указывает в нем сосуществование двух тенденций: следование классическим литературно-письменным традициям старотатарского языка того времени и использование фактов живого народно-разговорного языка [Алеева, 1987, с. 92; Алеева, 1988, с. 39; Алеева 1993, с. 103].

В исследованиях Ф.М. Хисамовой, посвященных изучению особенностей функционирования татарского языка в сфере делопроизводства, а именно в текстах деловой письменности XVI – XVIII вв. анализируется соотношение в документах традиционных черт письменного литературного языка с народно-разговорными формами. Кроме этого в общих чертах воссоздается также

функциональная парадигма татарского языка и его функционально-стилистическая система в указанный период [Хисамова, 1991, с. 62–66, 70–76; Хисамова, 1999, с. 24–29; 37–46].

В своих статьях, в которых исследуется язык произведений татарских классиков начала XX в., И.Б. Баширова отмечает тот факт, что, несмотря на изменение языковой ситуации, писатели и поэты все же продолжали писать на традиционном литературном языке, в определенной степени чередуя арабские, персидские, турецко-османские лексические единицы, а также древнетюркские традиционные формы с общенародно-разговорными вариантами [Баширова, 1987, с. 95; Баширова, 1988, с. 113; Баширова, 1990, с. 134].

По мнению ученого, данное явление было обусловлено тем, какому именно читателю тот или иной автор адресовывал свое произведение. Если он писал для простого читателя, для своего односельчанина, тогда в его произведении преобладали элементы народно-разговорного языка, а когда планировал выход на общетюркскую сцену, он больше прибегал к традиционному письменному литературному языку, который в основной своей части был понятен для многих тюркских народов [Баширова, 1991, с. 100–103; Баширова, 2008, с. 4–5].

Отдельные аспекты теории языковой ситуации, в частности соотношение письменного литературного и народно-разговорного форм существования языка, насыщенность языка поэтических произведений арабо-персидскими заимствованиями, функционирование письменного литературного языка в различных вариантах И.Б. Башировой рассматриваются также в монографии, в которой анализируется состояние изученности в татарской филологии таких определяющих сущность литературного языка признаков как наддиалектность, традиционность, обработанность, нормированность, вариативность нормы и функционально-стилистическая дифференциация [Баширова, 2012, с. 12–14; 45–49; 58–60; 68–72].

Далее, в статье, посвященной изучению особенностей употребления глагольных форм в произведениях татарских писателей-просветителей второй

половины XIX – начала XX вв. наблюдаемую в них пестроту в языковом отношении М.Г. Мухаммадиев объясняет сложным характером языковой ситуации, а именно процессом становления современных языковых норм [Мөхәммәдиев, 1982]. Неоднородный характер татарского литературного языка в указанный период и его функционирование в различных письменных вариантах отмечается и в научных статьях Х.Р. Курбатова [Курбатов, 1987; 1992].

Кроме этого языковая ситуация эпохи Золотой Орды во взаимосвязи с экстралингвистическими факторами рассматривается в работах Ф.Ш. Нуриевой [Нуриева, 1993; 1999; 2004], посвященных изучению письменных памятников, исторических и лингвистических условий формирования тюрко-татарского литературного языка этого периода.

В монографии А.Р. Исхаковой «“Кысас ал-анбия” Насреддина Рабгузи» в общих чертах прослеживается связь между распространенным в средние века на территории Поволжья литературным языком «тюрки» и нашедшим свое отражение в древнетюркских рунических письменных памятниках койне, древнеуйгурским языком и литературным языком караханидского периода [Исхакова, 2005, с. 10–12]. Сложный характер языковой ситуации эпохи Золотой Орды посредством анализа научных трудов других ученых-тюркологов, в частности Э.Н. Наджипа [Наджип, 1975; 1976; 1989], раскрывается в работе Г.Ф. Гайнуллиной «Морфологические особенности поэмы Кутба “Хосров и Ширин” (XIV в.)» [Гайнуллина, 2010, с. 10–11].

В статье и монографии Э.Х. Кадировой (Вафиной) [Вафина, 1985; Кадирова, 2001], посвященных изучению поэм автора эпохи Казанского ханства Мухаммедьяра, посредством анализа зарегистрированной в них лексики определяется взаимосвязь между языком произведений поэта и современным татарским литературным языком, а также диалектами.

Соотношение стротатарских письменных норм и традиций с народно-разговорными формами в языке поэтических произведений поэта XIX в. Ш. Заки, которое во многом было обусловлено сложным характером сложившейся в

татарском обществе в конце XVIII – начале XIX вв. культурно-исторической и языковой ситуации, анализируется в монографии А.Ф. Юсупова [Юсупов, 2006, с. 4–7], а в другой его работе раскрываются закономерности функционирования арабских и персидских грамматических элементов в языке татарской поэзии XIX века [Юсупов, 2018, с. 182–187].

Языковая ситуация, которая сложилась в татарском обществе в конце XIX – начале XX вв., а также функциональная дифференциация татарского литературного языка в этот период рассматриваются в работах Б.К. Миннуллина [Миннуллин, 2010; 2012; 2019], посвященных изучению языковых особенностей татарских газетных текстов начала XX века. В частности, он обращает внимание на такие особенности старотатарского письменного литературного языка, как насыщенность арабскими, персидскими, османскими заимствованиями, и функционирование в различных вариантах, а также исторические, общественные и культурные факторы его становления и развития [Миннуллин, 2012, с. 11–56; Миннуллин, 2019, с. 40–52].

Соотношение старотатарского литературного языка с древнетюркским, древнеуйгурским, караханидско-уйгурским языками, диалектами болгарских, кыпчакских и огузских племен, с общенародно-разговорным языком, а также социально-культурные факторы его функционирования в различные периоды в рамках реконструкции процессов его норм и традиций исследуются и в первом томе коллективной монографии «Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр – XX йөз башы)» [Татар әдәби теле тарихы..., 2015].

Таким образом, в основу исследований, направленных на разработку проблем теории языковой ситуации, изначально, наряду с определением ее количественных характеристик, в частности совокупности взаимодействующих в рамках определенного социума, государства или географического ареала языков и их носителей, было положено также и изучение качественных составляющих рассматриваемой категории, а именно условий функционирования языков и субъективной позиции членов социума в отношении их. В дальнейшем научные

изыскания в этой области были дополнены анализом социальных статусов и функционального потенциала языков и их идиом. На этой основе были установлены классификационные признаки языковых ситуаций и определены их основные типы.

В целом, как показывает анализ работ татарских ученых, в которых затрагиваются проблемы теории языковой ситуации, в них основным объектом исследования выступает литературная форма существования татарского языка, в частности особенности его употребления в сферах художественной литературы, массовой информации, отчасти науки и делопроизводства, а также исторические и культурные предпосылки становления и развития старотатарского литературного языка. При этом изучение функционирования данного идиома в различных социальных средах и таких сферах как хозяйственная и общественно-политическая деятельность, быт, организованное обучение, его соотношения в них с разговорными формами все еще остается одной из актуальных задач современного татарского языкознания. Исходя из этого в рамках настоящего диссертационного исследования для характеристики языковой ситуации, сложившейся в татарском обществе во второй половине XIX – начале XX вв., предлагается следующий алгоритм действий, который включает в себя:

- 1) анализ социальных условий функционирования татарского языка в указанном синхронном срезе;
- 2) реконструкция функциональной парадигмы татарского языка и определение социальных субстратов его идиомов;
- 3) характеристика сред и сфер употребления татарского языка в рассматриваемый период.

1.2. Социальные условия развития языка татарского языка во второй половине XIX – начале XX вв.

В современном языкознании уже давно утвердилось мнение о том, что детерминированность языковых процессов с происходящими в обществе

изменениями, связано прежде всего с сущностью самого языка, как общественного явления [Общее языкознание..., 1970, с. 418; Дешериев, 1977, с. 127]. Другими словами, исследование социальных условий развития языка, относится к сфере разработки одного из фундаментальных проблем социолингвистики, а именно изучения взаимосвязей между развитием общества и эволюцией языка [Леонова, 2011, с. 26].

Во второй половине XIX – начале XX вв. татары в плане национального, общественного, социально-экономического и культурного развития представляли собой этническую общность своего рода промежуточного характера, в которой патриархальность, а именно неукоснительное соблюдение старых традиций и противодействие всякого рода нововведениям, переплеталась с реформистскими настроениями. В первую очередь это проявлялось в процессах этнического характера. Рассматриваемый период, учеными характеризуется как время усиления среди татар самоидентификационных настроений в плане национального самоопределения. Несмотря на дисперсный характер проживания в инокультурном окружении среди других народов империи, они все больше начинают позиционировать себя как единое самостоятельное этническое сообщество, что нашло свое отражение и в постепенном отказе от употребления в качестве эндоэтнонимов лексических единиц «тюрки» и «мусульмане» (см.: *Казан төркиләре, Казан мөселманнары*), бытовавших в силу определенных культурно-исторических факторов, и их замене лексемой «татары». При этом формированию общеэтнического менталитета среди татар способствовало прежде всего наличие самобытной культуры, основа которой сложилась в результате взаимопроникновения исламских и народных мировоззренческих установок, духовных ценностей, норм и традиций [Юзеев, 2002, с. 27–28; Загидуллин, 2014, с. 4–5].

В политическом плане татары в рассматриваемый период, несмотря на потерю основных институтов государственности, на общественных началах все же продолжали поддерживать системы религиозных (мечети) и образовательных

учреждений (медресе). Здесь своего рода проявлением духовно-культурной автономии можно считать и деятельность учрежденного в 1788 г. Оренбургского магометанского собрания, которым пусть и под контролем царской администрации руководил избираемый мусульманами муфтий. Далее татары в рамках реализации политики экономической и политической интеграции казахских жузов и среднеазиатских ханств с империей активно привлекались царской администрацией в качестве посредников в дипломатических и торговых делах в силу их близости в историческом, духовном, религиозном и культурном планах с местным населением.

В этот период в результате распространения новых экономических отношений начинает складываться национальный капитал, который татарскими деловыми кругами нередко инвестировался в промышленное производство, что в свою очередь привело в их среде, а также у мещан и крестьян, занимавшихся предпринимательской деятельностью и мелкой торговлей, к развитию кредитно-финансовых отношений. В условиях новой конъюнктуры развивается и транспортная инфраструктура, появляются новые средства передвижения, в частности пароходы и поезда, которыми наряду с другими народами империи пользовались и татары.

Несостоятельность татарских мурз как социальной группы, способной хоть как-то повлиять на ход общественно-политических, экономических и культурных событий, а также излишний традиционализм духовенства в результате привели к замедлению развития татарского социума в светском направлении и усилению религиозного дискурса в общественной и культурной жизни татар [Татарские мурзы и дворяне..., 2010, с. 7]. Однако повседневные контакты с представителями различных культур, обусловленные прежде всего проживанием в городе, стимулировали татар все больше приобщиться к общероссийским социокультурным реалиям, а через их посредство и к общеевропейским ценностям. Это в свою очередь побудило в обществе трансформации секуляризационного характера, которые усилило также введение в 1874 году

воинской повинности, согласно которой на службу в армию в обязательном порядке призывались представители всех сословий. 6–7 летний срок пребывания в войсках – в иных жизненных условиях, которые существенно отличались от прежних, безусловно накладывал свой отпечаток в мировоззрении молодых парней. Домой они возвращались уже другими людьми, увидевшими мир, вкусившими другую культуру, овладевшими в той или иной степени русским языком, что в дальнейшем могло пригодиться им в управлении торговых и хозяйственных дел [Загидуллин, 2014, с. 6].

Необходимость перемен больше всех осознавали сосредоточенные в основном в полисах татарские буржуа, которые, будучи элитой нации, в определенной степени чувствовали за собой ответственность за ее будущее и впоследствии способствовали формированию благоприятной почвы для реализации указанных выше процессов. В первую очередь это проявилось в содействии развитию новой образовательной системы путем привлечения к этому делу самых образованных и уважаемых представителей духовенства, что, хотя и благоприятствовало сохранению исконных традиций и ценностей внутри общины, а также противостоянию различного рода воздействиям ассимиляционного характера со стороны других культурных сообществ, в конечном счете все же приводило к конфронтации между прогрессивными представителями деловых кругов и интеллигенции нового поколения и сторонниками традиционализма.

Одним из факторов, способствовавших распространению среди татар идей просветительства, положивших начало переменам в системе их мировоззренческих взглядов и установок, характеризовавшейся до этого многовековым доминированием религиозного составляющего, стало открытие в Казани университета в 1804 г., который очень скоро стал своего рода центром, оказывающим существенное влияние на общественно-политическую, культурную и научную жизнь края. В 1807 г. в нем открываются кафедры восточных языков, в рамках деятельности которой наряду с другими начинается также изучение и преподавание татарского языка, что в свою очередь способствовало печатанию за

счет казенных денег, а при его отсутствии за счет собственных средств профессорско-преподавательского состава книг на татарском языке, в частности словарей, учебников, хрестоматий, научных публикаций исторических трудов и литературных произведений татарских авторов, подготовленных учеными учебного заведения [Каримуллин, 1983, с. 45].

В деятельности Казанского университета принимали участие и татары. Так, например, в 1823 г. в должности был утвержден первый татарский адъюнкт-профессор восточной словесности Ибрагим Хальфин (1778 – 1829 гг.), который еще в 1800 г. был принят на работу в качестве учителя татарского языка в Казанскую гимназию, а после открытия университета начал работать в нем лектором по татарскому языку. Преподавательскую деятельность он успешно совмещал с научной: в 1804 г. выходит в свет его «Азбука и этимология татарского языка», которая в 1809 г. переиздается под новым названием «Азбука и грамматика татарского языка с правилами арабского чтения», в 1819 г. публикуется «Татарская хрестоматия» ученого. Им к печати готовятся также исторические труды, трактаты по медицине, древние рукописи тюркских и татарских авторов. Тем самым он положил начало делу издания старотатарских письменных источников [История татар..., т. VI, 2013, с. 745–746].

Своей деятельностью ученые-востоковеды Казани внесли неоценимый вклад и в становление татароведения. Так, например, в 1852 г. в «Казанских губернских ведомостях» печатается труд одного из первых татарских источниковедов Абдюша Вагапова (1814 – 1876 гг.) «Татарские сказания о взятии Булгара Тимуром». В том же году выходит в свет его «Русско-татарская азбука» (1852 г.), а в 1867 г. «Самоучитель для русских по-татарски и для татар по-русски». До этого в 1842 г. издаются «Татарская грамматика» и «Татарская хрестоматия» преподавателя татарского и персидского языков, переводчика Мартиниана Иванова (1812 – ?), а в 1859 г. «Диване хикэйте татар» («Татарская хрестоматия») и «Словарь к татарской хрестоматии» его сокурсника и выпускника Восточного разряда Казанского университета, преподавателя

арабского и персидского языков Салихджана Кукляшева (1811 – 1864 гг.). В работе статского советника и каллиграфа, преподавателя татарского, арабского и персидского языков Мухаммадгали Махмудова (1824 – 1891 гг.) «Практическое руководство к изучению татарского языка» (1857 г.) наряду с языковым материалом даются также сведения и по устному народному творчеству, обычаям и быту татарского народа [История татар..., т. VI, 2013, с. 746–748].

Здесь особо следует отметить научную деятельность ученого-востоковеда, историка, лингвиста, преподавателя татарского и турецкого языков Хусаина Фаизханова (1828 – 1866 гг.), который в свое время проделал огромную работу по выявлению в фондах Московского главного архива Министерства иностранных дел дипломатических грамот крымских ханов и их систематизации, а также по изучению татарских эпиграфических памятников в г. Касимове. В 1862 г. издается его учебник «Татар теленең кыскача уку грамматикасы» («Краткая учебная грамматика татарского языка»). Наряду с этим он занимался сбором, переписыванием и переводом восточных манускриптов, исторических сочинений и документов, подготовкой рукописи собрания своих научных сочинений, в котором были собраны работа о реформировании образовательной системы у татар «Ислахи мадарис», трактат историко-публицистической направленности «Рисалә» («Сочинение»), исторические труды «Казан тарихы» («Казанское ханство») и «Касимовский ханлыгы» («Касимовское ханство») и исследование по описанию памятников эпиграфики древних булгар [Хөсәен Фәезханов, 2006, с. 694–695].

В XIX в. в типографиях Казани и других российских городов начинается массовое издание книг на татарском языке. Вместе с произведениями религиозного содержания печатались также исторические и литературные сочинения. Так в 1822 г. И. Хальфином издается рукопись XVII в. «Дастане Чынгыз-хан вә Аксак-Тимер» («Сказание о Чингиз-хане и Аксак-Тимуре»), а в 1839 г. подготовленный Утыз Имяни (1754 – 1834 гг.) сводный научно-

критический текст поэмы Кул Гали «Кыйссаи Йосыф» («Сказание о Йусуфе», 1233 г.) [Гайнуллин, 1975, с. 14, 17].

Открытие Казанского университета, деятельность его ученых в научно-просветительской сфере, в том числе и по изучению духовно-культурного наследия татарского народа, инициативы татарских буржуа на социальном поприще, формирование широкой полиграфической сети, при помощи которой удовлетворялась потребность всей российской уммы в печатной продукции, сотрудничество татарских просветителей в определенных сферах с российскими научными и общественными кругами утвердило за Казанью, хотя и неофициального, статуса культурно-просветительского центра мусульман Поволжья, Приуралья и Сибири.

До конца XIX в. образовательная система у татар характеризовалась своей схоластической направленностью. Центральное место в ней занимало медресе – общеобразовательное заведение среднего уровня, которое возникло в странах исламского мира еще на заре средних веков. Обучение в нем на протяжении многих лет строилось в основном только на изучении мусульманского права, которое в дальнейшем дополнилось и другими предметами теологического, этического, логического и риторического характера.

В дальнейшем данная образовательная система в силу определенных исторических событий пришла в упадок. При этом отсутствие какого-либо центра, который направлял бы возрожденческие инициативы в этой сфере в соответствующие русла, натолкнуло их зачинателей действовать на свое усмотрение, что сделало определяющей роль отдельных лиц в деле восстановления и развития образования. В основном это были люди, которые по возвращении к себе домой после долгих лет постижения наук в известных своей схоластической направленностью учебных заведениях Бухары и Самарканда на примере прежних наставников основывали собственные медресе и практиковали освоенную у них же педагогическую технологию. Деятельность этих учителей-мударрисов, внесших большую лепту в дело распространения в регионах

исторического проживания татар знаний, составляющих основу классического исламоведения, в свое время была высоко оценена видными представителями татарского просветительства [Мәржани, 1989, с. 243–244; Фәхреддин, 2006, с. 19, 53–54, 75].

Медресе появлялись по инициативе самих представителей общины, в большинстве случаев торговых и деловых кругов, а также духовенства, и содержались на их деньги в виде пожертвований. Ввиду того, что приобщение молодого поколения к основам и канонам религии издревле входило в круг обязанностей муллы, какого-либо разрешения на их открытие не требовалось. При этом объем знаний, которые должны были приобрести дети, также официально не регламентировался и устанавливался открывшим учебное заведение религиозным служителем исходя из уровня его познаний и на основе тех книг, которыми он располагал. Занятия проводились в доме муллы, или специально отведенных для этого в мечетях помещениях.

Будучи лишенными изначально статуса государственных учебных заведений, мусульманские учебные заведения не имели в своем распоряжении единых, утвержденных на официальном уровне образовательных программ и курсов. Все это, как уже было сказано выше, определялось муллой, который строил обучение детей на собственных знаниях. Отсутствовало также разделение на классы, основанное на освоение какого-либо курса. Все зависело от усвоения той или иной книги, что считалось переходом на другой уровень. У разных шакирдов на это и на прохождение всего обучения в медресе уходило разное время, что больше зависело от их индивидуальных способностей и достижений, чем от самого учителя.

Отсутствие официального статуса лишало мектебов и медресе и финансирования со стороны государства. Поэтому в материальном плане они поддерживались исключительно силами самих прихожан. Этим во многом и объясняется то состояние дел, которое наблюдалось во многих мусульманских школах, а именно отсутствие каких-либо атрибутов школьной атмосферы – доски,

парт, формы, наглядных пособий и средств обучения и т.д. Однако такая форма материального обеспечения давала возможность татарам содержать довольно обширную образовательную сеть [История татар..., т. VI, 2013, с. 797–798].

Со временем становилось все более ясным бесполезность получаемых в стенах медресе знаний в хозяйственной сфере и некоторые мударриссы и хальфы, пусть и постепенно, но все же начинали проникаться идеями прогресса. Это подталкивало их вводить в образовательный процесс ряд изменений, а именно переход в обучение на татарском языке, введение в программу таких предметов как русский язык, арифметика, география и т.д. Под влиянием новых экономических условий, которые поставили на повестку дня вопрос подготовки национальных кадров, освоивших более применимые в сельском хозяйстве, промышленности и торговле светские знания, реформистские настроения усилились еще больше. В период реформ (1861 – 1905 гг.), имевших своей целью модернизацию и индустриализацию отсталой во многих отраслях от европейских держав царской России, соответствующие изменения происходили и в татарском социуме, которые привели к критическому осмыслению устоявшихся и казавшихся к тому же незыблемыми в силу освещенности духовно-религиозными авторитетами ценностей. В период становления крупного торгово-промышленного капитала, необходимость возрождения в духовном и культурном планах, метаморфоз буржуазного характера стала все больше восприниматься как насущная проблема, решение которой больше не могло терпеть отлагательств. В целом, обновленческое движение в сфере образования и других областях, так называемый джадидизм (жэдитчелек), было продиктовано потребностями молодой татарской буржуазии, которая нуждалась в развитии своего «предприятия» путем вложения определенных средств, повышения уровня жизни простого обывателя, его покупательной способности, в переоценке широкими массами своего отношения к западноевропейскому образу жизни, в увеличении количества квалифицированных специалистов для ведения дел в различных сферах хозяйственной, научной и культурной деятельности. И все это

осуществлялось изнутри, что указывает на национальный характер новаторского движения среди татар.

Существенный вклад в дело просвещения тюркско-мусульманских народов Российской империи, внес известный крымско-татарский общественный и политический деятель, просветитель, педагог, издатель И. Гаспринский (1851 – 1914 гг.), который выступил главным архитектором идеологии просветительского движения, основные положения и принципы которой до общественности доводились посредством выпускаемой им же газеты «Тәржеман» («Переводчик»). Свою деятельность в сфере образования И. Гаспринский начал с внедрения в начальную школу нового метода преподавания (ысуле жәдид), под которым подразумевалось обучение детей грамоте на основе особенностей звукового строя родного языка (звуковой метод). До этого они учились читать и писать путем заучивания названий арабских букв, сложения из них слогов и слов (буквослагательный метод). Кроме этого, в программы начальных школ вводилось преподавание основ таких предметов светского характера как арифметика, география, история и т.д.

Старания И. Гаспринского начали давать свои результаты уже в конце 80-х – 90-х гг. XIX в. в различных уголках империи, в которых проживали тюрки-мусульмане, в том числе и у татар, начинают открываться модернизированные начальные школы. В них применялся не только новый метод обучения грамоте, но и современные формы и содержания образовательного и воспитательного процесса. Так, например, под патронажем братьев Ахмеда и Габдельгани Хусаиновых в 1893 – 1902 гг. было открыто порядка 100 начальных учебных заведений нового типа для мальчиков и свыше 20 для девочек. Параллельно с открытием новых школ и их материально-техническим оснащением, шла работа и по кадровому обеспечению: татарскими меценатами финансировались также расходы по подготовке учителей, их дальнейшему трудоустройству и выплате им жалованья [История татар..., т. VI, 2013, с. 808].

Установление новой образовательной системы в татарском социуме продолжалось около двух десятилетий. В дальнейшем в годы Первой русской революции происходило ее дальнейшее развитие: появляются новые учебники и учебные планы, учителя-мугаллимы нового поколения, расширяется сеть новометодных учебных заведений. Учебные заведения, открытые в этот период, представляли собой школы промежуточного характера различных ступеней. В большинстве из них образование в полном объеме было конфессиональным. Разница от традиционных медресе заключалась лишь в обучении грамоте посредством звукового метода, который обеспечивал ускорение процесса обучения в несколько раз. Кроме этого в некоторых из них практиковалось деление на классы исходя из названий книг, используемых в образовательном процессе. Появление этих школ ознаменовало собой начало отказа от полностью конфессионально ориентированного образования. Обучение чтению и письму за короткие сроки, понимание смысла прочитанного текста, составленного на более близком родном языке, а не на непонятном арабском – все это способствовало появлению у детей тяги к учебе, стимулировало их двигаться вперед, будоражило их умы. Таких школ было сотни.

На следующей ступени стояли школы, в которых имело место преподавание начал таких светских предметов как чтение и письмо на татарском и русском языках, арифметика, география, история и т.д., которые внедрялись за счет дисциплин теологического характера. Чтобы предотвратить возникновение недовольства у населения, которое в основной своей массе воспринимало медресе в качестве духовно-религиозных центров, они вводились в программу обучения постепенно. В школах такого рода, к числу которых относились Апанаевское медресе, медресе «Амирхания» и «Марджания» в г. Казань, медресе «Расулия» и «Ахмадия», расположенные в г. Троицк, Уфимское медресе «Усмания», медресе Мунира Хади в г. Челябинске, 4 медресе Каргалинской слободы в Оренбургской губернии, медресе деревни Сафаджай в Нижегородской губернии и др., перестраивалось и само конфессиональное обучение – схоластика и

начетничество заменялось осмыслением постигаемого знания, большое внимание уделялось выработке более действенных подходов в обучении и воспитании детей. Они представляли собой полуконфессиональные учебные заведения средней ступени, были в каждом регионе, где компактно проживали татары. Со временем некоторые из учебных заведений, в частности медресе для мальчиков и девочек в деревне Иж-Буби, Оренбургское медресе «Хусаиния», Казанское медресе «Мухаммадия» и Уфимское медресе «Галия», превратились в центры просвещения в полном смысле этого слова. В них давали высшее образование как богословского, так и светского характера. К ним приезжали учиться со всех регионов проживания татар [История татар..., т. VI, 2013, с. 816].

Несмотря на то, что в начале все инициативы представителей джадидизма повсеместно наталкивались на противодействие со стороны традиционалистов, к началу XX в. в татарском обществе сформировалась целая прослойка светской интеллигенции, представители которой наряду со знанием таких восточных языков как арабский и персидский, могли свободно изъясняться также на русском и европейском языках, в той или иной степени были знакомы с мировой и европейской культурой и ставили своей целью на их примере развитие национальной культуры, осуществление так необходимых, по их мнению, преобразований в различных сферах жизни татарского общества. В дальнейшем почтительное отношение к «книжному слову» и образованному человеку, которым татарское общество традиционно отличалось издавна, увеличение числа единомышленников и сподвижников, расширение сети новометодных школ-мектебов, определенная финансовая подпитка со стороны предпринимателей нового поколения все же сделали свое дело: проникнув шаг за шагом в самые отдаленные уголки, где проживали татары, и овладев умами представителей почти всех слоев и групп населения, джадидизм к началу XX в. постепенно принимает характер социокультурного явления.

Социальные, экономические и духовно-культурные преобразования, имевшие место в татарском обществе во второй половине XIX – начале XX вв.,

нашли свое отражение в татарской литературе, многовековые образцы и традиции которого наряду с другими факторами в историческом плане послужили делу сохранения духовно-культурной идентичности татар и предотвращению их исчезновения как самобытного народа. Если до середины XIX в. она, за исключением отдельных случаев, в основном носила религиозно-дидактический окрас, то после в нее постепенно проникает мировоззренческая концепция и светско-просветительского характера.

Своими корнями татарская литература восходит к письменно-литературным памятникам древнетюркской эпохи, которые считаются общим достоянием всех тюркских народов. Это – Орхоно-Енисейские рунические эпитафии VI – VIII вв., древнеуйгурские тексты VIII – XIII вв., образцы художественной словесности из «Диване легатет-төрк» («Словарь тюркских наречий», 1072 – 1074 гг.) Махмудом Кашгари. Именно в них запечатлены эстетические, морально-этические, мировоззренческие ценности, установки и представления предков современных татар, которые до принятия ислама в своей духовной жизни практиковали тэнгрианство – религию, возникшую на основе обожествления природных явлений и почитания духов предков [Безертинов, 2000, с. 6–7; Гумилев, 1967, с. 76–86; İnan, 1976, s. 1].

В дальнейшем в древнетюркской литературе усиливается направление мусульманского религиозного дидактизма. Его основы закладываются автором поэмы «Котадгу белек» («Благодатное знание», 1069 – 1070 гг.) Баласагуни и «Ғибәтел хәкаик» («Сума истин», конец XII в.) Ахмед Югнаки, которые оказали сильное влияние на развитие средневековой тюрко-татарской поэзии Поволжья. Дидактические произведения, как правило, начинались прославлениями Аллаха и деяний его пророка Мухаммеда и в основном носили характер духовно-религиозных и морально-этических нравоучений, наставлений и советов. Центральное место в них занимала идея о бренности этого мира и поиске смысла жизни в служении Создателю всего сущего, которая легла в основу суфизма – учения, приверженцы которого проповедовали аскетизм, направленный на

достижение духовного совершенства путем отказа от материальных благ, и пантеизм, заключающийся в восторженном слиянии со Всевышним. После принятия волжскими булгарами ислама поэтические сочинения суфийских поэтов распространились и в Поволжье. В дальнейшем они сыграли немаловажную роль в становлении старотатарской литературы [Рэхим, Газиз, 1925, с. 149].

Традиции исповедования мусульманской веры татарами имеют более чем тысячелетнюю давность. По мнению ученых, ислам на территории Волжской Булгарии начинает распространяться задолго до его принятия на государственном уровне в 922 г. [Давлетшин, 1990, с. 77–81; Татар әдәбияты тарихы, 2014, 1 т., с. 180, 394]. Официальное признание ислама как государственной религии оказало благоприятное влияние на развитие страны, что нашло свое отражение в укреплении ее международного авторитета, в оживлении торговых и культурных связей с государствами мусульманского мира, в консолидации булгар в единую этническую группу. Кроме этого начала складываться не менее яркая и самобытная чем у других народов мира духовная и материальная культура татар.

В первой трети XIII в. Волжская Булгария в плане своего социально-экономического, военно-политического и духовно-культурного развития достигает самого высокого уровня. Именно в это время закладываются и основы старотатарской литературы, вобравшей в себя традиции и достижения древнетюркской и арабо-персидской изящной словесности. Она нашла свое отражение в бессмертной поэме Кул Гали «Кыйссаи Йосыф» («Сказание о Йусуфе», 1233 г.), которая, по мнению ученых, вплоть до начала XX в. оказывала влияние на развитие старотатарской поэзии в идейно-проблематическом плане [Поэт-гуманист Кул Гали, 1987, с. 59; Хисамов, 1979, с. 221–225].

Свои позиции среди местного населения ислам сохранил и после завоевания Волжской Булгарии в 1236 г. монголами, основная масса которых исповедовала тэнгрианство и несторианство. Постепенно он укрепил свое положение и в Джучиевом Улусе и в скором времени снова занял место государственной религии, что в свою очередь привело к позитивным изменениям в плане

социально-экономического и духовно-культурного развития страны. В частности, появляются новые города, начинается зарождение и развитие городской цивилизации, развиваются торговые отношения с мусульманскими странами, на территории Поволжья распространяются выдающиеся образцы арабо-персидской художественной словесности. Они оказали сильное влияние на развитие местной средневековой тюрко-татарской литературы, которая прониклась всеми прогрессивными идеями своей эпохи. В этот период на тюрки создаются такие знаменитые произведения как «Кыйссасел-энбия» («Рассказы о Пророках», 1310 г.) Рабгузи (конец XIII — начало XIV вв.), «Хәсрәү вә Ширин» («Хосров и Ширин», 1342 г.) Кутба (1297 г. – середина XIV в.), «Жәмжәмә солтан» («Джумджума султан», 1369 г.) Хисама Кятиба (вторая половина XIV в.), «Гөлестан бит-төрки» («Страна цветов по-тюркски», конец XIV в.) Сейфа Сараи (1321 – 1396 гг.), «Мәхәббәтнамә» («Послания о любви», 1354 г.) Хорезми (XIV в.), «Нәһжел-фәрадис» («Путь в рай», 1358 г.) Махмуда аль-Булгари (примерно 1297 – 1360 гг.). Центральное место в этих произведениях занимает человек, его душевные переживания, роль и место в окружающем мире. По большей части он приверженец ислама, набожен и благочестив, но при этом поэты выводят на первый план его внутренний мир. По их убеждению, идеальный человек – это тот, который обладает такими качествами как ученость, благонравие, преданность, великодушие, сдержанность, смиренность, сострадание.

Во второй половине XV в. Золотая Орда распадается на несколько суверенных государств. Среди них особо выделялось Казанское ханство, которое оставило глубокий след в историческом прошлом татарского народа. Во многих сферах оно унаследовало традиции, заложенные в Волжской Булгарии и Золотой Орде, на что указывают многочисленные археологические и археографические материалы, а также образцы художественной литературы и фольклорные произведения. Для своего времени Казанское ханство в политическом, экономическом, социальном и культурном отношениях считалось достаточно развитым государством. В духовной жизни страны центральное место занимал

ислам, за которым был закреплён статус государственной религии и который практиковался повсеместно. Мусульманские духовные лица, глава которых считался вторым после хана официальным и «в моменты междуцарствия, в силу своего высокого положения, обычно становился во главе временного правительства» [На стыке континентов и цивилизаций, 1996, с. 679], занимали важное место в системе государственного управления. Некоторые из них занимались и художественным творчеством. К примеру, автор поэм «Төхфәи мәрдан» («Дар мужей») и «Нуры содур» («Светоч души») Мухаммадьяр (1496 / 1497 – 1549 гг.) был потомственным богословом. В своих произведениях он раскрывает свое видение идеального государства и морально-этического облика справедливого правителя. По его мнению, именно в этих добродетелях заключается источник благоденствия и процветания.

Центральное место в творчестве авторов этого периода занимают и идеи суфийской направленности. В частности, в стихотворениях Умми Камала (конец XIV в. – 1475 г.) все явления окружающего мира трактуются как знамения Всевышнего. Он считает этот мир бранным, после которого наступит вечный. Именно к нему должен готовиться человек всю свою жизнь путем совершения богоугодных поступков [Средневековая татарская литература, 1999, с. 131–139; Татар әдәбияты тарихы, 2014, 2 т., с. 34–39, 122].

После падения Казани в 1552 г. татарский народ оказался перед новыми реалиями. Потеря государственности в корне изменила все аспекты политической, социальной, экономической и духовно-культурной жизни. Ислам, лишившись статуса государственной религии, начинает практиковаться в индивидуальном плане. При этом он не теряет своих позиций среди народа и превращается в своего рода защитный инструмент от негативного влияния колониальной политики царской администрации, позволивший татарам сохраниться как единый этнос [Юзеев, 1996, с. 65–66].

В сложившейся исторической конъюнктуре, которая сопровождалась атмосферой безысходности, представители татарской духовной элиты были

вынуждены заняться поисками средств поддержки населения в моральном плане и увидели их в наставлениях пророка Мухаммеда. Так, например, в своем произведении «Сиражел-колуб» («Светоч сердец») Аднаш Хафиз (середина XVI в.) в иносказательной манере излагает свое видение относительно будущего татарского народа и обращается к кораническим сюжетам о сотворении мира и конце света, о райской жизни и мучениях в аду, к легендам о жизни праведников. В старотатарской литературе этого периода усиливаются и традиции суфизма. Ярким примером данной тенденции является творчество поэта Мауля Кули (XVII – начало XVIII вв.), который считал, что все вокруг имеет божественное происхождение. В его хикметах чувственные мотивы тесно переплетаются с религиозно-философскими воззрениями о мироздании, о роли и места человека в нем [Средневековая татарская литература, 1999, с. 142–143, 163–180; Татар әдәбияты тарихы, 2014, 2 т., с. 152–157, 241–266].

Усиление религиозных мотивов и суфийского составляющего наблюдается в произведениях и других авторов этого и последующих этапов, таких как Габди (конец XVII – XVIII вв.), Габдессаляма (XVIII в.), Таджетдина Ялчыгула (1768–1838 гг.) и т.д., что было обусловлено, как отмечалось выше, сложными жизненными условиями. В дальнейшем, в силу многочисленных антиколониальных выступлений, в которых активно принимали участие и татары, во второй половине XVIII в. царская администрация в лице Екатерины II была вынуждена пойти на определенные уступки в отношении к так называемым «иностранцам», а именно к таким как предоставление мусульманским купцам права торговли на всей территории империи (1776 г.), создание Казанской татарской ратуши – органа самоуправления мусульман (1782 г.), уравнение в правах мурз (татарских дворян) с представителями русского дворянства (1784 г.), учреждение Оренбургского Магометанского Духовного собрания мусульман в Уфе (1788 г.). Несмотря на то, что все эти царские преференции были адресованы лишь представителям отдельных сословий татарского общества, они возымели немалое

значение в плане подготовки основы для последующих социокультурных изменений [Юзеев, 1996, с. 92–93].

Конец XVIII – начало XIX вв. было ознаменовано наступлением нового витка в истории татарского народа. В Казани, а также в других городах и посадах страны, где проживали татары, постепенно начинают открываться мечети и медресе, которые впоследствии возьмут на себя роль духовно-культурных и просветительских центров. С наступлением XIX в. в силу изменившихся социокультурных реалий татары оказались перед необходимостью выстраивания новых отношений во всех областях своей жизнедеятельности, в том числе и в конфессиональной, что в свою очередь повлияло и на литературную жизнь.

В произведениях авторов этого времени уже начинает наблюдаться переплетение религиозно-дидактических мотивов с социальными. Так, например, поэт и религиозный деятель Утыз Имяни (1754 – 1834 гг.) с одной стороны, порицая человеческие пороки и превознося добродетели, выступает за строгое соблюдение канонов ислама, которое, по его мнению, выведет народ на путь спасения, а с другой стороны призывает к постижению знаний, необходимых человеку как при этой жизни, так и после [Татар әдәбияты тарихы, 2015, 3 т., с. 55–75; Юзеев, 1996, с. 105].

Традиции суфийской поэзии были продолжены и в творчестве татарского поэта первой трети XIX в. Абульманиха Каргалый (1782 – примерно 1833 гг.), который в своих стихотворениях, указывая на тленность этого мира, призывал не поддаваться хитрым и лживым людям, не обольщаться земными богатствами, осуждал жадность, корысть и зависть. Вслед за ним о бренности жизни и бессмысленности мирских забот в своих стихотворениях пишет также и Хибатулла Салихов (1794 – 1867 гг.) в мировосприятии которого жизнь представляла собой бушующую, враждебную человеку водную стихию, окутанную пеленой невежества, а человек был перед ним совершенно одиноким и беззащитным. Религиозные мотивы суфийского толка, философские раздумья о смысле бытия, о месте в нем человека занимают центральное место в поэзии

Шамседдина Заки (1825 – 1865 гг.), который основное место в своих произведениях уделит взаимосвязям человека со Всевышним. В них душевное состояние, поступки, взаимосвязь с внешним миром лирического героя, а также его нравственные качества раскрываются именно в этом ракурсе. Наряду с благочестием, покорностью, набожностью поэт рассматривает честность, отзывчивость, терпение, послушность, верность и др. человеческие качества как категории, ведущие человека к праведному пути, а гордыня, надменность, лживость, двуличие, жестокость, нерадивость оцениваются отрицательно. В определенной степени религиозно-дидактической направленностью характеризуется и творчество Габдельджаббара Кандалий (1797–1860 гг.). Так, например, в поэме «Рисалэи эл-иршад» («Книга наставлений на праведный путь») наставляет к праведности, говорит о бренности земной жизни и обязательности подготовки к вечному бытию. В то же время он сумел преодолеть дидактическую назидательность. В частности в своей любовной лирике, которая составляет основную часть его литературного наследия, поэт противопоставляет ей описания красот окружающего мира, очаровательной силы красавиц и внутренних проявлений человеческой сущности, в частности связанных с чувством влюбленности. Его лирический герой – образованный человек из религиозных кругов, противоположность невежественного простолюдина – деревенского мужика. Наряду с этим в творчестве поэта имеет место и критика образа жизни невежественных мулл, подверженных чревоугодию. Тем самым можно сказать, что именно в поэтических произведениях Г. Кандалий проявились первые ростки татарского просветительства [Гайнуллин, 1975, с. 93–95, 97–101, 105–108, 111–120; Татар әдәбияты тарихы, 2 том, 1985, с. 126–138, 149–163, 173, 186–201; Татар әдәбияты тарихы, 2015, 3 т., с. 84–94, 111–120, 122–133, 142–165].

Наблюдаемые в татарском обществе в рассматриваемый период стремление к реформам и желание сохранить традиции, истекающих в основном из восточной культуры, не вступали в противоречие друг с другом, а наоборот взаимодополняли друг друга, что нашло свое отражение в деятельности ученых-

просветителей. Так, например, составленный Ш. Марджани (1818 – 1889 гг.) в 1839 – 1889 гг. шеститомный лексикографический труд первого «Вафият эл-эслаф вә тәхийәт эл-әхлаф» («Подробное о предшественниках, их приветствие потомкам») стал своего рода энциклопедией духовной культуры мусульманского Востока и татарского народа и относится к биографическому жанру восточной литературы. Во введении к нему (1883 г.) излагаются взгляды ученого на широкий спектр проблем гуманитарных дисциплин, в том числе об их классификации, об особенностях основных течений в исламе и о природе художественного слова. В целом данная работа Ш. Марджани, направленная на повышение престижа науки в обществе, сыграла немаловажную роль в популяризации научных знаний в народе. Другой труд ученого «Мәстәфәдәл-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар» («Сведения, привлеченные для истории Казани и Булгара», т. 1, 1885 г., т. 2, 1890 г.), посвященный истории Волжской Булгарии и Казанского ханства, способствовал расширению представлений татар о своем прошлом. Другой не менее известный татарский ученый-просветитель Каюм Насыри (1825 – 1902 гг.), который своим непосильным трудом внес огромную лепту на развитие практически всех отраслей татарской науки, в 1882 г. на татарском языке издает энциклопедический трактат персидского автора Кей-Кавуса (XI в.) «Кабус-наме» (1082 – 1083 гг.), состоящей из глав об основных правилах, посредством которых регулировались те или иные стороны материальной и духовной жизни людей. В комментарии к работе он излагает также свое видение поэтической речи относительно ее содержательности, упорядоченности, рифмованности и т.д. В книге «Фәвакиһ эл-жәләса фи-л-әдәбият» («Плоды разговоров о литературе», 1884 г.) ученый на основе правил средневекового мусульманского этикета воссоздает идеальный образ человека, дает интерпретацию положительным и отрицательным сторонам человеческой природы, а также останавливается на вопросах литературной теории. В истории татарской литературы К. Насыри известен и как автор произведений «Әбүғалисина» («Абугалисина», 1872 г.), «Кырык вәзир кыйссасы» («Повесть о

сорока везирах», 1868 г.), «Әфсәнәи Гөлрүх вә Камәржан» («Предание о Гульрухе и Камарджане», 1896 г.), которые являются художественно-просветительскими переложениями образцов арабского, персидского и турецкого героических эпосов. Ввиду того, что их облеченные в предыдущих редакциях сказочно-фантастическим ореолом персонажи и переживаемые им приключения были максимально приближены к действительности, в свое время они имели большую популярность среди народа [Гайнуллин, 1975, с. 42–43, 174–195; Татар әдәбияты тарихы, 2 том, 1985, с. 228–237, 261–272; Татар әдәбияты тарихы, 2015, 3 т., с. 215–217, 230–241].

Происходившие во второй половине XIX в. изменения во всех сферах жизнедеятельности татар подготовили благоприятную почву и для формирования светской просветительской литературы. В произведениях татарских авторов отныне начинают подниматься самые актуальные вопросы, касающиеся судьбы нации, а современная им действительность начинает интерпретироваться в более реалистичных тонах. Тем самым в литературе формируется новая модель мировосприятия, более приближенная к реалиям повседневной жизни и основанная на веру в преобразующую и всеобъемлющую силу человеческого разума, на идеи о справедливом обществе, на отторжение любых проявлений невежества. Новые веяния в первую очередь нашли свое отражение в поэзии. С этого момента взоры поэтов от индивидуальных качеств темной стороны человеческой природы переключается к порокам социальным и поиску путей их преодоления. Они все больше начинают обращаться к проблемам, считавшимся до этого недостойными художественной интерпретации. Одним из таких поэтов является Гали Чокрый (1826 – 1889 гг.) – автор около двухсот произведений, в основном лирических стихотворений, написанных в честь знаменательных событий и выдающихся личностей. Его поэма «Мәдхе Казан» («Восхваление Казани», 1889 г.) стала одним первых произведений, в котором реконструируются события исторического прошлого татарского народа, а величественный образ Казани предстает как центр притяжения всей нации в духовно-культурном плане. В этом

контексте автор стремится разбудить у читателя чувство гордости за свою нацию и обратить его внимание на ее созидательный дух. В своих одах, посвященных прославлению отдельных личностей за их дела, Г. Чокрый формирует новый образ идеального человека – человека простого, но в то же время просвещенного и деятельного, направивший свой потенциал и возможности во благо общества. Главные герои поэм следующего представителя татарской поэзии этого периода Ахмета Уразаева-Курмаши (около 1855 – 1883 гг.) «Кыйссаи Бүз егет» («Сказание о юноше-джигите», 1874 г.) и «Кыйссаи Таһир илә Зөһрә» («Сказание о Тахире и Зухре», 1876 г.) облачаются в мятежно-романтический ореол, а сами произведения, которые являются переложениями широкораспространенных среди народа дастанов – образцов эпического фольклора, в соответствии с требованиями времени приобретают социальную окрашенность. При помощи духовного совершенствования человека, его образования и воспитания мечтал создать совершенное общество Мифтахутдин Акмулла (1831–1895 гг.), который в качестве источника всех невзгод татарского народа указывал его невежество и беспечность. Несмотря на то, что в творчестве поэта еще сильны позиции суфизма, характер его лирического героя – личности, который умеет мыслить и не равнодушен ко всему происходящему вокруг, привносит в сферу художественных интересов автора и новые мотивы, связанные с прославлением конкретных исторических личностей и критикой современного ему общества, в частности установившихся в нем общественных порядков и его духовно-нравственного положения. По убеждению поэта, честные, чистые душой и свободомыслящие люди могут возникнуть только в том обществе, которое достигло высокого уровня в плане образованности и нравственного развития [Гайнуллин, 1975, с. 125–130, 140–145, 133–140; Татар әдәбияты тарихы, 2 том, 1985, с. 418–431, 432–440, 448–462; Татар әдәбияты тарихы, 2015, 3 т., с. 280–298, 299–305, 310–330].

Во второй половине XIX в. в литературную жизнь татарского народа в виде таких прозаических жанров как роман и повесть проникает художественная беллетристика просветительской направленности. Их авторы поставили перед

собой цель отображения всей полноты жизненного процесса путем детального описания учебы шакирдов в медресе, внутреннего убранства домов богачей, мулл и бедняков, лавок, ресторанов, пароходов и т.д. При этом данным произведениям в определенной степени был присущ и дух романтизма. Писатели-просветители большое внимание уделяли совершенным на их взгляд героям, тому, что они хотели видеть в них. Так, например, главный герой романа Мусы Акъегетзаде (1864 – 1923 гг.) «Хисаметдин менла» (1886 г.) – религиозный деятель и учитель нового поколения Хисаметдин менла, в образе которого находит свое отражение авторский идеал просвещенной личности, а также гимназист из дворянского сословия Абузяр Давлетгильдиев, хозяин мастерской по ремонту и производству медных изделий Гайса Зурколаков и разбогатевший впоследствии нищий Мухтар характеризуются писателем как полноценные представители общества, отличающиеся от остальных своими активными жизненными позициями. Через них автор показывает различные пути служения своему народу.

В романах следующего писателя-просветителя Загира Бигиева (1870 – 1902 гг.) «Өлүф, яки Гүзэл кыз Хәдичә» («Тысячи, или Красавица Хадича», 1887 г.) и «Зур гөнаһлар» («Смертные грехи», 1890 г.) на передний план выдвигаются такие социальные мотивы как извращенность общества деньгами, которые главные герои ставят превыше всего, даже своей любви (в первом произведении) и темные стороны жизни городского социума, под влияние которых могут попасть и изначально ни в чем не повинные, но когда-то свернувшие с истинного пути индивиды (во втором произведении). Причин всего этого писатель видит в отсталости народа в духовно-культурном развитии.

3. Бигиев является также автором путевых заметок «Мавэраэннәһердә сәяхәт» («Путешествие в Транс-Оксанию», 1908 г.), которые были написаны в результате его путешествия в Среднюю Азию летом 1893 года, которое он предпринял с целью ознакомления с историей, культурой и бытом проживавших в этом регионе мусульманских народов. В связи с этим в своих заметках он пишет следующее: «В исламском мире Средняя Азия является одним из важнейших

регионов, как с политической, так и с культурной точки зрения. Она особенно близка для мусульман России, которые вот уже сотни лет получают образование в Средней Азии. То, что мы сейчас имеем в политической и культурной жизни, все это благодаря знаниям, полученными в Средней Азии... Поэтому я счел полезным съездить и увидеть, как живут там наши братья-мусульмане и сравнить их настоящее с прошлым» [Бигиев, 1908, с. 2–3]. *(Перевод наш – Р.М.)*

В своих повестях «Сәлимә, яки Гыйффәт» («Салима, или целомудрие», 1898 г.), «Әсма, яки гамәл вә жәза» («Асма, или преступление и наказание», 1903 г.) – другой видный представитель татарского просветительства Риза Фахретдин (1858 – 1936 гг.) воссоздает идеал мусульманской женщины, отличающейся высокой степенью образованности и культурности, и которая, по мнению писателя, могла бы выполнять роль матери не только в семейном, но и в национальном масштабе. Их образы автор использует в качестве проводников просветительских идей в народ. А многочисленные отступления публицистического характера нацелены на формирование у людей новых мировоззренческих установок. Не ускользает от внимания писателя и такие социальные пороки как нищенство и проституция среди девушек. Путь спасения также лежит через просвещение и духовно-нравственное целомудрие.

В произведениях Шакира Мухамедова (1865 – 1923 гг.) в реалистичных картинах описывается жизнь татарских купцов. Так, например, первая повесть писателя «Жәһаләт, яхуд Галиәкбәр агай» («Невежество или дядя Галиакбер», 1901 г.) посвящена раскрытию образа жизни этих представителей общества, которые описываются грубыми, невежественными, необычайно хитрыми и изворотливыми, жадными и безнравственными людьми. В его следующей повести «Яфрак асты, яхуд Мәкәржә ярминкәсе» («Под листком или Макарьевская ярмарка») (1901 г.) разоблачается широко распространенный среди купцов умышленное банкротство, которое представляются ими своего рода обычаем. Перед читателем предстает мир жестоких, ненасытных и алчных людей, которые ради наживы не остановятся ни перед чем.

Критика не соответствующей запросам времени схоластической системы образования красной нитью пронизывает и творчество Фатиха Карими (1870 – 1937 гг.). В своих произведениях, в таких как рассказ «Жиһангир мэхдүмнең авыл мәктәбендә укуы» («Учеба сына муллы Джигангира в сельском мектебе», 1900 г.) и повесть «Бер шәкерт илә бер студент» («Шакирд и студент», 1899 г.) он говорит о необходимости реформирования медресе старого образца, об изменении царящих в этих учебных заведениях порядков, о бесполезности получаемых шакирдами знаний, которые за более чем двадцать лет пребывания в них учатся только технике совершения омовения и ведения громких диспутов, так необходимых по их убеждению для постижения истинных знаний. Философия просвещения определила идейно-содержательную сторону и путевых заметок Ф. Карими «Яурупа сәяхәтнамәсе» («Путешествие по Европе», 1902 г.) и «Кырымга сәяхәт» («Путешествие в Крым», 1904 г.). Очарованный величием цивилизованной Европы писатель с горечью в сердце пишет о жалком состоянии своего народа в сферах образования, науки, техники, культуры и экономики, все больше убеждаясь и убеждая своего читателя в необходимости проведения соответствующих реформ.

Просветительские идеи были заложены и в основу первых образцов зарождающейся татарской драматургии, которая в силу своих особенностей стала самым действенным их проводником в широкие массы. Так, в изданном в 1887 г. драме Габдрахмана Ильяси (1856 – 1895 гг.) «Бичара кыз» («Несчастливая девушка») и в вышедшем в свет в 1896 г. в качестве своеобразного творческого ответа на нее пьесе Фатиха Халиди (1850 – 1923 гг.) «Рәдде бичара кыз» («Опровержение несчастной девушки») поднимаются такие проблемы как бесправность татарских девушек в вопросах брака, алчность их отцов, рассматривающих замужество своих дочерей лишь как возможность наживы, полигамия, характерная для патриархального общества. Все это, по мнению драматургов, было обусловлено факторами морально-этического характера. Патриархальность семейного уклада критикуется и в произведениях следующего

представителя ранней татарской драматургии, одного из основателей профессионального театра у татар Галиасгара Камала (1879 – 1933 гг.), а именно в пьесах «Бәхетсез егет» («Несчастный юноша», 1900 г.), «Өч бәдбәхет» («Три злодея», 1900 г.). При этом, в отличие от Г. Ильяси и Ф. Халиди, драматург представляет невежество как социальное зло.

Таким образом, функциональное развитие татарского языка во второй половине XIX – начале XX вв. происходило на фоне целого ряда преобразований, охвативших все стороны жизнедеятельности общества. В этническом плане татары в этот период вследствие распространения новых социально-экономических отношений консолидируются в нацию буржуазного типа, а в духовно-культурном пространстве происходит взаимопроникновение религиозных и светских парадигм.

1.3. Функциональная парадигма татарского языка во второй половине XIX – начале XX вв.

Социальная дифференциация того или иного языка проявляется прежде всего в его функциональной стратификации, т.е. членении на различные подсистемы (формы существования, идиомы, страты), каждый из которых имеет своих носителей, сферу использования и выполняет определенный набор социальных функций, а в совокупности образуют функциональную парадигму языка. В современном языкознании данное понятие употребляется для обозначения модели последовательного расположения форм бытования того или иного языка согласно их иерархии [Типы наддиалектных форм языка, 1981, с. 4]. Если на начальном этапе в исследованиях в этой области внимание ученых в основном было направлено на разграничение и анализ обработанных наддиалектных языковых разновидностей путем их частичного сопоставления с диалектными и другими нелитературными идиомами, в дальнейшем на первый план вышла разработка проблем, связанных с изучением функциональной

парадигмы языка как целостной коммуникативной структуры и определением ее типологии.

По своей структуре и составу функциональные парадигмы различных языков не совпадают друг с другом, не одинаковы в рамках одной системы и соотношение ее элементов. Поэтому «моделирование этих систем в применении к языкам с разной исторической судьбой и последующий анализ полученного материала должны в конфигурации функциональных парадигм, в характере их членения на страты и ярусы раскрыть с одной стороны, общие, стабильные черты, с другой – черты индивидуальные, характерные для немногих языков, или даже свойственные одному языку» [Функциональная стратификация языка, 1985, с. 3].

По мнению ученых, при изучении функциональной парадигмы языка следует обращать внимание на следующие ключевые моменты:

1. По своей природе функциональная парадигма языка представляет собой категорию, подверженную к изменениям в историческом плане, т.е. свойственная ей на первый взгляд устойчивость характеризуется своей относительностью и проявляется в рамках определенного периода.

2. В многоязычном обществе рассматриваемая категория может и не охватить всю область его коммуникативных потребностей. В этом случае она выступает как один из компонентов языковой ситуации.

3. Процесс изучения типов членения языков на страты, т.е. их функциональной стратификации, на начальном этапе строится на выделении функциональной парадигмы из всего континуума составляющих языковой ситуации, ее обособления от нее и анализа как самостоятельного явления, который включает в себя описание ее структуры, выделение основных страт и по мере возможности установления их соотношения. Все это необходимо для построения функциональной парадигмы языка и ее более глубокого и разностороннего исследования, основной целью которого является выявление внутренних и внешних связей между ее элементами.

4. Аспекты социальной маркированности функциональной стратификации языка, которые проявляются в преимущественной закреплённости языковых идиомов за определёнными сферами коммуникации и их соотнесённости с речевой деятельностью тех или иных социальных групп, взаимосвязаны между собой лишь частично и не в равной степени стабильны. Несмотря на то, что общественно-политические, социальные и культурные изменения без сомнения накладывают свой отпечаток не только на взаимосвязях структурных элементов функциональной парадигмы языка, но и на её составе, считается, что во всех этапах развития языка стабильной остаётся соотнесённость функциональных страт с определёнными коммуникативными сферами. А закреплённость тех или иных языковых идиомов за определёнными социальными группами, а именно за их речевой деятельностью, не всегда характеризуется устойчивостью: в условиях широко распространённой диглоссии, проявляющейся в употреблении одним и тем же лицом в зависимости от условий коммуникативной ситуации различных функциональных разновидностей языка, соотношения между языковыми стратами и социальными коллективами претерпевают определённые изменения. При этом социальная структура общества и функциональная стратификация языка не изоморфны. Несмотря на то, что процессы экстралингвистического характера, несомненно, находят своё отражение на состоянии последнего, взаимосвязи между ними носят куда более сложный характер.

5. Типы языковой стратификации в функциональном плане определяются и количеством форм существования языка, а именно его функциональных разновидностей, занимающих промежуточные позиции между литературным идиомом и диалектами, которые представляют высшую и низшую страты в структуре функциональной парадигмы языка [Функциональная стратификация языка, 1985, с. 4–6].

В отечественном языкознании количество и отличительные черты форм существования языка, которые представляют собой «самостоятельные языковые структуры, естественно объединяющиеся в группы с различной иерархией по

признаку общности исходного материала и потому в принципе доступные пониманию в пределах одного народа, но различающиеся по уровню совершенства, универсальности и по преимущественным сферам использования» [Аврорин, 1975, с. 53], уже давно установлены и конкретизированы. В научной литературе в качестве таковых выделяются следующие языковые структуры: литературный язык в его устной и письменной реализации, диалекты (территориальные, социальные), обиходно-разговорные формы (койне, интердиалекты), просторечие [Общее языкознание..., 1970, с. 502–530; Функциональная стратификация языка, 1985, с. 3–4; Современный русский язык..., 2003, с. 33–77].

В настоящее время из всех форм существования татарского языка в диахроническом аспекте изучена только литературная форма. На основе извлеченного из старотатарских письменных текстов различных жанров материала в работах Л. Заляя [Заляя, 1954; Жэлэй, 2000], Ф.С. Фасеева [Фасеев, 1966; 1981; 1985], И.А. Абдуллина [Абдуллин, 1968], Ф.Х. Хакова [Хаков, 1972; 1988; 1993; 2003], М.А. Усманова [Усманов, 1972; 1979], Ф.С. Хакимзянова [Хакимзянов, 1978; 1987], Х.Р. Курбатова [Курбатов, 1971; 1984; 1987; 1992; 1998], Я.С. Ахметгалиевой [Ахметгалиева, 1979], Н.Б. Бургановой [Бурганова, 1980], А.Х. Маннаповой [Маннапова, 1982], Р.З. Мухаметрахимовой [Мухаметрахимова, 1990], И.Б. Башировой [Бәширова, 1991; 1999; 2008; 2012], Ф.М. Хисамовой [Хисамова, 1981; 1990; 1995; 1999], А.Х. Алеевой [Алеева, 1988; 1993], Г.Г. Зайнуллина [Зәйнуллин, 1998; Зайнуллин, 1999], Ф.Ш. Нуриевой [Нуриева, 1993; 1999; 2004; 2005; 2009; 2014], Э.Х. Кадировой [Кадирова, 2001; 2013; 2014а; 2014б; 2014в], Х.Х. Кузьминой [Кузьмина, 1998; 2001], Л.И. Гимадеевой [Гимадеева, 2000], Р.Т. Юзмухаметова [Юзмухаметов, 2001], А.Р. Исхаковой (Халиуллиной) [Халиуллина, 2002; Исхакова, 2005], А.Р. Губайдуллиной [2002], Г.Ф. Гайнуллиной (Гариповой) [Гарипова, 2003; Гайнуллина, 2010], Р.Ф. Мирхаева [Мирхаев, 2003; 2017], А.Ф. Юсупова [Юсупов, 2004; 2006; 2014; 2018], Ф.М. Мухаметшина [Мухаметшин, 2007], Б.К.

Миннуллина [Миннуллина, 2010; 2012; 2017; 2019, 2020], М.З. Валиевой [2017а; 2017б; 2021; 2022а; 2022б] и др., а также в коллективных монографиях «Современный татарский литературный язык. Лексикология, фонетика, морфология» [Современный татарский литературный язык..., 1969], «История татарского литературного языка (XIII – первая четверть XX в.) [История татарского литературного языка..., 2003]», «Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр – XX йөз башы)» [Татар әдәби теле тарихы, 2015; 2017; 2019; 2020] функциональное и структурное состояние татарского литературного языка в различные периоды, особенности его употребления в таких общественных сферах как художественная литература, массовая информация, наука, делопроизводство, личная переписка, религиозные культы, история становления и развития его письменных норм и традиций описаны в подробностях.

Исследования же татарских диалектологов, за исключением отдельно взятых работ, в основной своей массе посвящены изучению лексики, фонетического и грамматического строя диалектов татарского языка в их современном состоянии. Здесь следует отметить работы таких ученых, как Л. Заляй [Жәләй, 1947; Заляй, 1954], Г.Х. Ахатов [Ахатов, 1963; 1979; 1980], Д.Г. Тумашева [Тумашева, 1961; 1970; 1977], Н.Б. Бурганова [Бурганова, 1953; 1974; 1978; 1985], Л.Т. Махмутова [Махмутова, 1952; 1976; 1978], Д.Б. Рамазановой [Рамазанова, 1970; 1984; 1996; 1998], Ф.Ю. Юсупов [Юсупов, 1985; 1986; 1988; 2003; 2004], Ф.С. Баязитовой [Баязитова, 1973; 1979; 1986; 1998], Т.Х. Хайрутдинова [Хайрутдинова, 1980; 1985], З.Р. Садыкова [Садыкова, 1985; 1986], И.С. Насипов [Насипов, 1994; 2013; 2017] и т.д.

Относительно научных изысканий исторического характера в этой области, тут можно указать труды О. Прицак [Pritsak, 1955; 1959а; 1959б] и Ф.С. Хакимзянова [Хакимзянов, 1978; 1987], в которых предпринимаются попытки реконструкции диалектов так называемого волжско-булгарского языка – регионального варианта языка оногуро-булгарских племен, основавших в VII в. в причерноморских и азовских степях государство Великая Булгария [Языки мира,

1997, с. 47]. Так, например, Ф.С. Хакимзяновым высказывается мнение о том, что данный язык представлял собой не единое целое, а состоял из различных диалектов. Далее вслед за О. Притцаком он в его структуре выделяет три диалекта и указывает на отдельные признаки, которыми они характеризуются в области фонетики и морфологии [Хакимзянов, 1978, с. 15–20].

Кроме этого историческая справка обобщенного характера о носителях западного диалекта татарского языка дается в монографии Л.Т. Махмутовой «Опыт исследования тюркских диалектов: Мишарский диалект» (1978 г.) [Махмутова, 1978, с. 3–15]. Далее история формирования татарских говоров Предуралья, Среднего, Южного Урала и Зауралья на основе архивных материалов воссоздается Ф.Ю. Юсуповым в его книге «Татар теленең диалектлары: Урал сөйләшләре» («Диалекты татарского языка: говоры уральских татар») (2003 г.). В частности, ученый, развивая идеи своих предшественников относительно происхождения указанных региональных идиомов отмечает, что они формировались на основе диалектов болгарских племен, а также заказанских, нагорных, кряшенских говоров среднего диалекта татарского языка [Юсупов, 2003, с. 19].

Что касается вопроса изучения в диахронии остальных форм существования татарского языка, в частности его социальных диалектов, койне и просторечия, здесь татарские ученые ограничиваются лишь отдельными высказываниями общего характера. Так, например, формирование первых койне в истории татарского языка Ф.С. Фасеев соотносит с эпохами Волжской Булгарии (X – XII вв.) и Золотой Орды (XIII – XIV вв.) [Фасеев, 1966, с. 809]. Далее в сборнике «Старотатарская деловая письменность», ученый наряду с письменно-литературным языком выделяет следующие формы существования татарского языка:

- 1) общенародно-разговорный язык;
- 2) местные (территориально-этнические и этнографические) наречия, диалекты и говоры;

- 3) устно-городское и местное просторечие;
- 4) язык профессионально-социальных «диалектов»;
- 5) язык фольклора (язык и стиль фольклорных памятников)

[Старотатарская деловая письменность, 1981, с. 12].

В статье, посвященной изучению вокализма татарского языка в синхронии и диахронии, Ф.С. Фасеев характеризует его уже как сложный континуум, включающий в себя такие функциональные подсистемы как общее койне (казанское, местное, сельское, фольклорное и др.), письменно-литературные разновидности бытования и функционирования языка, территориально-диалектные разновидности татарской народно-разговорной речи, социально-профессиональные, семейно-возрастные, аффективно-эмоциональные разновидности речи. По мнению ученого, все они находят свое отражение в основном в лексике и фонетическом строе языка [Фасеев, 1985, с. 99–100]. Однако при этом не выдвигаются какие-либо научные трактовки, раскрывающих сущность выделенных выше форм существования татарского языка.

В структуре функциональной парадигмы волжско-булгарского языка Ф.С. Хакимзянов, наряду с диалектами выделяет и такую форму наддиалектного характера как койне. Но ввиду отсутствия прямых языковых данных относительно его природы, он ограничивается лишь выделением его типов (таких как узкорегionalное и внетерриториальное койне), и анализом культурно-исторических и общественно-политических факторов, повлиявших на его становление и определивших его общетюркский характер [Хакимзянов, 1987, с. 9–11].

Особенности функциональной стратификации татарского языка в XVI – начала XIX вв. рассматривается Ф.М. Хисамовой в ее работе, посвященной изучению специфики функционирования татарского языка в указанный период в сфере дипломатии и официально-деловых документов. В частности, ею выделяются следующие формы существования татарского языка:

- 1) диалекты (казанско-татарский и мишарский диалекты с их многочисленными говорами);
- 2) общенародно-разговорный язык (полудиалект, наддиалектное койне);
- 3) обработанный вариант наддиалектного койне (устный литературный язык);
- 4) язык эпических произведений;
- 5) письменно-литературный язык [Хисамова, 1999, с. 24–29].

Таким образом, научные данные, которые кроме письменной литературной формы существования татарского языка позволили бы восстановить эволюцию и других его функциональных разновидностей, таких как территориальные и социальные диалекты, койне и просторечие, в целом носят лишь обобщенный и фрагментарный характер. Данное обстоятельство в первую очередь объясняется отсутствием письменных источников, которые позволили бы в подробностях реконструировать указанные идиомы и описать в диахронии особенности их функционирования в различных общественных сферах. Однако в нашем случае ситуация отнюдь не столь плачевна. От остальных более ранних исторических этапов вторая половина XIX – начало XX вв. отличается тем, что за этот период было создано наибольшее количество письменных текстов различных жанров, чем за всю историю развития татарского языка, которые дошли и до наших дней. На их основе можно воссоздать состояние полутора вековой давности не только его литературной формы, но и других страт. В данном случае учеными для извлечения прямых данных предлагается подвергнуть письменные источники дифференцированному социально-функциональному анализу, который включает в себя расслоение текста и выявление в нем пластов «отражающих специфику отдельных форм существования языка, включая элементы нелитературных образований» [Функциональная стратификация языка, 1985, с. 7]. Считается, что при этом наиболее полезны диалогические тексты, в которых очень часто отражаются особенности социальной дифференциации языка, а также образцы личных писем представителей различных социальных слоев и групп. Далее

достижению указанной выше цели способствуют и косвенные данные, а именно высказывания тех или иных лиц относительно современного им языка [Функциональная стратификация языка, 1985, с. 7].

Как показывает извлеченный из письменных источников фактический материал, функциональная парадигма татарского языка во второй половине XIX – начале XX вв. представляла весьма сложную структуру, которая включала в себя такие идиомы как литературный язык в его устной и письменной разновидностях, народно-разговорные формы или обиходно-разговорные (территориальные и социальные диалекты, общенародно-разговорный язык), а также просторечие.

Старотатарский письменный литературный язык во второй половине XIX – начале XX вв. До начала XX в. татары в течение всей своей истории существования, несмотря на то, что к этому времени они уже распространились во многие уголки Российской империи, в высших сферах духовно-культурного бытия использовали единый письменный литературный язык. В научной литературе он обозначается разными терминами, такими как «старотюркский, урало-поволжский вариант тюркского письменно-литературного языка, тюрки Поволжья и Урала, тюрки Урало-Поволжья, урало-поволжский тюрки, старотатарско-поволжский тюрки, старотатарский тюрки, старотатарский литературный язык, старописьменный татарский язык, старотатарский письменный язык в Башкирии, Казахстане» [Языки мира, 1997, с. 126]. В рамках настоящего диссертационного исследования нами будет использован термин «старотатарский письменный литературный язык», так как именно данное название на наш взгляд в полной мере раскрывает его сущность. Во-первых, несмотря на то, что он берет свои корни из различных племенных и литературных языков древне- и среднетюркских эпох, в частности, из наречий огузских, уйгурских, кыпчакских и болгарских племен, языка памятников рунического письма, древнеуйгурского литературного языка, караханидско-уйгурского литературного языка, в конечном итоге сложился на территории Поволжья и Урала – в землях, которые испокон веков считались историческим ареалом

проживания татарского народа. Во-вторых, данный язык представляет собой результат многовековой деятельности представителей татарской интеллигенции в таких сферах как художественная литература, наука, делопроизводство, личная переписка. В-третьих, он дошел до нас в многочисленных письменных текстах и обладает всеми признаками литературного языка, такими как наддиалектность, обработанность, вариативность и функционально-стилистическая дифференциация.

Как показывают исследования ученых-языковедов, ко второй половине XIX в. старотатарский письменный литературный язык представлял собой явление, в котором тесно переплетались друг с другом древне- и среднетюркские, чагатайские и османско-турецкие, арабские и персидские, а также отчасти собственно татарские формы, что в целом было обусловлено историческими, культурными и социальными предпосылками его формирования и развития. Своими корнями он восходит к эпохе Волжской Булгарии, которая в истории татарского народа и его языка считается начальным этапом. Именно в рамках данного политического объединения начинают проявляться очертания татарской этнической общности и складываться основы литературной формы существования татарского языка. Несмотря на скудность относящихся к этому периоду письменных источников, которые позволили бы вести какие-либо существенные научные дискуссии о характере современного волжско-булгарскому государству литературного языка, в татарском языкознании все же высказывается мнение о том, что он восходит к караханидско-уйгурскому литературному языку (XI – XIII вв.), а через его посредство к древнеуйгурскому литературному языку (VIII – XVIII вв.) и языку орхоно-енисейских рунических надписей (VII – XI вв.) [Баскаков, 1970, с. 13–19; Татар әдәби теле тарихы, 2015, с. 33–34]. Становлению данной точки зрения во многом способствовали результаты анализа языка созданного поэтом эпохи Волжской Булгарии Кул Гали в первой трети XIII в. поэмы «Кысса-и Йусуф», которая дошла до наших дней в рукописных списках, переписанных в более поздних периодах [Кол Гали, 1983, с.

491–492]. В языковой ткани указанного произведения учеными были выделены пласты, характерные для хорезмско-тюркского (XII – XIV вв.), огузского (X – XI вв.) и кыпчакского (XI – XIV вв.) языков [Наджиб, 1976, с. 74–88; Тенишев, 1986, 268–276]. Именно наличие первых двух компонентов способствовало формированию и укреплению в научной среде мнения о связях литературного языка волжско-булгарского государства с указанными выше языками древне- и среднетюркских эпох. В тюркологии давно установлено, что их основу составило межплеменное койне огузо-уйгурского характера, на которое в дальнейшем наслаивались региональные черты, а хорезмско-тюркский язык заимствовал ряд фонетических и морфологических свойств караханидско-уйгурского языка [Языки мира, 1997, с. 35–36, 139–140]. Здесь следует отметить, что присутствие огузского компонента в языке произведения в свое время натолкнуло некоторых ученых к мнению о том, что «Кысса-и Йусуф» был написан на староосманском и огузском литературном языках [Brockelmann, 1916, s. 59; Наджиб, 1976, с. 88], которые легли в основу современных турецкого, азербайджанского и туркменского языков. Однако, по мнению Э.Р. Тенишева, хорезмско-тюркский литературный язык, который в различные периоды в разной степени оказывал влияние на творчество ранних представителей узбекской, туркменской, азербайджанской и турецкой поэзии, под влиянием культурных тенденций был занесен и в Поволжье, где, попав в новую этноязыковую среду, обогатился за счет местного – в основном кыпчакского и отчасти булгарского компонентов [Тенишев, 1986, 273–274]. Именно этим фактом и объясняется смешанность языка поэмы, которая в дальнейшем отразилась и на характере старотатарского письменного литературного языка. В свете вышесказанного в целях более подробной интерпретации сущностных признаков данной идиомы татарского языка требуется детальный анализ основных компонентов, которые в различные периоды приняли участие в его формировании и развитии. Несмотря на их упоминание во всех научных работах по истории татарского литературного языка, вопрос о том, что же они из себя конкретно представляли в языковом отношении,

за исключением отдельно взятых элементов, все же остается открытым. В частности, требуется исчерпывающая ревизия элементов языков древне- и среднетюркских элементов в старотатарских письменных текстах и до конца определить уровень их присутствия в структуре старотатарского письменного литературного языка в различные эпохи, в частности в рассматриваемом нами периоде. При этом мы не ставим перед собой цели описания в полном объеме фонетического строя, грамматической структуры и лексического состава языков, оказавших влияние на становление и развитие татарского языка. Во-первых, это уже сделано предшествующими поколениями ученых-тюркологов. Во-вторых, в силу их генетического родства, за исключением арабского и персидского языков, определенная часть элементов, которые будут рассмотрены нами, составляют общую основу тюркских языков, что в свою очередь делает невозможным окончательную атрибуцию данных форм в плане их соотнесенности к тому или иному языку. В рамках диссертационного исследования мы ограничимся лишь теми особенностями, по которым рассматриваемые языки противопоставляются друг другу.

Основной фонетической чертой нашедшего свое отражение в орхон-енисейских каменных надписях и относящегося к древнетюркской эпохе языка является проявление в инлауте и аслауте звуков [t] и [d] из ряда фонетических чередований [r] ~ [t]/[d] ~ [s]/[z] ~ [j].

В морфологическом отношении он характеризуется следующими особенностями:

а) употреблением аффиксов винительного падежа *-ğ/-g* и *-yğ/-ig/-uğ/-üg*; направительного падежа *-ğaru/-gärü*; исходного падежа *-dyn/-din/-tyn/-tin*; инструментального падежа *-n* и *-yn/-in*;

б) доминированием глухого варианта аффикса направительного падежа *-qa/-ka*;

в) употреблением глухого варианта аффикса определенного прошедшего времени *-tu / -ti* после конечных сонорных согласных глагольных основ и звонкого варианта *-dy/-di* после конечных глухих согласных;

г) функционированием форм неопределенного (результативного) прошедшего времени на *-myš/-miš* и будущего времени на *-ğaj/-gäj/-qaj/-käj*;

д) оформлением формы настоящего-будущего времени в глагольных основах, оканчивающимся на гласные, аффиксом *-jur/-jür*;

е) присутствием форм повелительного наклонения на *-ğyl/-gil* и условного наклонения на *-sar/-sär*;

ж) наличием причастий настоящего времени на *-yğma/-igmä*, прошедшего времени на *-duq/-dük /-tuq/-tük* и будущего времени на *-dačy/-däči/-tačy/-täči*;

и) употреблением деепричастий на *-y/-i/-u/-ü*, на *-ty/-ti*, на *-pan/-pän* и отрицательной деепричастной формы на *-matyn/-mätin*.

В лексическом плане данный язык отличается отсутствием арабских и персидских заимствований, а также употреблением отсутствующих в современных тюркских языках архаичных слов [Баскаков, 1969, с. 319; Тенишев, 1979, с. 81; Кононов, 1980, с. 110, 124–126, 130, 127–128, 149, 158–160, 184, 187, 188, 189, 190; Языки мира, 1997, с. 93–106].

По своей фонетической структуре древнеуйгурский язык, как и его предшественник, от которого к нему перешла огузо-уйгурская основа, относится к так называемым [t]/[d] языкам. В морфологическом отношении его отличительными чертами являются употребление:

а) аффиксов направительного падежа *-ğaru/-gärü*, винительного падежа *-ğ/-g* и *-yğ/-ig/-uğ/-üg*, исходного падежа *-dyn/-din/-tyn/-tin* и аффиксы инструментального падежа *-n* и *-yn/-in/-un/-ün*;

б) форм неопределенного (результативного) прошедшего времени на *-myš/-miš*, настоящего-будущего времени на *-jur/-jür*, будущего времени на *-ğaj/-gäj/-qaj/-käj* и настоящего времени на *-yğma/-igmä*;

в) форм условного наклонения на *-sar/-sär* и повелительного наклонения на *-ǧyl/-gil*;

г) отрицательной деепричастной формы на *-matyn/-mätin ~ -mädin*.

Эти особенности сближают его с языком орхоно-енисейских письменных памятников, но при этом между ними имеют место и некоторые различия, а именно:

а) переходы анлаутного [b] в [m] (*bän > män*) и анлаутного [d] в [t] (*dävä > tävä*);

в) оформление винительного падежа аффиксом *-ny/-ni* и направительного падежа аффиксом *-ǧa/-gä/-qa/-kä*;

г) употребление форм условного наклонения на *-sa/-sä* и желательного наклонения на *-ǧu/-gü*.

Лексика древнеуйгурского языка характеризуется присутствием санскритских, согдийских, древнеиранских, тохарских и китайских заимствований [Баскаков, 1969, с. 320–321; Тенишев, 1979, с. 82; Языки мира, 1997, с. 55–63].

В караханидско-уйгурском языке, который также унаследовал от своих предшественников огузо-уйгурскую основу, несмотря на доминирование в инлауте и ауслауте звука [d] из ряда фонетических чередований [r] ~ [t]/[d] ~ [s]/[z] ~ [j], уже начинается переход на [z].

В морфологическом отношении для него характерно употребление:

а) аффиксов направительного падежа *-ǧaru/-gärü* и *-ǧa/-gä/-qa/-kä*, винительного падежа *-ǧ/-g* и *-yǧ/-ig/-uǧ/-üg*, исходного падежа *-dyn/-din/-tyn/-tin*, и аффиксов инструментального падежа *-n* и *-yn/-in/-un/-ün*;

б) форм настоящего-будущего времени на *-jur/-jür* и будущего времени на *-ǧaj/-gäj/-qaj/-käj*;

в) форм повелительного наклонения на *-ǧyl/-gil*;

г) причастия будущего времени на *-dačy/-däči/-tačy/-täči*.

Все это сближает караханидско-уйгурский язык с первыми двумя языками. В то же время в нем зарегистрированы аффикс винительного падежа *-nu/-ni*, форма условного наклонения на *-sa/-sä* и причастие на *-ġan/-gän/-qan/-kän* [Баскаков, 1969, с. 302; Тенишев, 1979, с. 83–84; Языки мира, 1997, с. 64–71], наличием которых он отличается от языка орхоно-енисейских письменных памятников. Как уже было сказано, в нем для образования формы винительного падежа использовался аффикс *-ġ/-g* и *-yġ/-ig/-uġ/-üg*, а условного наклонения аффикс *-sar/-sär*. При этом обе указанные форманты продолжали употребляться и в древнеуйгурском языке. В караханидско-уйгурском языке аффикс винительного падежа также функционировал в обоих вариантах, но форма условного наклонения оформлялся уже только аффиксом *-sa/-sä*. А формант *-ġan/-gän/-qan/-kän*, который А.Н. Кононов определяет как характерную особенность «языков кыпчакско-карлукской группы» [Кононов, 1980, с. 124], в рунических надписях зарегистрирован лишь в составе отдельных слов, а в древнеуйгурском языке в качестве словообразовательного аффикса функционировал только его аналог с узким гласным [Языки мира, 1997, с. 2]. Кроме этих отличий караханидско-уйгурский язык в лексическом плане характеризовался употреблением в большом количестве арабских и персидских заимствований, что также не было свойственно первым двум языкам.

В тюркологии караханидско-уйгурский язык принято считать языком, достигшим высокой степени стандартизованности и нормированности. В дальнейшем его нормы и традиции были продолжены в хорезмско-тюркском языке, где данный письменный литературный стандарт в зависимости от письменных памятников в разной степени смешивался с особенностями диалектов огузских и кыпчакских племен, которые в областях становления последнего (Хорезм, бассейны рек Сыр-Дарья и Аму-Дарья) составляли этническое большинство [Языки мира, 1997, с. 140].

Сильное воздействие караханидско-уйгурских письменных литературных традиций испытал на себе и чагатайский язык. Считается, что основу данного

среднеазиатского книжно-письменного языка составил карлукско-уйгурский компонент. При этом в нем в определенной степени присутствуют также кыпчакские и огузские элементы. В отличие от своих предшественников, чагатайский язык по своей фонетической структуре относится к [j] языкам. Далее в качестве других его отличительных признаков в области фонетики и морфологии выделяются следующие черты:

а) анлаутные [k] и [t] в словах, начинающихся на смычные согласные: *kel* ‘приходи’, *ket* ‘уходи’, *temir* ‘железо’, *toquz* ‘девять’, *tört* ‘четыре’;

б) инлаутный [q] в корневых словах и на стыке корня с аффиксом на гласный: *toquz* ‘девять’, *čyqar* ‘он выходит’;

в) формы направительного, местного и исходного падежей имен с аффиксами принадлежности третьего лица без вставочного согласного [n];

г) форма исходного падежа *-dyn -din/-tyn/-tin*;

д) формы настоящего времени на *-a tur(ur)/-ä tur(ur)/-j tur(ur)*, будущего категорического времени на *-ğü/-gü*, будущего желательного на *-ğaj/-gäj*, прошедшего времени на *-ğan/-gän* и прошедшего времени на *-yb/-ib*;

е) аналитические формы прошедшего времени, образованных путем присоединения к основам указанных выше и других простых временных форм изъявительного и модальных наклонений постпозитивного члена *erdi*.

ж) формы условного наклонения на *-sa/-sä* и сослагательного наклонения на *-sa erdi/-sä erdi*;

з) причастия настоящего-будущего времени на *-ar/-är/-ur/-ür*, настоящего времени на *-adurğan* и прошедшего времени на *-ğan/-gän*;

и) глагольные имена на *-maq/-mäk* и *-yš/-iš*;

к) деепричастия на *-a/-ä -j* и *-b/-yb/-ib/-ub/-üb*.

В лексическом плане чагатайский язык характеризуется доминированием заимствований из персидского и арабского языков, которые в зависимости от конкретно взятого текста достигали от шестидесяти до девяноста процентов от общего объема словарного состава. О степени интенсивности влияния указанных

языков говорит также возникновение в большом количестве глаголов аналитического типа, основу которых составляли слова, словоформы, словосочетания персидского и арабского происхождения, а в качестве второго компонента выступали вспомогательные глаголы тюркского происхождения, а именно *bol-* ‘быть, становиться’, *it-* ‘делать’, *qyl-* ‘делать, совершать’. Кроме этого использовались также, пусть и не так широко, глаголы образованные от заимствованных лексических и грамматических единиц (имен, масдаров и причастий) посредством присоединения к ним аффикса *-la(n)/-lä(n)* [Языки мира, 1997, с. 148–159].

Огузский компонент наряду с кыпчакским прослеживается во всех этапах развития старотатарского письменного литературного языка. Во второй половине XIX – начале XX вв. его присутствие в структуре данной идиомы заметно увеличивается, что было обусловлено следующими факторами:

1) продолжением древне- и среднетюркских письменных литературных традиций;

2) усилением на старотатарский письменный литературный язык влияния османско-турецкого языка, которое в силу определенных культурных, экономических и социальных факторов было начато еще в XVIII в.;

3) воздействием в указанный период на культурную жизнь татар газеты «Тәржеман» («Переводчик»), на страницах которой ее редактор И. Гаспринский практиковал общедоступный, по его мнению, для всех тюркских народов очищенный от арабских и персидских заимствований османско-турецкий язык [Мирхаев, 2003, с. 148–149].

В своей диссертации, посвященной изучению роли и места огузских элементов в истории татарского языка (1984 г.), М.М. Негматуллоев отмечает, что «выявление огузских, кыпчакских элементов в отдельно взятом языке тесно связано с проблемами классификации тюркских языков» [Негматуллоев, 1984, с. 34]. Другими словами, «огузские элементы в татарском языке, <...> это не что

иное, как классификационные признаки тюркских языков юго-западной, или огузской группы» [Негматулло, 1984, с. 35].

В тюркологии в качестве отличительных признаков языков, входящих в огузскую группу, выделяются следующие особенности:

в фонетической структуре:

а) наличие восьми коротких гласных звуков;

б) лабиализация в аффиксах узких гласных;

в) переход в анлауте [b] в [v] в слове *bar* ‘есть, имеется’: *bar* > *var*;

г) сохранение конечных звуков [g] и [ğ] в таких словах как *beg* ‘бек’ и *dağ* ‘гора’ и их выпадение из некоторых аффиксов: *kelgen* > *kelen* ‘пришедший’, *alğan* > *alan* ‘взявший’;

д) озвончение в анлауте согласных звуков [t], [k] и [q]: *til* > *dil* ‘язык’, *kör-* > *gör-* ‘видеть’;

е) выпадение анлаутных согласных звуков [b] и [p] в глагольной основе *bol-* // *pol-* // *pul-* ‘быть, становиться’: *bol-* // *pol-* // *pul-* > *ol-*;

ж) выпадение в некоторых словах перед узкими гласными и после них согласного звука [j]: *jyr* > *ir* ‘песня’, *ijt* > *it* ‘собака’;

з) переход в инлауте [b] в [v]: *jablaq* > *javlaq* ‘плохой’;

и) переход в аслауте [b] в [v]: *ab* > *av* ‘охота’, *eb* > *ev* ‘дом’;

в грамматическом строе:

а) фонетически редуцированные форманты притяжательного падежа *-yn/-in* и *-uñ/-iñ*, направительного падежа *-a/-ä*, винительного падежа *-y/-i*;

б) редуцированная форма аффикса первого лица множественного числа *-uz/-iz*: *alyryz* ‘мы возьмем’, *veririz* ‘мы дадим’;

в) формы желательного наклонения на *-asy/-äsi* и долженствовательного наклонения на *-maly/-mäli*;

г) форма причастия прошедшего времени на *-myş/-miş*;

в лексике: слова *ağla-* ‘плакать’, *alyn* ‘лоб’, *ancaq* ‘только’, *ara-* ‘искать’, *ary* // *aru* ‘чистый’, *asmar-* // *usmar-* ‘поручать’, *äl* ‘рука’, *baba* ‘отец’, *bardağ* ‘посуда

для воды’, *bašar-* ‘выполнять’, *bängiz // bäniz* ‘лицо’, *bängzä- // bänzä-* ‘быть похожим’, *bäğan-* ‘одобрять’, *bindir-* ‘сажать (на коня)’, *bing // bin* ‘тысяча’, *byraq-* ‘бросать’, *gizlä-* ‘спрятать’, *göstär-* ‘показать’, *ev* ‘дом’, *eksi-* ‘уменьшаться’, *eksik // eksük* ‘дефективный’, *ilgäri* ‘прежде’, *ijgi // iji* ‘хороший’, *incüt-* ‘беспокоить, причинять боль’, *uraq* ‘далеко’, *yrmaq* ‘река’, *jajan* ‘пешком’, *jalan* ‘ложь’, *jalanсы* ‘лжец’, *jaryn* ‘завтра’, *jyldyrym* ‘молния’, *köpäk* ‘собака’, *qaldyr-* ‘поднимать (руку)’, *qapu* ‘дверь’, *qaravaš* ‘невольница’, *qoq-* ‘пахнуть’, *qongšy // qomšy* ‘сосед’, *qurt* ‘волк’, *qurtul-* ‘избавиться’, *qušaq-* ‘пояс’, *qušandyr-* ‘опоясывать’, *nete* ‘так’, *oğlaq* ‘козленок’, *oğlan* ‘мальчик; ребенок’, *oğra- // uğra-* ‘встретиться’, *ört-* ‘прикрыть’, *özgä* ‘другой’, *saqyn-* ‘беречься’, *san-* ‘думать’, *sev-* ‘любить’, *sevin-* ‘радоваться’, *soj-* ‘снимать’, *suč-* ‘вина’, *toz* ‘пыль’, *uju-* ‘уснуть, спать’, *um-* ‘надеяться’, *us-* ‘память; ум’, *utan-* ‘стесняться, стыдиться’ [Баскаков, 1969, с. 244–245; Наджип, 1976, с. 81–87; Языки мира, 1997, с. 82–89].

Учитывая тот факт, что в рассматриваемом нами синхронном срезе старотатарский письменный литературный язык испытывал на себе сильное влияние османско-турецкого языка приведенный выше список можно расширить и за счет признаков, свойственных данному языку, который также входит в огузскую группу, а именно за счет таких как:

а) переход анлаутного [b] в [v] в словах *bar* ‘идти, пойти’, *ber-* ‘давать’: *bar-* > *var-*, *ber-* > *ver-*;

б) переход анлаутного сонорного согласного [m] в личном местоимении первого лица единственного числа в [b]: *men* > *ben* ‘я’;

в) осложнение глагольных форм, образованных путем присоединения основам, оканчивающимся на гласные звуки, аффиксов с начальными гласными, так называемым «вставочным» согласным [j];

г) выражение значения множественности посредством местоимения *birqač* ‘несколько’ и частицы *čoq* ‘много’;

д) аффиксы принадлежности первого лица множественного числа *-myz/-miz* и второго лица множественного числа *-nyz/-niz*;

е) местоимения *benim* ‘мой’, *bizim* ‘наш’, *şu* ‘этот’, *o* ‘тот’, *buraja* ‘сюда’, *şuraja* ‘туда’, *oraja* ‘вон туда’, *burada* ‘здесь’, *orada* ‘там’, *böjle*, *şöjle*, *öjle* ‘так’, *diğar* ‘другой, прочий, иной’, *nä* ‘что’, *nä qadar* ‘сколько’, *qaç* ‘сколько’, *näräjä* ‘куда’, *närädä* ‘где’, *närädän* ‘откуда’, *näräli* ‘откуда родом’, *hangi* ‘который’, *nasył* ‘как, каким образом, что за’, *(hiç)kimsä* ‘никто’, *kändü* ‘сам, свой’;

ж) имена прилагательные *iji* ‘хороший’, *pis* ‘грязный’, *tämiz* ‘чистый’, *qapaly* ‘закрытый’, *ufaq* ‘мелкий’, *gäniş* ‘широкий’, *jüksäk* ‘высокий’, *zavally* ‘жалкий’, *čalyşqan* ‘трудолюбивый’, *sağ* ‘правый’, *aşağy* ‘низший’, *gänç* ‘молодой’;

з) наречия *čabuq* ‘быстро’, *javaş* ‘медленно’, *javaşça* ‘медленно’, *jajan* ‘пешком’, *gizlücä* ‘тайно, скрытно’, *birdän* ‘внезапно’, *čoq* ‘очень, много’, *ancaq* ‘только’, *daha* ‘еще’, *şimdi* ‘теперь, сейчас’, *jaryn* ‘завтра’, *aqşam* ‘вечером’, *iläri* ‘вперед, дальше’;

и) формы настоящего времени изъявительного наклонения на *-jor* и *-maqda/-mäkdä*;

к) выражение общетюркской формой аориста на *-r* значения настоящего времени;

л) форма будущего времени изъявительного наклонения на *-acaq/-äcäk*;

м) формы прошедшего времени изъявительного наклонения на *-myş/-miş*, *-myş idi/-miş idi*, *-jor idi*, *-maqda idi/-mäkdä idi* и *-acaq idi/-äcäk idi*;

н) формы условного наклонения на *-acaq isä/-äcäk isä*, *-maqda isä/-mäkdä isä* и *-myş isä/-miş isä*;

о) причастия на *-an/-än*, *-dyq/-dik* и *-acaq/-äcäk*;

п) деепричастия на *-araq/-äräk*, *-ynca/-incä*, *-dyqça/-dikčä*, *-madan/-mädän*, *-rkän* (*-r ikän*) и *-myškän* (*-myş ikän*)/*-miškän* (*-miş ikän*);

р) употребление имен действий на *-ma/-mä*, *-maqlyq/-mäklik* и *-maq/-mäk*;

с) употребление форм инфинитива на *-maq/-mäk* и *-mağ/-mägä*.

Особенности функционирования данных элементов в старотатарском письменном литературном языке во второй половине XIX – начале XX вв. нами были проанализированы на основе извлеченного из произведений писателей-

просветителей эмпирического материала в предыдущем диссертационном исследовании [Мирхаев, 2003]. Здесь следует также отметить их социальную маркированность, так как бытование в рассматриваемой страте татарского языка лексических единиц и форм, характерных для тюркских языков огузской группы, в частности для османско-турецкого языка, в определенной степени было связано с деятельностью указанных представителей татарской литературы рассматриваемого периода.

В отличие от элементов огузского происхождения, выделение отличительных признаков кыпчакских языков, к которым относится и собственно татарский язык, осложнено тем, что они в основной своей массе носят общетюркский характер, т.е. представлены и в других тюркских языках, в частности карлукской группы, в которую наряду с караханидско-уйгурским входит также и чагатайский язык. Однако учитывая тот факт, что все идиомы татарского языка изначально формировались на кыпчакско-булгарской основе, а влияние на него указанных двух языков ограничивалось письменной разновидностью его литературной формы существования и ко второй половине XIX в. оно ослабло ввиду усиления в письменном литературном стандарте новых языковых тенденций османско-турецкой и собственно татарской направленности, в отношении рассматриваемого нами синхронного среза в качестве таковых – точнее в качестве собственно татарских черт можно выделить следующие черты:

в фонетической структуре:

- а) система вокализма из девяти гласных звуков;
- б) переход анлаутного [v] в [b] в словах *var* ‘есть, имеется’, *var-* ‘идти, пойти’, *ver-* ‘давать’: *var* > *bar*, *var-* > *bar-*, *ver-* > *ber-* // *bir-*;
- в) переход анлаутного сонорного согласного [b] в личном местоимении первого лица единственного числа в [m]: *ben* > *min* ‘я’;
- г) отсутствие в аффиксах лабиализации узких гласных;

д) замена таких древних звуковых сочетаний как [ağ], [eg], [ög] на [aw], [ej] // [ij], [öj] // [üj]: *tağ* > *taw* ‘гора’, *teg-* > *tej-* // *tij-* ‘касаться’, *ögren-* > *öjren-* // *üjren-* ‘учиться’;

е) переход в анлауте звонких согласных [d], [g] в [t], [k]: *dil* > *til* // *tel* ‘язык’, *gör-* > *kör-* // *kür-* ‘видеть’;

в грамматическом строе:

а) аффиксы притяжательного падежа *-нуһ/-ней*, направительного падежа *-ğa/-gä*, *-qa/-kä* и винительного падежа *-ну/-не*;

б) аффиксы принадлежности первого лица множественного числа *-byz/-bez* и второго лица множественного числа *-ğyz/-gez*;

в) местоимения *minem* ‘мой’, *şul* ‘этот’, *ul* ‘тот’, *monda* ‘здесь’, *anda* ‘там’, *blaj*, *şulaj*, *alaj* ‘так’, *başqa* ‘другой, прочий, иной’, *närsä* ‘что’, *qaja* ‘куда’, *qayda* ‘где’, *qajdan* ‘откуда’, *nindi* ‘который’, *niček* ‘как, каким образом, что за’, *(hič)ket* ‘никто’, *üz* ‘сам, свой’;

г) имена прилагательные *jaxşu* ‘хороший’, *jabyq* ‘закрытый’, *waq* ‘мелкий’, *kiñ* ‘широкий’, *tyruş* ‘трудолюбивый’, *uñ* ‘правый’, *tübän* ‘низший’, *jäş* ‘молодой’;

д) наречия *tiz* ‘быстро’, *aqryn* ‘медленно’, *kinät* ‘внезапно’, *tağyn* ‘еще’, *irtägä* ‘завтра’, *alğa* ‘вперед, дальше’;

е) аффикс первого лица множественного числа *-byz/-bez*: *alyrbyz* ‘мы возьмем’, *birerbez* ‘мы дадим’;

ж) формы настоящего времени на *-a/-ä/-yj/-i* и прошедшего времени на *-ğan/-gän*, *-ğan ide/-gän ide*, *-a ide/-ä ide/-yj ide/-i ide*;

з) причастия настоящего времени на *-a torğan/-ä torğan/-yj torğan/-i torğan* и прошедшего времени на *-ğan/-gän*;

и) деепричастия на *-a/-ä/-yj/-i*, *-ğaç/-gäč*, *-qač/-käč* и *-ğançy/-gänçe*, *-qançy/-känçe*;

к) имя действия на *-u/-ü*;

л) формы инфинитива на *-rğa/-rgä*, *-yrğa/-ergä* и *-arğa/-ärgä*;

в лексике: употребление таких слов как *azaj*- ‘уменьшаться’, *başqa* ‘другой’, *büre* ‘волк’, *et* ‘собака’, *jaxşu* ‘хороший’, *jäšen* ‘молния’, *jäşer*- ‘спрятать’, *jylğa* ‘река’, *joqla*- ‘уснуть, спать’, *qajuş*- ‘пояс’, *qapla*- ‘прикрыть’, *kürşe* ‘сосед’, *ojal*- ‘стесняться, стыдиться’, *oxşa*- ‘быть похожим’, *öj* ‘дом’, *taşla*- ‘бросать’.

В истории развития татарского языка в течение многих веков определенную роль занимали арабские и персидские заимствования. Несмотря на то, что они имеют место во всех его формах существования, наибольшая степень интенсивности их употребления наблюдается в письменной литературной страте в XVII, XVIII и XIX вв., чем и объясняется высокий уровень интереса к данным лексическим единицам со стороны татарских ученых-языковедов. Однако, несмотря на это их изучение на предмет социальной маркированности, которое является одной из значимых общетеоретических вопросов теории и истории татарского литературного языка, все еще остается вне поля зрения исследователей.

В тематическом плане арабские и персидские заимствования, которые в старотатарском письменном литературном языке ко второй половине XIX – началу XX вв. уже функционировали в качестве его норм, условно можно разделить на следующие группы:

1. Слова, обозначающие человека и отдельных лиц: *adäm* ‘человек’, *bahadir* ‘богатырь, герой’, *zat* ‘человек, личность, лицо’, *insan* ‘человек’, *pählevan* ‘пехлеван, богатырь, витязь’ и т.д.

2. Слова, выражающие понятия из области внутреннего мира человека: *dıqqat* ‘внимание’, *zihen* ‘ум, разум, рассудок; сообразительность’, *iğtibar* ‘заботливое (внимательное) отношение’, *insaf* ‘совестливость, совесть’, *ixlas* ‘искренность, чистосердечие’, *ixtiram* ‘почтение, уважение’, *näfrät* ‘ненависть; презрение’, *ömet* ‘надежда, чаяние, упование’, *xafa* ‘тревога, беспокойство, волнение’, *xäwef* ‘опасение, боязнь, страх’, *xäsrät* ‘горе, печаль, тоска’, *xäter* ‘память’, *xis* ‘чувство, ощущение’, *xujal* ‘мечта, грёза’, *şöbhä* ‘подозрение, недоверие, сомнение; беспокойство, волнение, тревога, опасение’ и т.д.

3. Слова, выражающие понятия из области литературы и искусства: *äsär* ‘произведение, сочинение, творение, труд, работа, вещь’, *ädäbijat* ‘литература’, *ädip* ‘писатель, литератор’, *dastan* ‘дастан, поэма’, *matbuğat* ‘печать, пресса’, *mäqalä* ‘статья’, *möqaddimä* ‘введение, вступление; предисловие; пролог’, *näšrijat* ‘издательство’, *räsem* ‘рисунок’, *sänğat* ‘искусство’, *surät* ‘изображение; рисунок; портрет; образ’, *taswir* ‘описание; изображение, отображение’, *šağujr* ‘поэт’, *šiğyr* ‘стих; стихотворение’ и т.д.

4. Слова, выражающие понятия из области образования и науки: *älifba* ‘алфавит; букварь, азбука’, *ğjlem* ‘наука, знание’, *däftär* ‘тетрадь’, *imtixan* ‘экзамен, испытание’, *imla* ‘орфография’, *kitap* ‘книга’, *mäğrifät* ‘образование, просвещение, знание, познание, культура’, *mädräsä* ‘медресе (высшее мусульманское духовное учебное заведение; в дореволюционной России – татарская школа)’, *mäktäp* ‘школа’, *möğallim* ‘учитель’, *sabaq* ‘урок’, *fän* ‘наука, дисциплина, предмет’, *xäref* ‘буква, литера, шрифт’, *xisap* ‘арифметика’ и т.д.

5. Слова, выражающие общественно-политические понятия: *watan* ‘родина, отечество; отчизна’, *däülät* ‘государство, держава; империя’, *cämğyjät* ‘общество, община; организация, объединение’, *ictimaguj* ‘общественный, социальный’, *qanun* ‘предписание, догма, догмат; закон; канон, правило, норма’, *mädänijät* ‘культура; цивилизация’, *mämläkät* ‘страна; государство’, *millät* ‘нация, национальность’, *xalyq* ‘народ, люди; масса, массы’, *xökümät* ‘правительство’, *xörriyät* ‘свобода, воля, независимость’ и т.д.

6. Слова, выражающие понятия из области управления, права и военного дела: *ämir* ‘повелитель, правитель; эмир, князь’, *wäzir* ‘визирь; министр двора’, *ğajep* ‘вина; обвинение’, *dälil* ‘доказательство, довод, аргумент; свидетельство, подтверждение, мотивировка, основание’, *došman* ‘враг, неприятель, противник; недруг’, *cäza* ‘наказание, взыскание; кара; казнь’, *idarä* ‘управление, руководство; администрация’, *mödir* ‘заведующий, управляющий’, *patša* ‘царь’, *solyx* ‘мир, перемирие’, *täxet* ‘трон, престол’, *xökem* ‘суд; решение, определение (судебное);

приговор’, *höcüm* ‘нападение, нашествие; налёт, набег’, *šah* ‘шах’, *šahit* ‘свидетель; очевидец; наблюдатель’ и т.д.

7. Слова, выражающие религиозные понятия: *azan* ‘азан (у мусульман: призыв к молебну, приглашение к богослужению)’, *axirät* ‘загробная жизнь, потусторонний мир’, *äülijä* ‘святой, угодник’, *ğyjbädät* ‘молитва; молебен, моление’, *doğa* ‘молитва; обращение к Аллаху’, *cännät* ‘рай’, *cähännäm* ‘ад, пекло, преисподняя’, *iman* ‘вера в Аллаха, верование; исповедывание/исповедание религии’, *mäxšär* ‘день страшного суда, день воскресения из мёртвых’, *namaz* ‘намаз (обязательная молитва у мусульман, совершаемая пять раз в день)’, *šäriğat* ‘шариат (письменный свод мусульманских законов)’ и т.д.

8. Слова, выражающие медицинские понятия: *daru* ‘медикамент, лекарство’, *däwa* ‘лекарство, целебное (лечебное) средство’, *cärähät* ‘рана, ранение; порез, разрез’, *sälamät* ‘здоровый (не больной)’, *tabib* ‘врач, доктор, эскулап’, *šifa* ‘целебное свойство; целебность, целительность’, и т.д.

9. Слова, выражающие понятия из повседневной жизни: *ambar* ‘амбар, житница’, *arba* ‘арба, телега, повозка’, *äsbap* ‘орудие, средство, принадлежность, пособие, прибор’, *bazar* ‘базар, рынок’, *bina* ‘здание, строение, постройка’, *cihaz* ‘мебель; домашняя утварь; оборудование; оснащение’, *pärdä* ‘занавес, штора; плёнка; перепонка; завеса’, *pyjala* ‘стекло’, *sabyn* ‘мыло’, *sandyq* ‘сундук’, *säğat* ‘часы’, *taqta* ‘доска, пластина, плита (предмет с плоской поверхностью, приспособленная для определённой цели)’, *xušbuj* ‘духи’, *šäm* ‘свеча’ и т.д.

10. Слова, выражающие пространственно-временные понятия и природные явления: *waqyt* ‘время, пора’, *ğaläm* ‘космос, вселенная; мир’, *ğasyr* ‘век, столетие’, *däwer* ‘эпоха, период, время; век’, *därja* ‘большая река, поток; море’, *zaman* ‘время; времена; эпоха; век; период’, *zilzilä* ‘(сильное) землетрясение; буря, ураган, тайфун’, *moxit* ‘среда, окружающая среда’, *nur* ‘луч, свет, сияние’, *ofyq* ‘горизонт, небосклон; даль’, *tabiğat* ‘природа’, *tufan* ‘всемирный потоп; сильнейший дождь; буря с дождём; наводнение, потоп,

половодье’, *hawa* ‘воздух, атмосфера; небо’, *šäfüq* ‘заря, зарево, закат; отсвет заката’ и т.д.

11. Слова, выражающие абстрактные понятия из различных сфер общения: *cawap* ‘ответ’, *iğlan* ‘объявление, извещение’, *işarä* ‘жест, мимика; знак’, *röxsät* ‘разрешение, позволение, дозволение’, *safsata* ‘болтовня, вздор, пустые рассуждения, бессмыслица’, *säbäp* ‘причина’, *sälam* ‘привет; приветствие’, *täbrik* ‘поздравление’, *täqdim* ‘предложение’, *xäbär* ‘весть, известие’, *xäräkät* ‘движение’, *xörmät* ‘уважение, почёт, почтение, честь’, *şart* ‘условие’, *şöğyl* ‘дело, занятие; труд, работа’, *şöhrät* ‘слава, известность, знаменитость’ и т.д.

12. Слова, выражающие свойства лиц, предметов и явлений: *arzan* ‘дешёвый, недорогой’, *ğacäjer* ‘изумительный, чудный, чудесный, замечательный, поразительный’, *ğafil* ‘беспечный, беззаботный’, *ğorur* ‘гордый’, *zalim* ‘жестокий, безжалостный, бесчеловечный, деспотичный, деспотический’, *ziräk* ‘сообразительный, понятливый, догадливый; находчивый, смыслённый; сметливый, смекалистый, восприимчивый’, *qadim* ‘старинный, древний, давний’, *mahir* ‘мастер, умелец’, *mähabät* ‘державный, величавый, солидный, внушительный, статный, осанистый’, *mäşğul* ‘занятый’, *mäşhür* ‘известный, популярный, знаменитый, прославленный’, *möläjem* ‘ласковый, мягкосердечный, нежный, мягкий’, *naçar* ‘плохой, нехороший, скверный, неважный, дурной, худой, дрянной’, *näfis* ‘изящный, тонкий, точёный’, *paq* ‘чистый, пречистый’, *sabyr* ‘сдержанный, уравновешенный, выдержанный; спокойный, терпеливый’, *saf* ‘чистый; настоящий, подлинный; свежий’, *täkäbber* ‘гордый, надменный, заносчивый’, *fäqyjr* ‘бедный, нищий, малоимущий, нуждающийся’, *fidaqar* ‘самоотверженный, беззаветный, преданный’, *xätär* ‘опасный, рискованный’ и т.д.

Как уже было отмечено, данный список носит условный характер, и он не представляет собой перечень всех функционировавших в старотатарском письменном литературном языке во второй половине XIX – начале XX вв. арабских и персидских заимствований. В полном объеме они представлены в словаре М.И. Махмутова [Махмутов, 1993], а в функционально-стилистическом

аспекте исследованы в работах В.Х. Хакова [Хаков, 1972; 1993; 2003], Ф.С. Хакимянова [Хакимянов, 1978; 1987], Я.С. Ахметгалиевой [Ахметгалиева, 1979], Ф.М. Хисамовой [Хисамова, 1990; 1999], Г.Г. Зайнуллина [Зэйнуллин, 1998; 1999], И.Б. Башировой [Бэширова, 2006; 2010], Ф.Ш. Нуриевой [Нуриева, 1999; 2004], Э.Х. Кадировой [Кадирова, 2001], Х.Х. Кузьминой [Кузьмина, 2001], Р.Т. Юзмухаметова [Юзмухаметов, 2001], А.Ф. Юсупова [Юсупов, 2014] и др., а также в коллективных монографиях «История татарского литературного языка (XIII – первая четверть XX в.)» [История татарского литературного языка..., 2003] и «Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр – XX йөз башы)» [Татар әдәби теле тарихы..., 2019, 2020]. В рамках диссертационного исследования основное внимание будет уделено на социолингвистические аспекты их бытования в указанной стране татарского языка.

Говоря о заимствованиях в старотатарском письменном литературном языке, следует также не забывать о русских и западноевропейских элементах, которые в функционально-стилистическом и социолингвистическом аспектах изучены еще в недостаточной степени. При этом следует отметить, что их интенсивное проникновение в указанную функциональную разновидность татарского языка начинается во второй половине XIX – начале XX вв. в результате общественно-политической и художественно-литературной деятельности представителей, сформировавшейся именно в этот период как отдельная группа светской интеллигенции. Данный факт также указывает на социальную обусловленность их проникновения в татарский язык. В тематическом плане их можно разделить на следующие группы:

1. Наименования одежды, посуды, блюд и напитков: *galuř* ‘галoша’, *řilet* ‘жилет’, *kesäl* ‘кисель’, *konjak* ‘коньяк’, *kotlet* ‘котлета’, *palto* ‘пальто’, *pařtet* ‘паштет’, *perčatka* ‘перчатка’, *pilmän* ‘пельмень’, *podnos* ‘поднос’, *prännek* ‘пряник’, *samovar* ‘самовар’, *sarafan* ‘сарафан’, *soljanka* ‘солянка’ и т.д.

2. Наименования отдельных частей жилища и мебели: *balkon* ‘балкон’, *vanna* ‘ванна’, *divan* ‘диван’, *kärniz* ‘карниз’, *koridor* ‘коридор’, *krovat* ‘кровать’, *nomer* ‘номер’, *östäl* ‘стол’, *paradnyj* ‘парадный’ и т.д.

3. Наименования принадлежностей повседневного быта: *ger* ‘гиря’, *kolokol* ‘колокол’, *matras* ‘матрац’, *munčala* ‘мочалка’, *paket* ‘пакет’, *pridan* ‘приданое’, *ramka* ‘рамка’, *fonar* ‘фонарь’ и т.д.

4. Наименования профессий: *gorničnaja* ‘горничная’, *dvornik* ‘дворник’, *kučer* ‘кучер’, *pisar* ‘писарь’, *prikazčik* ‘приказчик’, *sekretar* ‘секретарь’, *švejtsar* ‘швейцарь’, и т.д.

6. Слова, выражающие понятия из области культуры, искусства и литературы: *garmon* ‘гармонь’, *drama* ‘драма’, *klub* ‘клуб’, *muzyka* ‘музыка’, *orkestr* ‘оркестр’, *pianino* ‘пианино’, *roman* ‘роман’, *teatr* ‘театр’, *truppa* ‘труппа’ и т.д.

7. Слова, выражающие понятия из области образования и науки: *akademija* ‘академия’, *barometr* ‘барометр’, *gimnazija* ‘гимназия’, *grammatika* ‘грамматика’, *diplom* ‘диплом’, *kurs* ‘курс’, *professor* ‘профессор’, *rektor* ‘ректор’, *student* ‘студент’, *universitet* ‘университет’ и т.д.

8. Слова, выражающие понятия из области управления, права и военного дела: *avtonomija* ‘автономия’, *advokat* ‘адвокат’, *amnistija* ‘амнистия’, *ataka* ‘атака’, *departament* ‘департамент’, *jurist* ‘юрист’, *krepost* ‘крепость’, *ofitser* ‘офицер’, *plen* ‘плен’, *polkovnik* ‘полковник’, *prigovor* ‘приговор’, *prisyažnyj* ‘присяжный’, *pristav* ‘пристав’, *senat* ‘сенат’, *sledovatel* ‘следователь’, *staršina* ‘старшина’, *sud* ‘суд’, *sudja* ‘судья’ и т.д.

9. Слова, выражающие медицинские понятия: *akušerka* ‘акушерка’, *aspirin* ‘аспирин’, *bolnitsa* ‘больница’, *doktor* ‘доктор’, *klinika* ‘клиника’, *čaxotka* ‘чахотка’ и т.д.

10. Слова, выражающие понятия из области банковского дела, финансов, почты и транспорта: *banedrol* ‘бандероль’, *bankrot* ‘банкрот’, *vagon* ‘вагон’, *veksel* ‘вексель’, *kapital* ‘капитал’, *kareta* ‘каре́та’, *kassa* ‘касса’, *parohod* ‘пароход’,

pojyzd ‘поезд’, *pošta* ‘почта’, *pristan* ‘пристань’, *sčet* ‘счет’, *sudno* ‘судно’, *tarantas* ‘тарантас’ и т.д.

Таким образом, в рассматриваемом нами синхронном срезе старотатарский письменный литературный язык представлял собой идиом, которой, кроме собственно татарского, объединял в себе и другие компоненты, как тюркского, так и иноязычного происхождения.

В прошлом в исследованиях в области теории и истории литературного языка основное внимание уделялось изучению его фундаментальных свойств (нормированность, общеобязательность, функциональная разграниченность использования и т.д.), что определяло их чисто языковую направленность. Такая основа была заложена еще в трудах участников Пражского лингвистического кружка, одним из важнейших итогов работы которого явилось «...принципиально новое понимание сущности литературного языка, теории нормы и кодификации, теория стилистических пластов, стилистической дифференциации литературного языка» [Пражский лингвистический кружок, 1967, с. 545]. Предложенные чешскими учеными принципы и методология были приняты и представителями отечественной тюркологической школы. Так, например, Э.Р. Тенишев в своей работе «Принципы составления исторических грамматик и истории литературных языков» отметил, что «...занимаясь историей литературного языка надо всегда помнить его природу, которую определяет сумма сущностных признаков: 1) наличие обработанности, шлифовки в той или иной степени; 2) функционально-стилистическая вариативность; 3) вариативность нормы; 4) наддиалектный характер; 5) преемственность (традиция)» [Тенишев, 1988, с. 73].

В последующем данная установка определила общую направленность исследований в области истории татарского литературного языка. Как показывает анализ научных трудов, в большинстве из них основное внимание уделяется изучению указанных выше его свойств. Однако на сегодняшний день среди ученых закрепилось мнение о том, что исследование различных функциональных подсистем общенационального языка только в чисто лингвистическом аспекте не

полностью раскрывает их сущность, в частности ту ее часть, которая обусловлена социальными факторами. В результате появились различные трактовки социологического характера отдельных языковых страт, в том числе и литературной. В рамках нашего диссертационного исследования в основу было взято предложенное группой ученых во главе с Л.П. Крысином определение, согласно которому современный русский литературный язык определяется как «...подсистема русского национального языка, на которой говорят лица, обладающие следующими тремя признаками: 1) русский язык является для них родным; 2) они родились и / или длительное время (всю жизнь или большую ее часть) живут в городе; 3) они имеют высшее или среднее образование, полученное в учебных заведениях с преподаванием всех предметов на русском языке» [Современный русский язык..., 2003, с. 35].

Учитывая особенности исторического развития татарского общества, проецирование данной дефиниции в полном объеме на исследования по истории татарского литературного языка на наш взгляд представляется невозможным. Здесь неоспоримым является учет лишь первого пункта в соответствующей редакции (татарский язык является для них родным), так как в указанный период татарское общество, не считая представителей отдельно взятых социальных слоев и групп, в силу своей закрытости было моноязычным, соответственно никакой другой язык не мог восприниматься татарами в качестве родного.

Невозможность применения второго пункта определяется тем фактором, что до эпохи индустриализации татары в основной своей массе проживали в селах и деревнях. В результате койне – наддиалектная языковая форма, которая могла бы обеспечить повседневную коммуникацию в различных сферах общественной жизни между носителями разных диалектов и составить основу литературному языку, у татар изначально сложилась в сельской местности. И только с развитием промышленности, которое дало толчок оттоку части крестьян из села, оно заняло свою нишу в сфере городского общения.

Что касается третьего пункта, здесь необходимо учитывать тот факт, что до событий Октябрьского переворота 1917 г. система образования у татар, как уже было сказано, не была государственной, а функционировала автономно за счет местного населения. По этой причине отсутствовали единые образовательные нормы и стандарты, а также какая-либо системность в обучении родному языку.

До рассматриваемого периода учеба в татарских медресе сводилась обучению чтению и письму на арабской графике, канонам и нормам ислама посредством заучивания религиозно-дидактических произведений, которые издавались большими тиражами и имели широкое распространение среди населения. Присутствовало также чтение художественных сочинений, написанных на восходящих к древнетюркскому языку среднетюркском и старотатарском языках, что в определенной степени способствовало усвоению письменных литературных норм и традиций, т.е. формированию языковой культуры. В отдельных случаях указанные произведения читались муллами в мечетях и перед своими прихожанами. Вот как это описывается в произведении классика татарской литературы Г. Исхаки (1878 – 1954 гг.) «Мулла бабай» («Старик мулла»): ‘Чтение муллой дастана «Саидбаттал»¹ шакирды слышали своими ушами, увидели своими глазами. <...> То, что все мужики слушали словно хотели проникнуть внутрь книги, <...> их искренние ликования, возгласы «Ах!», которые они все издавали, словно поддерживая Саидбаттала, <...>, все это указывало насколько искренно они слушали’ [Исхакий, 2001, с. 329]. (*Перевод наш – Р.М.*)

В силу конфессиональной направленности образовательного процесса основное место в нем занимало изучение арабского и персидского языков, которые использовались татарами в качестве языков религии, науки, поэзии и суфийско-мистической литературы. Вследствие этого многие представители

---

¹ «Саидбаттал» – «Сказание о Саид-Баттале воителе», памятник средневековой турецкой литературы; героический дастан. Существовал в устной форме, записан в XIV–XV вв. Среди татар получил распространение не позже XVII в. наиболее ранний список татарского варианта дастана датируется 1709 г. С XIX в. неоднократно переиздавался. [<https://tatarica.org/ru/razdely/kultura/literatura/tatarskaya-literatura/kyssa-i-said-battal-gazyj>].

интеллигенции, как духовной, так и светской, были полилингвальными личностями, которые наряду с указанными выше языками владели еще и османско-турецким. Об этом свидетельствуют написанные ими на этих языках научные труды и художественные произведения, а также выполненные ими переводы на татарский язык сочинений восточных авторов. Изучение же самого татарского языка и обучение на нем началось лишь в конце XIX в. с появлением новометодных школ.

Ученый, под которым подразумевался человек, сведущий в вопросах веры, у татар пользовался большим уважением. В свое время по этому поводу известный немецкий этнограф, историк, археолог и нумизмат К. Фукс написал следующее: «Татарин, неумеющий читать и писать, презирается своими земляками, и, как гражданин, не пользуется уважением других. По сему-то всякий отец старается, как можно ранее записать детей своих в училище, где бы они выучились по крайней мере читать, писать, и узнали бы начала своей религии» [Фукс, 1844, с. 113–114]. Однако, несмотря на это, многие после овладения чтением и письмом, а также элементарными религиозными навыками, в силу трудных жизненных обстоятельств, прекращали посещение занятий. Дальнейшее образование, которое предполагало учебу в городских медресе, стоявших на одну ступень выше деревенских, а также в учебных заведениях Средней Азии, Турции и Египта, могли позволить себе лишь дети из состоятельных семей. Среди них основную массу составляли сыновья мулл и ахунов. Поэтому до середины XIX в. большинство татарских поэтов, которые в своих произведениях задавали тон в развитии письменных литературных норм и традиций, были выходцами из семей, указанных выше священнослужителей. Нередко они и сами занимались религиозной деятельностью [Гайнуллин, 1975, с. 88–89].

Само обучение в медресе не подразумевало получение какого-нибудь специального филологического образования. Все необходимые для творческой деятельности навыки и знания приобретались самостоятельно. В дальнейшем, в конце XIX – начале XX вв., ряды литературных деятелей стали пополняться и

представителями светской интеллигенции, которая объединила в себе выходцев из дворян, купцов, мещан и отчасти крестьян.

Если принять во внимание тот факт, что «к концу XIX в. подавляющее большинство татарского населения относилось к сословию крестьян» [История татар..., т. VI, 2013, с. 55], которые в большинстве случаев уровнем и качеством своего образования не соответствовали статусу носителей татарского литературного языка, его социальная база в этот период на первый взгляд покажется слишком зауженным. Здесь необходимо учесть принцип неодинаковой расположенности членов социума от так называемого «нормативного ядра». Согласно ему «чем глубже языковая культура человека, чем прочнее его профессиональная связь со словом, тем ближе его речь к этому ядру, тем совершеннее владение литературной нормой и, с другой стороны, тем обоснованнее сознательные отступления от нее в практической речевой деятельности» [Современный русский язык..., 2003, с. 34–35]. Конечно, не все представители отмеченных выше социальных слоев татарского общества владели этими качествами. Однако широко распространенный среди татар культ книги и знания все же позволяет нам утверждать, что они в своей повседневной речевой практике в той или иной степени, пусть и не всегда, но все же придерживались письменным литературным нормам и традициям и тем самым их можно отнести к категории носителей татарского литературного языка.

Таким образом, исходя из выше изложенного, относительно предмета исследования можно сделать следующие выводы:

- 1) носители татарского литературного языка в конце XIX – начале XX вв. в той или иной степени были представлены во всех социальных слоях и группах общества;
- 2) татарский язык был для них родным;
- 3) в основной своей массе они были выходцами из сельской местности и проживали там же;

4) большинство из них имело начальное и лишь часть среднее образование, полученное в учебных заведениях религиозной направленности;

5) их языковая культура в целом формировалась под влиянием древне- и среднетюркских, а также старотатарских письменных литературных традиций.

Народно-разговорные (обиходно-разговорные) формы татарского языка во второй половине XIX – началу XX вв. В современном языкознании «под народно-разговорной, или обиходно-разговорной, формой понимается любая альтернатива литературной форме, кроме разве что тайных языков как средств ситуативного общения» [Аврорин, 1975, с. 56]. При этом по степени своей распространенности они подразделяются на ограниченные в ареальном или социальном отношениях идиомы (диалекты) и общенародные формы.

Учитывая тот факт, что в историческом плане контакты между восточным диалектом и другими формами существования татарского языка носили ограниченный характер ввиду географической отдаленности первого и что его элементы не представлены в структуре старотатарского письменного литературного языка, в рамках настоящей работы будут рассмотрены только средний и западный диалекты.

Исследования татарских диалектологов, указывают на то, что формирование данных географических разновидностей татарского языка в их современных чертах происходило в течение XVI – XIX вв. Соответственно можно сказать, что ко второй половине XIX – началу XX вв. они уже сложились окончательно и обрели современный облик. На это указывают и сведения из научных трудов О. Бётлингга [Boetlingk, 1851], Л. Будагова [Будагов, 1869; 1871], Н.И. Золотницкого [Корневой чувашско-русский словарь..., 1875], А.Г. Бессонова [Бессонов, 1881], В.В. Радлова [Radloff, 1882], В.А. Казаринова [Казаринов, 1884], Е.А. Малова [Малов, 1885], Х. Паасонена [Paasonen, 1889 / 1953], Н.Ф. Катанова [Катанов, 1898; 1900], Г.Н. Ахмарова [Ахмаров, 1903], С.Е. Малова [Малов, 1904], Р. Пелисьера [Pelissier, 1912 / 1919], Дж. Валиди [Валиди, 1927] и др. Далее особенности рассматриваемых нами региональных вариантов татарского языка

находят свое отражение в текстах священных и вероучительных книг XIX в., составленных русскими миссионерами в целях распространения православия среди татар на основе их говоров [Нуриева, 2015а, 2017].

В татарской диалектологии в качестве ведущих отличительных фонетических черт среднего диалекта выделяются следующие особенности:

а) употребление лабиализованного гласного [a^o]: *qa^ora^o* ‘черный’, *ta^o* ‘ветка’, *sa^ojğa^oq* ‘половица’;

б) наличие дифтонгов: *öj* ‘дом’, *bäjräm* ‘праздник’, *qajčan* ‘когда’;

в) употребление увулярных согласных [q], [ğ], [x], [ñ]: *qul* ‘рука’, *aqrın* ‘медленно’, *qarğa* ‘грач’, *añ* ‘сознание’, *tañ* ‘заря’, *xatın* ‘женщина’, *xäzer* ‘сейчас’;

г) замена аффрикат щелевыми согласными [c], [č].

Кроме этого отдельные говоры характеризуются и такими фонетическими признаками:

а) анлаутный согласный [c] перед гласными заднего ряда: *cul* (литер. *jul*) ‘дорога’, *carma* (литер. *jarma*) ‘крупа’, *caz* (литер. *jaz*) ‘весна’;

б) замена увулярного согласного [x] увулярным согласным [q]: *qatın* (литер. *xatın*) ‘женщина’, *qat* (литер. *xat*) ‘письмо’, *qurmät* (литер. *xörmät*) ‘уважение’, *qazer* (литер. *xäzer*) ‘сейчас’;

в) употребление в конце слова дифтонга [aj]/[äj] вместо [uj]/[i]: *almaj* (литер. *almij*) ‘не берет’, *soraj* (литер. *soryj*) ‘спрашивает’, *šundaj* (литер. *šundyj*) ‘такой’, *belmäj* (литер. *belmi*) ‘не знает’, *birmäj* (литер. *birmi*) ‘не дает’.

В грамматическом плане говоры среднего диалекта характеризуются следующими отличительными чертами:

а) двойной аффикс принадлежности третьего лица единственного числа -*usy/-susu*: *äjberese* ‘его вещь’, *ansusu* ‘тот из них’;

б) широкое употребление именных словосочетаний без аффиксов принадлежности: *mük ciläk* ‘клюква’, *cir ciläk* ‘земляника’;

в) употребление наречий, образованных при помощи аффикса -*lyqta*: *quşlyqta* (литер. *quşın*) ‘зимой’, *cazlyqta* (литер. *jazın*) ‘весной’;

- г) сохранение древних форм инфинитива на *-tağa*, *-ta*, *-maly*, *-asy*;
- д) употребление форм причастия долженствования на *-maly* и *-asy*;
- е) наличие имени действия на *-uŝ*;
- ж) употребление сложного аффикса второго лица множественного числа в форме настоящего времени изъявительного наклонения *-syğuz*;
- з) употребление вместо формы преждепрошедшего времени на *-ğan idem* формы *-dum uju* [Татар халык сөйләшләре, 2008а, с. 21–22].

В качестве ведущих фонетических особенностей западного диалекта ученые выделяют следующие его черты:

- а) полная делабиализация гласного [a°];
- б) ослабление и полное отсутствие губной артикуляции в ряде говоров;
- в) переход дифтонга [öj] в дифтонги [üw], [üv], [ew], [ev] и в монофтонги [ü], [e];
- г) выпадение в дифтонгах [aj], [äj] и т.п. звука [j] перед согласными [l], [n], [r], [d], [t], [č] с последующей палатализацией последних;
- д) отсутствие увулярных согласных [q], [ğ], [x];
- е) отпадение анлаутного [ğ] арабских заимствований;
- ж) противопоставление анлаутного [j] анлаутному [c] в среднем диалекте;
- з) наличие аффрикат [tč] и [ts].

В грамматическом плане западный диалект характеризуется следующими особенностями:

- а) наличие временных наречий, образованных посредством лексических единиц *kata* и *ozon*: *tön kata* (литер. *tön buju*) ‘всю ночь’, *köz kata* (литер. *köz buju*) ‘всю осень’, *kön ozon* (литер. *kön buju*) ‘весь день’;
- б) употребление формы инфинитива на *-(y)rğa*;
- в) употребление архаичных форм второго лица единственного числа повелительного наклонения на *-ğyn*, *-ğyl*, *-uñ*;
- г) наличие древней формы третьего лица единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения на *-adyr*;

д) употребление форм первого и второго лиц обоих чисел прошедшего времени на *-(y)p*;

е) наличие формы желательного наклонения на *-ğy keli*;

ж) употребление аффикса со значением многократности действия *-ğaqła* [Татар халык сөйләшләре, 2008а, с. 12–26].

В научном сообществе бытует мнение о том, что на современном этапе «территориальные диалекты, подвергшиеся сильнейшему расшатывающему и нивелирующему влиянию литературного языка, почти нигде не существуют в чистом виде – все большее распространение получают промежуточные образования, совмещающие черты диалекта, литературной речи и просторечия» [Современный русский язык..., 2003, с. 33]. Однако данный постулат теряет свою актуальность при рассмотрении среднего и западного диалектов татарского языка в диахроническом аспекте, что обусловлено прежде всего особенностями структуры их социального субстрата, т.е. основного контингента носителей, которых во второй половине XX – начале XIX вв., как и на современном этапе представляли жители сельской местности, а именно крестьяне. Учитывая тот факт, что в рассматриваемый период они составляли более девяноста процентов от общего числа поволжско-уральских татар, социальная база этих идиомов татарского языка представляется довольно обширным. Кроме этого следует также отметить, что формирование городских общин в результате внутренних миграций способствовало проникновению диалектных форм в речевую практику и городских жителей.

В отличие от региональных разновидностей языка, социальные диалекты (социолекты, социальные жаргоны, социальные варианты языка), в силу их употребления внутри определенных социальных групп (сословных, профессиональных, возрастных) характеризуются ограниченностью своего социального субстрата. В системе социальных диалектов татарского языка в рассматриваемый период особо выделяется социолект торговцев и приказчиков, на который в свое время обратил внимание писатель, языковед, историк и

фольклорист Гали Рахима (1892 – 1943 гг.). Так, например, в его фонде, который хранится в Центре письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук РТ («Мирасханә»), наряду с образцами татарского фольклора зафиксированы около ста лексических единиц и выражений, которые ученый называет «базар жаргоны» («базарный жаргон»): *суруқ* ‘офицер’, *çartlawuq* ‘шампанское’, *pänec tijen* ‘пять копеек’, *peç tijen* ‘двадцать копеек’, *danar tijen* ‘тридцать копеек’, *çel tijen* ‘сорок копеек’, *mit tijen* ‘пятьдесят копеек’, *jaq* ‘рубль’, *dükäš* ‘два рубля’, *sikäš* ‘три рубля’, *çarki* ‘четыре рубля’, *pänceki* ‘пять рублей’, *šašenki* ‘шесть рублей’, *däkäš* ‘десять рублей’, *peçteki* ‘двадцать рублей’, *poçtaq* ‘двадцать пять рублей’, *jarty äbi* ‘пятьдесят рублей’, *äbi*, *qarçuq*, *bağana* ‘сто рублей’, *qort* ‘деньги’, *zähäp* ‘золото’, *utyrtu* ‘обмануть’, *qupty* ‘нож’, *suqquç* ‘жулик’, *ğyjbdi*, *ğyjbadi* ‘мужик’, *qojruq* *söjäge* ‘мещанин’, *qyrğan* ‘татарин’, *aryš maju*, *kügärçen söte* ‘водка’, *çükü* ‘пить’, *näükäs*, *näkäs* ‘неуклюжий человек, человек большого телосложения’, *şyldy* ‘худой человек’, *dömtü* ‘понять’ и т.д. [Татарские народные частушки...]

Согласно материалам из рассмотренных нами источников речь торгового люда характеризуются употреблением таких метафорических и метонимических выражений как: *advokatlarınuñ-fälännärneñ avuzlaryn majlau* ‘подмазать рты адвокатов и тому подобных’², *eşlär çualu* ‘осложнение дел’, *eşne äjländerü* ‘провернуть дело’, *jafrağ astyna kerü* ‘обанкротиться; букв. зайти под лист’, *jort-cir*, *at-tun* ‘личное имущество’, *qyrşau atu* ‘обанкротиться; букв. сбросить обводку’, *qory qul qalu* ‘остаться ни с чем; букв. остаться с пустой рукой’, *maldan çirtü* ‘воровать из имущества’, *malyn basu* ‘арестовать чье-либо имущество’, *Mäkärçäne äjländerü* ‘провернуть дела на Макарьевской ярмарке’, *söjagen üzgärtü* ‘обмен оставшего товара на другой; букв. заменить кость’, *şartlau* ‘обанкротиться; букв. взорваться’, *uryş eşe* ‘суд; досл. дело русских’. Например: *Ämma bezneñ tatar bajlarynda eşlär başqaça. Prikazçığy keşe şikelle jaxşyraq kijem kijensä dä: «Bu minem malymnan çirtep tektermädeme ikän?» – dip täşwyşlänä başlyjdyr* [Мөхәммәдев,

² Здесь и далее дается буквальный перевод примеров.

1958, с. 67] ‘Но у наших татарских богачей все обстоит по-другому. Если его приказчик, как человек наденет одежду получше, он начинает скандалить говоря: «А не справил ли он [одежду], украв из моего имущества?»’; *Şundyj ütmäs malny satarğa jäki hiç bulmasa «söjügen üzgürtep» başka närsägä alyşyrga jänä prikazçiklar kiräk buladyr* [Там же, с. 68] ‘Чтобы продать такой не ходовой товар или хотя бы «заменив кость» поменять на что-то другое снова нужны приказчики’; *Eş jaxşy balsa da, jaman balsa da alyş-bireşle keşelär Mäkärcägä barmyj qalmyjdyr. Eşe urtaraq säüdägärlär jäki şunda eşne «äjländerep» alalar. Bulmasa avgust ajynyň jegerme dürtençe, jegerme bişençe könnärendä «jafraq astyna» kerälär* [Там же, с. 69] ‘Несмотря на то, хорошо или плохо дела идут, торговый люд Макарьевскую ярмарку не пропускает. Торговцы средней руки, там «проворачивают» свои дела. Если не получится на двадцать четвертый, двадцать пятый день августа заходят «под лист»’.

Заслуживает внимания и социолект религиозных служителей, преподавателей и шакирдов, который характеризуется употреблением непонятной простому народу лексики арабского и персидского происхождения. В частности, его сопутствующими элементами являются названия научных трактатов средневековых авторов, посвященных вопросам религии, веры и права, толкований к ним, которые в старометодных медресе использовались в качестве учебников, а также образованных на их основе лексических единиц и выражений, указывающих на уровень знаний и статус шакирдов. Например: *Mädräsädä şäkertlär ike törleğa bülenä: berse mädräsägä kilep kerüdän alyp çyqqançyğa qadär şul kujylğan programmany tämam uqyp çyğa da pişqadäm bulyp däres äjtä. Ikençese baştan bergä başlasa da, «Änmüzäc»dä bik aqsap, «Qafiyä»dä bik suğylyp aryp betkäç, «Şärxe Mulla»ny ütep, «Isağuci»ğa kitmäjençä, «Moxtäsar»ğa töşä, jäğni mantyjny uqymajynça, näxü, fiqhe, ysuly fiqhe belän eşne betermäkçe bula. Läkin ul berwaqytta da alaj bulyp çyqmyj. «Moxtäsar»ğa töşkän keşe hiçber waqyt sabaq uqymyj; ul bik ozaqqa qadär «Moxtäsar»dan ütmi. Annan ary bik zurajyp kitsä genä «Şärxe wiqaja»-fälän uqyğan bula, «Hidaja» uqyğan bula, «Täüzyjx» uqyğan kebi jöri. Küp waqytta*

şularny uquçylarğa şärik bulyp, mädräsäçä äjtsäk, «šahid» bulyp quşyla. Şunyñ öçen «Moxtäsar»ğa töşü» diğan süz «Mädräsädä uqymyjm inde, tujdym» diğan süz itterep añlana wä «Moxtäsar»xannar hiçber waqyt «Moxtäsar»xan ğyna dijelmäjencä, «Tuñ Moxtäsar» syjfaty belän bizäklänep äjtelä [Исхакый, 2001, с. 285] ‘В медресе шакирды делятся на две группы: одни с момента прихода в медресе и до ухода из него полностью осваивают эту поставленную программу и, став пишкадамами³, дают уроки. Другие, хотя и начинают вместе, после того как окончательно устают от трудностей изучения «Анмузадж» и «Кафия», пройдя «Шархе Муллу» и не начав «Исагуджи», приступают к «Мухтасару», то есть, не изучив логику, хотят закончить дело синтаксисом, правом, методами познания. Но так оно никогда не получается. Человек, который приступил к «Мухтасару», никогда не будет учиться; он надолго застрекает в «Мухтасаре». Только после этого, если он очень возвеличится, делает вид, что читает «Шархе викая» и тому подобное, делает вид, что читает «Хидая», ходит, как будто читает «Таузих». В большинстве случаев присоединяется к тем, кто их читает в качестве товарища, если сказать на языке медресе, в качестве «свидетеля». Поэтому выражение «приступил к “Мухтасару”» понимается как «Я уже не учусь в медресе, надоело» и о «Мухтасар»ханах⁴ говорят не просто как о «Мухтасар»ханах, а говорят приукрашивая эпитетом «Болван Мухтасар»’.

Далее социолект шакирдов характеризуется также и употреблением своеобразных и не свойственных другим стратам татарского языка метафорических выражений, таких как *ikmäk čeretkeč* ‘дармоед, нахлебник, тунядец; досл. тот, который сгнаивает хлеб’: *Iptäşlärneñ genä tügel, zurraq šäkertlärneñ, xätta xälfälärneñ dä Xälimgä küz karaşy üzğarde. Mädräsägä kilep, öç-dürt jyl uquğan bulyp, awyldan mädräsägä, ikmäk, juača taşyp aşap jatuçy, mädräsä tele belän äjtsäk, «ikmäk čeretkeč» kenä tügellege belende [Там же, с. 280] ‘Отношение к Халиму изменилось не только у товарищей и шакирдов постарше,*

³ Пишкадам – шакирд-выпускник, ожидающий вакантного места, чтобы стать муллой или остающийся в медресе в качестве младшего преподавателя.

⁴ «Мухтасар»хан – шакирд, изучавший данную книгу.

но и у хальф. Стало ясно, что он был не только тем, кто, придя в медресе, таскал из деревни в медресе хлеб, юачу и попусту ел их, если сказать языком медресе «напрасно тративший хлеб»’.

Общенародно-разговорной формой учеными признается «любая альтернатива регионально или социально ограниченных форм, включая и тайные языки» [Аврорин, 1975, с. 56]. По их мнению, «общенародным может быть и народно-разговорный язык, и литературный язык на высшем этапе своего развития, когда он становится достоянием всех подразделений соответствующего народа» [Там же]. Во второй половине XX – начале XIX вв. литературная форма татарского языка, несмотря на расширение социальной основы и функциональных сфер употребления, в силу того, что в рассматриваемый период представители не всех социальных групп татарского общества в равной степени владели нормами литературного языка и практиковали их в своей повседневной жизни, не обрела общенародного статуса. Но и отрицать наличие такой языковой формы в эпоху консолидации татар в единую нацию, которая, как уже было сказано, сопровождалась становлением таких ее атрибутов как общенациональное экономическое и жизненное пространство, общенациональный язык и менталитет, было бы неправильным.

Начало становления общенародно-разговорной формы татарского языка ученые относят к XVI – XVII вв., когда в результате приведших к смешению друг с другом представителей различных этнографических групп татарского народа миграций в восточные районы Поволжья и Урала возникло своего рода наддиалектное средство общения – так называемое татарское сельское койне. В дальнейшем с усилением урбанизационных процессов на его основе формируется и городское койне, за которым и прикрепляется статус общенародно-разговорного языка. Считается, что в нем в основном преобладают элементы среднего диалекта. Данный факт подтверждается и эмпирическим материалом из рассмотренных нами письменных источников. Здесь в качестве примера можно привести образцы общепринятых речевых выражений из самоучителя А.

Вагапова (1867 г.): *Miña qura ciläge kiräk* [Вагапов, 1867, с. 8] ‘Мне нужна малина’; *Byjyl čijä az buldy* [Там же] ‘В этом году вишни уродилось мало’; *Byltyr miläš bik unğan ide* [Там же] ‘В прошлом году рябины уродилось много’; *Min bik susadym* [Там же, с. 13] ‘Мне очень хочется пить’; *Menä tämle šulpa* [Там же] ‘Вот вкусный суп’; *Miña saryq ite bulsa ide* [Там же, с. 16] ‘Мне бы баранины’; *Bügen bozau ite qyzdyryldy* [Там же] ‘Сегодня была зажарена телятина’; *Samavar qajnar čyqty* [Там же, с. 17] ‘Самовар вскипел’; *Kük niček ajaz* [Там же, с. 20] ‘Какое небо ясное’; *Cil čyğa bašlady* [Там же] ‘Начал подниматься ветер’; *Buran kütärelde* [Там же, с. 21] ‘Поднялась метель’; *Čikmänneñ ciñe sütelgän* [Там же, с. 30] ‘Распоролся рукав кафтана’; *Alarğa berär cilän tektelär* [Там же] ‘Им сшили по халату’; *Min küptän tügel bürek satyp aldym* [Там же, с. 31] ‘Я недавно купил шапку’; *Qulyñ tuñar, bijäli ki* [Там же] ‘Руки озябнуть, надень рукавицы’; *Miña kečkenä häm tar* [Там же, с. 32] ‘Мне малы и тесны’ и т.д.

Что касается социального субстрата данной страты татарского языка, во второй половине XX – начало XIX вв. ее функционирование обеспечивалось речевой деятельностью всех слоев и групп татарского общества. (Об этом более подробно см. в главе II.)

Просторечная форма татарского языка во второй половине XIX – начале XX вв. Материалы письменных источников указывают на присутствие в структуре функциональной парадигмы татарского языка в рассматриваемый период и просторечной формы его существования, которая представляет собой совокупность слов, словоформ, словосочетаний, выражений и оборотов, характерных в основном для речи малообразованных слоев населения и выделяющихся из основного фонда языковых средств окрашенностью в семантическом плане сниженными, грубоватыми модальными и эмоционально-экспрессивными коннотациями. Именно этим и отличается просторечие от других языковых идиомов, а от территориальных диалектов еще и нелокализованностью в границах определенных географических ареалов. В рассмотренных нами письменных текстах были зафиксированы следующие просторечные слова и

выражения: *añğyra* ‘глупец, бестолочь, идиот’, *bytyrdau* ‘тараторить’, *dömegü* ‘сдохнуть, подохнуть’, *uryldau* ‘рычать’, *lyğyrdau* ‘болтать, нести чепуху, молоть чушь’, *mañqa* ‘сопляк, сопливец’, *mataşu* ‘заниматься, возиться с кем-л., чем-л.’, *tuğyrdau* ‘ворчать, бурчать, проворчать, брюзжать’, *sasyq* ‘вонючка’, *aqsaq şaytan* ‘хромой шайтан’, *et kük örep* ‘кричать, ругаться, лаять (досл. лаять как собака)’, *iserek baş* ‘пьяница’, *jözeñ kara bulğyry* ‘будь ты проклят (пусть твое лицо почернеет)’, *küzeñ çykkanmunı* ‘у тебя что глаз нет что-ли’, *şadra şaytan* ‘рябой шайтан’, *taz şajtan* ‘плешивый шайтан’, *tökerek miña* ‘для меня пустяк’, *zinadan tuğmyş* ‘незаконнорождённый, приبلудный’ и т.д.

Несмотря на то, что в рассматриваемый период просторечные формы и выражения в той или иной степени охватывают коммуникативные поведения всех социальных слоев и групп татарского общества, данный идиом татарского языка во второй половине XX – начале XIX вв. в основном находит свое отражение в речи маргинальных элементов общества, ведущих аморальный образ жизни:

Idän urtasyna citkäç, iserek äjter-äjtmäs:

– *Cibär mine... cibär, Şämsi! Cibär mine... min... **analaryn... wallahi, awyızlaryn cimerüm... – di başlady.***

Tegese:

– ***Myğyrdama!** Citmädemeni, tağy qalğan söjkläräñne dä sanatyr ideñme? <...>*
– *Äjdä! Äjdä **anañny...!** Tağy nişlärgä teliseñ?*

Iserek:

– *Şämsi! Şämsi! Min sine onytmam... wallahi... onytmam... tegelärneñ **awyızlaryn cimerdem bit!** <...> Cibär! Cibär! ...awyzyñny ...Cibär! – dijä ide [Исхакый, 2001, с. 17–18]*

‘Когда дошли до середины пола, пьяный человек, еле бормоча, начал говорить:

– Отпусти меня... отпусти, Шамси! Отпусти меня... я... их мать... клянусь Аллахом, разобью им рты...

Тот:

– Не бурчи! Что не достаточно было, ты что, хочешь, чтобы тебе и другие кости посчитали? <...> Давай! Давай, мать твою..! Что еще хочешь сделать?

Пьяный человек повторял свое:

– Шамси! Шамси! Я тебя не забуду... клянусь Аллахом... не забуду... я же разбил им рты! <...> Отпусти! Отпусти! ...твой рот ... Отпусти!’.
 – Тортмә, qaja barasyñ? Ölgermässeñmeni? Äj çuqynğan urys!!! <...>
 – Min awyzyñny suğyp watarmyn! [Исхакый, 2001, с. 62]

Наиболее ярко они выступают и в речи лиц, вынужденных по тем или иным причинам нищенствовать: *Qarqanyñ här jağyndağy xalyq uryñnaryn taşlap ber jergä öjeldelär. Bu öem, bu çüpräk syjyny tağy çuarlandy, qarty, jäşe, xatyny, qyzy, bala-çağasy – hämmäse qarqağa taba baralar ide.* <...>

– Тортмә, qaja barasyñ? Ölgermässeñmeni? Äj çuqynğan urys!!! <...>

– Min awyzyñny suğyp watarmyn! [Исхакый, 2001, с. 62]

‘Люди, со всех сторон ворот, оставив свои места, скупились в одно место. Эта куча, эта груда тряпья снова зашевелилась, стар, млад, женщины, девушки, ребятня – все шли к воротам. <...>

– Не толкай, куда прешь? Разве не успеешь? Ах ты, нечестивец!!! <...>

– Я тебе разобью рот!’.
 Таким образом, функциональная парадигма татарского языка во второй половине XIX – начале XX вв. представляла собой сложную структуру, внутренние связи между компонентами которого сложились под влиянием как многовековых лингвистических традиций, так и различных факторов экстралингвистического характера, таких как духовно-культурных и социальных. Однако в рассматриваемый период в системе форм существования татарского языка под влиянием социокультурных факторов начались преобразования, что в свою очередь привело к перестраиванию взаимосвязей между ними.

1.4. Среды бытования татарского языка во второй половине XIX – начале XX вв.

В социолингвистике как один из основных экстралингвистических, не обусловленных языковыми процессами, но тесно связанных с ними и не

существующих без них компонентов языковой ситуации рассматривается среда общения (коммуникативная среда), которая определяется как «вид общности людей, связанных между собой родственными, этническими, социальными или территориальными узами, в пределах которого реализуется общение» [Аврорин, 1975, с. 69]. При этом имеется в виду не все возможные общности, а те, «которые способны влиять на языковую ситуацию, или, иначе говоря, те, которые явным образом способны противостоять друг другу по характеру функционирования разных языков или разных форм существования одного языка, по характеру их взаимодействия» [Там же].

В дальнейшем была предложена следующая трактовка рассматриваемой категории: «исторически сложившаяся этносоциоязыковая общность, характеризующаяся стабильными и регулярными внутренними коммуникативными связями и определенной территориальной локализованностью» [Жеребило, 2010, с. 157; Словарь социолингвистических терминов, 2006, с. 92; <https://rus-soc-lingvo-terms.slovaronline.com/260-Коммуникативная%20среда>].

Учитывая особенности этнического и социального развития татар во второй половине XIX – начале XX вв. и исходя из наличных возможностей, из всех выделяемых на сегодняшний день сред бытования языка относительно объекта диссертационного исследования нами будут рассмотрены следующие:

- 1) среда общения внутри народа (внутринациональная коммуникативная среда);
- 2) среды общения внутри социальных групп (социально-групповые коммуникативные среды);
- 3) среда общения внутри профессионально-производственных объединений (профессионально-производственные коммуникативные среды);
- 4) в среде общения в пределах семьи (семейная коммуникативная среда).

Внутринациональная коммуникативная среда. По мнению ученых, данная среда бытования языка представляет собой «рамки употребления языка, равно как и той или иной из форм его существования, совпадающие с границами

соответствующего этнического единства (народа)» [Аврунин, 1975, с. 70–71].

Во второй половине XIX – начале XX вв. происходит трансформация татар из народности феодального типа в прогрессивную буржуазную нацию и процесс этот сопровождался формированием общих экономических устоев жизнедеятельности, общих территориальных зон проживания, общенационального языка, культуры и психологии, а также высокими темпами демографического роста. По мнению историков, «для формирования в общность национального типа татары имели достаточную численность уже на рубеже XVIII – XIX вв., а к концу XIX в. проживавшая в Волго-Уральском регионе наиболее многочисленная их часть стала одной из крупных этнонациональных общностей Российской империи» [История татар..., т. VI, 2013, с. 51].

Одним из основных факторов, повлиявших на развитие татар в этническом и социальном планах в этот период, стало их дисперсное расселение на огромной территории Российской империи, что было обусловлено в первую очередь историческими особенностями их становления как этноса, которое происходило «в результате консолидации татар казанских, астраханских, касимовских, мещерских, а также этнически близких к ним групп северо-западного Приуралья» [История татар..., т. V, 2014, с. 215], проживавших в весьма отдаленных друг от друга регионах. При этом в качестве центра их сплочения как нации выступали Поволжье и Приуралье, а именно земли Казанской и Уфимской губерний и граничащих с ними уездов соседних Вятской, Симбирской, Самарской губерний. Здесь следует отметить также роль внутренних миграций, способствовавших формированию новых татарских анклавов. Если до 60-х годов XIX в. эти перемещения в большинстве случаев были направлены на юго-восточные окраины страны, а именно в приграничные со степями Казахстана и Средней Азии города, то на рубеже XIX – XX вв. татары, основную массу которых составляли представители бедных слоев, в поисках лучшей жизни начали переселяться в города центральной России, в которых стремительными темпами происходила промышленная революция. Другими словами, данные миграции в

большинстве случаев носили урбанизационный характер. Однако, несмотря на это, татары во второй половине XIX – начале XX вв., особенно в регионах их исторического проживания – в Поволжье, Приуралья и Сибири, все еще продолжали оставаться сельской нацией, основную массу которой составляли крестьяне.

Мигрировавшие из сельской местности татары в основном обосновывались в городах Поволжья, Приуралья и Урала, а также в Москве и Санкт-Петербурге. Попав в городские условия, они, закладывая основы новых городских общин этноконфессионального типа, так называемых махалля, которые отличались своей закрытостью в духовно-культурном и хозяйственном отношении для представителей других этнических сообществ, старались сохранить прежний жизненный уклад, основанный в большинстве случаев на народных традициях и канонах ислама. Тем самым как бы сводился к минимуму степень дискомфорта социального и психологического характера, которому подвергался селянин, попадая в непривычные для него условия жизни городской слободы.

Татарские махалля возникали в основном в черте города. Их жители стремились устроить свой быт так, как это было на прежнем месте их проживания – в деревне, который строился на принципе «добрососедских отношений». Тем самым формировалась привычная для них среда обитания и обеспечивалась сохранность самобытных обычаев и традиций. При этом каждый махалля располагала своей мечетью, учебным заведением, лавками и магазинами, а в отдельных случаях и промышленными предприятиями, что в свою очередь обеспечивало автономность его существования и помогало успешно решать повседневные проблемы [История татар..., т. VI, 2013, с. 60–62].

В условиях дисперсного проживания татар на огромных территориях Российской империи татарский язык, как и ислам, выступал как средство поддержания внутренних интеграционных процессов между различными этнографическими группами татарского народа. На протяжении многих веков данную функцию в основном выполняла письменная разновидность его

литературного идиома. Кроме этого внутринациональная коммуникативная среда обслуживалась и общенародно-разговорным языком. Также, в зависимости от социальных факторов ситуативного характера татары в своих языковых контактах на национальном уровне могли переключаться и на диалектные коды. (*Об этом более подробно см. в главе II.*)

Социально-групповые коммуникативные среды. По мнению ученых, выделение и рассмотрение среды общения в рамках тех или иных совокупностей людей, представляющих собой определенные социальные группы, или социально-групповой среды бытования языка, имеет практическую значимость только тогда, «когда между такими группами в пределах одного народа складываются заметные различия в языковой ситуации, т.е. когда одна или несколько таких групп двуязычны, тогда как другие одноязычны, когда в одних группах предпочтение отдается литературному языку, тогда как в других преобладает диалектная речь, когда одна широко пользуется чужим языком, а другие родным и т.п.» [Аврорин, 1975, с. 72]. В этом плане в отношении рассматриваемого нами периода можно выделить коммуникативные среды представителей молодой татарской буржуазии (купцов, торговцев и промышленников), духовенства и крестьян. Что касается мурз, так называемых татарских дворян, в силу своей малочисленности, их коммуникативные потребности каким-то образом не могли повлиять на языковую ситуацию в татарском обществе во второй половине XIX – начале XX вв.

Среда татарского купечества. Купцы в царской России представляли привилегированную сословную группу. Своим манифестом от 17 марта 1775 г. императрица Екатерина II освободила их от подушного налога, наделила преимущественным предпринимательским налогом, освободила от рекрутской службы. Кроме этого купцы первой и второй гильдий пользовались дополнительными личными правами, не подвергались телесным наказаниям, могли иметь крупные промышленные и торговые предприятия.

В купеческие гильдии в зависимости от материального достатка могли записаться также представители мещанского и крестьянского сословий. При этом

в количественном отношении данная процедура никак не ограничивалась. Человек мог записаться купцом сколько угодно раз. Непременным условием была уплата соответствующего сбора. Можно было также приобрести право временного купца той или иной гильдии. Данной возможностью в основном пользовались представители дворянства, подданные иностранных государств, купцы, которые приехали в определенно взятый город из другого региона, чтобы открыть дело [История татар..., т. VI, 2013, с. 152].

Позиции татарских купцов наиболее были сильны в Оренбурге, Казани, Уфе и Симбирске, среди местных сообществ купеческого сословия которых они выделялись как в количественном отношении, так и своей коммерческой деятельностью. Постепенно татарский торговый люд активизировался и в других российских городах.

Говоря об особенностях деятельности татарских дельцов, следует отметить, что в отличие от остальной части российского купечества она опиралась в основном на торговый капитал, чем на промышленный, и была связана с мелкотоварными производственными отношениями. Другой чертой была нацеленность на освоение восточного рынка, в том числе и за пределами империи. Начиная с середины XIX в. татарские купцы начали осваивать и местные рынки, а именно те их сегменты, которые традиционно строились на основе мусульманских религиозных правил и порядков и в которых доминировала тюрко-татарская языковая среда. Так, например, до второй трети XIX в. ведущие позиции в татарских деловых кругах занимали купцы, основным родом деятельности которых выступала торговля чаем. Далее среди татарских промышленников особо выделялись хозяева кожевенных и мыловаренных заводов, текстильных мануфактур, предприниматели, которые производили национальную одежду, обувь, головные уборы и ювелирные изделия.

Несмотря на то, что в рассматриваемый период многие из крупных татарских дельцов принимали участие в деятельности различных банковских учреждений и кредитных организаций, а также выступали в качестве членов их

правлений, своих кредитно-финансовых институтов ввиду неконкурентоспособности из-за недостаточности капитала и нахождения данной деятельности под религиозным запретом у них не было. Необходимые для ведения дел суммы они на основе устных сделок одалживали друг у друга.

Для татарских купцов не было характерно также проведение торговых операций через официально созданные товарные биржи. Но при этом в Казани на месте сосредоточия городской национальной торговли, в так называемом Сенном базаре (Печән базары) функционировала своеобразная национальная биржа, деятельность которой строилась на устоявшихся в татарской торговой среде нормах и традициях.

Среда татарского духовенства. После завоевания Казанского ханства Москвой, главенствующая роль в татарском обществе перешла духовенству, которое наряду с решением вопросов духовно-религиозного характера, занималось также регулированием и других сторон жизнедеятельности, а также выступало во главе антиправительственных выступлений татарских крестьян. Вследствие этого царской администрацией было принято решение взять под контроль деятельность мусульманских лиц. В этих целях в 1788 г. указом Екатерины II учреждается Уфимское духовное магометанского закона собрание, в последующем – Оренбургское магометанское духовное собрание. Его руководство возлагалось на муфтия, который избирался мусульманским обществом и, как и весь кадровый состав, утверждался императором. Духовное собрание ведало вопросами экзаменации кандидатов на религиозные должности в приходах по канонам ислама, надзора за деятельностью мусульманских духовных лиц, строительства и ремонта мечетей, заключения браков, имущественными спорами, вакуфами и т.д.

Религиозная должность не передавалась по наследству. Прихожане старались избирать в нее начитанных и сведущих в вопросах веры лиц. При этом «легитимным считался общественный приговор, подписанный 2/3 глав приходских дворов. Документ составлялся в присутствии волостных голов и

сельских начальников, среди военно-служилого сословия – в присутствии кантонных начальников и юртовых старшин, затем он представлялся крестьянами «для засвидетельствования» в волостное правление, представителями военно-служилого сословия – через кантонных начальников в земский суд, а оттуда – в губернское правление» [История татар..., т. VI, 2013, с. 222]. Если губернское правление находило кандидатов благонадежными в политическом и этическом планах, они направлялись на испытание в духовное собрание. И по результатам экзаменов им выдавалось свидетельство, подтверждающее назначение и присвоение духовных званий. Затем кандидаты посредством журнального постановления губернского правления утверждались в должности. После этого они приносили клятву в полиции и получали указ.

Одним из первых мусульманских сановников, которые получили признание царской администрации, были ахуны. До учреждения Духовного собрания они в основном занимались испытанием претендентов на получение духовных званий на предмет конфессиональных компетенций и их утверждением в качестве тех или иных религиозных служителей, а также вопросами, связанными со строительством мечетей и т.д. Будучи одними из высших мусульманских духовных лиц, как и муфтий, на них не налагалась рекрутская повинность. С ростом числа ахунов Духовным собранием была введена также такая должность как старший ахун, в обязанности которого входило расследование случаев правонарушений среди духовенства, а также ряд представительских функций перед местной администрацией. Так как должностные обязанности и права ахунов официально не регламентировались, их статус так и остался на уровне почетного духовного звания, которое в основном присуждалось имамам, отличившимся своим авторитетом и ученостью и которого лишались, как только заканчивалась религиозно-духовная служба. Далее по иерархии шли мухтасибы, занимавшиеся надзор за нравственным обликом своих братьев по службе и прихожан. Также они инспектировали исправность ведения метрических книг. Так как их статус также не был уточнен на официальном уровне, звание мухтасиба также стало

только почетным. Низшую ступень в иерархии мусульманских духовных лиц составляли имам-хатибы и муэдзины, так называемые муллы. В основном они занимались исправлением духовно-религиозных треб, заключением и расторжением браков, разбирательством по канонам шариата исков, связанных с завещаниями и разделом имущества, случаями неверности между супругами и т.д. В целом они выполняли примирительную функцию, что обеспечивало им довольно высокий авторитет среди прихожан.

По мнению ученых, «возложение властью исключительно на указных мулл исполнения всех духовных треб мусульман и преподавания религиозных предметов и лишение такого права остальных единоверцев являлись одной из особенностей функционирования ислама в России» [История татар..., т. VI, 2013, с. 224]. Кроме этого царской администрацией на мусульманское духовенство было возложено обязанности и административного характера, таких как приведение к присяге городских чиновников, членов земских собраний, новобранцев, рекрутов, обвиняемых и свидетелей в судах, прихожан на верность новому российскому государю, составление документов гражданского акта, выдача выписок из метрических книг, подтверждающих рождение, смерть, семенное положение и возраст прихожан. Несмотря на это, муллы не входили в круг государственных служащих, им не выплачивались жалованье и пенсия. Соответственно и их сроки службы никак не регламентировались. В основном они складывали с себя обязанности по состоянию здоровья.

Среда татарского крестьянства. Во второй половине XIX – начале XX вв. основная масса татарского народа была приписана к крестьянскому сословию и относилась к государственным крестьянам, жизнедеятельность которых регулировалось нормами общинного права. По мнению ученых, «общинные порядки и традиции имели положительные и отрицательные стороны. Миром-общинной было рациональнее и проще решать хозяйственные задачи и проблемы, успешнее противостоять государственно-административным посягательствам на права общинников, злоупотреблениям со стороны чиновников, сельских старост и

др.» [История татар..., т. VI, 2013, с. 238–239]. Община позволяла также сохранить деревню и отдельные виды хозяйств с их уже сложившимися традициями. При этом она, в частности характерное для нее явление принудительного уравнительного регулирования в определенной степени сдерживало развитие сельского хозяйства. Кроме этого не учитывалось состояние крестьянских хозяйств при распределении податей и налогов, за своевременность уплаты которых члены общины несли так называемую круговую поруку.

В рассматриваемый период хозяйство татарского крестьянина, как источник его материального благосостояния, было многоотраслевой. Наряду с сельскохозяйственным производством, основу которого составляли земледелие и животноводство, он мог заниматься также различными промыслами, мелкой торговлей и т.д. Но все же основным родом деятельности оставалось земледелие.

В своих полях татары возделывали в основном озимую рожь и пшеницу. Также сеяли ячмень, овес, полбу, гречиху и просо. Для вспашки земель в зависимости от местности использовались соха (сука) и плуг (сабан). Но последний в основном использовался зажиточными хозяйствами, так как для него требовалось от четырех до восьми лошадей, которых не могли себе позволить малоимущие крестьяне. Повсеместно были распространены рамные бороны, которыми разрыхляли вспаханную землю. Для уборки хлеба использовались серп и коса-литовка. Собранный хлеб снопами сначала складывали в поле, которые потом перемещались в овины для просушки и молотбы. Снопы молотили цепями, кроме этого был широко распространен обмолот при помощи лошадиных копыт и телег. Предназначенное на муку зерно молось на мельницах, приводимых в движение ветром и водой. Также почти в каждом хозяйстве имелись ступы и ручные мельницы. Зерно, крупа и мука у зажиточных крестьян хранились в клетях и амбарах, оборудованных ларями и сусеками, у бедных же для этого использовались сени, куда ставились кадки и мешки с припасами. В некоторых уездах, в основном в степных, для этих целей использовались земляные ямы.

Выращиванием овощей татарские крестьяне не занимались. По мере необходимости они их покупали у других народов – у русских и чувашей. Не было распространено среди них разведение картофеля, фруктовых садов.

В хозяйствах татарских крестьян животноводство по сравнению с земледелием занимало второстепенное место. Лошади в основном использовались в полевых и транспортных работах. Коровы, бычки, овцы, козы, домашняя птица использовались для получения мяса, молока, молочных изделий, яиц, шкур и шерсти. В холодное время года домашние животные содержались в хлевах, срубных утепленных скотных постройках и загонах, а с началом весны выводились на пастбища, где пастухи их пасли вплоть до поздней осени.

На рубеже XIX – XX вв. определенное влияние на структуру татарского крестьянства в социально-профессиональном плане оказывало широкое распространение в нем так называемого отходничества, направленного на поиск приработка в целях улучшения жизненных условий. В зависимости от характера выполняемых работ, выделялись два его вида: земледельческий и неземледельческий. В первом случае крестьяне направлялись в юго-восточные регионы европейской части России, в так называемые житницы империи, на летние сельскохозяйственные работы, а во втором отходили в города, чтобы наниматься в качестве чернорабочих, грузчиков, банщиков, извозчиков и рыболовов и т.д. Оба вида отходничества носили кратковременный сезонный характер, так как при этом «крестьянин не порывал со своим наделом и земледелием и на заработки уходил, главным образом, с осени до весны, в свободное от сельскохозяйственных работ время» [История татар..., т. VI, 2013, с. 292].

Среди татарских крестьян имело место и длительный отход, связанный с работой на шахтах и заводах Урала и Донбасса, нефтепромыслах Баку, а также в таких крупных имперских городах как Москва, Петербург, Киев и т.д., который продолжался до года, а в некоторых случаях и больше. В результате происходило отдаление крестьянина от земли, и он де-факто становился рабочим, хотя в

юридическом плане связи с прежним сословием не порывались, а земля сдавалась в аренду и за счет полученных от нее денег осуществлялась уплата соответствующих налогов и платежей. Кроме всего этого среди татар был широко распространен также отход крестьян-кустарей, занимавшихся портняжным, шерстобитным, скорняжным, пимокатным, ювелирным, плотницким и коновальным ремеслами.

Во второй половине XIX – начале XX вв. коммуникативные среды рассмотренных выше социальных слоев татарского общества обслуживались различными формами существования татарского языка. Так, например, в своих кругах представители купечества в основном использовали общенародно-разговорный язык, духовенство больше всего тяготело к обогащенной арабскими и персидскими заимствованиями письменной разновидности литературного языка, а для речи крестьян было характерно употребление региональных разговорных форм. Однако это не означало, что им не были доступны другие идиомы татарского языка. Их использование представителями рассмотренных социальных слоев обуславливалось факторами ситуативного характера. *(Об этом более подробно см. в главе II.)*

Профессионально-производственные коммуникативные среды.

Свойственные для определенных профессионально-производственных объединений среды общения складываются в коммуникативных условиях, непосредственно сопровождающих их трудовую деятельность, которые зачастую приводят к повышению роли той или иной формы существования языка в сравнении с другими. По мнению ученых, выделение такого рода сред «оправдано в тех весьма частых условиях, когда в границах подобных коллективов язык общения или соотношение языков общения оказываются неодинаковыми с языком общения в семье и в других объединениях людей как постоянных, так и временных» [Аврорин, 1975, с. 72]. Относительно татарского языка второй половины XIX – начала XX вв. в качестве таковых можно выделить коммуникативные среды, сопровождавшие профессионально-трудовую

деятельность приказчиков, ремесленников-кустарей, хальф и шакирдов.

Среда татарских приказчиков. В условиях новой торгово-экономической конъюнктуры в татарском обществе во второй половине XIX – начале XX вв. формируется социально-профессиональная группа приказчиков – наемных торговых служащих в купеческих лавках. Хотя согласно законодательству сроки и порядок их службы, объем жалованья, условия проживания изначально должны были быть прописаны в договоре найма, в большинстве случаев татарские купцы пренебрегали правами своих работников. По сути, они наряду с такими прямыми обязанностями как ведение переговоров с потенциальными покупателями, принятие и взвешивание товара и т.д., были вынуждены выполнять все без исключения распоряжения и поручения хозяев, большинство из которых когда-то и сами начинали приказчиками при других купцах.

Татары в основном трудились у своих единоверцев, но были также и те, которые работали у русских купцов. Некоторым из них удавалось хорошо пристроиться у своих хозяев посредством женитьбы на их дочерях и впоследствии открыть свое дело. В большинстве случаев приказчики работали в течение всей недели по восемнадцать часов в сутки. Из магазинов они могли отлучаться только на пятничный намаз в обед.

С увеличением числа торговых лавок и магазинов спрос на приказчиков росло все больше. Со временем они превратились в силу, способную отстаивать свои интересы и права в плане работы, быта и отдыха. Этому способствовало также создание Вспомогательного общества приказчиков, в результате деятельности которого в Казанской городской думы 29 ноября 1882 г. была создана комиссия по делам приказчиков. Однако в силу того, что гласные городской думы в основном были представителями обеспеченных слоев населения, работа комиссии сводилась к нулю. Так, например, она «25 ноября 1885 г., объявила о невозможности удовлетворения ходатайства приказчиков. Было заявлено, что время отдыха служащих является производственным вопросом, который регулируется двусторонним соглашением между хозяином

торгового заведения и нанимаемым работником» [Загидуллин, Багаутдинова, Байбулатова, 2015, с. 50].

Примечателен тот факт, что основная часть татарских приказчиков и конторщиков, как и представители светской интеллигенции, отличалась своей просвещенностью. Будучи сторонниками демократических идей, они составляли прогрессивную часть населения. Впоследствии некоторые из них становились артистами театра. Так, например, «в рукописном варианте воспоминаний одного из пионеров татарского театра – Лукмана Аитова приводится список актеров с указанием, кем тот или иной артист был до поступления в театр. Так, Ш. Шамильский, Н. Ханжаров, Г. Казанский, И. Альмяшев, Н. Сакаев и другие служили приказчиками в разных магазинах разных городов» [<https://kitaphane.tatarstan.ru/kariev/ilyalova.htm>]. В качестве помощника приказчиков, а после и приказчика, начал свою трудовую деятельность и известный татарский писатель-просветитель Ш. Мухамедов.

Среда татарских ремесленников и кустарей. В рассматриваемый период в жизни татарского общества заметную роль играли также ремесленники и кустари. Вначале татары в основном занимались домашними ремеслами, посредством которых членами семьи изготавливались изделия, предназначенные для личного потребления. Однако во второй половине XIX – начале XX вв. были распространены и кустарные промыслы, которые были направлены на изготовление заказных или предназначенных для рыночной реализации изделий и которыми крестьяне занимались в зимний период в свободное от сельскохозяйственных работ время.

Среди всех промыслов и ремесел среди татар были широко распространены плотничество и столярничество. Татарские плотники, которые в основном занимались строительством домов и хозяйственных сооружений, были известны и пользовались спросом не только в поволжском и уральском регионах, но и за их пределами. Столяры же снабжали все население Казанского края ткацким оборудованием, мебелью простых конструкций, дверями, оконными рамами и т.д.

Особое место в хозяйственной деятельности татар занимали промыслы, связанные с обработкой шерсти, которые были распространены повсеместно. Связано было это с тем, что шерстяные изделия (ткани, одежда и т.д.) издавна пользовались большим спросом среди всех слоев народа. Занимались татары и портновским промыслом, который преимущественно носил отходнический характер. Мастера из Казанской губернии в основном выезжали в деревни Вятской, Оренбургской, Уфимской губерний, в которых занимались шитьем тулупов и другой верхней одежды. В Казанской и соседних губерниях славились своим мастерством татарские кожевники. Их промысел был сосредоточен в Заказанье. Кроме этого они встречались и в других уездах Казанской губернии, а именно в таких, как Спасский и Чистопольский. В основном кожевники выполняли заказы местных потребителей. В некоторых случаях свою продукцию они сдавали и скупщикам. На рынках особо ценились такие вырабатываемые им сорта кожи как юфть и сафьян.

Среда татарских хальф и шакирдов. Как уже было сказано, в рассматриваемый период у татар имелась широкая сеть учебных заведений, что способствовало формированию в татарском обществе такой своеобразной прослойки как хальфы и шакирды. Согласно статистическим данным, «во второй половине XIX в. школы первоначального обучения – мектебы – имелись практически в каждом приходе, то одно медресе приходилось на 30–40, а иногда и на 100 приходов. Руководили ими и обучали шакирдов известные своей ученостью мударрисы. Шакирды же собирались отовсюду и жили в тех же зданиях медресе, где и учились» [История татар..., т. VI, 2013, с. 797]. Численность шакирдов в мектебах и медресе колебалась в зависимости от авторитета заведовавших ими мулл, а также от условий учебы и проживания в них. Встречались как школы, которые едва набирали десятков учащихся, так и учебные заведения, число шакирдов в которых достигало нескольких сотен. При этом в мектебах начинали учиться в возрасте пяти-шести лет, а стены медресе покидали по достижении тридцати лет. Средний срок обучения составлял

примерно двадцать-двадцать пять лет. Однако это относилось только тем, кто решил себя посвятить духовно-религиозной деятельности. Основная масса, как уже было сказано ранее, заканчивала учебу намного раньше.

Учеба в мектебах начиналась с овладения грамотой на основе арабской графики. Это занимало год или больше. После этого посредством чтения начиналось знакомство с такими образцами религиозно-дидактической литературы как «Иман шарты» (книга, в которой толковались начала мусульманского вероучения) и «Һәфтияк» (сборник, включающая в себя седьмую часть Корана). Обучение в основном носило индивидуальный характер: шакирд подходил к наставнику, чтобы получить так называемый сабак (урок), направленный на заучивание указанной учителем части из указанных выше книг, который он в дальнейшем учил во всеуслышание, стараясь перекричать остальных. После такого усвоения урока, все повторялось на основе другого раздела учебника.

Далее шло обучение началам арифметики, чтению и письму на старотатарском языке – письменно-литературному языку, который был в употреблении у татар в таких сферах как художественная литература и наука до начала XX в. После освоения техники чтения и письма, дети приступали к изучению произведений древнетюркских и старотатарских авторов, которые в основном носили религиозно-дидактический характер. Знакомство с ними происходило в виде бесед, посредством остроумных и познавательных рассказов небольших объемов. С одной стороны, это способствовало еще большему постижению основ вероучения со стороны шакирдов и делу их духовно-нравственного воспитания, с другой стороны, дети получали определенные знания по таким наукам как история, география, этика и эстетика, т.е. развивались в умственном плане [История татар..., т. VI, 2013, с. 799].

В отличие от мектебов медресе считалось учебным заведением более высокого уровня, в стенах которых готовились богословы и специалисты по мусульманскому праву, а система обучения строилась на изучении наук,

связанных с шариатом (шаргия, наклия) и направленных на развитие умственных способностей (гаклия). Вторые состояли из предметов по арабскому языку (арабия) и философских дисциплин (хикмия). В процессе обучения, методика которого отрабатывалась и не менялась в течение многих веков, использовались учебные пособия, представляющих собой собрание нескольких книг, в которых параллельно или концентрически толковались принципы той или иной науки. Такие пособия создавались несколькими поколениями так называемых алимов: вначале ученым, снискавшим себе авторитет делах религии, составлялась книжка (матен), в которой он вкратце излагал свое видение относительно определенного круга проблем, в дальнейшем она дополнялась комментариями (шарх) его последователей. Иногда последние писались и на комментарии предшественников. Таким образом, какой-нибудь необъемный конспект со временем превращался в многотомную толстую книгу. Как правило, в медресе шакирды учили наизусть основные трактаты и несколько их значимых комментариев, другие осваивались самостоятельно.

Учеба в медресе начиналась с постижения основ грамматического строя и освоения лексики арабского языка. Далее шло изучение книг из области мусульманского права (фикх), стихосложения (гильм аруз) и диспутов (муназара). Следующими в очереди были логика (мантык) и толкование религиозных догматов (калам), которые сопровождалось занятиями по риторике, принципам благозвучности слов, правилам построения речи и т.д. После этого шакирды приступали к изучению хадисов и правилам чтения Корана. Обучение в медресе завершалось овладением навыками толкования хадисов и Корана. В целом весь курс обучения состоял из сотни книг довольно авторитетных ученых мусульманского мира XI – XV вв. При этом каких-либо временных рамок со стороны руководства учебных заведений не ставилось. Готовность шакирда к духовно-религиозной деятельности определялась индивидуально либо его учителем, либо им самим. В основном на усвоение всех указанных выше дисциплин уходило довольно много времени и выпускники медресе становились

муллами, как правило, в тридцати-тридцатипятилетнем возрасте. Однако этого могли позволить себе не все. Многие ограничивались изучением пяти-шести курсов по грамматике арабского языка, логике, каламу, основам шариата [История татар..., т. VI, 2013, с. 801–802].

Свой досуг шакирды проводили по-разному: в прогулках по улицам или на базарах, за чтением книг, за музицированием и различными играми, в частности в шахматы, шашки и даже карты. Несмотря на то, что последние категорически были запрещены, многие шакирды тайком держали у себя мандолины, скрипки, гармони и принадлежности указанных выше настольных игр.

В силу стесненных материальных условий многие учащиеся мусульманских учебных заведений были вынуждены подрабатывать. При этом «известным шакирдским занятием была торговля татарскими книгами. Иногда во время уразы состоятельные люди города звали учеников медресе на разговорение. Практиковалось участие шакирдов на похоронах богатых мусульман. Обычно выбирали тех, кто обладал хорошим голосом и искусно читал Коран. Также учащиеся помогали обмыть умершего и за это получали садаку (подавание), приглашались на поминальные обеды. Среди бедных шакирдов иногда возникала нешуточная борьба за право участия в похоронном мероприятии. Ученики, имеющие каллиграфический почерк, зарабатывали себе на пропитание выделкой надписей на могильных памятниках и росписью изречений из Корана – шамаилей» [Габдрафикова, 2012, с. 57].

С окончанием учебы многие шакирды уезжали к себе домой. Но были и те, которые оставались. Часть из них брала от репетиторов уроки русского языка, но большинство было занято зарабатыванием денег у местных торговцев и промышленников. Кроме этого они выезжали и в другие регионы Российской империи, а также в казахские степи, где занимались преподавательской деятельностью.

Коммуникативные среды профессиональных слоев, которые имели место в татарском обществе во второй половине XIX – начале XX вв. также

обслуживались различными идиомами татарского языка этого периода. Несмотря на то, что внутри этих корпоративных групп практиковались свои социолекты профессиональной направленности, в зависимости от определенных ситуаций в своей повседневной жизни они использовали и другие языковые страты. В тех случаях, когда их деятельность была локализована в определенных ареалах проживания татарского народа, например, приказчиков и ремесленников-кустарей, это были региональные разновидности татарского языка. В условиях работы в крупных городах, которые являлись местом соприкосновения различных диалектов и их носителей, они переключались на общенародно-разговорный код. А особенности профессиональной деятельности хальф и шакирдов кроме этого требовали также и использования письменной разновидности литературного языка. *(Об этом более подробно см. в главе II.)*

Семейная коммуникативная среда. В отличие от предыдущих, в семейной среде бытования языка в зависимости от ареала проживания, доминируют те или иные его региональные разновидности, а употребление общенародно-разговорной и литературной форм сводится к минимуму. По мнению ученых, «в особом положении оказываются семьи со смешанными браками и другого рода неоднородные в национальном отношении семьи, а также семьи, где взрослые умышленно стараются говорить с детьми не на родном, а на каком-либо ином языке» [Аврорин, 1975, с. 72].

Семья как социальный институт в татарском обществе почиталась во все времена. Бракосочетание считалось неременным условием достижения благосостояния и всегда носило массовый характер. Так, например, «по данным переписи 1897 г., среди населения Казанской губернии в возрасте 50 лет и старше никогда не вступали в брак лишь 3,6% женщин и 1,7% мужчин. Брачность женщин в возрасте старше 16 лет составляла тогда 61,2%» [<http://100tatarstan.ru/structure/profile/semya-i-obshchina-traditsii-i-tsennosti-rodovyeshezhere>]. При этом разводы были редким явлением, так как считались позором и подвергались всеобщему порицанию.

В традиционной татарской семье роль и место каждого его члена строго регламентировалась неписаными, но общепринятыми законами. Мужчина – это, как правило, кормилец и добытчик, вследствие чего его авторитет был непререкаемым. Женщина в качестве верной и покорной своему мужу жены исполняла роль хранительницы очага. В доме ей отводилось собственное пространство, которое позволяло укрываться от посторонних взоров, когда приезжали гости. Многоженство, дозволенное шариатом, хоть и встречалось, не было широко распространенным явлением. Отношения между старшими и младшими членами семьи строились на принципах взаимного уважения и заботы. Девочек с самого детства приучали скромности, покорности и трудолюбию. Вместе с матерями они постигали секреты шитья, вышивания и кулинарии. А мальчики тоже с малых лет трудились с отцами на поле или в хозяйстве. Воспитание детей, как правило, строилось на канонах и нормах ислама. При этом основное внимание уделялось предупреждению таких негативных явлений как сквернословие, пьянство, курение и увлечение азартными играми.

Описанный выше религиозно-патриархальный уклад жизни, который доминировал в татарском социуме во второй половине XIX – начале XX вв., на корню исключал всякую возможность заключения межнациональных браков. Использование внутри семьи вместо родного языка другого татарами в этот период также не практиковалось. Как показывает эмпирический материал, извлеченный из письменных источников, в этот период татарами в семейной коммуникативной среде использовались общенародно-разговорная и диалектная формы татарского языка. *(Об этом более подробно см. в главе II.)*

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX вв. татарский язык характеризовался наличием обширной среды бытования. Его полноценное функционирование в этот период поддерживалось как на общенациональном уровне, так и на уровне всех социальных слоев, групп и институтов татарского общества.

1.5. Сферы употребления татарского языка во второй половине XIX – начале XX вв.

В социалингвистике в качестве еще одной не менее важной составляющей языковой ситуации выделяются коммуникативные сферы (сферы общения), которая определяется как «различные сферы человеческой деятельности, каждая из которых характеризуется относительно однотипными условиями общения, обуславливающими определенные правила использования языка» [Словарь социалингвистических терминов, 2006, с. 224]. В своей работе «Проблемы изучения функциональной стороны языка: (К вопросу о предмете социалингвистики)» (1975) В.А. Аврорин в качестве наиболее важных сфер функционирования языков выделяет следующие: «1) сфера хозяйственной деятельности; 2) сфера общественно-политической деятельности; 3) сфера быта; 4) сфера организованного обучения; 5) сфера художественной литературы; 6) сфера массовой информации; 7) сфера эстетического воздействия; 8) сфера устного народного творчества; 9) сфера науки; 10) сфера делопроизводства; 11) сфера личной переписки; 12) религиозного культа [Аврорин, 1975, с. 76–77]. При этом ученый отмечает, что приведенный список не носит исчерпывающий характер и может как дополняться, так и сокращаться от одного языка к другому, а также от одной исторической эпохи к другой в эволюции отдельно взятого языка. Так, например, на современном этапе уже выделяют такие сферы общения как сферы образования, науки, культуры, массовой коммуникации, книгопечатания, промышленного производства, торговли, религии, транспорта, судопроизводства, сферы межличностного общения (бытовое, внутрисемейное, дружеское) и др. [Словарь социалингвистических терминов, 2006, с. 224]. Другими словами, они представляют собой динамичные явления, обусловленные экстралингвистическими факторами. Поэтому считается, что «расширение сфер применения языка находится в прямой зависимости от уровня социального, и культурного развития народа, а в известной степени также от его государственного устройства и численности» [Аврорин, 1975, с. 77]. С другой

стороны, все области жизнедеятельности социума требуют укрепляющего его основы фундаментального коммуникационного средства, своего рода носителя и проводника соответствующей информации, каковым является язык. При этом функционирование и развитие последнего в рамках той или иной общественной сферы осуществляется под воздействием предъявляемых ею особых требований и условий, что в свою очередь накладывает свой отпечаток на языковую ситуацию в различных общественных сферах. Именно этим и обусловлен интерес со стороны специалистов к данному рода явлениям, изучение которых способствует раскрытию всего того многообразия взаимодействий языков и языковых идиомов в обществе и их типологий. Однако в рассмотрении всех наличных сфер человеческой деятельности, которых при желании можно выделить в неограниченном количестве, нет какой-либо существенной необходимости. Здесь целесообразным является их ограничение теми, в которых проявляются особые типы языковых взаимодействий. Как показывает анализ эмпирического материала, для татарского языка во второй половине XIX – начале XX вв. таковыми являются сферы хозяйственной деятельности, общественно-политической деятельности, быта, организованного обучения, художественной литературы, науки, делопроизводства, личной переписки и религиозного культа.

Сфера хозяйственной деятельности, как правило, характеризуется доминированием диалектов, как региональных, так и социальных, за исключением тех случаев, когда традиционные формы ведения хозяйства дополняются новыми, в рамках которых диалектные формы начинают взаимодействовать с литературной или же с идиомами другого языка. Однако ввиду того что в рассматриваемый период татарское общество в основной своей части представляло собой структуру традиционно-патриархального характера, в данной коммуникативной сфере, в зависимости от географических ареалов, применялись региональные и социальные разновидности татарского языка, с переменными переключениями на общенародно-разговорный код.

Сфера общественно-политической деятельности у развитых в социальном, общественном и политическом отношениях народов в преобладающем большинстве случаев обслуживается литературной стратой языка. Как показывают извлеченные из письменных источников данные, во второй половине XIX – начале XX вв. удовлетворение потребностей татарской общности в данной коммуникативной сфере было прерогативой старотатарского письменного литературного языка, доказательством чего является приведенный ниже отрывок из произведения М. Акъегет «Хисаметдин менла»: *Millätpärwärlek isä ğacäib ešlärä säbäbce ulyb häm oluğ ešläreñ mänbäğdyr. Mäsälä, tarixa möräcäğat ideb, rus padišahy oluğ Petro nadir millätpärwär adäm idegene kürämez. Bu padišahymyz Petronyñ millätpärwärlege sajäsendä Rossijada nizamate cädidä wä islaxat julynda täbdilat mäjdana çyqdy. Xäzerdä mäüçüd universitetlar jäğni darelfönünlär açdy. Mäzkür padišahnyñ millätpärwärlege sajäsendä ruslar diñgez fänlärene ügränmäjä başlab, paraxud wä xarb köjmäläre mäjdana çyqdy. Ruslar ğyjlme mexanika, ğyjlme texnika ügränmäjä başladylar* [Акъегет, 1886, с. 30–31] ‘Национальный патриотизм же, будучи причиной удивительных дел, является также источником и великих дел. Например, обратившись в историю, мы увидим, что русский царь Великий Петр был редкостным патриотом своего народа. Благодаря национальному патриотизму этого нашего царя Петра в России установились новые порядки и произошли изменения в деле реформ. Открыл существующие на данный момент университеты. Благодаря национальному патриотизму упомянутого выше царя русские начали изучать морские науки, появились пароходы и военные корабли. Русские начали изучать механику и технические науки’.

Для **сферы повседневного быта** в зависимости от тех или иных социальных слоев и групп характерно бытование различных форм существования языка. Несмотря на то, что она не требует от субъектов коммуникативных актов наличия специальных лингвистических компетенций, именно при ее рассмотрении больше всего требуется учет особенностей стратификации общества в социальном и

культурном планах. Так как если в ее рамках представители образованных слоев населения имеют привычку использования литературного идиома родного языка, а в некоторых случаях прибегают и к чужому языку, то у малообразованной части она обслуживается диалектами. Вследствие этого социальная дифференциация языковых страт особенно контрастно проявляется в данной коммуникативной сфере. Далее идут такие сферы как хозяйственная деятельность и личная переписка.

Что касается функционирования татарского языка во второй половине XIX – начале XX вв. в данной сфере, языковая ситуация здесь также меняется в зависимости от социальных слоев и групп. Так, например, крестьяне в своем повседневном быту ограничивались в основном диалектной формой. То же самое можно сказать и в отношении других представителей татарского общества рассматриваемого периода, которые проживали в рамках ареала распространения той или иной региональной разновидности татарского языка. В крупных городах они заменяются общенародно-разговорной формой. А в среде интеллигенции в рамках данной сферы в зависимости от факторов ситуативного характера наблюдается чередование литературного, общенародно-разговорного и диалектного кодов. В этом плане примечателен приведенный ниже отрывок, иллюстрирующий повседневные речевые повадки шакирдов, которым в сфере организованного обучения был характерен переход на иноязычные коды:

Ällä qajdan ber aqsaq šäkert kilep, Xälimneñ janyna utyryp, qara, qaläm, käğaz totyp:

– *Jä, sineñ isemeñ kem? Qazyj jazarğa quşty, – dip soraşyrğa totyndy. Qajsy awyl, kem uğylylyğy – hämmäse soraşyldy. Şunnan soñ aqsaq:*

– *Ničä qaşyq kütäräsez? – dide.*

Xälim aptyrap kitte. Tirä-jandağy malajlar jylmajyşa başlady. Ul şiklände. Läkin tege haman sorawynda däwam itep:

– *Jä, äjt, cämäğateñenez niçä? Kemnär? Ätieñ, änieñ, abzañ, tutañ, fälän, – dip töpçi başlady.*

Xälim, beräm-beräm hämmäseneñ atlaryny, ike tutasynyñ isemnärene dä äjtte. Aqsaq šuny ğyna kötkän kebi:

– *Ä, qajyn ene ikänseñ. Miña Märzijasene birämseñ, Zäjnäpneme? Min siña qyzyl saply päke birermen, – dide* [Исхакый, 2001, с. 228–229]

‘Откуда-то появился какой-то хромой шакирд, сел рядом с Халимом и, держа чернила, перо и бумагу, начал расспрашивать:

– Ну, как твое имя? Кади велел записать. Какая деревня, кто такой – было опрошено все. После этого хромой спросил:

– Сколько ложек поднимаете?

Халим растерялся. Мальчики вокруг начали улыбаться. Он заподозрил что-то неладное. Но тот, все, продолжая, расспрашивать, начал выпытывать:

– Ну, говори, сколько у вас родственников? Кто они? Отец, мать, дядя, старшая сестра.

Халим по одному сказал имена всех, а также имена двух сестер. Хромой, словно только этого и ждал, сказал:

– А, ты оказывается шурин. Кого выдашь за меня, Марзию или Зайнап? Я тебе дам складной ножик с красной рукояткой’.

При рассмотрении **сферы организованного обучения** в отношении отдельно взятых народов, ее в соответствии с образовательными уровнями принято делить на подсферы начального, среднего (иногда и неполного среднего) и высшего обучения. Объясняется это тем, что у различных этнических сообществ здесь во взаимодействии языков и их идиомов наблюдаются существенные различия. В условиях моноязычной ситуация данная коммуникативная сфера в идеале должна обслуживаться литературным идиомом родного языка. Однако на начальном этапе он может совмещаться разговорными формами, как регионально ограниченными и, так и общенародной. В некоторых случаях родной язык свои позиции в сфере образования уступает другому – неродному языку. Но и наконец встречаются примеры совмещенного употребления этих двух языков. Например, на начальном этапе используется родной язык, а далее происходит переход на

неродной язык. По мнению ученых, «все это создает существенные различия в языковой ситуации, учет которых для социальной лингвистики очень важен» [Аврорин, 1975, с. 78].

В рассматриваемый нами период для сферы организованного обучения у татар было характерно комбинированное употребление татарского, арабского и персидского языков с преобладанием последних двух. Связано было это с тем, что образование по своей сути было конфессионально направленным, а указанные языки после принятия татарами ислама наряду со старотатарским использовались в качестве языков религии, науки и литературы. При этом их функционирование в сфере образования никак не соотносилось с его уровнями, т.е. дети после принятия в медресе сразу же погружались в иноязычную атмосферу. Переход от одного языка обучения к другому также никак не регламентировался. Все это нашло свое отражение в приведенном ниже отрывке:

Sabaq başlandy.

– *Bismillahir-raxmani-raxim. Bädän äsğadäkä Allahy Täğälä fiddarejn. Jä, nik mosannif Raxmätulla ğaläjhi kitabyny «Bismilla» ilä başlağan? Čönki Xädise šarıftä äjtkän «Kölle ämrin zibal läm jabdae bismillahi fähüä äbtar». Jä, šuny äjt! – dide.*

Xälim šuny ber qat äjtkänneñ soñynda, xälfä:

– *Jäğni määlän, anyñ mäğnäse inde här ämrin zibalder ki, bismillasyz başlandy – äbtärder.*

Xälim bu süzlärdän bernärsä dä añlamasa da, xälfä artynnan buny da äjtte. Xälfä tağy:

– *Jä, nik mosannif Raxmätulla ğaläjhi, «bädän» dip başlady? Nik «dan» ğyna dimäde? Čönki, bädän – «bik bel» digän süz; dan – «bel» digän süz. Mosannif Raxmätulla ğaläjhi, möbtädineñ bik belüene telägän bula. Šulaj bulsa, nik «bäxan» dimäde? Nik «bädän» dide? – dip däwam itte. <...>*

Xälfä:

– *Cawap: čönki «Äz xandän danestan lazim nämiajäd, bälki äz danestan xandan lazim miajäd». Jäğni: «Uqymaqтан belmäk lazem tügel, bälki belmäktän uqymaq*

lazemder». Jä, nik «äsğadäkä Allahy Täğälä fiddaräjn»? «Fiddaräjn»dän morad närsä?

Xälim tağy bernärsä añlamady [Исхакый, 2001, с. 232–233]

‘Урок начался:

– Бисмиллахир-рахмани-рахим. Бадан асгадака Аллахы Тагала фиддарейн. Ну, почему автор Рахматулла благословенный начал свою книгу выражением «Бисмилла»? Потому что в священном хадисе сказано «Колле амрин зибаль лям йабдаэ бисмиллахи фахуа абтар». Ну, скажи это! – сказал он.

После того как Халим сказал это, хальфа продолжил:

– То есть, например, его значение заключается в следующем, каждое амрин зибаль, если начнется без бисмиллы, абтар.

Халим, хотя и ничего не понял из этих слов, повторил за хальфой и это. Хальфа снова:

– Ну, почему автор Рахматулла благословенный начал говоря «бадан»? Почему не сказал только «дан»? Потому что бадан – это слово, значение которого «хорошо усвой», дан – слово, значение которого «усвой». Получается, автор Рахматулла благословенный очень хотел, чтобы начинающий хорошо усвоил. Если так, почему не сказал «бахан»? Почему сказал «бадан». <...>

Хальфа:

– Ответ: потому что «Аз хандан данестан лазим намиайад, балки аз данестан хандан лазим миайад». То есть «От чтения усвоение не обязательно, а от усвоения чтение обязательно». Ну, почему «асгадака Аллахы Тагала фиддарейн»? В чем цель от «фиддарейна»?

Халим снова ничего не понял’.

Сфера художественной литературы у всех народов характеризуется употреблением литературного идиома языка. Именно в ней происходит отбор и шлифовка норм последнего. Кроме этого художественные произведения являются средством пропаганды и распространения языковых норм в широких слоях общества. Тем самым в определенной степени осуществляется взаимосвязь между

литературным и общенародно-разговорным языком. В этом плане не является исключением и старотатарский письменный литературный язык. Он в течение многих веков наряду с другими обслуживал у татар и сферу художественной литературы.

До второй половины XIX в. татарская художественная литература в основном развивалась в поэтических жанрах и формах, которые носили суфийскую окраску. При этом произведения поэзии, как правило, адресовались представителям так называемых высших кругов общества, в частности ученым, служителям религии и самим поэтам. В основной своей массе они получали образование в Средней Азии и странах мусульманского востока, где в совершенстве овладевали арабским и персидским языками. С падением Казанского ханства в регионе царская администрация начинает регулярно проводить политику насаждения среди исповадавшего до этого мусульманство местного населения христианства. Однако вопреки этому, ислам все-таки смог сохранить свои позиции в духовной жизни основной части татар, чему в определенной степени способствовала его интерпретация последователями суфизма как религии сердца.

Суфизм, как считают ученые-литературоведы, сыграл важную роль в становлении и развитии татарского поэтического искусства, которое стало своего рода поприщем продвижения идей и ценностей данного религиозно-философского направления. Как уже было сказано, в поэтических произведениях Абельманиха Каргалый, Хибатуллы Салихова, Габдельжаббара Кандалий, Утыз Имяни, Шамсетдина Заки, Гали Чокрый и др. центральное место занимал призыв к любви всевышнему и своему ближнему, к милосердию и добрым делам.

Лингвистические исследования в этой области показывают, что язык старотатарской поэзии неоднороден. Одни произведения чрезвычайно насыщены характерными для письменного литературного языка традиционными языковыми средствами, в других преобладают элементы народно-разговорного языка, что в первую очередь объясняется особенностями жанра и стиля произведений,

жизненной позицией и образованием автора. Подобная смешанность была возведена в традицию, на которую вполне сознательно ориентировались и поэты, и переписчики, которые творили в разное время в различных тюркоязычных областях [Юсупов, 2006, с. 7].

В языке татарской поэзии рассматриваемого периода традиционные тюрко-татарские элементы, составляющие его основу, тесно переплетаются с арабо-персидскими заимствованиями, которые в основном употреблялись в стилистических целях [Хаков, 1993, с. 229–243], т.е. поэтические произведения писались на старотатарском письменном литературном языке, и данная тенденция в творчестве большинства поэтов наблюдается вплоть до начала XX века. Например: *Xämäl tuğdy, bähär uldy, / Läjäli çön nähar uldy, / Känä kön mästanar uldy, / Hämmä äqwän äcär bazdyr* (Из стихотворения Г. Чокрый «Фаслы яз» («Весенняя пора»)) [Гайнуллин, 1968, с. 227] ‘Родился апрель, наступила весна, / Ночи стали словно день, / С каждым днем все вокруг хорошеет, / Проснулось все живое’.

Как уже было сказано, во второй половине XIX в. в татарском обществе начинают распространяться идеи просветительства, формируются его демократические и либеральные течения. Если первоначально просветители ограничивались областью философско-мировозренческих проблем и пропагандой научных идей, то впоследствии их деятельность переросла в широкое литературное движение, оставившее глубокий след в истории татарского народа и его языка [Татар әдәбияты тарихы, 1985, с. 212]. В результате в конце XIX – начале XX века в татарской литературе под влиянием европейской культуры формируется новое направление, представители которого в своих произведениях обратились к наиболее актуальным проблемам своего времени. Анализ произведений татарских писателей-просветителей в лингвостилистическом плане показывает, что язык татарской просветительской прозы в некоторой степени отличается от языка поэтической, религиозно-дидактической и исторической литературы. Кроме традиционных особенностей, которыми классический

старотатарский письменный литературный язык характеризуются в целом, и собственно татарских форм в указанных произведениях наблюдается насыщенное употребление языковых элементов османо-турецкого происхождения. Например: *Rossija urtasynda Idel näherendän uzaq дәгел бер татар awyly мәүсүддер. Qarjäneñ ähalise ike jöz äv qadär ulyb, adyny faš itmäkdän čäkinijoryz, ancaq xikäjämезе jñel anlatmaq ičün adyny Nun xärfejlä išarät idämez. Nun qarjäsenenñ xanäläre ğadi xanälär kebi ağaçdan wä başlary bәğzän salamdan bәğzän ağaçdan jasalmyšdyr. Nun awylynda ike mäsced var. Ber uramly awyl bulyb, uramy oзыn wä kiñder. Uramy uzajyb qyjbla tarafyndaki oçynda borylyb, suğa jul çyqadyr. Ähaliseneñ mäğyjšät ičün başlyca xezmäte igencelekder* ‘Посередине России, недалеко от реки Волга, находится одна татарская деревня. Жители деревни насчитывают около двухсот домов, мы воздержимся от изобличения ее названия, только, чтобы было легче повествовать наш рассказ, мы укажем ее название буквой Нун. Дома деревни Нун, как и простые дома, построены из дерева, а крыши у некоторых – из соломы, у некоторых – из дерева. В деревне Нун имеются две мечети. Будучи деревней с одной улицей, эта улица длинная и широкая. Растягиваясь и поворачиваясь своим концом на южной стороне, она выходит на воду. Ее население на жизнь зарабатывает в основном земледелием’ [Акъегет, 1886, с. 2].

Вторая половина XIX в. в истории татарской литературы характеризуется также формированием такого направления как драматургия. Язык первых татарских драм отличается своей близостью к общенародно-разговорному языку, который здесь тесно и органично переплетается с классическим письменно-литературным языком, что наблюдается на всех его уровнях [Хаков, 1993, с. 251].

Например:

Färixä. Jä, siña äjtäm, jauçy kilsä, ni äjtim?

Biktimer. Ni äjtäseñ kilmägän jauçyğa...

Färixä. Fatyjma, Säxibä äbine čaqyra barğanda, Cantimerlärneñ qapqasy töbendä asraulary belän söjläškän. «Bügen sezgä jauçy cibärälär», digän. Šuñar kürä äjtäm. Sin bazarğa çyqqanda kilsä, min ni äjtergä dä belmim dip äjtüem.

Biktimer. Ni äjterseñ, täwäkälläp birerbez.

Färixä. Soñ, siña äjtäm, Mahitar jaratyrmy ikän? Urtaraq, dilär.

Biktimer. Tağy kemgä birmäkçe bulasyñ?

Färixä. Soñ, miña Mahitar şulaj dip äjtsä, dip äjtäm.

Biktimer. Min riza bulğaç, äjtmäs! (Из драмы Г. Ильяси «Бичара кыз» («Несчастливая девушка»)) [Гайнуллин, 1968, с. 544]

‘Фариха. Послушай, тебе говорю, если придет сваха, что мне ей сказать?’

Биктимер. Что скажешь не пришедшей свахе...

Фариха. Фатима, когда пошла, чтобы позвать бабушку Сахибу, возле ворот Джантимера поговорила с их служанкой. Она сказала: «Сегодня к вам отправят сваху». Поэтому говорю. Если она придет, когда ты выйдешь на рынок, я не знаю что и сказать.

Биктимер. Что скажешь, доверимся и выдадим.

Фариха. Так, тебе же говорю, полюбит ли Махруй? Говорят, что средненький.

Биктимер. Еще кому собираешься выдать?’

Фариха. Так, я говорю потому, если мне так скажет Махруй.

Биктимер. Раз уж я согласен, не скажет!’.

И наконец, говоря о татарской литературе второй половины XIX – начала XX вв., стоит упомянуть также и образцы путевых заметок, так называемых сэхетнамэ. Формирование данного жанра у татар было обусловлено религиозными (паломничество в святые места ислама) и политическими факторами (установление торговых и дипломатических отношений с восточными странами). Самый ранний татарский текст сэхетнамэ датирован 1699 г. В нем автор (Муртаза ибн Кутлугуш эс-Симети) описывает свою поездку в Аравию, которую он совершил с целью паломничества [Фэхреддин, 2006, с. 38–39]. Одним из ярких образцов жанра путевых заметок, созданных на татарском языке, является сэхетнамэ Мухаммед-Амина (последняя четверть XVIII века), в котором также описывается паломничество автора [Алеева, 1993, с. 6–7]. В

дальнейшем традиции, заложенные в этих произведениях, были продолжены в таких путевых заметках, как «Исмагил ага сәяхетнамәсе» (XVIII в.), «Записки Мехти Рафилова» (1808 г.), а также в сочинениях З. Бигиева «Путешествие в Транс-Оксанию» (1893 г.) и Ф. Карими «Путешествие в Европу» (1902 г.) и «Путешествие в Крым» (1904 г.). Исследователи языка путевых заметок придерживаются мнения о том, что они написаны на старотатарском письменном литературном языке с привлечением элементов общенародно-разговорного языка, что подтверждается и фактическим материалами, извлеченными нами из письменных источников конца XIX – начала XX вв. Например: *Bundan un-unbiş sänä möqaddäm Boxara, Sämärqand, ğomumän, Urta Azija jullary susyz çüllek ide, o waqyt o taraflary zıjarät itmäk bik ağyr, ğajät möşkel ide. Bu köndä isä Ozyn Adadan uzanmyş timer jul wasyjtasyjla o taraflarda säjähät jiñel häm räxät uldy. Rostovdan Don nährejlä paraxuda beneb, möntähäi Donda ulan Qalaç nam mänzilä jullandym. Jalñyz idem. Häm säfär ber arqadaşym juq ide. Vidağ sälamläre soñynda güjä julçylaryñ qaleblärenä fırağ äläme istila itmeş kebi paraxudymyzda ber sökün päjda uldy, julçylarda säs juq, süz juq. Jalñyz paraxudyñ boxary su üzärenä şiddätlä oryr, çaryxlary julçylary güjä «Xäräkätdä bez, äfändelär! İnşalla, här bereñeze sälamätlekdä maqsudyñyza isal idärem. Xatyrlaryñyz räxät ulsyn!» awazyjla qaleblärene täsälijä idär ide* [Бигиев, 1908, с. 1–2] ‘Десять-пятнадцать лет тому назад Бухара, Самарканд, в целом дороги Средней Азии представляли собой безводную пустыню, в то время путешествовать в тех краях было очень трудно, чрезвычайно тяжело. Сегодня же путешествовать в тех краях посредством протянувшейся от Узун Ада железной дороги стало легко и приятно. Я, сев на пароход, из Ростова по реке Дон направился в станцию под названием Калач, которая находилась в конце Дона. Я был один. Не было и попутчика. После прощальных слов, сердцами путников как будто завладела печаль разлуки, в нашем пароходе установилась какая-то тишина, от путников не исходило ни звука, ни слова. Только пар парохода с силой ударялся о поверхность воды, его колеса как будто утешали путников, их сердца

словами «Мы движемся, господа! Иншалла, каждого из вас доставлю в здравии к вашей цели. Пусть ваши души будут спокойны»’.

В отличие от остальных *сфера науки* отличается своей многогранностью, что в свою очередь обусловлена тем многообразием объектов окружающего мира, раскрытию природы которых направлены научные исследования. По мнению ученых, для обслуживания потребностей общества в данной сфере привлекается «не просто литературный язык, а тот его наиболее совершенный стилевой вариант, который специально приурочен для науки вообще или даже для частной конкретной ее отрасли отдельно» [Аврорин, 1975, с. 80].

Функционирование татарского языка в научной сфере имеет многовековую историю, которая своими корнями уходит во времена Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства. Об этом говорят упоминания историков о составленных в этих государствах научных трактатах. До второй половины XIX в. научная литература у татар была представлена в основном произведениями исторического и религиозно-дидактического характера. Они, наряду с арабским и персидским языками, сочинялись на классическом старотатарском письменном литературном языке. Например: *9 nçy ğasyr miladi axurynda, xälifäte Ğabbasijä zamanında, 287 sänä hicridä Boxarada Samanilər xökümäte ibtida ulyndy. 145 sänä imtidat itmeş xökümätläre däwerendä Mavära än-nähr täraqqyj wä quät käseb itmeş ide. Fetnälär mönqatyjğ uldy. Nizam mäjdan totdy. Samanilar дәүләтенең möässise Ismäğil bin Äxmäd zamanlarynda, 892 – 907 miladi sänälär imtidadynda, Boxara iñ bijük quätenä nail uldy. Şimaldä – saxralara, şäryqda – Tjan-Şan tağlaryna, cänübdä – Fars körfäzenä, ğarebdä Bağdada qadär mömtäd ide* [Бигиев, 1908, с. 4] ‘В конце X века по христианскому летоисчислению, в эпоху халифата Аббасидов, в 287 году по мусульманскому летоисчислению в Бухаре началось правление Саманидов. В период их правления, который продлился 145 лет, Мавераннахр прогрессировал и обретал мощь. Смуты прекратились. Установился порядок. Во времена основателя государства Саманидов Исмаила ибн Ахмеда, между 892 – 907 годами по мусульманскому летоисчислению, Бухара достигла своего наивысшего

могущества. Она протянулась на севере до песчаных пустынь, на востоке до гор Тянь-Шаня, на юге до Персидского залива, на западе до Багдада’.

Вследствие этого научные трактаты имели практическое применение только в узких кругах. Однако в дальнейшем, когда начали открываться светские школы, в обществе появилась потребность в научных трудах, написанных на более доступном для широких слоев населения языке. Например: *Jir jözen kürsätä torğan kăgazne xarita dirlär. Jir jöze biş qyjtğağa bülenäder. Ul biş qyjtğa oşbulardyr: Avrupa, Azija, Afstralija, Afrika, Amerika qyjtğalarydyr. Wä bu biş qyjtğany biş xarita itüb jasaladyr. Bütün jir jözen kürsätä torğan xaritany xaritaji ğomumijä dirlär. Jirneñ ber öleşen, jäki ber mämläkätne, jäki ber vilajätne kürsätä torğan xaritany xaritaji xosusijä dirlär. Imdi jir jözeneñ dürt öleşendän ber öleşe qory jirlärder wä qalğan öç öleşe diñezlär wä sulardyr* [Насыйри, 1890, с. 8] ‘Поверхность Земли делится на пять континентов. Эти пять континентов следующие: Европа, Азия, Австралия, Африка, Америка. И эти пять континентов наносятся в виде пяти карт. Карту, которая показывает всю поверхность Земли, называют общей картой. Карту, которая показывает одну часть земли, или одну страну, или одну область, называют частной картой. И вот одну четвертую часть поверхности Земли составляет суша, а оставшиеся три части моря и водоемы’.

Сфера делопроизводства, в рамках которой рассматривают всевозможные образцы документации и государственной, партийной, правовой, экономической и культурной переписки, представляет собой важную сторону жизнедеятельности общества, которая обслуживается «особым стилевым вариантом литературного языка или своего родного, или неродного, принадлежащего более развитому, в государственном и других отношениях народу» [Аврорин, 1975, с. 81].

Как известно, формирование и функционирование официально-делового стиля литературного языка строго социально обусловлено. Для этого необходимо наличие государственных институтов и развитых социально-политических, административных, юридических и др. отношений. В этом плане татарский язык представляет собой уникальное явление: несмотря на потерю его носителем своей

государственности в XVI веке, он, вернее письменная разновидность его литературного идиома, в течение более чем трех столетий использовался в дипломатических отношениях Российской империи с восточными странами. В конце XIX – начале XX века сферы употребления татарского языка в качестве языка деловой письменности расширяются, что проявилось в появлении новых видов официально-деловых бумаг и нормативно-правовых актов. В результате многочисленных исследований в этой области [Хисамова, 1981, 1988, 1990, 1991, 1995, 1999,] было установлено, что все старотатарские деловые документы по своим структурно-языковым и функционально-стилистическим особенностям выстраиваются в один ряд и отражают общую линию развития старотатарского письменного литературного языка.

Сфера личной переписки в жизнедеятельности человека занимает весьма скромные позиции. Учеными она выделяется лишь потому, что в ней находит свое отражение интимная сторона этой деятельности. По их мнению, «в ней родной язык, если он имеет достаточной прочные традиции, сохраняет свою роль, пожалуй, наиболее устойчиво» [Аврорин, 1975, с. 81]. В зависимости от того кому адресуется письмо, в частности в зависимости от занимаемого адресатом в обществе положения, от уровня его образования, а также места проживания, оно может составляться с привлечением ресурсов различных форм существования языка, что наблюдается и в рассмотренных нами источниках. Так, например, в любовных письмах, старались изъясняться посредством характерных для старотатарского письменного литературного языка образных и эмоционально-экспрессивных выражений, оборотов и конструкций: *Qalām-kāğaz alyb, başqa bülmäjä kereb, Xisametdin menla böjlä mäktüb jazdy: «Canym Xänifä xanym! Nurly jözeñe äüwäl kürdegem ilä vöcüdem mötäässir uldy. Qaç waqytlar xyjalymda säneñ cämäläteñ täxäjel ulynyr. Qaç kiçä ujqumda sän möqatdäsäi kürmäkdäjem! Äüwäl waqytlarda fikrem säneñ xosusyñda buş fiker dijü cämäläteñe başymdan byraqmağa tyryşyr idem. Läkin bu ictixadym nafilä uldy. Zihenemdä säne jöräk bäğrem tasauwyr ideb zäwyqlanmaqdan üz-üzemne maniğa täqatem qalmady. Ğyjşyq därdenä möbtälä*

ulmyšmyn ikän. Bäne baxtijär idän šäj säneñ mäxäbbäteñder ğazizäm! Mäxäbbäteñdän däriğ äjlämäsäñ, kämal säğadätdä bulynyrmyn, ämma bilğakes däriğ äjlämäk bänä bälä kürener wä bu bälajä täxämmel ber Xodadan sormaq qalyr imde. Jalwaryrym säña čäker paräm! Ğyjşqyma qarşy mäxäbbäteñe virermeseñ? Äğär xäqyjri käm sajmajyb berär sätra cawabyñy ixsan bojyrsañ, šul taş astyna irtägä un säğatdä qujmağyñy nijaz ideb qalğučy küñel wä candan ğaşyjq Xisametdin» [Акъегет, 1886, с. 23–24] ‘Взяв перо и бумагу, зайдя в другую комнату, Хисаметдин менла написал письмо следующего содержания: «Душа моя Ханифа ханум! Когда первый раз увидел ваше лучезарное лицо, я был потрясен. Вот уже сколько времени в моем воображении предстает твоя красота. Сколько ночей во сне вижу тебя дорогую! В прежние времена, думая, что мысль о тебе пуста, я старался выкинуть из головы твою красоту. Но это мое старание оказалось бесполезным. У меня уже не осталось никаких сил, чтобы запретить себе наслаждаться, представляя тебя в своих мыслях частичкой своего сердца. Оказывается, я подвергся мукам любви. То, что меня осчастливит – это твоя любовь, родная! Если ты не пожалеешь свою любовь, я буду пребывать в совершенном счастье, но в противном случае, если пожалеешь, я восприму это как бедствие и, чтобы пережить это бедствие, остается только просить терпения у Всевышнего. Умоляю тебя душа моя! Ответишь ли ты взаимностью на мою любовь? Если не сочтешь презренным и окажешь честь, написав в ответ хотя бы строчку, прошу, положи его под этот камень завтра в десять часов. Влюбленный всем сердцем и душой Хисаметдин»’.

В корреспонденции между знакомыми одного пола, в частности мужского пола, характерные для письменной разновидности литературного идиома языка обычны опускались. Например: *Musa äfände, mäktübne ačyb, qyčqyryb bu tariqa uqyj bašlady: «Ğyzzätleläremez Niğmätulla wä Musa äfändelärenä! Ässäleme ğäläjkem wä räxmätullahi wä bäräkätehü. Bügen sigez säğatdä gospodin Andrejev Semberdän qajtyb kilde, paraxud pristanendä kürdem. Baryb ešeñezne söjläñez, soñra bezgä kileñez, kötärmöz. Äxmädi Xämidev»* [Бигиев, 1887, с. 18–19] ‘Открыв письмо, Муса эфенди начал читать вслух: «Нашим уважаемым Нигматулле и Мусе

эфенди! Мир вам, милость Аллаха и Его благословение. Сегодня в восемь часов господин Андреев вернулся из Симбирска, я видел его на пароходной пристани. Сходите и расскажите про свое дело, после приходите к нам, будем ждать. Ахмади Хамидев»’.

Сфера религиозной обрядности, которая отделилась от остальных еще на заре человечества, у одних народов обслуживалась посредством особых культовых языков, чаще всего не родных, у других – высшими обработанными стратами родного языка наддиалектного характера. В этом отношении татарское общество во второй половине XIX – начале XX вв. характеризовалось доминированием в данной сфере арабского языка, который использовался татарами после принятия ислама в качестве языка религиозного культа. Однако в отдельных случаях наряду с ним употреблялся также и старотатарский письменный литературный язык, о чем свидетельствует приведенный ниже отрывок из составленной К. Насыри брошюры об основах веры «Гакаид рисаләсе» (1896 г.): *Imde bu räweščä Haq Täğälä xäzrätene sigez syjfat belän tanymaq şartdyr wä faryzdyr. Bäs, sigez syjfatlar budyr. (Äl Xäji). Ul Allahy Täğälä terekder. Tereklege canğa, tängä moxtac irmäs. Anyñ tereklege bezneñ kebek tän belän, can belän tügelder. Anyñ tereklege äzälider, äbädider, jäğni tereklege qadimder. Äüwäle juqdyr, mänğeder, axyry juqdyr, hiç qačan fani bulmas. (Äl Ğalim). Däxi ul Allahy Täbaräkä wä Täğälä bilgüçeder. Jirdä kiräkdä tuzan qadäre närsä andan jäšeren bulmas. Belmäklege häm qadimder, mänğeder. Hiç dä belmägän waqyty bulmas. Belmäklege häm bezneñ kebek uqumaq belän, ügränmäk belän, kitab qaramaq belän tügelder* [Насыйри, 1896, с. 3–4] ‘Таким образом, Истинного Всевышнего господина положено и необходимо познавать с восьмью свойствами. Итак, восемь свойств следующие. (Аль-Хайи). Он, Аллах Всевышний, живой. Его существование не нуждается в душе и теле. Его существование не связано как у нас с телом и с душой. Его существование извечно, бесконечно, то есть очень давнее. У него нет начала, оно вечное, нет конца, никогда не станет тленным. (Аль-Алим). Еще Он, Аллах Благословенный и Всевышний, всезнающий. На Земле, когда надо, вещь с размером в пылинку от

него не скроется. То, что он всезнающий также очень давнее, вечное. У него никогда не бывает, чтобы он не знал. То, что он всезнающий не связано как у нас с учебой, с изучением, с книгой’.

Таким образом, на основе рассмотренных выше коммуникативных сфер можно сказать, что татарский язык во второй половине XIX – начале XX вв. для реализации в полном объеме своей функциональной мощи, которая аккумулировалась в течение многих веков, имел широкий спектр возможностей в виде таких областей жизнедеятельности общества как хозяйственная и общественно-политическая деятельность, повседневный быт, организованное обучение, художественная литература, наука, делопроизводство, личная переписка и религиозная обрядность. Полноценное функционирование татарского в данных сферах оказывало благоприятное воздействие на его развитие как в структурном, так и в функциональном отношении.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I

Функциональное развитие татарского языка во второй половине XIX – начале XX вв. сопровождалось процессами, в результате которых в структуре общества произошел целый ряд изменений этнического, социального, экономического и духовно-культурного характера. Так, например, в плане этнического развития татары в этот период, несмотря на дисперсный характер своего существования в окружении других народов Российской империи, трансформировавшись из патриархальной народности феодальной формации в нацию буржуазного типа, все больше начинают идентифицировать себя как отдельная, единая и самодостаточная нация. Будучи лишенными основных институтов государственности за исключением поддерживаемых на основе общественных инициатив систем религиозных и образовательных учреждений, они все же принимали участие в политической жизни государства, в частности в его отношениях с казахскими жузами и среднеазиатскими ханствами. В рассматриваемый период татарское общество, отличавшейся своей закрытостью,

по сравнению предыдущими этапами становится все более открытым российскому и мировому сообществу. В нем устанавливаются новые социально-экономические отношения, в результате которых начинают перестраиваться все стороны его жизнедеятельности, появляются современные формы ведения хозяйства, формируются новые социальные группы, в частности буржуазия и больше ориентированная на ценности светского общества интеллигенция. В дальнейшем они становятся проводниками идей просвещения и реформизма в широкие слои населения, приведших к переосмыслению старых ценностей и обновленческим процессам в образовательных и культурных областях. В образовательной системе начинается переход от изжившей себя чисто религиозной схоластики к методике обучения более светской направленности, а в литературе, которая до этого времени уже прошла многовековой путь развития, формируется новое течение, так называемое просветительство. Центральное место в нем отводится герою современности, в образе которого все лучшее из традиций прошлого тесно переплетается с прогрессивными установками современности, и который, в отличие от своего предшественника, находится в активной позиции в отношении к жизненно и социально значимым вопросам.

Во второй половине XIX – начале XX вв. окончательно складывается функциональная парадигма татарского языка – иерархическая система основных форм его существования и их разновидностей. В рассматриваемый период она включала в себя все возможные идиомы языка, а именно литературную страту в ее устном и письменном проявлениях, территориальные и социальные диалекты, общенародно-разговорный язык, а также просторечие. Ко второй половине XIX в. письменная разновидность литературной страты татарского языка – старотатарский письменный литературный язык представлял собой явление, в котором тесно переплетались друг с другом древне- и среднетюркские, чагатайские и османско-турецкие, арабские и персидские, а также отчасти собственно татарские элементы, что в целом было обусловлено историческими, культурными и социальными предпосылками его формирования и развития. При

этом в его структуре наблюдалось доминирование иноязычного компонента, что в свою очередь привело к его отдаленности от разговорных форм. Но несмотря на это носители письменных литературных норм и традиций языка в рассматриваемый период были представлены во всех слоях общества. А социальная база диалектных форм татарского языка была еще шире, поскольку доля сельских жителей – крестьян в обществе, которые традиционно выступали в качестве основных хранителей региональных языковых кодов, а в дальнейшем способствовали их проникновению и в городскую среду, превышала девяносто процентов от общего количества всех татар. В отличие от региональных страт татарского языка, его социальные диалекты, которые во второй половине XIX – начале XX вв. были представлены социолектами торговцев и приказчиков, религиозных служителей, преподавателей и шакирдов медресе, характеризовались узостью своего социального субстрата. Обширную социальную базу в рассматриваемый период имел сложившийся в городских условиях на основе сельского койне общенародно-разговорный идиом. Далее, как уже было сказано, в выделенном историческом отрезке в структуре функциональной парадигмы татарского языка была представлена и просторечная форма его существования, которая в основном нашла свое отражение в речи маргинальных элементов общества, в виде совокупности осложненных сниженными, грубоватыми модальными и эмоционально-экспрессивными коннотациями слов, словоформ, словосочетаний, выражений и оборотов.

Происходившие в татарском обществе во второй половине XIX – начале XX вв. этнические, социальные, экономические и культурные процессы привели к расширению сред бытования татарского языка. В рассмотренный период они были представлены в рамках следующих этносоциоязыковых общностей:

- 1) нация (внутринациональная коммуникативная среда);
- 2) социальных группы (социально-групповые коммуникативные среды);
- 3) профессионально-производственные объединения (профессионально-производственные коммуникативные среды);

4) семья (семейная коммуникативная среда).

Далее под влиянием отмеченных выше экстралингвистических факторов начались изменения и в коммуникативных сферах (сферах общения), в которых до второй половины XIX – начала XX вв. был представлен татарский язык. В частности, наряду с хозяйственной деятельностью и бытом, его позиции укрепились и в таких областях как организованное обучение, наука и религиозный культ, в которых до этого доминирующее положение традиционно занимали арабский и персидский языки. Далее в указанный период он начал активнее использоваться в сферах общественно-политической деятельности, художественной литературы, делопроизводства и личной переписки.

ГЛАВА II. СТРАФИКАЦИОННО-СИТУАТИВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ СОЦИАЛЬНО-РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА ТАТАРСКОГО ОБЩЕСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

2.1. Научно-теоретические аспекты изучения вопроса и степень разработанности проблемы в татарском языкознании

В современной социолингвистике исследование соотношения стратификационной и ситуативной разновидностей социально обусловленной вариативности языка, которые определяются как две основополагающие плоскости структуры его социальной дифференциации [Швейцер, 1982, с. 42], считается одним из основных способов, позволяющих раскрыть в полной мере природу последнего.

В силу того, что стратификационная вариативность «связана с социальной структурой общества и обнаруживается в языковых различиях между представителями различных социальных слоев и социальных групп» [Словарь социолингвистических терминов, 2006, с. 199], при ее изучении в качестве основного объекта анализа выделяется языковой коллектив, который представляет собой сообщество взаимодействующих друг с другом в социальном плане и характеризующихся наличием определенной однородности в плане используемых ими языковых ресурсов лиц.

По мнению А.Д. Швейцера, «понятие языкового коллектива, используемое как на микроструктурном, так и на макроструктурном уровнях, является универсальным и охватывает как большие, так и малые общности (от нации до малой группы)» [Швейцер, 1982, с. 42]. Определив совокупность языковых ресурсов данных сообществ как единую социально-коммуникативную систему, взаимосвязь между компонентами которой (языками, диалектами, функциональными стилями и т.д.) осуществляется на основе дополнения друг друга в функциональном плане и иерархических связей, ученый указал на существование определенной зависимости «между социальной иерархией

компонентов социально-коммуникативных систем и диапазоном их функционального использования» [Швейцер, 1982, с. 42]. Другими словами, функциональные мощности языковых идиомов, входящих в социально-коммуникативную систему того или иного сообщества, находится в прямой зависимости от их статусов.

Считается, что определение границ социально-коммуникативных систем никак не связано с размерами и масштабами социальных коллективов, которые соотносятся с ними – в рамках научных исследований в зависимости от поставленных задач в качестве таковых могут быть рассмотрены языковые ресурсы, как целого народа, так и маленькой группы. В плане соотношения в их структуре форм существования одного языка или двух и более языков выделяются гомогенные и гетерогенные социально-коммуникативные системы. Первые характерны для одноязычных коллективов, а вторые складываются в многоязычных сообществах. При этом другие языки, конкурируя с родными языками их представителей, могут охватить коммуникативные сферы как полностью, так и частично. В последнем случае они, как правило, используются в таких общественных сферах как организованное обучение, художественная литература, наука и религиозный культ, что было характерно для татарского общества до второй половины XIX – начала XX вв.

Ситуативная вариативность, которая «обуславливается выбором наиболее эффективных (с точки зрения говорящего) языковых средств, соответствующих данной ситуации общения» [Словарь социолингвистических терминов, 2006, с. 199], в основном проявляется в количественном и качественном аспектах. В первом случае меняется частотность тех или иных языковых единиц, во втором участники коммуникативного акта переключаются с одного языкового кода на другой. В качестве же основных факторов, оказывающих влияние на характер дифференцированного использования языка и его средств, выделяются «ролевые отношения – взаимоотношения участников коммуникативного акта, определяемые социальной ситуацией и варьирующиеся вместе с ней» [Швейцер,

1982, с. 43]. Другими словами, структура социальной ситуации существенно меняется при смене ролей коммуникантов, а это в свою очередь отражается в их речи. При этом выбор тех или иных ролей обуславливается той обстановкой, в рамках которой осуществляется коммуникативный акт. Именно в зависимости от нее регламентируются формы их реализации, т.е. следующим фактором, влияющим на характер языковой вариативности ситуативного характера, является совокупность условий и обстоятельств, при которых реализуется речевой акт.

По мнению ученых, рассматриваемые разновидности языковой вариативности находятся в тесной взаимосвязи друг с другом, которая проявляется в различной реализации одной и той же ситуативной модели в коммуникативной практике относящихся к различным социальным группам лиц при наложении на нее различий стратификационного характера. Так, например, «модель ориентации на более престижные формы речи в официальных ситуациях характеризуется различными количественными показателями у информантов, принадлежащих к разным социальным слоям» [Швейцер, 1982, с. 43].

Особенности соотношения между двумя социально обусловленными проявлениями вариативности языка обнаруживаются во взаимодействии статуса и роли – категорий, которые представляют собой набор признаков коммуниканта, обусловленных его положением в социуме (статусные) и актуализируемых в условиях отдельно взятой социальной ситуации (ролевые). При этом первые проявляют себя в рамках стратификационной вариативности, а вторые – ситуативной. Связь между ними носит двусторонний характер: ролевые отношения во многом детерминируются статусом, но при этом они и сами могут актуализировать те или иные идиомы, которые выступают в качестве языковых коррелятов последнего.

С другой стороны, понятие «социальная ситуация» находится в тесной связи с понятием «коммуникативная сфера» и связь эта сопоставима с отношениями между видовым и родовым понятиями. Номенклатура коммуникативных сфер не всегда одинакова – она может варьироваться от одного

социума к другому и зависит от уровня его развития⁵. При этом, в зависимости от характера языковой ситуации, их лингвистическими коррелятами могут выступать как функциональные стили литературного языка, так и общенародно-разговорный язык, территориальные и социальные диалекты, а также другие языки. Вследствие этого они также в той или иной степени соотносятся с социальными ситуациями, которые сопровождают жизнедеятельность языковых коллективов, что в свою очередь делает возможным приложение к изучению функционально-стилистической, а также стратификационной вариативности языка так называемой «ролевой модели речевой деятельности» (термин А.Д. Швейцера).

В дальнейшем учеными для изучения закономерностей отбора средств языка в условиях различных социальных ситуаций было предложено разграничить от термина «функциональный стиль» термин «контекстуальный стиль». По их мнению, именно контекстуальные стили непосредственно соотносятся с ролевыми отношениями, возникающими между субъектами коммуникативных актов. При этом предлагались их различные классификации⁶. Учитывая особенности общественного, социального и культурного развития татарского общества во второй половине XIX – начале XX вв., в рамках настоящего диссертационного исследования будет использована шкала, которая включает в себя следующие контекстуальные стили: интимный, непринужденный, доверительный, почтительный, снисходительный, высокопарный, авторитарный.

Говоря о социально обусловленной языковой дифференциации, не следует также забывать и о такой категории социально-психологической структуры общества как установка, основу которой составляют субъект, другое лицо или лица и объект установки. По мнению А.Д. Швейцера, «в этой связи группу или

---

⁵ Коммуникативные сферы татарского общества второй половины XIX – начала XX вв. нами были рассмотрены в п. 1.5.

⁶ Об этом более подробно изложено в статье А.Д. Швейцера «К проблеме социальной дифференциации языка» (1983).

даже общество в целом можно рассматривать как сложную сеть или структуру межличностных отношений, в которых почти все индивиды связаны друг с другом установками симпатии, антипатии, уважения, ненависти и т.п.» [Швейцер, 1982, с. 45].

При рассмотрении языковых рефлексов социально обусловленных установок, исходя из объектов, с которыми они соотносятся, различают две их разновидности: референциальные и метаязыковые. В качестве объектов первых могут выступать денотаты единиц языка. Социальные установки в их отношении могут проявляться как в коннотациях эмоционального или оценочного характера, так и в актуализируемых в рамках определенных контекстов метафорических значениях. Объектами метаязыковых установок являются языки, их формы существования. Здесь в качестве примера можно привести суждения оценочного характера в отношении письменного литературного и разговорных идиомов татарского языка во второй половине XIX – начале XX вв., а также в отношении дифференциальных признаков западного и среднего диалектов татарского языка, которые проявляются в речевой практике их представителей. *(Об этом более подробно далее.)* Во всех этих случаях на языковые явления переносятся установки, направленные к их носителям.

Представления о том, насколько приемлемо или неприемлемо использование тех или иных языковых единиц в рамках определенных социальных ситуаций формируются также под влиянием ценностных ориентаций. Соответственно «анализ социальной дифференциации языка, помимо объективной стороны, отражающей реально наблюдаемые показатели этой дифференциации, имеет еще и субъективную сторону, имеющую дело с социальными установками в отношении языковых систем и подсистем, а также с ценностной ориентацией языковых коллективов, т.е. с ориентацией на определенные нормы выбора» [Швейцер, 1982, с. 46].

В процессе анализа социально обусловленной языковой вариативности в качестве операционных единиц выделяются так называемые

социолингвистические переменные стратификационного (индикаторы) и ситуативного (маркеры) характера. Первые, раскрывая положение носителя языка, занимаемое им в социуме, «характеризуются вариативными количественными или качественными показателями у представителей разных социальных, социально-демографических или профессиональных групп населения, но остаются постоянными при варьировании тех или иных компонентов социально-коммуникативной ситуации» [Словарь социолингвистических терминов, 2006, с. 211], а вторые, указывая на то, в каких условиях реализуется коммуникативный акт, сигнализируют «о стиле, жанре, степени внимания говорящего к собственной речи, официальности / неофициальности обстановки и т.п.» [Там же, с. 212].

В зависимости от характера языковой ситуации в качестве социолингвистических переменных выступают как отдельные единицы языка, так и сами языки, и формы их существования. В последнем случае речь идет о переключении кодов, представляющей собой «переход с определенного языка или формы его существования (кода, субкода) на другой код, обусловленный изменением ролевых отношений между говорящими в процессе коммуникации» [Словарь социолингвистических терминов, 2006, с. 163]. При этом социальную значимость приобретает не выбор отдельно взятых языковых элементов, а замена одного языка, языкового идиома на другой и т.д.

В содержательном плане социолингвистические переменные являются носителями информации об элементах тех или иных социально обусловленных структур, а именно о статусе, роли, установке и т.д. При этом вербализуемые средствами языка сведения данного рода характеризуют субъектов коммуникативного акта в плане их соотнесенности с социальными группами, с точки зрения статусов, занимаемых ими в социуме, позиций, отводимых им в социально маркированных ролевых отношениях, их отношений к объектам и адресатам речи, детерминированных установками социального характера.

В своих работах ученые указывают на асимметрию, которой социолингвистические переменные характеризуются в плане своего выражения и содержания, что в свою очередь служит еще одним доказательством тезиса о неизоморфности связей между социальными и языковыми структурами. Так, например, в условиях билингвизма факторами, влияющими на переключение кодов, одновременно могут выступить ряд социальных категорий, а именно установка, статус и роль. В рамках одноязычной ситуации данное явление наблюдается в отношении варьирования языковых единиц, на что в свое время указал П. Фридрих [Friedrich, 1972].

Таким образом, как стратификационная, так и ситуативная разновидности социально обусловленной дифференциации языка находят свое отражение в коммуникативной практике его носителя, представленного в лице народа, который в социальном плане объединяет в себя различные слои, группы и сообщества. Соответственно здесь в качестве основного метода исследования может быть применено моделирование их социально-речевых портретов, которые в своей совокупности представляют коммуникативные референции общества в целом. В связи с этим следует отметить, что в современном татарском языкознании данного исследования еще не проводились.

Указанный метод в социолингвистику был заимствован из диалектологии, где он используется при описании говоров, распространенных на территории нескольких деревень или даже отдельно взятой деревни. Однако несмотря на то, что в диалектологических изысканиях языковые особенности представителей того или иного говора раскрываются в полной мере, в них вне поля зрения «остается модель коммуникативной селекции» [Николаева, 1991, с. 69]. Между тем детерминированный целями коммуникации выбор средств языка является важнейшим индикатором соотносимых с ними социально-групповых ценностей.

Начало использованию в социолингвистике практикуемых в диалектологии приемов описания языковых коллективов было положено Б.А. Ларином в работах, посвященных изучению речи городских обывателей [Ларин, 1928а, 1928б]. В

дальнейшем его начинания были развиты другими представителями как отечественной, так и зарубежной социалингвистики. Однако, по мнению ученых, активизация направленных на изучение речи жителей исследований сама по себе не может считаться каким-либо существенным шагом в разработке вопросов теории социально-речевого портрета, так как «изучение языка города как определенной разновидности национального языка или даже речевых особенностей отдельного, конкретного города не дает представления о свойствах языка и речевого поведения достаточно четко очерченных групп городского населения, выделяемых, например, по общности профессии, уровню и характеру образования, по принадлежности к одному поколению, а также по совокупности подобных характеристик» [Крысин, 2001, с. 91].

В дальнейшем в основу исследований в этой области, была положена идея о фонетическом портрете, которая в свое время была выдвинута и реализована на примере видных представителей политических кругов и интеллигенции России XVIII – XX вв. М.В. Пановым [Панов, 1990]. Несмотря на проявляющийся в описании особенностей произношения отдельно взятого человека индивидуальный характер смоделированных им портретов, они все же носят социальную и общекультурную ценность, так как в них отражаются речевые особенности тех или иных сообществ. При выборе моделей ученый как раз и руководствуется такими факторами как принадлежность к определенному социальному слою, поколению, приверженность в речевой практике к тем или иным культурным традициям и т.д. Предложенные М.А. Пановым идеи в дальнейшем были развиты в рамках других исследований [Язык и личность, 1989; Винокур, 1989; Ерофеева, 1990; Николаева, 1991; Черняк, 1994; Китайгородская, Розанова, 1995 и т.д.].

При моделировании социально-речевых портретов языковых коллективов резонно возникает вопрос о необходимости привлечения к анализу всех языковых уровней и фактов. На этот вопрос ученые отвечают отрицательно. Так, например, по мнению Т.М. Николаевой, «многие языковые парадигмы, начиная от

фонетической и кончая словообразовательной, оказываются вполне соответствующими общенормативным параметрам и поэтому интереса не представляют. Напротив, важно фиксировать яркие диагностирующие пятна» [Николаева, 1991, с. 73]. В этом вопросе с ней солидарен и Л.П. Крысин, который считает, что фрагменты речевых портретов определенного социального слоя, в его случае интеллигенции, в первую очередь должны содержать «социально маркированные способы выбора и употребления языковых средств и особенности речевого поведения» [Крысин, 2001, с. 92]. Охарактеризовав объект своего исследования в социальном плане и отметив его неоднородность, учет которой, по мнению ученого, является первоочередной задачей при создании социально-речевых портретов, он выделяет «два класса лингвистических и социокультурных характеристик, специфичных для слоя интеллигенции (либо в целом, либо для той или иной из отмеченных выше групп, составляющих этот слой):

1) особенности в наборе языковых единиц (главным образом, фонетических и лексико-семантических);

2) особенности в речевом поведении представителей интеллигенции» [Крысин, 2001, с. 93].

Так как языковые и речевые предпочтения социальных слоев, групп и сообществ прошлого в силу объективных причин уже не поддаются непосредственному наблюдению, а в художественных произведениях, к которым относятся также и привлеченные нами в качестве материала исследования письменные тексты, фигурируют лишь отдельно взятые персонажи, здесь перед исследователем встают вопросы, связанные с моделированием социально-речевого портрета языковой личности, являющегося «неким обобщением, абстрактным представителем языкового сообщества» [Млечко, 2014, с. 78] и проецирования его характеристик на социальный коллектив, представителем которого он является.

В силу многомерности, обозначаемого им явления, на сегодняшний день сложились различные дефиниции термина «языковая личность», который в

научный оборот был введен в двадцатые и тридцатые годы прошлого столетия в трудах Й.Л. Вайсгербера и В.В. Виноградова [Иванцова, 2010, с. 24; Львова, Оборина, 2020, с. 53]. Так, в свое время В.В. Виноградовым она была определена как «вместилище социально-языковых форм и норм коллектива, как фокус смещения и смешения разных социально-языковых категорий» [Виноградов, 1980, с. 61]. В книге «Современная лингводидактика» Г.И. Богин трактует ее, поставив в угол зрения готовность человека к произведению речевых поступков: «Языковая личность – тот, кто присваивает язык, то есть тот, для кого язык есть речь. Языковая личность характеризуется не столько тем, что она знает о языке, сколько тем, что она может с языком делать» [Богин, 1980, с. 3]. Данный аспект находит свое отражение и в других определениях. Так, по мнению Ю.Н. Караулова рассматриваемая категория представляет собой «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений (текстов)» [Караулов, 1987, с. 3]. Согласно В.И. Карасику, языковая личность – это «человек, существующий в языковом пространстве – в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслах текстов» [Карасик, 2002, с. 7].

На наш взгляд сущность языковой личности наиболее полно представлена в дефиниции из энциклопедического словаря-справочника «Культура русской речи» (2003): «Языковая личность – носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов: а) как индивидуум и автор этих текстов со своим характером, интересами, социальными и психологическими предпочтениями и установками; б) как типовой представитель данной языковой общности и более узкого входящего в нее речевого коллектива, совокупный или усредненный носитель данного языка; в) как представитель вида *homo sapiens* (человек разумный), неотъемлемым свойством которого является использование знаковых систем и прежде всего естественного языка» [Культура русской речи, 2003, с. 104].

В связи с этим в последней трактовке для нас особый интерес представляют вопросы, соотносящиеся с описанием языковой личности как типового представителя языкового коллектива, совокупного или усредненного носителя языка, т.е. связанные с выделением ее типов и определением подходов к их изучению.

Несмотря на то, что учеными указывается на наличие определенного рода противоречий в расширенном толковании рассматриваемого термина в соотношении к различным коллективам (социальным слоям, группам, сообществам и т.д.), на современном этапе в научных работах, посвященных проблемам теории языковой личности, традиционно выделяются ее индивидуальный и коллективный типы, что находит свое отражение в фигурировании в них наряду с номинацией «языковая личность конкретного индивида» и таких наименований как «абстрактная языковая личность», «коллективная языковая личность», «совокупная языковая личность», «групповая языковая личность», «типовая языковая личность» [Млечко, 2014, с. 78]. Здесь также примечательно обозначение целого народа и его конкретного представителя посредством таких терминов как «полилектная (многочеловеческая) языковая личность» и «идиолектная (частночеловеческая) языковая личность» [Нерознак, 2003 с. 16].

В данном ракурсе для нас особый интерес представляет методика избирательного описания языковой личности отдельно взятых индивидов, которые представляют собой усредненных типичных представителей определенных социальных слоев, групп и сообществ, т.е «методика исследования типичного на базе одного прототипа» (формулировка Т.П. Млечко). Считается, что анализ вербальной основы таких единичных прообразов, в зависимости от установки, который исследователь ставит перед собой, наряду с индивидуальной языковой личностью дает возможность выявить и типичную. Так, например, в текстах, авторами которых являются отдельные личности, относящиеся к тем или иным социальным слоям, группам и сообществам, одновременно находят свое

отражение как свойственные только им особенности, так типичные черты языковой личности той или иной исторической эпохи, которым присущи собирательность, безличность, абстрактность и эталонность. При этом изучение их типов на основе определенного количества прообразов предполагает применение приемов, суть которых сводится к выявлению типологических свойств языковых личностей путем анализа их различных репрезентаций индивидуального характера. Другими словами, такого рода моделирования совокупных образов рассматриваемой категории требуют в определенной степени «нивелирование индивидуальных признаков в пользу акцентирования типичных» [Млечко, 2014, с. 79].

Типология языковых личностей, наряду с этнокультурным, психолингвистическим и др. аспектами, может быть рассмотрена и в социолингвистическом плане, что также указывает на их многоаспектный и сложный характер. В последнем случае выделяются типы, соотнесенные с такими объективными статусными признаками как социальное положение, пол, возраст, образование, жизненные установки и т.д.

Изучение языковой личности в социолингвистическом аспекте осуществляется как на основе заданных социальных типов, так и на основе определенных языковых знаков, рассматриваемых в качестве статусных и ролевых индикаторов. Исследования первого рода в основном направлены на установление языковых знаков, характеризующих заранее определенных типов личностей (например, политика, интеллигента, предпринимателя и т.д.) и как раз представляют собой построения социально-речевых портретов. В исследованиях второго рода отправной точкой являются заранее заданные знаки, на основе анализа которых определяются характеристики связанных с ними социальных типов.

По мнению В.И. Карасика, «одним из возможных подходов к изучению языковой личности может быть выделение релевантных признаков модельной личности, т.е. типичного представителя определенной этносоциальной группы,

узнаваемого по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации» [Карасик, 2002, с. 10–11]. В плане своего социокультурного содержания «модельная личность представляет собой стереотип поведения, который оказывает существенное воздействие на культуру в целом и служит своеобразным символом данной культуры для представителей других этнокультур» [Там же, с. 11]. Следовательно, данные типы языковых личностей могут быть охарактеризованы на основе уровня их речевой культуры, под которой понимается «степень приближения языкового сознания индивидуума к идеальной полноте языкового богатства в том или ином виде языка» [Там же, с. 12]. В этом случае в плане их соотношения с различными идиомами языка (литературной, диалектной, просторечной) выделяются носитель элитарной речевой культуры, носитель диалектной речевой культуры, носитель городского просторечия и т.д. [Сиротинина, 1998].

На основе предварительного анализа эмпирического материала, извлеченного нами из письменных источников, в них в качестве таковых можно выделить татарского купца, татарского приказчика, татарского муллу, татарского шакирда и татарского крестьянина. В своих произведениях писатели-просветители стремились раскрыть образы своих персонажей и их внутренний мир в наиболее приближенных к объективной действительности красках, в том числе и в плане их речевых предпочтений. В этом отношении из рассмотренных нами текстов следует отметить произведения Г. Исхаки, Ш. Мухамедова, К. Бикколова, Г. Ильяси, Ф. Халиди и Г. Камала, в которых в мельчайших деталях описываются будни указанных выше представителей татарского общества второй половины XIX – начала XX вв.

Учитывая мнение В.В. Виноградова о том, что «социальное ищется в личностном через раскрытие всех структурных оболочек языковой личности» [Виноградов, 1980, с. 91] и тот факт, что различным типам языковых личностей свойственны определенные отличия в наборе их показателей, что в свою очередь влияет и на процедуру их выявления, на наш взгляд, в качестве

основополагающей схемы их реконструкций может послужить сама структура рассматриваемой категории, которая, по мнению Ю.Н. Караулова, включает в себя такие уровни как:

- «– вербально-семантический, или лексикон личности⁷; <...>
- лингво-когнитивный уровень, представленный тезаурусом личности, в котором запечатлен «образ мира», или система знаний о мире;
- мотивационный, или уровень деятельностно-коммуникативных потребностей, отражающий прагматикон личности, то есть систему ее целей, мотивов, установок и интенциональностей» [Караулов, 2010, с. 238].

В плане своей вербальной репрезентации каждый структурный уровень характеризуется наличием набора определенных средств, в котором находит свое отражение самобытность облика языковой личности как отдельно взятого индивида, так и представителя того или иного сообщества. В связи с этим приобретает актуальность выдвинутое В.И. Карасиком мнение о возможности построения типологии рассматриваемой категории на основе «лингвистически релевантных личностных индексов» (термин его), которые, по мнению ученого, «служат индексами принадлежности человека к определенной группе» [Карасик, 2002, с. 14]. Хотя здесь первые места занимают лексические единицы и фразеологизмы, прецедентные и афористические тексты, о принадлежности индивида к тому или иному социальному слою, группе или сообществу могут сигнализировать также элементы и других языковых уровней в частности фонетики и морфологии. Сюда же относят и «определенный набор ключевых слов, образных выражений, ассоциаций, словесных формул и клише, единиц речевого этикета, дискурсивных слов, выражающих субъективную модальность» [Млечко, 2014, с. 81]. Важен также учет стилистических предпочтений и своеобразных моделей высказываний, эмоционально-экспрессивных и модально-оценочных коннотаций, различных стереотипов, выбор коммуникативных тактик

---

⁷ Здесь ученым под понятием «лексикон» рассматривается также и грамматические знания личности.

и сценарий. Все эти релевантные в лингвистическом плане индексы личностного характера, несмотря на их соотнесенность с определенными структурными уровнями рассматриваемой категории, в совокупности репрезентируют интегральные образы языковых личностей.

На основе того, что в семантике отмеченных выше средств индикации информации социального характера находят свое отражение так называемые «культурно-языковые и коммуникативно-деятельностные ценности, знания, установки и поведенческие реакции» (определение по В.И. Карасику), которые в полной мере раскрываются в процессе речевой деятельности, ученые предлагают рассматривать языковую личность как коммуникативную личность – как обобщенного носителя указанных выше смысловых компонентов. При этом, по их мнению, ее образ может быть рассмотрен в ценностном (аксиологическом), познавательном (когнитивном) и поведенческом планах, которые в определенной степени соотносятся с уровнями структуры языковой личности. В рамках нашего диссертационного исследования приоритет будет отдан аксиологическому аспекту, предполагающему учет этических и утилитарных поведенческих норм, которыми тот или иной народ характеризуется в определенные исторические периоды своего развития и которые закрепляются в его нравственном кодексе. По мнению В.И. Карасика «к числу языковых (и шире – коммуникативных) индексов такого кодекса относятся универсальные высказывания и другие прецедентные тексты, составляющие культурный контекст, понятный среднему носителю языка, правила этикета, коммуникативные стратегии вежливости, оценочные значения слов» [Карасик, 2002, с. 19].

В свете сказанного выше особую ценность представляют многочисленные труды татарских ученых, посвященные изучению лингвостилистических особенностей письменных текстов различных жанров. Здесь следует отметить работы И.А. Абдуллина [Абдуллин, 1968], Я.С. Ахметгалеевой [Ахметгалеева, 1979], Н.Б. Бургановой [Бурганова, 1980], З.А. Хисамиевой [Хисамиева, 1980], Э.Х. Кадировой (Вафиной) [Вафина, 1985; Кадирова, 2001, 2013, 2014а, 2014б],

Х.Р. Курбатова [Курбатов, 1987, 1998], И.Б. Башировой [Баширова, 1987, 1988, 1990 и т.д.], А.Х. Алеевой [Алеева, 1987, 1988, 1993], Р.З. Мухаметрахимовой [Мухаметрахимова, 1990], М.Г. Мухамадиева [Мухамадиев, 1970, 1982], Ф.Ш. Нуриевой [1993, 1999, 2004, 2016], Х.Х. Кузьминой [Кузьмина, 1998, 2001], Р.Т. Юзмухаметова [Юзмухаметов, 2001], А.Р. Губайдуллиной [Губайдуллина, 2002], Г.Ф. Гайнуллиной (Гариповой) [Гарипова, 2003; Гайнуллина, 2010], А.Р. Исхаковой (Халиуллиной) [Халиуллина, 2002; Исхакова, 2005], А.Ф. Юсупова [Юсупов, 2004; Йосыпов, 2016] и т.д. Работы данных авторов в дальнейшем могут составить основу исследований, направленных на реконструкцию социально-речевого портрета представителей старотатарской художественной интеллигенции – носителей многовековых духовно-культурных ценностей и письменных литературных традиций, а также татарского социума в целом в различные исторические эпохи. Здесь в качестве примера можно привести кандидатскую диссертацию М.А. Губаевой, которая посвящена изучению на основе извлеченного из поэмы Кул Гали «Кыйссаи Йосыф» («Сказание о Йусуфе») материала особенностей вербализации различных сторон внутреннего мира человека, а именно его интеллектуально-мыслительной, социально-психологической, эмоционально-чувственной, духовно-волевой сфер, и на основе этого выявлению аксиологических и культурных доминант «тюрко-татарского мусульманского социума начала XIII века» [Губаева, 2017, с. 5].

В этом отношении труды татарских диалектологов, особенно исследования, выполненные в этнографическом и этнолингвистическом аспектах [Баязитова, 2010, 2011, 2012, 2015, 2017, 2018, 2019, 2020; Юсупов, 2016, 2017а, 2017б, 2018, 2019], могут быть использованы при моделировании социально-лингвистических портретов носителей региональных языковых кодов.

Также в плане изучения особенностей вербализации духовно-культурной составляющей внутреннего мира представителей татарского народа, которое является неотъемлемой частью моделирования социально-речевого портрета определенных человеческих групп и сообществ татарского социума, большое

значение имеют работы лингвокультурологической направленности, а именно труды Р.Р. Замалетдинова [Замалетдинов, 2003, 2004], А.Ш. Василовой [Василова, 2006], З.А. Мотыгуллиной [Мотыгуллина, 2007], Ф.Р. Сибгаевой [Сибгаева, 2009], Д.Р. Гайнановой, [Гайнанова, 2013], Ф.К. Сагдеевой [Сагдеева, 2016], Ф.К. Сагдеевой и Д.Р. Гайнановой, [Сагдеева, Гайнанова, 2017] и др.

Таким образом, стратификационная и ситуативная разновидности социальной дифференциации языка опосредованно проявляются в структуре социально-речевого портрета общества, представляющих собой интегральную совокупность речевых характеристик входящих в его состав языковых коллективов – различных социальных слоев, групп и сообществ, осуществляющих свою коммуникативную деятельность в рамках определенных сфер. При этом в качестве центрального элемента, в котором фокусируются их речевые предпочтения, выступает языковая личность, смысловые составляющие образа которой в полной мере раскрываются в речевом процессе. На этой основе для решения поставленной задачи, предлагается следующий алгоритм научно-исследовательских действий:

1) на основе анализа набора языковых единиц (лексико-семантических, грамматических) и особенностей речевого поведения представителей социальных слоев, групп и сообществ, нашедших свое отражение в текстах, в частности в диалогах, установить релевантные признаки модельных языковых личностей и соотнести их с социально-речевыми портретами основных корпоративных групп, имевших место в татарском обществе второй половины XIX – начала XX вв.;

2) определить характер и степень соотнесенности страт татарского языка в структуре социально-речевого портрета данных сообществ в рамках сопутствующих их коммуникативной деятельности социальных ситуаций.

2.2. Социально-речевой портрет купцов, торговцев и приказчиков

В плане соотношения с функциональными стратами татарского языка второй половины XIX – начала XX вв. основу социально-речевого портрета

купцов, торговцев и приказчиков составляет общенародно-разговорный идиом, на который накладывается социолект, сложившийся в рамках данной корпоративной группы. Данный факт объясняется прежде всего влиянием сопутствующих профессиональной деятельности указанных лиц факторов прагматического характера, в частности, их заинтересованностью в получении прибыли, одним из основных средств достижения которой выступает общедоступное и понятное всем участникам деловой коммуникации средство общения.

По причине несоответствия профессиональным интересам татарских коммерсантов, в частности из-за своей витиеватости и сложности, а также насыщенности непонятными иноязычными заимствованиями, а именно словами, формами, конструкциями арабского и персидского языков, в деловой сфере литературная страсть татарского языка рассматриваемого периода опускалась.

Региональный (диалектный) код в силу определенных установок психологического и социального характера, таких как пренебрежительное отношение представителей одной этнографической группы к другим и восприятие диалектов как коммуникативных средств более низкого ранга, что в свою очередь мешало достижению желаемого результата, также отклонялся. В свое время по этому поводу историк и этнограф, действительный член Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете Г.Н. Ахмаров (1864 – 1911 гг.) в своей работе, посвященной изучению языка и происхождения носителей западного диалекта татарского языка, так называемых мишарей, написал следующее:

«Сочетание гортанных *г*, *к* с твердыми гласными, перемена мягкого гласного *ä* на *а*, частое опущение полугласного *й* в языке мишарей дают повод казанским татарам отзываться о мишарях, что они говорят жестким и грубым языком. <...>

Мишари смеются над говором татар, особенно над их горловыми звуками, говоря, что: “Татарның бабасы пәйгамбәрнең сухарыйон урлаб ашаган үзе таарат

алыб јорганда, тамагына шул ѓтѓрѓб калган”. (Предок татар съел сухари, похитив у пророка, когда он был занят омовением, и они (сухари) пристали в его горле).

Мне пришлось (слышать) в г. Тетюшах, как молодой татарин-лавочник начал шутить над двумя мишарями-коновалами из Карсунского уезда, когда они зашли в лавку за покупкой. Лавочник, смеясь, начал рассказывать в их присутствии анекдот о том, как мишари, принимая полосу гречихи за море, стали раздеваться, чтобы переправиться через нее. Один из коновалов, недовольный шуткой молодого человека, сказал: “Элек тамагыңны мазилка белән майла анда боламык сыланган”, (Сначала помажь мазилкой горло свое, там каша из муки пристала).

Чистопольские мишари смеются над татарами, называя их «лѓкѓр». Значение этого слова никто мне не мог объяснить в г. Чистополе. В татарском языке есть глагол звукоподражательный «локорда» – производить звук, похожий на кипение каши в котле: мишарское слово «локор», вероятно есть основа этого глагола; так как повелительную форму его «локордама» часто можно слышать у татар, когда старшие запрещают младшим много разговаривать» [Ахмаров, 1903, с. 99].

Однако описанное выше явление все же полностью не исключало включенность в сферу внутригруппового общения представителей деловых кругов и региональных разновидностей татарского языка, а также просторечия, что, как и в отношении общенародно-разговорного языка и их социолекта, было обусловлено факторами ситуативного характера. Об этом свидетельствует зафиксированный известным татарским писателем-просветителем Ф. Карими в своих путевых заметках «Кырым сѓяхѓте» («Путешествие в Крым») (1904 г.) случай, который произошел в поезде между ним и сыном торговца – носителем западного диалекта, принявшем писателя и его попутчика за своих коллег по цеху и соплеменников. О том, что юноша обратился к ним на региональном коде, свидетельствует ремарка автора *ğajät qaty mišär šiväsijlä tatarca* ‘на очень ярко выраженном мишарском наречии по-татарски’:

Bez čäjemeze tämam idüb Samaradan aldyğymyz gazetalary uqumağa älemezä almyš idek, mäzkür ike tataryñ bere janymyza kälüb sälam virde.

– Väğäläjkem ässälam, – didek.

Utyrdy vä ğajät qaty mišär šiväsijlä tatarca:

– Nixäl ağaj-ene, nixäl? Isänmesez? Sez kem kešese bulasyz? Qajda barasyz? – dide. <...>

– Xuš kildeñez, üzeñez sälamätmesez? – didek. <...>

Bez baška süz äjtkänčäjä qadär:

– Sez kem kešese bulasyz? – dijä täkrar sordy. <...>

– Sez ničün bezdän: «Sez kem kešese bulasyz?» – dijä surdyñyz? <...>

– Čünkä bezneñ atajlar üz balalaryny bolaj jaurupijski kijendermilär, ämma daverennyjlaryny tyja almyjlar, alar üzläre telägänčä kijünälär. <...>

– Bezneñ atajlar bezne jaurupijski kijenmäkdän tyjmyjlar šul, bezneñ atajlar kijem bähäslärene portnojlara, sač-saqal, byjyq bähäslärene parikmaxerlara, čitek-qaloš vä botin bähäslärene sapožniklara täslim itmešlär dä, kändeläre, räxät idüb, bezä doğa qylub toryjorlar [Кәрим, 1908, с. 12–13]

‘Как только мы закончили чаепитие и взяли в руки газеты купленные нами в Самаре для чтения , один из этих двух татар подойдя, поприветствовал нас.

– Ва алейкум ас салам, – сказали мы.

Он присел и на очень ярко выраженном мишарском наречии спросил по-татарски:

– Как дела братья, как дела? Здоровы ли? Вы чьи люди будете? Куда едете? <...>

– Добро пожаловать, сами здоровы ли? – ответили мы. <...>

До того как мы сказали что-либо еще, он снова спросил:

– Вы чьи люди будете? <...>

– Вы почему спросили у нас, чьими людьми мы будем? <...>

– Потому что наши отцы не позволяют своим детям одеваться по-европейски, однако не могут удержать своих доверенных, они одеваются, как сами хотят. <...>

– Наши отцы не запрещают нам одеваться по-европейски, наши отцы оставили споры об одежде портным, споры о волосах, бородах и усах парикмахерам, споры об ичигах, галошах и ботинках сапожникам, а сами, благоденствуя, молятся за нас’.

В ситуативном плане корпоративная группа коммерсантов второй половины XIX – начала XX вв. как языковой коллектив раскрывается в основном в рамках социальных контактов из сфер хозяйственной деятельности и быта. С первыми относятся речевые акты между самими купцами и торговцами, а также между ними и их наемными работниками, в частности приказчиками и конторщиками. Здесь в качестве релевантных ситуаций, на основе которых можно было бы реконструировать модельный образ, соотносящейся с рассматриваемой корпоративной группой типичной языковой личности, выделяются такие, как «обсуждение дел с коллегами по цеху», «получение благословения у духовного лица перед началом важных дел» и «инструктирование наемных работников».

Как известно, деловые коммуникации требуют соблюдения обязательных для официально-деловой сферы поведенческих и речевых норм. Однако анализ эмпирического материала показывает, что в среде татарских коммерсантов второй половины XIX – начала XX вв. требования профессионального этикета не имели какого-либо существенного значения. Практика ведения ими своих дел, которая складывалась на протяжении многих веков, во многом носила неофициальный характер и в большей части основывалась на взаимном доверии, что в свою очередь накладывало отпечаток и на стиле общения торговцев между собой. Так, например, ситуации «обсуждение дел с коллегами по цеху» в основном отличались своей непринужденностью. Это нашло свое отражение и на структуре связанных с хозяйственной сферой коммуникативных актов, которые осуществлялись внутри рассматриваемой корпоративной группы: в большинстве

случаев они строились на основе общенародно-разговорного кода, чем и объясняется доминирование в речи купцов, торговцев, приказчиков оборотов и конструкций, характерных для указанного идиома татарского языка. Так, например, в анализируемом далее диалоге были зарегистрированы выражения, семантическую и грамматическую основу которых составляют реализуемые в рамках разговорного дискурса значения и отношения, а именно значение кондиционалиса объективного характера, т.е. не зависящее от воли субъекта речи (*nasyjp bulsa* ‘если удастся’), смещение логического ударения, сопряженное перемещением вопросительной частицы (*tizme čyğarğa nijät qylasyñ* ‘скоро рассчитываешь выезжать’), процессуальный признак субъекта речи, осложненный значением возможности совершения действия (*äjländererlek čamañ barmy* ‘есть возможность повернуть’), значение требования совершения определенных действий, выраженное нулевыми формами императива и смягченное семантикой слова *sep* ‘тайна, секрет’, обозначающего секретную информацию, сведения, новости, которые нельзя разглашать другим лицам, нечто личное и осложненного аффиксами принадлежности второго лица единственного числа (*sereñne jäšermä, söjlä* ‘не утаивай от меня свой секрет, рассказывай’): *Nasyjp bulsa, Mäkärcäğa tizme čyğarğa nijät qylasyñ? Ešläreñ niček? Bu jyl Mäkärcäne äjländererlek čamañ barmy? Minnän sereñne jäšermä, söjlä!* [Мөхәммәдев, 1958, с. 80] ‘Если удастся, скоро рассчитываешь выезжать на Макарьевскую ярмарку? Как идут дела? В этом году есть возможность повернуть Макарьевскую ярмарку? Не утаивай от меня свою тайну, рассказывай!’.

Все они с самого начала задают беседе непринужденно-доверительный тон, который далее усиливается лексемой *jüri* ‘умышленно; нарочито, нарочно’, употребленной в значении ‘специально’, и сокращенной формой синтаксической конструкции *kiñäš itešergä kilü* ‘прийти посоветоваться’ *kiñäškä kilü: Min jüri šunuñ öçen kiñäškä kildem* [Там же] ‘Я специально для этого пришел, посоветоваться’.

Данный стиль общения, несмотря на ввод в структуру речевого акта таких профессионализмов как *sum siksän tijengä kalu* ‘обесценивание рубля на

восемьдесят копеек’, *sumğa sum tüläü* ‘платить рубль за рубль’, *sum ille tijengä qalu* ‘обесценивание рубля на пятьдесят копеек’, поддерживается и в дальнейшем, о чем свидетельствует употребление субъектом коммуникации словосочетания *juqqa ğazaplanu* ‘мучаться напрасно’, отрицательной формы глагола *qyjnalı* ‘изводить себя’, утверждений *biräcägeñne birüdän qotyła almassyñ* ‘не спасешься от возврата своего долга’ и *ber tijenlek äcere qalmas* ‘не останется ни копейки выгоды’, в семантику которых изначально закладываются смысловые коннотации этической направленности, предопределяющие их употребление именно в дружеской обстановке: *Äğär dä sumyñ siksän tijengä kalğan bulsa, juqqa ğazaplanyp sumğa sum tülimen dijep qyjnalma. Baryber bu jyl tüläsän dä, aldağy jylğa sumyñ ille tijengä qalyr. Biräcägeñne birüdän qotyła almassyñ, nä üzeñä ber tijenlek äcere qalmas* [Мөхәммәдев, 1958, с. 81] ‘Если от твоего рубля осталось восемьдесят копеек, не мучайся напрасно и не изводи себя, стараясь платить рубль за рубль. Все равно, если и заплатишь в этом году, на следующий год от твоего рубля останется пятьдесят копеек. Ты не спасешься от возврата своего долга, к тому же и себе не останется ни копейки выгоды’.

В аксиологическом плане словоформы и выражения данного рода раскрывают утилитарно-прагматический характер морального облика татарских купцов и торговцев, который заключается в таких установках как «чтобы не случилось, не поддавайся угрызениям совести» и «всегда думай о своей выгоде». А такие обороты как *täwäkkäl qylarğa kiräk* ‘надо решиться’, *Allağa tapşyryp* ‘поручившись Аллаху’, *Xodaj quşyp* ‘если Всевышний даст’ и *mihyrbanlıq salsa* ‘если вложит милосердие’ характеризуют их как людей решительных и рискованных, но во всем полагающихся на волю Всевышнего: *Sumyñ sum jäki siksän tijen çağynda, Allağa tapşyryp, täwäkkäl qylarğa kiräk. Xodaj quşyp, alaçaq ijälären küñellärenä mihyrbanlıq salsa, ber süz dä äjtmäslär, kileşerlär* [Там же, с. 80] ‘Когда твой рубль стоит еще рубль или восемьдесят копеек, надо решиться, поручившись Аллаху. Если Всевышний даст и вложит в души твоих кредиторов милосердие, ничего не скажут, согласятся’.

Заданный первым субъектом коммуникации непринужденно-доверительный тон его собеседником поддерживается посредством разговорной конструкции *cajsyzraq kürenü* ‘казаться не очень’, употребление которой в деловой сфере не оправдывает себя из-за заложенного в семантику его первого компонента, а именно словоформы *cajsyzraq*, коннотации неоднозначности, а также характерной для разговорной речи утвердительной частицей *şul* ‘на самом деле’, которая обычно следует за глагольными формами, в разбираемом случае за формой настоящего времени индикатива на *-a (-yj)*: *Eşlär cajsyzraq kürenü şul, xaci äfände! Säüdälär naçar: bu jyl çamasy eşne äjländerep bulmas* [Мөхәммәдев, 1958, с. 80] ‘Дела на самом деле кажутся не очень, хаджи эфенди! Торговля идет плохо: в этом году наверно не сумею повернуть дело’.

В морфологическом плане данного рода речевые акты сопровождаются такими показателями как форма намерения на *-maq(çy) bul-*, форма результативного прошедшего времени индикатива на *-ğan*, деепричастие на *-ğaç*, инфинитив на *-(y)rğa*, форма будущего неопределенного времени на *-r (-mas)* и т.д., которые в рассматриваемый период, несмотря на их включенность в систему норм литературного языка, основу которого в силу продолжающихся письменных традиций составляли древне- и среднетюркский элементы, все же выступали еще как структурные элементы разговорной страты: *Nigä bu qadär küp birmäk bulasyñ? Qajsyna utyz tijen, qajsyna qyryq tijennän jazğansyñ. Üzeñ şulaj qyryq tijen birep torğaç, alar, jäğni kreditorlaryñ, ille tijen, altmyş tijennän ber dä kim alyrğa razyj bulmaslar. Alaj itep, küp birep öjrätergä jaramas* [Там же, с. 81] ‘Почему собираешься так много давать? Кому-то написал по тридцать копеек, кому-то по сорок. Раз сам отдаешь сорок копеек, они, то есть твои кредиторы, никак не согласятся взять меньше пятидесяти копеек, шестидесяти копеек. Нельзя приучать, отдавая так много’.

Морфологические единицы разговорного идиома татарского языка, в частности формы настоящего времени индикатива на *-a (-yi)*, деепричастие на *-ğaç*, форма результативного прошедшего времени индикатива на *-ğan*,

вопросительное местоимение *nindäj* ‘какой, что за’, инфинитив на *-(y)rğa*, а также такие повседневно-бытовые выражения как *xalyq telendä* ‘на языке народа’, *süzlär çyğu* ‘распространение слухов’ и *quldan kilgänçä* ‘по мере возможности’ являются неотъемлемой частью и коммуникативных актов между купцами, связанных друг с другом родственными связями: *Bu jyllarny xalyq arasynda: «Sämiğulla Äxmätcanov tiz šartlyj» digän süzlär çyğyp, Ğaliäkbär ağajnyñ da qolağyna kergüç, qodasyn çaqyryp: «Sämiğulla qoda! Xalyq telendä sineñ haqynda šundyj süz çyqqan, bu xəbär nindäj xəbär? Tuğrymy, juqmy? Ägär andyj nijäteñ bulsa, sumyñ sum waqytta ešlärgä kiräk, quldan kilgänçä bez dä järdäm itärbez, jortyñny bänem isemgä küçererbez, häm artyq närsäläreñ bulsa, bezneñ buš sarajlarğa kiterep qujarsyñ. <...> Xäteremä kilgändä šuny da äjtım äle: kriditorlaryñnyñ japtyryrbyz-fälän digän süzlärennän qurqyp, küp birep qujma. Sumyna jegerme tijennän artyq birmä», – dip näsixät birgäç, Sämiğulla Äxmätcanovnyñ xätere dä qalğan ide* [Мөхәммәдев, 1958, с. 46–47] ‘Когда, после того как в эти годы среди народа распространились такие слухи как «Самигулла Ахметзянов в скором времени взорвется» и они дошли до ушей Галиакбера агая, он, позвав своего свата, дал следующие наставления: «Самигулла сват! Среди народа о тебе распространился такой слух, что это за новость? Правда, или нет? Если у тебя есть такое намерение, надо это сделать пока твой рубль не потерял в цене, мы тоже поможем по мере возможности, твой дом переведем на мое имя, и если имеется лишний товар, перенесешь в наши пустые сараи. <...> Пока не забыл, скажу еще вот что: испугавшись слов кредиторов о том, что они тебя закроют, не вздумай давать много. Больше двадцати копеек за рубль не давай», Самигулла Ахметзянов еще и обиделся’.

В отдельных случаях для еще большего усиления непринужденно-доверительного тона использовались и примеры из жизни близких людей, что в свою очередь притягивало в сферу деловых коммуникаций терминов родства. В свете обсуждения нелепых с точки зрения собеседников поступков родственников не кажется странным присутствие в речи купцов и таких выражений как *axmaqlyq qyly* ‘совершить глупость’: *Bylytyr Šämsetdin qodañ da, axmaqlyq qylyp, qajberenä*

quryq tijen birep taşlağan [Мөхәммәдев, 1958, с. 81] ‘В прошлом году твой сват Шамсетдин тоже, совершив глупость, отдал некоторым сорок копеек’.

Раскрытию системы ценностей татарских коммерсантов второй половины XIX – начала XX вв. служит и поговорка *Jaman atyñ ber çyğar, ike çyqtas* ‘Дурное имя выйдет один раз, два раза не выйдет’, которая характеризует употребившего ее в своей речи лица как человека, равнодушного к своей репутации, как человека, придерживающегося установки «мнение окружающих не самое главное». Далее заложенный в семантику указанной поговорки смысл в приведенном ниже примере разворачивается посредством обезличенной отрицательной формы будущего неопределенного времени индикатива глагола *maqtau* ‘хвалить’ и образного выражения *Mäskäüne aşau* ‘съесть Москву’. В семантике последнего находит свое отражение и другой неписанный закон делового мира – живи за счет других, а именно за счет московских купцов, с которыми в указанный период многие татарские купцы и торговцы поддерживали тесные деловые контакты. Как правило, в среде последних не считалось зазорным обманывать своих компаньонов из другой веры: *Baryber inde jaman atyñ ber çyğar, ike çyqtas. Jegerme tijen birsän dä, ille tijen tüläsän dä, maqtamaslar. Mäskäüne aşady, dijärlär* [Там же] ‘Дурное имя выйдет один раз, два раза не выйдет. Если даже отдашь двадцать копеек, или пятьдесят копеек, не похвалят. Скажут, что съел Москву’.

Сопутствующая профессиональной деятельности коммерсантов утилитарно-прагматическая установка «всегда думай о своей выгоде» вербализуется также в содержании таких обыденно-разговорных конструкций как *üzeñdä äcer qaldyru* ‘оставить себе выгоду’ и *üz jağyña azraq fajda qaldyru* ‘оставить в свою сторону немного пользы’: *Bu jazğança, härqajsyna utyz, quryq tijennän birä başlasaň, üzeñdä äcere küp kalmas şul. Niçek soň äle? Kүpme buryçyñ bar, күpme qulyñda suma qalğan, xisaplap qarağanyğыз бармы? Bu käğazdä jazğança tüläsän, üz jağyña azraq fajda qalyr kebekme?* [Там же] ‘Если, как здесь написано, будешь давать каждому по тридцать, сорок копеек, себе выгоды много не останется ведь. Как же там? Сколько у тебя долгов имеется, сколько суммы у тебя

в руках осталось, пробовали подсчитать? Если заплатишь как написано в этой бумажке, похоже, что тебе останется немного пользы?».

Образное выражение *tirä-janyňny cyjybraq qaldyru* ‘прибраться вокруг себя’ характеризует их как людей осторожных и предусмотрительных, придерживающихся установки «не подвергай себя опасности, береженого Аллах бережет»: *Üzeň kitkänçe tirä-janyňny cyjybraq qaldyryrğa kiräk bulyr. Jort-cireňne dä xatynyň isemenä küçertergä kiräk, häm kibettäge tovaryňny da çamaly ğyna qaldyr. Dürt-biş meň tänkäleq qaldyrsaň citär. Kibetne bötenläj jabarğa jaramas, xalyq şiklänä başlar* [Мөхәммәдев, 1958, с. 83] ‘До того, как уедешь сам, надо будет прибраться вокруг себя. И имущество нужно перевести на имя жены, и товар в магазине оставь в меру. Если оставишь на сумму в четыре-пять тысяч, будет достаточно. Магазин полностью закрывать не стоит, народ начнет подозревать’.

При этом одним из средств достижения безопасности является проворачивание дел скрытно, не привлекая внимания других людей, о чем говорит употребление купцом в своей речи идиомы *xalyq ajağy tynğaçraq* ‘когда немного утихнет нога народа’: *Kladovojdağy tovaryňny xalyq ajağy tynğaçraq, kiç belän, Säğdi bajnyň ambaryna taşyttyryp quj* [Там же] ‘Товар в кладовой, немного утихнет нога народа, вечером перевези в амбар Сагди бая’.

В семантике речевого оборота *arzan bulsa da, tovarny aqçağa äjländerü* ‘перевести товар на деньги, если даже и будет дешево’ находит свое отражение другая установка, которой придерживались татарские дельцы – «цель оправдывает средства»: *Čistajdağy prikazčiklaryňğa da xat jaz. Arzan bulsa da, tovarny aqçağa äjländersennär* [Там же] ‘И приказчикам в Чистополе напиши письмо. Пусть переводят товар на деньги, если даже и будет дешево,’.

В следующем примере в качестве средств вербализации установки «не подвергай себя опасности, береженого Аллах бережет» выступают и такие речевые обороты как *Dönjanyň ešen beler xäl juq* ‘Мирские дела не угадаешь’, *Alla saqlasyn* ‘Защити Аллах’, *Ülgännän soň täübä juq* ‘После смерти покаяния нет’, *Soňynnan ükengänneñ fajdası bulmas* ‘Не будет пользы от раскаянья после’, а

утверждение *Bötenläj jalanğaç qalyrsyñ* ‘Совсем голым останешься’ еще раз подчеркивает утилитарный характер ценностных ориентиров татарского торгового сообщества второй половины XIX – начала XX вв.: *Dönjanyñ ešen beler xäl juq. Kriturlaryñ (kreditor) açu belän sudqa birep, barlyq malyñny basyp, peçatläp almasynnar. Alla saqlasyn. Bötenläj jalanğaç qalyrsyñ. Ülgännän soñ täübä juq, digän šikelle, soñynnan ükengänneñ fajdasyn bulmas* [Мөхәммәдев, 1958, с. 83] ‘Мирские дела не угадаешь. Смотри, чтобы кредиторы, со злости подав в суд, не арестовали и не опечатали все имущество. Защити Аллах. Совсем голым останешься. Подобно тому, что после смерти нет покаяния, не будет пользы от раскаянья после’.

Здесь следует отметить, что будучи людьми набожными, татарские коммерсанты перед началом важных дел старались получать благословения духовно-религиозных лиц. Беседам данного рода изначально задавался уважительно-доверительный тон, который достигался посредством использования торговцами лексических единиц, подчеркивающих высокий сан служителей культа, например, таких уважительных обращений как *täqsir, xäzrät*, а их речь в целях достижения благосклонности противоположной стороны при помощи выражений и конструкций из религиозного дискурса (например: *Xäjer-doğada bulyğyz inde* ‘Вы уж благословите’, *Inšalla* ‘Если будет угодно Аллаху’, *Xoda xäjerle käseplär birsä* ‘Если Всевышний ниспошлет благополучную торговлю’, *sez täbäräklärneñ fatixasyn alsaq* ‘если получим у вас, у почтенных, благословение’) окрашивалась в соответствующие эмоционально-психологические оттенки:

– *Kičä öjlä namazynda kürenmädegez, ber šöğylegez bar ide, axrysy, jäisä öjdä juq idegezme?*

– *Bäli, täqsir, öjdä juq idem. Üzegezgä dä mäğlüm inde, Mäkärcä aldynnan säüidäğärneñ eše-šöğyle küp buladyr. Šunyñ säbäple öjlägä kiçä kerep bulmady.*

– *Ä, alajmy? <...>*

– *Nišlämäk kiräk soñ, täqsir! Alyš-birešeñ, ešeñ bulğaç, barmyj bulmyj šul, barasyñ. <...>*

– *Xoda qušsa, qajčan säfär čyğuşa nijät qylasyz? <...>*

– *Xäjer-doğada bulyğyz inde, xäzrät! Waqyt bik küp qalmady, citte. Nijätebez bik ozaqlarğa tügel, bälki šušy atna arasynda čyğarbyz da.*

– *Xäjer-doğadan eš tormyj inde. <...>*

– *Inšalla, inšalla! Xoda xäjerle käseplär birsä, annan eš qalmas. Üzem dä bik jaxšy belämen, sez täbüräklärneñ fatixasyn alsaq, xur bulmabyz [Мөхәммәдев, 1958, с. 83–84]*

‘– Вчера вас не было видно на полуденном намазе, наверно, у вас было какое-то дело, или же не были дома?’

– Да, таксир, не был дома. Вам и самим известно, перед Макарьевкой у торговца дел невпроворот. По этой причине вчера не смог зайти на полуденный намаз.

– А, так? <...>

– Что поделаешь, таксир! Если есть купля-продажа, дела, не получится не поехать, едешь. <...>

– Если соизволит Всевышний, когда намереваетесь выехать? <...>

– Вы уж благословите, хазрат! Времени не очень много осталось, пришла пора. Намереваемся поехать ненадолго, может в промежутке этой недели и выйдем.

– От благословения дело не станет уж. <...>

– Если будет угодно Аллаху, если будет угодно Аллаху! Если Всевышний ниспошлет благополучную торговлю, за этим дело не станет. Я и сам очень хорошо знаю, если получим у вас, у почтенных, благословение, не опозоримся’.

Заданный в начале беседы деловой коммуникации непринужденно-дружеский тон в большинстве случаев обуславливает его завершение на той же волне посредством товарищеских советов. Все это также предопределяет включение в языковую ткань акта деловой коммуникации таких лексических единиц и конструкций из разговорной страты как *andyj-mondyj* ‘какой-нибудь’, *hezmatče-fäläneñne* ‘какого-нибудь свою прислугу’, *açu belän* ‘со злости’, *xisabyn*

birep ‘рассчитав’, *çyğaryp cibärä kürmä* ‘не вздумай уволить’, а употребление конструкции *üz başymnan uzdy* ‘прошли через мою голову’ как бы еще раз свидетельствует об искренности намерений в отношении компаньона: *Isem dä çağynda şuny da äjtim äle: järminkä ütkänçe andyj-mondyj xezmätçe-füläneñne açu belän xisabyn birep çyğaryp cibärä kürmä. Usallyq ilä: «Bajybyz malyn jäşerä, şartlarğa ujlyj», – dijep, böten şähärne sasytyrlar. Andajyn xällär üz başymnan uzdy* [Мөхәммәдев, 1958, с. 83] ‘Пока на уме скажу вот еще что: до окончания не вздумай со злости рассчитать и уволить какую-нибудь прислугу. От злобы со словами «Наш бай прячет все имущество, планирует взорваться» провоняют весь город. Такие вещи уже прошли через мою голову’.

Реализуемые в среде татарских коммерсантов коммуникативные акты из сферы ситуации «инструктирование наемных работников», как и предыдущие, в основном опираются на ресурсы разговорного идиома, что также в целом детерминировано утилитарно-прагматическими установками делового мира. Однако, в отличие от ситуации «обсуждение дел с коллегами по цеху», тон разговору здесь задается авторитарным стилем, который находит свое отражение в монологическом характере беседы, а также в высокомерно-презрительном отношении хозяина к своему служащему, что в разбираемом случае раскрывается в игнорировании им его приветствия: *Äxmädineñ sälamen dä almastan, Ğaliäkbar ağaj oşbu räveščä süzgä başlady: <...>* [Там же, с. 42] ‘Не ответив на приветствие Ахмадия, Галиакбер агай начал говорить следующее: <...>’.

Ориентированность на общенародно-разговорный код проявляется прежде всего в фонетической трансформации иностранных заимствований, в частности европейских и русских, на разговорный лад (*duxtyr* ‘доктор’), в употреблении разговорных образных выражений (*açyq awyz* ‘ротозей’), а также в осложнении семантики отдельных лексем из разговорного языка положительными коннотациями (*närsä* ‘вещь > хорошая вещь’): *Bügen öjlädän soñ nemets duxtyrynyñ keşese kăcä tiresen qaramaqçy buldy, jaña keşe ikän, açyq awyzraq kürenä, häm närsäne dä bik tanyj torğan keşegä oxşamyj* [Там же] ‘Сегодня после обеда

человек немецкого доктора хотел посмотреть козью шкуру, оказывается новый человек, кажется немножко ротозеем и на разбирающегося в хороших вещах человека не похож’.

При этом свой высокий статус хозяин раскрывает посредством использования им перед своим подчиненным таких профессионализмов как *berenče xlebnyj kăcä tirese* ‘первая хлебная козья шкура’ и *brak kăcä tirese* ‘бракованная козья шкура’, лексическую и семантическую основу которых составляют заимствования из русского языка. Тот факт, что во второй половине XIX – начале XX вв. татарские коммерсанты в основной своей массе представляли одноязычную корпоративную группу, присутствие в их речи европейской и русской лексики было обусловлено именно утилитарно-прагматическими соображениями, прежде всего желанием демонстрации перед подчиненными своего превосходства и исключительности. Их усилению служит также использование глагола в нулевой форме императива, основным значением которого является требование совершить какое-либо действие. При этом выражения *Xoda qušsa* ‘если Всевышний соизволит’ и *xäzrätlär doğasy bäräkätendä* ‘с благодатью молитв мулл’ должны акцентировать его набожность и благочестивость: *Ul kilgänče šul berenče xlebnyj kăcä tiresenä jänä ike jöz bašlap köjä ašağan brak kăcä tiresennän quşyp, aralaştyryp quj, bernärsä dä bulmas, Xoda qušsa, xäzrätlär doğasy bäräkätendä, šul jaxşy kăcä tirese rätendä ük kitär äle* [Мөхəммəдев, 1958, с. 42] ‘Пока он не пришел, на эту первую хлебную козью шкуру добавь двести штук из съеденной молью бракованной козьей шкуры, перемешай их, ничего не случится, если Всевышний соизволит, с благодатью молитв мулл уйдут вместе с этой добротной козьей шкурой’.

Связанные с ситуацией «инструктирование наемных работников» коммуникативные акты характеризуются присутствием таких разговорных выражений как *açyq awyz aluçylar* ‘ротозеи покупатели’ *joqlamasqa kiräk* ‘не нужно спать’ и *zarar itmäs* ‘не помешает’, которые в свою очередь выступают в качестве смысловых ядер предложений, вербализующих ценностные ориентиры

татарских коммерсантов, а именно поведенческие установки «живи за счет других» и «всегда думай о своей выгоде». При этом обман, ничем не оправданная корысть и жажда наживы прикрывается доводами религиозного характера, заложенных в семантику конструкций *Xoda jağmur birmäsme* ‘может Всевышний даст дождь’, *Xoda birgän buladyr* ‘будет ниспосланным Всевышним’, так как использование торговцем в своей речи утверждения *keşe-ni kürsä jaxşy tüğel* ‘нехорошо, если кто-то увидит’, говорит о том, что мнение окружающих для него все-таки имеет какое-то значение: *Şundyj ačyq awyz aluçylar kilgän waqytta joqlamasqa kiräk. Ambardağy däwä jonnaryn išek aldyna çyğaryp qujarğa kiräk. Bälki kiçkä qarşy Xoda jağmur birmäsme! Qap başyna unar qadaq artsa da zarar itmäs. Ambardan, jağmur java başlasa, çyğarğanny keşe-ni kürsä jaxşy tüğel, ä bolaj jausa da xyjanät bulmyj, Xoda birgän buladyr* [Мөхәммәдев, 1958, с. 43] ‘Когда приходят такие ротозеи покупатели, не нужно спать. Верблюжьей шерсть в амбаре нужно вынести во двор. Может к вечеру Всевышний пошлет дождь! Если на один мешок увеличится хотя бы по десять фунтов, и то не помешает. Нехорошо, если начнется дождь и кто-то увидит, что выносим из амбара, а так, если и дождь пойдет, не будет обманом, а будет ниспосланным Всевышним’.

Включение коммерсантом в свою речь таких конструкций как *säüdälär naçar* ‘торговля плохая’, *fajda itep bulmyj* ‘невозможно получить прибыль’, *rasxod hämişä çyğyp tora* ‘расход выходит постоянно’ направлено прежде всего на удержание в узде своих служащих. Он как бы указывает на то, чтобы они не надеялись на многое и это еще раз подчеркивает его меркантильную сущность: *Ûzeñ beläseñ bit, äüwälge borynğy jyllar juq, jyldan-jyl säüdälär naçar, fajda itep bulmyj, rasxod hämişä çyğyp tora* [Там же] ‘Сам знаешь, прежних древних лет нет, из года в год торговля ухудшается, невозможно получить прибыль, расход выходит постоянно’.

Высокомерное и презрительное отношение богача к окружающим находит свое отражение в предложении *Min üzem dä bik jaxşy belämen* ‘Я и сам хорошо знаю’, которое он вводит в свою речь в связи с комментированием наставлений

его тестя-муллы: *Citmäsä qajynataj xäzrät tağyn: «Zäkätne waqytnnan qaldyrmyj birergä tiješ vä xacğa da baryrğa waqyt buldy inde», – dijep xafalap toradyr. Min üzem dä bik jaxšy belämen: zäkät birü, xacğa baru sawap eš ikänen* [Мөхәммәдев, 1958, с. 43] ‘К тому же свекор хазрат беспокоит все время, говоря: «Закят необходимо отдавать вовремя и в хадж пришло время поехать». Я и сам хорошо знаю, что подаяние закята и поездка в хадж являются благими делами’.

Далее оно в резко агрессивной форме репрезентируется посредством риторического вопроса *Bu qadär ešne kemgä tašlap kitäseñ?* ‘Кому оставишь столько дел?’, негативных утверждений *añğyra, bernärsä belmider* ‘тупой, ничего не знает’, *eš bašqara torğan adäm juq* ‘нет человека, который мог бы управлять делами’ и *törlese törle jaqtan üz fajdasyn küzli başlarlar* ‘все с разных сторон начнут высматривать свою выгоду’, высказанных им в отношении своих конторщиков и приказчиков: *Ämma ni ešlämək kiräk? Bu qadär ešne kemgä tašlap kitäseñ? Miñlebaj jäs, añğyra, bernärsä belmider. Kontorda bulsa, eš bašqara torğan adäm juq. Ägär alarğa tapşyryp kitsäñ, törlese törle jaqtan üz fajdasyn küzli başlarlar* [Там же] ‘Но что поделаешь? Кому оставишь столько дел? Минлебай – молод, тупой, ничего не знает. И в конторе нет человека, который мог бы управлять делами. Если уйдешь, передав им, все с разных сторон начнут высматривать свою выгоду’.

При этом пренебрежение к людям более низкого социального ранга чем он, купец оправдывает порицанием общественностью совершаемых ими определенных поступков, таких как посещение трактиров, что выражается посредством обезличенной глагольной конструкцией *kürğannär äle* ‘видели’, а также моральной-этической установкой «одна паршивая овца портит все стадо», средством вербализации которой в следующем примере выступают конструкции *yšanyp beterep bulmyj* ‘нельзя до конца довериться’ и *ixtimal beregep kitüläre* ‘возможно, что сойдутся’: *Kastirny da šul arada traktirdan çyqqanyn kürğannär äle. Buxgalter gärcä juaš, täüfyjqlı keşe bulsa da, añarğa da yšanyp beterep bulmyj. Ixtimal kastir berlän beregep kitüläre* [Там же] ‘Недавно и кассира видели, как

выходил из трактира. Бухгалтер хотя и является тихим, благонаправленным человеком, и ему до конца довериться. Может сговориться с кассиром’.

Авторитарный стиль, на основе которой строится монолог хозяина перед служащим в конце смягчается характерными для разговорной речи обезличенной глагольной формой *dilär* ‘говорят’, утвердительной частицей *šul* ‘на самом деле’, которая, как уже было сказано, следует за глагольными формами и предложением *Belmim inde, ni qylyrğa da aptyradym* ‘Не знаю, что и делать’, на которых также накладывается функция смягчения обстановки: *Menä sine kontorda qaldyryp kitärgä jarar ide, jazu tanymyj häm üz jazğanyn üzennän başqa keşe uqyj almyj, dilär. Alaj bulğaç, kontorda ağyz açyp utyruyñnan fajda çyqmas šul. Išek aldynda da qararğa ber keşe kiräk. Belmim inde, ni qylyrğa da aptyradym* [Мөхәммәдев, 1958, с. 43] ‘Вот тебя можно было бы оставить в конторе, говорят, что ты не умеешь читать, и написанное тобой кроме тебя самого никто не может прочесть. Если так, то от того, что ты зевая будешь сидеть в конторе, не будет пользы. И присмотреть за двором нужен один человек. Не знаю, что и делать’.

Для усиления авторитарного стиля, в зависимости от характера сопутствующих ситуации «инструктирование наемных работников» дел нередко привлекаются и такие просторечные выражения как *atañ başy* ‘башка твоя отцовская’, *iserek baš* ‘пьяница’ и разговорные вопросительные конструкции *beraz ujlap qararğa jaramyjmyñi?* ‘нельзя было немного подумать?’, *ber dä xätäreñä kitermiseñmeni?* ‘ты что совсем не думаешь?’, которые с другой стороны выступают средствами вербализации бестолковости, нерасторопности и некомпетентности служащих торговца, что наблюдается в следующем примере: <...> *Ğaliäkbär ağaj açuynnan çydyj almaj Äxmätğaliğa qarap: «Atañ başy, aj iserek baš! Ul uqyğan telegramnyñ ni jazğan ikänen beraz ujlap qararğa jaramyjmyñi? Xäzer Ideldä boz kitä, ber atnadan paroxodlar jöri başlasa kiräk dip. Xäzer ijül aju ikänen häm utyz praçint esse bulğanyn ber dä xätäreñä kitermiseñmeni? <...>»* [Там же, с. 45] ‘Галиакбер агай не в силах сдерживать себя посмотрел на Ахметгалия и, сказав: «Башка твоя отцовская, ай пьяница! Нельзя было немного подумать над

тем, что было написано в той прочитанной тобой телеграмме? О том, что сейчас на Волге ледоход, через неделю поплывут пароходы. Ты что совсем не думаешь, о том, что сейчас июль месяц и стоит тридцатиградусная жара? <...>»; *Xatnu uqur tämam qylğaç, «Çaқыryğыз šul iserek baš Ğalimcanny!» dijer Ğaliäkbär qyçqyrğan tawuška kontorščiklar, bar da siskänep kitep, <...>* [Мөхәммәдев, 1958, с. 49] ‘После того как он прочитал письмо, все конторщики, вздрогнув на окрик Галиакбера «Позовите этого пьяницу Галимджана!» ... <...>’.

Будущи носителями консервативных взглядов и патриархальных ценностей татарские купцы и торговцы особенно ревностно относились к каким-либо изменениям в манере одеваться и аксессуарах одежды. Они в их понимании являлись посягательством на сложившиеся веками традиционные устои жизни, олицетворением которых выступали пожилые люди. Все это находит свое отражение в семантике конструкций *çalbar balağын salyndyryp* ‘свесив штанину брюк’, *çuqsyz qara käläpüš kijep* ‘надев черную ермолку без бахромы’ и *üzeñnän qartlarğa qaramuj* ‘несмотря на людей старше тебя’: *Citmäsä tağын urysça jazu belämen dijer üzeñnän qartlarğa qaramuj, çalbar balağын salyndyryp, çuqsyz qara käläpüš kijep jörgän bulsayñ* [Там же, с. 45] ‘К тому же, говоря, что знаешь русскую грамоту, несмотря на людей старше тебя, ходишь, свесив штанину брюк и надев черную ермолку без бахромы’.

Высокомерно-презрительное отношение хозяина к своему служащему выражалось и посредством таких выражений как *jörmä yryldap* ‘не болтайся, огрызаясь’, *bar* ‘иди’, *urynyña utyr* ‘сядь на свое место’, *xäzerläp quj* ‘приготовь’, основу которых составляют глаголы в нулевой форме императива, а использование формы настоящего времени глагола *kerü* ‘зайти’ с характерным для письменного литературного языка полной формой аффикса первого лица единственного числа *-тун* хозяин еще раз подчеркивало его высокий социальный статус: «<...> *Jörmä yryldap, bar, kerep urynyña utyr. Bügen kilgän telegramnary tabyp, xäzerläp quj. Xäzer üzem kontorga kerümen*», – *dijep Äxmätğaline oryşyp kertte* [Там же, с. 45–46] ‘<...> Не болтайся, огрызаясь, иди, зайди и сядь на свое место.

Найди и приготовь пришедшие сегодня телеграммы. Сейчас сам зайду в контору», – обругал Ахметгалия’.

Как уже было сказано, употребление татарскими купцами в своей речи европейской и русской лексики было обусловлено их желанием демонстрации перед конторщиками и приказчиками своей исключительности и превосходства. Этой же цели подчиняются подогнанные в фонетическом плане на разговорный лад заимствования *biksel* ‘вексель’, *sruk* ‘срок’, *puđpis* ‘подпись’, *brimennyj* ‘временный’, *kupis* ‘купец’: *Äxmätğali kergäç, Ğaliäkbär ağaj šušy räweštä ämer birde: «Menä šušy biksellär eçendä Sämiğulla qodanyñ meñ biş jöz tänkälek biksele bar, srugy bügen, puđpise brimenni kupis Sämiğulla Äxmätcanov dijep jazylğan bulyr, šuny ezläp tabyp al»* [Мөхәммәдев, 1958, с. 47] ‘После того как зашел Ахметгали, Галиакбер агай дал приказ следующего толка: «Вот среди этих векселей есть вексель свата Самигуллы на сумму тысяча пятьсот рублей, срок сегодня, должна быть поставлена подпись временного купца Самигуллы Ахметзянова»’.

В полном объеме социально-речевой портрет татарского коммерсанта второй половины XX – начала XIX вв. находит свое отражение в приведенном далее письме, адресованном представляющему его интересы в уездном городе приказчику. В самом начале при помощи характерных для письменного литературного языка лексических единиц, морфологических форм и грамматических конструкций задается высокопарный тон стилю изложения и подчеркивается высокий социальный статус автора письма: *Sezki xörmätli ulyp torğučy enemez Siracetdinğa bezki xucañyz Äxmätsafadin küptin küp sälamnäremezne künderdem. Bäğdä Ğyjmrän ilä Ğaliullağa küp sälamnär äjlädem. Üzemezne sorasağyz, älxämdelilla, bik sağ wä sälamät dijep beläsez* [Там же, с. 85] ‘Шлем вам – уважаемому брату нашему меньшому Сиразетдину свои многочисленные приветствия мы – ваш хозяин Ахметсафа. После шлю много приветствий Гимрану с Галиуллой. Если спросите о нас, слава Аллаху, знайте, что очень здоровы’.

Далее указывается проблема, от решения которой по мнению торговца зависит вся их дальнейшая жизнь. При этом важность ситуации подчеркивается посредством характерной для письменного литературного языка конструкции *wä bägdä mäglüm ulynadyr* ‘и после будет известно’, состоящей целиком из арабских заимствований и такими выражениям из религиозного дискурса как *Xoda quşyp* ‘с соизволения Всевышнего’, *Alla üze saklasyn* ‘Пусть Аллах сам сбережет’, а также утверждениями *dönja xälen beler xäl juq* ‘судьбу не предвосхитишь’, *bik qyjyn bulyr* ‘будет очень трудно’. Все они вместе с оборотами *nasyjp bulsa* ‘если будет суждено’, *äjländerep cibärä alsaq* ‘если сможем провернуть’, *eşlär čualyp kitmäsä jarar ide* ‘как бы дела не запутались’, *eşlär čualsa* ‘если дела запутаются’, основу которых составляют глаголы в форме условного наклонения, подчинены одной цели: донести до сознания адресата всю фатальность и непредсказуемость грядущего: *Wä bägdä mäglüm ulynadyr: bu jyl da Mäkärcä waqyty citte. Biräčäklär bar, säüdälär naçar. Mäkärcä biräčäklärenä aqča bik xacät. Nasyjp bulsa, oşbu xatny alğaç ta, bik tizlek belän, qulynda küpme akča bar, barlyğyn syjyp, monda cibär. Xoda quşyp, aqča tabyp, Mäkärcäne äjländerep cibärä alsaq, bik jaxşy bulyr ide. Şulaj da bulsa, dönja xälen beler xäl juq. Biräčäklärgä aqča citkerä almyj, andyj-mondyj eşlär čualyp kitmäsä jarar ide, dijü qurqamyn. Alla üze saklasyn! Eşlär čualsa, bik qyjyn bulyr* [Мөхәммәдев, 1958, с. 85] ‘И после будет известно: и в этом году пришло время Макарьевской ярмарки. Есть долги, которых надлежит отдать, а торговля идет плохо. Чтобы вернуть макарьевские долги очень нужны деньги. Если будет суждено, сразу же, как получишь это письмо, собери все деньги, которые у тебя на руках и отправь сюда. Если с соизволения Всевышнего найдем деньги и сможем провернуть дела на Макарьевской ярмарке, было бы очень здорово. Даже если и так, судьбу не предвосхитишь. Боюсь, что не смогу достать деньги, чтобы выплатить долги, и как бы дела не запутались. Пусть Аллах сам сбережет! Если дела запутаются, будет очень трудно’.

Далее идут инструкции в повелительном тоне, средствами вербализации которой выступают глаголы в форме императива: *Sez dä bik irkenläp, iltifatsyz*

jatmağyz. Oşbu xatny alğaç, tirä-janyňny cyjybraq toryğyz. Mömkin bulsa, närsäne arzan da bulsa, tizräk aqçağa äjländerergä tyryş. Aqçağa kübräk aluçyğa sumyna utyz, quryq tijen kim bulsa da sat [Мөхәммәдев, 1958, с. 85] ‘Вы тоже не распускайтесь и будьте внимательны. Когда получите это письмо, приберитесь вокруг. Если есть возможность, быстрее постарайся обратить товар на деньги, если даже и будет дешево. Тому, кто возьмет за деньги побольше, продавай хоть на тридцать, сорок копеек за рубль’.

При этом письменный литературный код уступает место общенародно-разговорному, осложненному профессионализмами и русскими заимствованиями: *Ägär dä andyj aluçylar tabylmasa, kibettäge närsägezneñ kübrägen ber kön kiç, keşe ajağy tynğaçraq, Camalyj xacinyň pristandağy aşlyq ambaryna taşyp qujyğyz. Kibettä ike-öç meň sumlyq tovar qaldyrşağyz jarar. Kibet bik buş kürenmäş öçen, buşağan çäj jaščiklaryn häm buş korobkalarny tezep qujarsyz. Ixtimal, Camalyj xaci kücälänep «Sezneñ närsägez belän uryş ešenä (sudka) elägep, cawapqa qalasyñ kilmi» dip ambaryna qujdyryrğa quryqsa, ul waqyt närsäne quzğatmajynça kibettä qaldyryp, üz isemeñä jarty jylylyq prava tüläp, üzeñ xuca bulyp utyryrsyñ* [Там же, с. 85–86] ‘Если таких покупателей не найдется, побольше товаров из магазина в один день вечером, когда люди перестанут ходить, перенесите в хлебный амбар Замали хаджия на пристани. Если в магазине оставите товаров на сумму на две-три тысячи рублей, этого будет достаточно. Чтобы магазин не казался совсем пустым, разложите освобожденные из-под чая ящики и пустые коробки. Возможно, если Замали хаджи, закапризничав и сказав: «Не хочу с вашими товарами попасть под суд и стать ответчиком», побоится поставить в свой амбар, тогда, не трогая товар, оставьте его в магазине и, оплатив на свое имя полугодовое право, сам будешь сидеть как хозяин’.

Далее диктат со стороны хозяина в определенной степени смягчается выражающими вежливую просьбу речевыми оборотами *keşe kölkesenä qala kürmik* ‘как бы не опозориться перед людьми’ и *eş qyla küir* старайся вести дела’. При этом заложенная в семантику последнего коннотация вежливости усиливается

посредством градационной конструкции *küzeñne ačybraq, ujlap, ğaqyl berlän* ‘приоткрыв глаза, обдумав, разумно’: *Läkin minem isememdäge vyveskany kibet başynnan alyp qujarğa onytma. <...> kebek keşe kölkesenü qala kürmik, härniček bulsa da küzeñne ačybraq, ujlap, ğaqyl berlän eš qyla kür* [Мөхәммәдев, 1958, с. 86] ‘Но не забудь снять с крыши магазина вывеску с моим именем. Как бы не опозориться перед людьми как <...>, как бы там не было, старайся вести дела, приоткрыв глаза, обдумав, разумно’.

Смягчение авторитарного стиля, от которого торговец все же не смог отойти до конца, на что указывает продолжение употребления им глаголов в форме императива *utqa jandyr* ‘сожги’ и *cawap bir* ‘отвечай’, было обусловлено прежде всего его незавидным положением в данный момент и тем, что для поправки своих дел он нуждался в преданных союзниках. И в этих целях автором в языковую ткань письма вводятся элементы, придающие ему доверительный тон, а именно лексические единицы *artyq-portyq* ‘излишние (лишние) и ненужные’, *advokat-fälän* ‘адвокат или кто-то еще’, *jazu-syzu* ‘писанина’ и выражение *Kürgänem juq başmağyñny, vässälam* ‘Я не видел твой башмак, и дело с концом’: *Bäğdä monnan barğan xatlarny, sçet käğazlärne wä başqa artyq-portyq käğazlärneñ baryn da cyjyp, utqa jandyr. Ixtimal, Mäkärcäneñ aqtyqlarynda advokat-fälän baryp: «Kenäğäläregez qajda, malyğyz qajda?» – dijü sorauçy bulsa, «Bezneñ jazu-syzu belän ešebez juq, bajdan başqa bernärsä dä belmimez», – dijü cawap bir. Kürgänem juq başmağyñny, vässälam! Bu xatny häm üzeñ uqyğaç utqa jandyr* [Там же] ‘После собери все пришедшие отсюда письма, счета, излишние и ненужные бумаги и сожги. Возможно, если в конце Макарьевской ярмарки придет адвокат или кто-то еще и спросит: «Где ваши конторские книги, где ваши товары?», отвечай: «Мы с писаниной не имеем никакого дела, кроме хозяина ничего не знаем». Я не видел твой башмак, и дело с концом! После того как сам прочтешь, сожги и это письмо’.

Далее в доверительном тоне оформляется и концовка письма, о чем свидетельствуют характерные для речи купцов, торговцев и приказчиков жаргонные выражения *äjlände* ‘провернулось’ и *bäjlände* ‘запуталось’, а также

предложение *Xodajğa tapşyrdyq inde, doğada bulyğyz* ‘Поручились воле Всевышнего, молитесь’, основной целью использования которого является подчеркивание праведности намерений: <...> *Mäkärcägä barğaç, ešneñ ničeklegennän sročnyj telegram suğarmyn. Xoda quşyp, ešne ber jaqly itep äjländerep cibärsäm, «äjlände» dijep, qysqa ğyna jazarmyn. Ägär dä eš çualsa, «bäjlände» dijärmen. Şul telegramğa qarap eš qylarsyñ. Xodajğa tapşyrdyq inde, doğada bulyğyz. Xuş-sau bulyğyz. Jazuçy xucağyz Äxmätsafa Äxmerov dijä beläsez* [Мөхәммәдев, 1958, с. 86] ‘<...> По приезду на Макарьевскую ярмарку, о том, как обстоят дела, отправлю срочную телеграмму. Если с соизволения Всевышнего проверну дело односторонне, напишу коротко «провернулось». Если же дело запутается, напишу «запуталось». Действуй согласно этой телеграмме. Поручились воле Всевышнего, молитесь. Будьте здоровы. Знайте, написавший это письмо – ваш хозяин Ахметсафа Ахмеров’.

Коммуникативные акты татарских коммерсантов в рамках таких бытовых ситуаций как «общение с друзьями», «общение с родственниками» в целом также характеризуется доминированием общенародно-разговорной разновидности татарского языка. Использование литературного кода также, как и в деловых коммуникациях исключалось за ненадобностью в повседневной жизни употребления сложных витиеватых речевых оборотов и конструкций – неизменных атрибутов последнего. Однако утверждать, что в речевой практике близкого окружения представителей рассматриваемой корпоративной группы литературная страта татарского языка не имела место, было бы неверно. В определенной степени она здесь все же присутствовала, о чем свидетельствуют присутствие в структуре диалогов из сферы социальной ситуации «общение с друзьями» традиционных элементов старотатарского письменного литературного языка, а именно морфологических форм принадлежности второго лица множественного числа на *-ñuz* (*qajyn atañuz* ‘ваш тесть’), повелительного наклонения на *-ñuz* (*aşañuz* ‘ешьте’), неопределенного прошедшего времени индикатива на *-муş* (*waqyjğ ulmuş ikän* ‘раз уж произошло’), а также форм

неопределенного прошедшего и определенного прошедшего времен индикатива на *-ğan* и *-dy*, спряженными с личными окончаниями первого и второго лиц множественного числа на *-myz* и *-ňyz* (*xäbär itkänemez* ‘то, что мы сообщали’, *kildeñez* ‘вы пришли’): *Dürt-biš daqıqa sökütdän soñra Niğmätulla äfände Ğabdennäsyr äfändejä wä Musa äfändejä qarab: «Aşny da ašaňyz, inşalla, ber närsä dä bulmas, bismillahi» – dib, aşqa qul suzadyr. Ğabdennäsyr äfände Musa äfändejä: «Ĝazizem, bu ütkän kiçädä gospodin Şubinnyň sezgä bundajyn xezmät ilä kilüene qajyn ataňyz Äxmädi abzyj beläme?» – diyü soal qylğaç, Musa äfände: «Üzemez xäbär itkänemez juq, belmi torğandyr» – dijü cawab virde. Niğmätulla äfände, Musa äfändejä qarab: «Qajyn ätkäñezgä xäbär itärgä kiräk, ber-ike sätra jazu jaz», – didegendä, <...> [Бигиев, 1887, с. 16] ‘После четырех-пятиминутной тишины Нигматулла эфенди, посмотрев на Габденнасыра эфенди и Мусу эфенди и сказав: «Откушайте и еды, если будет угодно Аллаху, ничего не будет, бисмилла», – протянул руку к еде. Когда Габденнасыр эфенди спросил у Мусы эфенди: «Мой дорогой, знает ли ваш тесть Ахмади абзый о том, что этим прошлым вечером господин Шубин приходил к вам с таким делом?», Муса эфенди ответил: «Мы сами не сообщили, наверно не знает». Когда Нигматулла эфенди, посмотрев на Мусу эфенди, сказал: «Нужно сообщить вашему тестю, напиши записку в несколько строк», <...>’; *Niğmätulla äfände wä Ğabdennäsyr äfändeneň Äxmädi bajğa qarşy çyğulary berlän Äxmädi baj ber daqıqa kiçdekdän soñra iv eçenä kereb, doğalar qylyb: «Sağmysyz, sälamätmesez?» – dijü söal qylğaç, «Älxämdelillah, älxämdelillah!» – dijü cawab virdelär. <...> Äxmädi baj Niğmätulla äfändejä qarab: «Bundalajyn oluğ eş waqyjğ ulmyş ikän, niçün bezgä xäbär itmädeñez?» – digäç, Niğmätulla äfände: «Xäzer sezgä mäktüb jaza idek, menä üzeñez dä kildeñez», – dijü cawab virde [Там же] ‘После того как Нигматулла эфенди и Габденнасыр эфенди вышли навстречу Ахмади баю и он, зайдя через одну минуту в дом и помолившись спросил: «Как вы, здоровы ли?», ему ответили: «Слава Аллаху, слава Аллаху!» <...> Когда Ахмади бай посмотрев на Нигматуллу эфенди сказал: «Случилось такое большое дело, почему**

не сообщили мне?», Нигматулла эфенди ответил: «Только что писали вам письмо, вот вы и сами пришли»’.

Речевые акты татарских коммерсантов из сферы социальной ситуации «общение с друзьями» в основном представляли собой обсуждения событий из повседневной жизни прихода. Они, как правило, начинались соответствующими наводящими вопросами (*Šähärdä ni xəbär bar?* ‘Какие новости в городе’). В качестве первичного ответа выступали эмоционально окрашенные речевые обороты, на которые накладывалась функция пробуждения у собеседника интереса к предстоящей теме. В качестве их основы обычно выступали частичные повторы заданных вопросов и лексические единицы из религиозного дискурса:

– *Šähärdä ni xəbär bar?*

– *Ni xəbär bulsyn, bar da axyry zaman ğalämäte, zamana bozyqlyğy*

[Мөхәммәдев, 1958, с. 79]

‘– Какие новости в городе?’

– Какие новости, повсюду знамения конца света, повсюду разврат’.

После этого осуществлялся переход на главный вопрос. В этом качестве нередко выступали случаи на званых обедах у богатых горожан, поэтому сначала шли хвалебные слова в честь хозяев мероприятий, потом начиналось обсуждения из ряда вон выходящих инцидентов. И здесь для того чтобы задать беседе соответствующую динамику привлекаются метонимические выражения (*tar balaq* ‘досл. узкая штанина, аксессуар одежды учащихся новометодных школ и гимназий’) и градационные конструкции (*mäclesneñ jämen, bäleşneñ tämen cibärdelär* ‘испортили прелесть обеда, вкус бэлеша’): *Kičä Säğdi bajda mäclestä buldyq. Xäzrätlär, xälfälär bar da bar ide. Aş-suny bik zur qylyp xäzerlägän ikän. Šunda jaxşy qyzyq qyna bäleş aşağanda, süzdän süz çyğyp, Sälimcan xäzrät belän sabynçy Musanyñ zimläzijädä (gimnazija) uqyğan tar balağy mädräslär haqynda bäjläneşep kitem, mäclesneñ jämen, bäleşneñ tämen cibärdelär. Küp zur süzlär buldy* [Там же] ‘Вчера были на званом обеде у Сагди бая. Хальфы, хазраты, все были. Еды очень много приготовил. Когда хорошенько разогревшись стали есть бэлеш,

слово за слово, Салимзян хазрат с узкой штаниной мыловара Мусы, который учится в гимназии, повздорив по поводу медресе, испортили прелесть обеда, вкус бэлеша. Было очень много слов’.

Одним из основных тем, которые в рассматриваемый период обсуждались в близком кругу татарских коммерсантов была сложившаяся в сфере образования конъюнктура, а именно проблема реформирования школьной системы, что само по себе придавало на данного рода беседы социальную окрашенность:

– *Ni süz buldy? Söjlä äle, jaña xäbär ikän.*

– *Ni süz bulsyn, bilgele inde. Musanyñ uğyly xäzrätkä bäjlände. «Mädräsäläregezdä hiç tärtip juq. Unbiş, jegerme jyl uqytqan bulasyz, ni axirät, ni dönjalyq öçen ber kiräkle, fajdaly närsä öjrätmisez. «Bädävam» «Josyf kitpalary» belän balalarnyñ ğaziz ğomerlären buşqa zaiğ itteräbez. «Ysul cädit mäktäbe açyp, dönjağa häm axirätkä kiräkle närsä uqytyjq» dijep äjtsän, xäzer Mäskäüne aşauçy urman äülijalary belän ber jaqlı bulyp qarşy töşälär dä: «Balalaryğyzny ysul cädit mäktäbenä birmägez häm rusça uqytmağyz» dijep, ğawam xalqyny qotyrtı başlyjsyz. Biçara nadan xalyq, xäzrätlär xaq süzne, tijeşlesen äjtä torğandyr dijü, sezneñ süzgä yşanyp, balalaryn ysul cädit mäktäbenä birergä qurqyp, uqyp-jazudan mäxrüm qaldyralar», dide [Мөхәммәдев, 1958, с. 79]*

‘– Что за слова? Расскажи-ка, это же новость.

– Что за слова, понятно уж. Сын Мусы привязался к хазрату. Сказал: «В ваших медресе нет никакого порядка. Учите пятнадцать, двадцать лет, однако не обучаете ничему такому, что понадобится, будет полезным ни в загробной жизни, ни в этом мире. Впустую тратим бесценные жизни детей «Бадавамом» и «Книгой Йусуфа». Если скажешь: «Давайте откроем новометодную школу и будем обучать тем вещам, которые необходимы и в этом мире, и в загробной жизни», тотчас, встав на одну сторону вместе с лесными святыми, которые питаются Москвой, противитесь и со словами «Не давайте своих детей в новометодные школы и не обучайте русскому языку» начинаете подстрекать простой народ. Беспомощный неграмотный народ, думая, что хазраты говорят правду, необходимое, верят

вашему слову и боятся отдавать своих детей в новометодную школу, тем самым лишают их грамоты’.

При этом особое значение придавалось позиции консервативно настроенной части духовенства по указанному вопросу, которая в конечном итоге сводилась к осуждению нововведений в стиле одежды, а также предпочтений, связанных с ношением усов и бород, которые зачастую приравнились к вероотступничеству:

– *Soñ, xäzrät ni cawap birde?*

– *Üzeñ beläseñ inde, xäzrät cawapqa aptyryj torğan adäm tügel. Bik jaxşy cawap birde, qyzartty.*

– *Ni dijep cawap birde soñ? Söjlä inde!*

– *«Xäzrätlärneñ uqytuyn, mädräsä tärtiplären tikşerergä sineñ äle **balagññ bik tar, myjyqlaryñ da kismägän**, aşağanda avyzyña keräder. **Ğolämägä tel tidergän öçen sin käfer buldyñ inde**», dide [Мөхәммәдев, 1958, с. 79–80]*

‘– Так, что ответил хазрат?

– Сам знаешь, хазрат не тот человек, который за ответом лезет в карман. Очень хорошо ответил. Заставил покраснеть.

– Что же ответил? Рассказывай уже!

– Сказал: «Для того, чтобы инспектировать то, как учат хазраты, и порядки медресе, у тебя еще штанина очень узкая, и усы не укорочены, когда ешь, в рот попадают. Из-за того, что обругал ученых, ты стал гяуром»’.

И соответственно беседы между друзьями-коммерсантами заканчивались на ноте одобрения религиозных сановников-консерваторов и осуждения сторонников реформ: *Bäräqalla, raxmät xäzrätkä! Bik jaxşy cawap birgän ikän. Alarny bik uzdyryp, küp söjlätergä jaramyj. Qajda, Timerğali, Ğyjlaciğa samovar xäzerlärgä quş äle. Xaci äfändeneñ tansyq jaña xäbärläre dä bar ikän. Čäj eçep, söjläşep utyryrbyz* [Там же, с. 80] ‘Да благословит Аллах, спасибо хазрату! Очень даже хорошо ответил. Нельзя им потакать и давать много говорить. Где там, Тимергали, скажи Гилязи, пусть приготовит самовар. У хаджи эфенди, оказывается, есть долгожданные новые вести. Посидим, поговорим за чаем’.

Отдельные черты социально-речевого портрета татарских коммерсантов раскрывается и в их беседах, направленных на обсуждение дел прежних компаньонов. Так, например, в приведенном ниже отрывке такие выражения как *Xoda birsä birä ikän* ‘Всевышний раз дает уж дает’, *Xäzrätlär xäjer-doğasy töškänder şul* ‘Наверно низошли благословения хазратов’ и *Birim digän qolyña, çyğaryp qujar julyña* ‘Кому желает дать, тому вынесет на дорогу’ характеризуют их как людей, уповающих во всем на божественное провидение, а не на свои силы и способности. А конструкция *itne qadaqlap, onny jarty potlap ala torğan keşe* ‘человек, который покупает мясо по фунтам, а муку по полкило’ раскрывает торговца как человека прижимистого: *Bägzy waqytta abystaj kareta ilä mäcleskä barganda, uramnan uzğanda, Ğaliäsğar ağajnyñ äüwäl öjäzdä bergä säüdä qylyp jörgän juldaşlary oçrap: «Xoda birsä birä ikän, biş-alty jyl äüwäl bezneñ kebek talçukta ike-öç jöz täñkä belän satu itep, itne qadaqlap, onny jarty potlap ala torğan keşe xäzer tämam kütäreldä bit. Xäzrätlär xäjer-doğasy töškänder şul. «Birim digän qolyña, çyğaryp qujar julyña» digän süz bar da ras», – dip awyızlaryn açyp, xäjran bulyp qalalar* [Мөхәммәдев, 1958, с. 64] ‘Иногда, когда абыстай на карете проезжала на званый обед, встречались товарищи Галиасгара агая, раньше торговавшие вместе с ним в уезде, и сказав: «Всевышний раз дает уж дает, вот человек, который пять-шесть лет назад, как и мы торговал в толкучке, покупал мясо по фунтам, а муку по полкило, сейчас совсем приподнялся. Наверно низошли благословения хазратов. Слово «Кому желает дать, тому вынесет на дорогу» полностью верно», – и, открыв рты, оставались в изумлении’.

Речевые акты татарских коммерсантов из сферы ситуации «общение с родственниками» характеризуются своей непринужденностью и посвящены в основном событиям из повседневной жизни. Основу таких бесед также составляют разговорные формы татарского языка с отдельными вкраплениями из письменного литературного кода, такими как глаголы *qasd qyly* ‘хотеть’, *ğäib ulu* ‘скрыться’, *xalas (b)ulu* ‘спастись’, книжного выражения *axir äl-ämer* ‘в конце концов’, иноязычных слов и словосочетаний из сферы судопроизводства *mäxkämä*

‘суд’, *okružnoj sud* ‘окружной суд’, *advokat* ‘адвокат’: *Musa äfände beraz täsällä tapmyş, jaxşy döş kürmeş. Döşen Niğmätulla äfändejä bu tariqa söjliler: – Döšemdü üz-üzemne ber qarañgy jirdä kürdem, bik qarañgy jirdä. Şuşy qarañgy jirdän çyğarğa bik qasd qyldym, läkin jul taba almyjmyñ. Axir ül-ümer bu qarañgylyqda ike keşe kürdem. Anlar bänä: «Äjdä, sine bundan bez çyqaralym», – dib, ikese ike qulymdan totyb, bigräk qarañgyraq jirgä ilteb qujdylar, üzläre ğaib uldylar. Soñra ber keşe kileb: «Äjdä bire, äjdä bire», – diju, jaqty jirgä çyqardy. <...>*

– *Döşeñ jaxşy, inşalla, bu qajğydan xalas bulyb, Xädiçä tutaşny alyrsyñ, döşeñ bik jaxşy, inşalla, ber närsä dä ulmas, xalas ulyrsyn. Läkin bügen gospodin Andrejevkä baryb, eşeñne söjlä, eşeñezne bügen mäxkämäjä virälär. Gospodin Andrejev okružnoj sudda advokatyñyz bulyr, inşalla, xalas ulyrsyn* [Бигиев, 1887, с. 18] ‘Муса эфенди немножко успокоился, увидел хороший сон. И теперь следующим образом рассказывает свой сон Нигматулле эфенди: – Во сне увидел себя в каком-то темном месте, в очень темном месте. Очень хотел выйти из этого темного места, но не смог найти дорогу. В конце концов, в этом мраке увидел двух людей. Они, сказав мне: «Давай, мы выведем тебя отсюда», – взяли обе мои руки и отвезли в еще более темное место, сами скрылись. После подошел другой человек и, говоря: «Давай сюда, давай сюда», – вывел на светлое место. <...>

– Сон твой хороший, если будет угодно Аллаху, ты спасешься от этого горя и возьмешь мадемуазель Хадичу, сон твой очень хороший, если будет угодно Аллаху, ничего не случится, спасешься. Но сегодня сходи к господину Андрееву, расскажи о своем деле, ваше дело сегодня передадут в суд. Господин Андреев в окружном суде будет вашим адвокатом, если будет угодно Аллаху, спасешься’.

Социально-речевой портрет татарских коммерсантов находит свое отражение и в речевых актах, происходивших между ними и их супругами. В зависимости от условий реализации данного рода коммуникаций, здесь они могут раскрыться по-разному. Так, например, в процессе чтения письма молодого торговца любимой жене, которую он написал после долгой разлуки, перед нами встает образ интеллигентного, нежного и сентиментального человека. Созданию

данного впечатления способствуют такие формы и обороты письменного литературного языка как аффикс принадлежности первого лица множественного лица *-(y)myz*, усеченный аффикс направительного падежа *-a*, формы *sezlärä* ‘вам’, лексемы *binihajä* ‘многочисленный’, *älxämdelillah* ‘слава Аллаху’ атрибутивная конструкция на основе причастия на *-dyq* (*ğajät ağyr xasta uldyğym säbäbdän* ‘по причине того, что очень сильно болел’), глагол в форме инфинитива на *-maja* (*säfär qylmaja* ‘путешествовать’) и выражения *mäslixät wä röxsät virmilär* ‘не советуют и не разрешают’, *tämam ulğany juq* ‘не закончились’, *Dare ğörbätdä wä ber kürergä möntäzyjr zäüceñez* ‘Находящийся в чужбине и томящийся в ожидании встречи ваш муж’ и глагольные формы с аффиксами лица первого лица единственного и множественного чисел *-myn* и *-myz* (*sälamätläneb bulamyn* ‘иду на поправку’, *jibärämez* ‘шлем’): *Qörräte ğajnem wä ğajät säweklem Mahruj! Lä joğadde wä lä joxsa doğa wä sälamemezder. Qajyn änkäjemezä wä qyzymyza binihajä sälamläremezne uqrsyz. Bu könä qadär ike aj miqdar ğajät ağyr xasta uldyğym säbäbdän, bu qadär ozaq waqyt sezlärü xat cibärä almadym. Xäzerdä, älxämdelillah, sälamätläneb bulamyn. Läkin bu xälemdä säfär qylmaja tabiblar mäslixät wä röxsät virmilär. Säüdä xezmätlärem dä tämam ulğany juq. Säüdä xezmätlärem tämam ulğač wä üzem böten-bötenä sälamätläneb jitkäč, Qazanğa qajtyrmyn. Nä isä dä, inšalla, ike aj eçendä Qazanğa qajtyb kilermen. Bu xat berlän jöz sum kömeš aqça jibärämez. Dare ğörbätdä wä ber kürergä möntäzyjr zäüceñez. Cihangir Agijev [Бигиев, 1890, с. 17]* ‘Свет моих очей и очень любимая мной Махруй! Шлем вам свои многочисленные молитвы и приветствия. Прочтите наши многочисленные приветствия маме и дочери нашей. По причине того, что до этого дня около двух месяцев очень сильно болел, столько же времени не мог отправить вам письмо. Сейчас же, слава Аллаху, иду на поправку. Но врачи не советуют и не разрешают путешествовать в таком состоянии. И торговые дела не закончились. Когда закончатся торговые дела и сам полностью выздоровлю, вернусь в Казань. Как бы там не было, если будет угодно Аллаху, в течение двух месяцев приеду в Казань. Вместе с этим

письмом шлем двести рублей денег серебром. Находящийся в чужбине и томящийся в ожидании встречи ваш муж Зигангир Агиев’.

В другом случае торговец раскрывается перед нами как грубый, черствый и неотесанный тип. В качестве репрезентативных средств этих его качеств выступают просторечные элементы, в данном конкретном случае это – выражение *Jä, eĉemne poşyryp, lyğyrdap jörmä äle!* ‘Ну-ка, не беспокой меня и не болтайся тут, неся чепуху!’: *Bügen Äxmätsafa ağaj irtädän ük küñhelsez vä çyrajy bozyq kürenäder. Xätta xatyny Asylbikä abystajnyñ: «Ätkäse! Bügen bezne Säğdi xacilarğa qalym maly qotlarğa çaqyrğannar, şunda salyrğa biş altyn kiräk bulyr», – digän süzenä qarşy da qysqa ğyna: «Jä, eĉemne poşyryp, lyğyrdap jörmä äle! Citär inde, bik küp jördegez. Menä min kitkäç irkenläp qalyrsyz, jörersez», – dijep aĉulangaç, Asylbikä abystaj, ireneñ bu süzenä bik ğacäpsenep, aptyrap qalğan ide* [Мөхәммәдев, 1958, с. 72] ‘Сегодня Ахметсафа агай с утра был невеселым и лицо его было хмурым. Даже когда на слова жены Асылбики: «Отец! Сегодня нас позвали к Сагди хаджи для поздравления калымного выкупа, чтобы там положить надо будет пять золотых», рассердился, сказав коротко: «Ну-ка, не беспокой меня и не болтай тут! Хватит уже, слишком много ходили. Вот, когда я уйду, тогда повольничаете, походите», Асылбике абыстай опешила в растерянности’.

Разговорные выражения на первый план выходят и при обсуждении родителями поступков своих непутевых детей (*Juqqa qajğyryrğa jaramuj* ‘Нельзя пережевать понапрасну’, *Anyñ öĉen qajğyryp hiĉ fajda çyqmyj* ‘Что толку переживать за него’, *Ana söte belän kermägän, tana söte belän kermäs* ‘Что не усвоено молоком матери, с молоком коровы не усвоится’, *aña birgän ügetne ber etkä birsän* ‘если данные ему наставления дашь какой-нибудь собаке’). В рамках коммуникативных актов данного рода построенные на их основе градационные обороты (*eştän çyğyp, bar malynnan ajurylyp, axurynda adäm mäsxäräse bulyp, sädaqağa jörep* ‘испортившись таким делом, расставшись со всем богатством, в конце опозорившись и слоняясь на милостыню’) выполняют роль своего рода индикаторов эмоционально-психологического состояния собеседников:

Cämilä. Min bajadan birle üzemneñ qajda utyrğanymny da belmädem. (<...>)
Ujlyj-ujlyj ällä nindi ujlargä töştäm; beraz cыlap ta aldym. Bala bulğaç, naçar bulsa da,
qyzğanyla ikän. (<...>)

Kärim. Juqqa qajğyryrğa jaramy. Anyñ öçen qajğyryp hiç fajda çyqmyj. Ana
söte belän kermägän, tana söte belän kermäs; aña birgän ügetne ber etkä birsäñ, ul
da beraz ädäpläner ide. Üzenä qalsa, şulaj bulyp jörüe bik kileşä dip belä torğandyr.
Andyj eškä kereškän keşe hiçber waqytta da keşe bula almyj inde ul. Andyj eš belän
eštän çyğyp, bar malynnan ajyrylyp, axyrynda adäm mäsxäräse bulyp, sädaqaqä jörep
ülgän kešeneñ oçu-quryju juq [Галиэсгар Камал, 1978, с. 21]

‘Джамиля. Я уже с давеча не осознавала, где сижу. (<...>) Думала, думала, что только не передумала; и немного поплакала. Раз ребенок, оказывается жалко, хоть и плохой. (<...>)

Карим. Нельзя переживать понапрасну. Что толку переживать за него. Что не усвоено молоком матери, с молоком коровы не усвоится; если данные ему наставления дашь какой-нибудь собаке, и он стал бы благовоспитаннее. Сам то, наверно, думает, что такое поведение очень идет ему. Человек, который приступил к такому делу, никогда не сможет стать человеком. Людей, которые, испортившись таким делом, расставшись со всем богатством, в конце опозорившись и слоняясь на милостыню, умерли, не сочетать’.

Социально-речевой портрет татарских коммерсантов второй половины XIX – начала XX вв. раскрываются и в их внутренних монологах. Так, например, приведенный ниже отрывок характеризует его автора как сторонника традиционного уклада жизни, который не высокого мнения о своем окружении, о чем сигнализируют такие синтаксические конструкции как *Törle jaqtan qanymny ečälär* ‘С разных сторон пьют мою кровь’, *teñkämne qortyp beterälär* ‘до конца выматывают душу’ и *ğaciz itä başladylar* ‘начали надоедать’. Уничижительное отношение к другим людям закладывается и в семантику словоформ *berse* ‘один, некто’ и *bolary* ‘эти’, а выражение *Küzegezgä qyryp salyrğa ber tijen baqyr da birmim* ‘Не дам ни медной копейки, чтобы, скребнув, положить на ваши глаза’

характеризует его как меркантильного человека, думающего только о своей выгоде: *Kärim (üzaldyna). Törle jaqtan qanymny eçülär. Bazarğa çyqsañ, jä mäçet, jä mädräsä saldyryrğa dip, aqça sorap, teñkämne qortyp beterälär. Qajan çyqty bu jaña uqytulary da? Bügen berse kilgän. (<...>) «Bezneñ kürşe awylğa Ğali baj mädräsä saldyrды, ysuly cädit belän uqytalar. Bar awyl balasy šunda kitep, xarap bulyp betälär inde. Kärim abyj, zinhar, šunda, bezneñ awylğa da ber mädräsä salyp bir. Bez dä uqytyjq, balalar ysuly cäditkä kitep, xarap bulmasynnar», – di. Moñarçy ysul cäditläp kilep aqça sorağanda: «Küzegezgä qyryp salyrğa ber tijen baqyr da birmim. Balalaryny ällä nindi uqytular belän dinnän çyğaryp beteräsez», – dip qualap çyğaradyr idem. Inde xäzer, bolary kilep, ğaciz itä bašladylar [Галиэсгар Камал, 1978, с. 19–20]*

‘Карим (про себя). С разных сторон пьют мою кровь. Если выйдешь на базар, до конца выматывают душу, спрашивая деньги, чтобы построить или мечеть, или медресе. Откуда вышло это новое обучение? Сегодня пришел один. (<...>) Говорит: «В нашей соседней деревне Гали бай построил медресе, обучают новым методом. Все дети деревни пропадают, уходя туда. Дядя Карим, пожалуйста, там, в нашей деревне построй уж одно медресе. Давай, мы тоже будем обучать, пусть дети не пропадут, уходя в новый метод». До этого, когда сторонники нового метода спрашивали деньги, я их прогонял, сказав: «Не дам ни медной копейки, чтобы, соскребнув, положить на ваши глаза. Какими-то там непонятными обучениями выводите детей из религии». Теперь же начали приходиться и надоедать эти’.

Далее цепочка конструкций *Qajda çyğardylar šul uqularyn da!* ‘Откуда только выдумали это обучение!’, *Allağa šöker, bernärsä dä uqymadym* ‘слава Аллаху, ничего не учил’ раскрывает коммерсанта как негативно настроенной ко всем нововведениям личности: *Qajda çyğardylar šul uqularyn da! Šul uqu çyqqannan birle bötenläj azyп betälär. <...> Menä üzem, Allağa šöker, bernärsä dä uqymadym. Šulaj da bulsa, ällä nindi çibär kön itep toram [Там же]* ‘Откуда только выдумали это обучение! С тех пор как вышло это обучение, совсем распустились.

<...> Вот я сам, слава Аллаху, ничего не учил. Несмотря на это, живу очень красиво’.

Коммуникативная среда приказчиков также характеризуется функционированием как их социолекта, так и литературной и общенародно-разговорной форм татарского языка, а в определенных ситуациях и региональных вариантов последней, а также просторечия. Здесь в качестве примера можно привести письмо приказчика своему хозяину, которое, как и заведено в деловых кругах начинается витиеватой вводной конструкцией, характерной для письменного литературного языка: *Sezki ğyzzätlü vä xörmätlü ulub torġuċy oluĝ xucabyz mulla Ğaliäkbär abzyj xäzrätlärenä häm uĝylyĝyz Miñlebaj äfändegä bezki xezmätkäregez Äxmätcannan bik küp sälamnärebez bäğdendä xäjer-doğalaryĝyzny ütendek* [Мөхәммәдев, 1958, с. 49] ‘После многочисленных поклонов от нас – от вашего служащего Ахметзяна, вам – достопочтенному и уважаемому великому нашему хозяину мулле Галиакберу хазрету, и вашему сыну Минлебаю эфенди, просим ваших благословений’.

После этого автор письма переходит на разговорный код, который насыщен профессионализмами из той сферы, в которой он трудится, такими как *nakladnoj* ‘накладная’, *tovar* ‘товар’, *jolyp alu* ‘выкупить’, *närsä* ‘вещь, товар’, *kerosin* ‘керосин’, *kinder maj* ‘конопляное масло’, *piljunyj šikär* ‘пиленый сахар’, *aċutaš* ‘квасцы’, *qadaq* ‘фунт’, *mysqal* ‘мискаль (мера веса, употреблявшаяся до введения метрической системы, равная 1/96 фунта или 4,26 г, и гиря весом в золотник)’. Все они подчинены цели придания стилю изложения некой официальности: *Bäğdä mäğlüm qylamyz, jegerme berenče nakladnoj berlän birgän tovarlarny bügen jolyp alsaq ta, eĉennän bezgä kiräkmi torġan häm bu tarafta ber dä satylmyj torġan närsä ĉyqty. Kerosin dijep kinder maj, piljunyj šikär dijep aċutaš cibärgänsez. Hawanyñ qyzulyĝynnän kinder majnyñ jartysy aĝyp betkän. Xäzer satarĝa ber qadaq piljunyj šikär vä ber mysqal kerosin juq* [Там же]. ‘И также ставим в известность, хотя сегодня мы и выкупили выданные двадцать первой накладной товары, изнутри вышли не нужные нам и не ходовые в этих краях вещи. Вместо керосина

вы отправили конопляное масло, вместо пиленого сахара – квасцы. От жары половина конопляного масла вытекла. Сейчас для продажи нет ни фунта сахара и ни мискаля керосина’.

Далее в оборот вводится такие разговорные выражения как *ber tijenlek ğajeb* ‘копеечная вина’, *iserek prikazčik* ‘пьяница-приказчик’, *küze çyqqan* ‘ослеп, лишился глаз’, на которые возлагаются функции самооправдания и очернения конкурентов по работе: *Soñġy könne, Äxmätcan fajda kürsätmi dijep, bezgä üpkälisez. Bezneñ bu eštä ber tijenlek ğajebebez juq. Bar da andaġy iserek prikazčiklaryġyzdan. Küze çyqqanmyñi piljunyj šikär mičkäse ilä ačutaš mičkäsen ajyrmasqa! Härqajsynyñ östendä nomery bar* [Мөхәммәдев, 1958, с. 49] ‘В последние дни вы обижаетесь на нас, говоря, что Ахметзян не приносить пользу. В этом деле нет ни копейки нашей вины. Все идет от тамошних ваших пьяниц-приказчиков. Они что лишились глаз, чтобы не различить бочку с пиленным сахаром от бочки с квасцами’.

В конце снова наблюдается переход на литературный код, на что указывает такие лексические единицы как *zinhar* ‘пожалуйста’, *oşbu* ‘это’, синтаксические конструкции *ämer birep qujmaquġyzny ütenäbez* ‘просим, чтобы вы отдали приказ’, *fajda kürsätäsebez kiläder* ‘хотим приносить пользу’, *Xäjerle tuly ozyn ğomerläregezne teläp yazġuçu xezmätkäregez* ‘Ваш служащий, который пишет с пожеланиями долгой вашей жизни полной благополучия’ и речевой оборот *cibärä küregez* ‘пожалуйста, отправьте’: *Bu xatybyzny alġaç, zinhar, oşbu eşne üzegez bik jaxşy tikşerep, ikenče märtäbä mondyj eš bulmasyn, dijep ämer birep qujmaquġyzny ütenäbez. Axyry, xezmät itkäç, xucaġa bezneñ dä fajda kürsätäsebez kiläder. Tizlek ilä šikär häm kerosin cibärä küregez. Xäjerle tuly ozyn ğomerläregezne teläp yazġuçu xezmätkäregez Äxmätcan Ibrahimov* [Там же] ‘Когда получите это наше письмо, пожалуйста, просим, чтобы вы сами, тщательно проверив это дело, отдали приказ, чтобы второй раз такое не случилось. Раз уж служим, мы тоже хотим приносить пользу хозяину. Пожалуйста, скорее отправьте сахар и керосин. Ваш служащий

Ахметзян Ибрагимов, который пишет с пожеланиями долгой вашей жизни полной благополучия’.

Как показывает анализ эмпирического материала, связанного с коммуникативной деятельностью конторщиков и приказчиков, здесь в разговорах между пожилыми и молодыми служащими в речи первых также наблюдается присутствие определенной доли авторитарного стиля, сопутствующей речевым актам татарских купцов и торговцев из сферы ситуации «инструктирование наемных работников». Индикаторами данной субъективно-модальной тональности выступают глаголы в нулевой форме императива: <...> *jäše illelärgä jaqynlaşqan* <...> *Cihangäräj isemendäge kontorščik, kabinetka jaqyn östäl başynda jalğyz utyrğan* <...> *jäšräk ber jegetkä qarap: «Äxmätğali! Äxmätğali! Bar, bügen töndä kilgän telegramnarny häm xatlarny alyp çyğyp bajğa uqyp kürsät, bälki annan soñ, jäğni telegram häm xatlarny uqyğaç, kontorga kermästän, sabyn zavodyna jäki tegermängä kitär. <...>»* [Мөхәммәдев, 1958, с. 44] ‘<...> когда конторщик по имени Зигангарай, возраст которого приближался к пятидесяти, <...>, посмотрев на парня помоложе, который сидел один за столом около кабинета, <...>, сказал: «Ахметгали! Ахметгали! Иди, вынеси и прочитай баю пришедшие сегодня ночью телеграммы и письма, возможно после того, как прочтешь телеграммы и письма, он, не зайдя в контору, уедет на мыловаренный завод или на мельницу. <...>’.

А такие условные конструкции как *Xoda quşyp tegermängä kitsä* ‘если с соизволения Всевышнего уедет на мельницу’, *aryp qajtsa* ‘если приедет уставший’ и выражение *ber qyjamät qoru* ‘учинить светопреставление’ характеризуют их как людей, привыкших уповать в делах на божественное провидение, и трясущихся перед своим хозяином: *Ägär dä Xoda quşyp tegermängä kitsä, mondyj qyzu hawada jörep aryp qajtsa, kontorga kerü xäterenä kilmäs. Juqsa, tamaq qyruyna qarağanda, bügen başybyzğa ber qyjamät qoraçağy añlaşyladyr*, – *dijep ämer itkäç, <...>* [Там же] ‘Если с соизволения Всевышнего уедет на мельницу и проездившись в такую жаркую погоду приедет уставший, может быть забудет зайти в контору. Иначе,

судя как прочищает горло, похоже, что он на наши головы учинит светопреставление’.

В беседах с красивыми девушками авторитарность уступает свое место непринужденному и отчасти интимному стилю, о чем свидетельствуют простота (*Nik almyjsyz?* ‘Почему не берете?’), *Šulaj ğyna* ‘Просто так’), образность (*Qyzlar küñele qyzğan qazan* ‘Девичья душа – накаленный казан’, *Qyzlar küñelenä barysy da syja* ‘В девичью душу вместиться все’) и игривый характер (*Sezneñ töсле matur qyzlarğa maturlyq östenä maturlyq kiterä* ‘Таким красивым девушкам как вы они придают еще больше красоты’, *šul tozsyzny küzem kürmäsen disezme* ‘хотите сказать, чтобы ваши глаза не видели этого бестолкового’) речевых выражений из народно-разговорного кода, на основе которых строится коммуникативный акт. При этом осложненные оттенками вежливости глаголы в форме второго лица множественного числа аориста и императива (*birersez* ‘отдадите’, *čyğaryrsyz* ‘вынесете’, *sarğajtmaңыз* ‘не заставляйте тосковать’), посредством которых молодой человек обращается к девушке, еще больше усиливают игривый тон и придают беседе определенную галантность, а такие утверждения как *Bigräk ütken qyz ikänsez* ‘Вы, оказывается, очень бойкая девушка’, *bu tapqyrlyğyңыз berlä* ‘с вашей этой находчивостью’ и *čibär qyz* ‘красавица’ направлены на достижение желаемого результата, а именно завоевание благосклонности девушки:

Wafa: Kibettän ber-ber närsä alasyңыз barmy ällä? Kiräk bulsa, menä bik jaxшы qalfaqlar! Sezneñ töсле matur qyzlarğa maturlyq östenä maturlyq kiterä!

Qamär, kölemseräp: Bar da, xäzer almyjm äle. <...>

Wafa: Nik almyjsyz?

Qamär: Šulaj ğyna. <...>

Wafa: Ulsynnan quryqma, kiräk bulsa min biräm, aqčasyn ber waqytta birersez, aшыqтыryp soramabyz. <...> Jäš waqytta barysyn da änilärgä kiñäš itep betermilär. «Qyzlar küñele qyzğan qazan» digän süzne išetmädeñmeni? Qyzlar küñelenä barysy da syja.

Qamär, süzneñ qaja auğanyn belep: Bula torğandyr, min äni süzennän ber dä çyqmyjm. <...>

*Wafa: **Bigräk ütken qyz ikänsez, bu tapqyrlyğyñyz berlä dä söjgäneñez bulmasa – ğacäp!***

Qamär: Minem ešemne betersäñezlä, kitär idem!

*Wafa: **Bigräk ašyğasyz, ällä šul tozsyzny küzem kürmäsen disezme? <...> Qaçanğa çyğaryrsyz?***

Qamär: Ešläp betergäç.

*Wafa: **Alaj da bik sarğajtmañyz! <...> Isän bulyğyz, čibär qyz!** [Исхакый, 1998, с. 57–58]*

‘Вафа: Нужно ли что-то купить из магазина? Если нужно, вот очень хорошие калфаки! Таким красивым девушкам как вы они придают еще больше красоты!

Камер, улыбаясь: Нужно, но пока не возьму.

Вафа: Почему не берете?

Камер: Просто так. <...>

Вафа: Ты от этого не бойся, если нужно, я дам, деньги потом отдадите, с возвратом не будем торопить. <...> В молодости обо всем не говорят маме. Вы что, не слышали выражение «Девичья душа – накаленный казан»? В девичью душу вместиться все.

Камер, поняв, куда перекинулся разговор: Может быть, но я не отхожу от маминых наставлений. <...>

Вафа: Вы, оказывается, очень бойкая девушка, если с вашей этой находчивостью у вас нет любимого, это удивительно!

Камер: Закончите с моим делом, мне надо идти!

Вафа: Вы очень уж торопитесь, или же хотите сказать, чтобы ваши глаза не видели этого бестолкового? <...> Когда вынесете?

Камер: Когда дела закончим.

Вафа: Все же не заставляйте тосковать! <...> Будьте здоровы, красавица!’.

Беседы же приказчиков с женщинами более преклонного возраста, в частности со старушками-сводницами, при условии совпадении их интересов проходят в непринужденно-дружеской атмосфере, достижению которой служат такие разговорные выражения как *inde sin üzeñ rätläp* ‘ты уж сама поправив’, *abystaj mäslixät kürmäğaç* ‘раз абыстай не одобряет’, *Tfü, tökerek miña jöz sum aqça* ‘Тьфу, плевков для меня сто рублей денег’, *berkemem dä juq* ‘у меня никого нет’, *doğada bula kürsen* ‘пусть только молится’ и лексемы *mağariç* ‘магарыч’:

– *Alar bulsa, Mäxüp abystaj, inde sin üzeñ rätläp, Asylbikä abystajğa äjt, min Mirza qyzyn väğdäläškän idem, jöz sum aqça birgän idem, min inde, Asylbikä abystaj mäslixät kürmäğaç, väğdämnän qajtam.*

– *Alar qajтарыларымы соñ jöz sum aqçaһны?*

– *Tfü, tökerek miña jöz sum aqça, ägär ašasalar da. Inde sin Asylbikä abystajğa äjt, räxmät, bezne isendä totp, bezneñ öçen тырышқанға, juqsa minem berkemem dä juq. Äni bezneñ ber sala qarçyğy, bernärsä dä belmi, dus-iše juq, abystaj üze härwaqytta doğada bula kürsen. <...> Mä, Mäxüp abystaj, beraz mağariç, jaxšy xəbärlär kitergäneñä un sum, jänä, Mäxüp abystaj, inde üzeñ Färxanäne buldyryrğa тырыш, ber un sum berlä qalmassyñ [Халидев, 1894, с. 16]*

‘– В таком случае, Махуп абыстай, ты уж сама поправив, скажи Асылбике абыстай, я уже помолвился с дочерью Мирзы, уже дал сто рублей денег, я, раз Асылбике абыстай не одобряет, расторгаю помолвку.

– А они вернут твои сто рублей денег?

– Тьфу, плевков для меня сто рублей денег, если даже и съедят. Теперь ты Асылбике абыстай скажи, спасибо, за то, что она, не забывая о нас, старается ради нас, а ведь у меня никого нет. Мама наша – деревенская старушка, ничего не знает, подруг-приятельниц нет, пусть только абыстай сама все время молится. <...> На, Махуп абыстай, немного магарыч, десять рублей за то, что принесла хорошие вести, еще, Махуп абыстай, ты уж сама постарайся, чтобы с Фарханой получилось, не останешься только с десятью рублями’.

Но как только происходящее перестает отвечать потребностям приказчика, беседа посредством таких выражений как *čerep sasyp betkän töče zäxmätle qyz* ‘загнившая, протухшая, больная с золотухой девушка’ и *čeregän qyz* ‘прогнившая девушка’ окрашивается в уничижительные оттенки:

– *Xajr, Bibi äbi, minem süzem ber bulyr, qajttym diğaç qajttym, kiräkmi, juq, miña zyjandaşly, jänä čerep sasyp betkän töče zäxmätle qyz. Kiräkmi. Xatynsyz torsam toram, andyj čeregän qyz almam!*

– *Ax Alla, bu nindi eš buldy bu, patşalarğa jararlyq qyz, sezgä kilep nindi şajtan jamanlağan!* [Халидев, 1894, с. 18]

‘– Нет, бабушка Биби, я дважды говорить не буду, раз сказал что отказался, значит отказался, не нужна мне, нет, припадочная, к тому же загнившая, протухшая, больная с золотухой девушка. Не нужна. Без жены проживу, такую прогнившую девушку не возьму!

– Ах Аллах, что случилось то, девушка подстать царям, какой шайтан пришел к вам и охулил!’.

В качестве репрезентационных средств определенных качеств татарских приказчиков второй половины XIX – начала XX вв. выступают и такие выражения как *Ečmägän keşe keşemeni ul!* ‘Человек ли не пьющий человек!’, *ğomer şul waqytta raxät ütä, berär söjgän qzyñ bulsa* ‘жизнь проходит всласть тогда, когда имеется любимая’, *Baryp utyryrğa uryñ bulsa* ‘Если у тебя имеется место, куда можно сходить и присесть’, *jäšlekne «qzyq ütkärdem»* ‘молодость «провел интересно»’ и *jäšlek ike kilmi* ‘молодость дважды не приходиться’. Здесь перед нами встает человек, привыкший вести разгульный образ жизни: *Kärim, kibetkä çyqqanda da, prikazčiklardan: «Ečmägän keşe keşemeni ul! Anyñ dönjada raxäte ni? Minemčä ğomer şul waqytta raxät ütä, berär söjgän qzyñ bulsa <...>. Baryp utyryrğa uryñ bulsa, menä min şundyj keşelär jäšlekne «qzyq ütkärdem» disälär, yšanam! Juğysä, jäšlekne ber eš ešlämäjenčä, uqyp-fälän itep ütkärgän ğomerlär ğomer tügel! Jaxşyryrğa ölgerep bula, ämma jäšlek ike kilmi», – süzläre Kärimneñ dimağynyñ iñ töbendä utyrğanda, <...>* [Исхакый, 1998, с. 133] ‘И когда Карим

выходил в магазин и слова приказчиков: «Человек ли не пьющий человек! В чем заключается его благо в этом мире? По-моему, жизнь проходит всласть тогда, когда имеется любимая <...>. Если у тебя имеется место, куда можно сходить и присесть, вот я поверю, если такие люди скажут, что молодость «провел интересно»! Вообще-то жизни, проведенные, ничего не делая в молодости, за чтением и так далее, не жизнь! Стать лучше можно успеть, но молодость дважды не приходит», застревали на самом дне мозга Карима, <...>’.

Утилитарно-прагматический характер морального облик данных субъектов татарского делового мира находит свое отражение и в содержании речевых оборотов *annan ni xəjer kürmäk kiräk* ‘какую пользу от нее увидишь’, *ni süzennän räxät kürmäk kiräk, ni üzennän* ‘не насладишься ни от ее слов, ни от нее самой’, *ber-ber zatsyz qyz axyrusy* ‘она, видимо, какая-то безродная девушка’, поговорки *Asylynsañ asylyn ağaçnyñ asylyna* ‘Если будешь вешаться, вешайся на благородном дереве’ и утверждения *Qorsyn maturlyğy, jämsez bulsyn, baj bulsyn* ‘Пусть засохнет ее красота, пусть будет некрасивой, пусть будет богатой’, которые говорят о том, что человек в своей жизни руководствуется лишь установкой «всегда думай о своей выгоде»: *Menä sin, Alla qotqardy labasa, min jülär bulğanmyn, juqsa ber cimerek öjdä ni kürep üskän ul qyz, annan ni xəjer kürmäk kiräk, ni süzennän räxät kürmäk kiräk, ni üzennän, ber-ber zatsyz qyz axyrusy, borynğylardan qalğan süz bar da döres: «Asylynsañ asylyn ağaçnyñ asylyna», digännär. Menä sin qyzyq, xarap bula jazdym bit, matur dip ber jarlyny alçy. Qorsyn maturlyğy, jämsez bulsyn, baj bulsyn, Färxanä kemnän kim: bary boryny cimerek tä, beraz şadrasy bar, ul da bulsa ällä niček mähäbbätle, keçkenä çağynda uq mine söjä torğan ide* [Халидев, 1894, с. 17] ‘Вот тебе на, Аллах же спас, я был дурачком, между тем что видела эта девушка, когда росла в развалившемся доме, какую пользу от нее увидишь, не насладишься ни от ее слов, ни от нее самой, она, видимо, какая-то безродная девушка, оставшееся от древних слово все верно, они сказали: «Если будешь вешаться, вешайся на благородном дереве». Вот ты забава, чуть не влип, ты возьми бедную, позарившись на ее красоту. Пусть засохнет ее красота, пусть будет некрасивой,

пусть будет богатой, Фархана кого хуже: просто нос разбит и есть немножко рябина, если и есть, она какая-то симпатичная, она любила меня, когда еще была маленькой’.

В следующем монологе, автором которого также является представитель рассматриваемой социально-профессиональной прослойки татарского общества второй половины XIX – начала XX вв., отрицательно окрашенными коннотациями осложняются такие выражения и конструкции как *bärep üterü* ‘прибить’, *qylanyş* ‘выходка’, *Ise kitte inde* ‘Так и восторгается’, *anyñ qaj cirenä qyzyğa torğandyr* ‘что он в нем нашел’, *tärilkä totu* ‘лизоблюдничать’, *samawyr qujuçy ber malaj* ‘мальчик-самоварщик’, *jalanajağyna çabata kijep, uram bujynça şul çabatanyñ kinderäsen österäp, uram kibetenä lyştyr-lyştyr bara torğan ber malaj* ‘мальчик, который, надев лапти на босу ногу, таская по улице бечевки этих лаптей, ходил на уличную лавку, шлепая ногами’, *ällä kem bulğan* ‘стал важной птицей’, *bajnyñ härber kikerüenä dä «järxämäqalla» dip* ‘произнося «йархамакалла» на каждое отрыгивание бая’, *Tökerim min anyñ žalunijäsenä!* ‘Наплевать мне на его жалованье!’, *suqaçy mužik malajy* ‘сын землепашца мужика’, *tamağy ač, öste jalanğaç ber mužiknyñ malajy* ‘сын голодного, голого мужика’. Все они сигнализируют о его негативной настроенности в отношении своего хозяина и напарника. Если его презрение к первому в целом обусловлено факторами социального характера, ненависть ко второму объясняется банальной человеческой завистью. В данном контексте особенно примечательно употребление автором монолога последних двух словосочетаний, в семантику которых закладывается отрицательные коннотации, вытекающие из уничижительного отношения к представителям крестьянского сословия как к людям более низкого социального и материального положения: *Uf, bu bajny tämam bärep üterergü citärlek bulam. Torğan sajyn şunyñ qylanyşlaryna açuym kilä. Ise kitte inde şul Äxmätkä, belmim, anyñ qaj cirenä qyzyğa torğandyr. Ni öčen şul samawar qujuçy malajğa türilkä tota torğandyr? İčmasam qulynnan jünle genä ber eş kilsä ikän. Ul bit hičber eş belmi, hičnärsädän anyñ xəbäre juq. Hič bulmağanda, dönja*

kürgän ber keşe bulsa ikän. Ul bit min mädräsädä torğan čağynda samawyr qujučy ber malaj ide. Ajyna altmyš tijengä callanyp, bezgä samawyr kujyp jöri torğan ide. Min mädräsägä kergän čağynda, ul jalanajağyna čabata kijep, uram bujynča šul čabatanyň kinderäsen österäp, uram kibetenä lyštyr-lyštyr bara torğan ber malaj ide. Äle xäzer inde ällä kem bulğan. Imeš, ul xäzer bajğa jaqyn bulğan; imeš, ul xäzer bik šäp žalunijä ala. Bik isem kitä minem anyň žalunijäsenä. Anyň, bajnyň härber kikerüenä dä «järxämäqalla» dip, tärilkä totyp alğan žalunijäsenä minem bik isem kitä. Tfü! Tökerim min anyň žalunijäsenä! Min anyň ber jyl bujyna alğan žalunijäsen, teläsäm, ber kön ečendä alam. Min, teläsäm, anyň ber jyl ečendä ešlägän ešen ber kön ečendä ešlim. Min anyň šikelle suqačy mužik malajy tügel. Ul närsä? Ul tamağy ač, öste jalanğač ber mužiknyň malajy [Галиясгар Камал, 1978, с. 223] ‘Уф, вот чуть-чуть и я прибью этого бая. С каждым разом раздражаюсь его выходкам. Так и восторгается этим Ахметом, не знаю, что он в нем нашел. Почему он лизоблюдничает перед этим мальчиком-самоварщиком? Хоть, умел бы что-то. Он же ни одну работу не знает, ни о чем не ведает. На худой конец, был бы человеком, повидавшим мир. Он же, когда я жил в медресе, был мальчиком-самоварщиком. Нанявшись за шестьдесят копеек в месяц, ставил нам самовар. Когда я поступал в медресе, он же был мальчиком, который, надев лапти на босу ногу, таская по улице бечевки этих лаптей, ходил на уличную лавку, шлепая ногами. Это сейчас уже он стал важной птицей. Мол, он сейчас стал приближенным бая; мол, он сейчас получает очень хорошее жалованье. Очень уж я удивился его жалованью. Я очень уж удивился его жалованью, которое он получает, произнося «йархамакалла» на каждое отрыгивание бая, лизоблюдничая. Тьфу! Наплевать мне на его жалованье! Я его жалованье, которое он получает в течение года, получу за один день. Я, если захочу, его работу, которую он проделал за весь год, сделаю за один день. Я – не сын землепашца мужика как он. Он что? Он – сын голодного, голого мужика’.

Таким образом, на основе проведенного анализа можно выделить следующие черты социально-речевого портрета представителей татарских деловых кругов второй половины XIX – начала XX вв.:

1. В процессе своей профессиональной деятельности татарские купцы, торговцы и приказчики придерживались таких морально-этических установок прагматического характера как «Чтобы не случилось, не поддавайся угрызениям совести», «Всегда думай о своей выгоде», «Мнение окружающих не самое главное», «Не подвергай себя опасности, береженого Аллах бережет», «Цель оправдывает средства».

2. Тон разговорам задавался непринужденно-доверительным (в рамках речевых актов, сопутствующих ситуации «обсуждение дел с коллегами по цеху»), уважительно-почтительным (в рамках речевых актов, сопутствующих ситуации «получение благословения духовно-религиозных лиц») и авторитарным (в рамках речевых актов, сопутствующих ситуациям «инструктирование наемных работников», «общение с молодыми сослуживцами» и «общение с простым человеком») стилями.

3. Коммуникативная практика данных лиц характеризовалась набором следующих особенностей: фонетической трансформацией европейских и русских заимствований на разговорный лад; выстраиванием речевых актов в подавляющем большинстве случаев на основе грамматических форм и конструкций из общенародно-разговорного кода; доминированием речевых выражений и оборотов из общенародно-разговорного кода; использованием характерных для своей среды профессионализмов; употреблением прецедентных текстов из религиозного дискурса.

В целом, социально-речевой портрет представителей татарских деловых кругов второй половины XIX – начала XX вв. характеризуется доминированием в его структуре общенародно-разговорной страты татарского языка, что было обусловлено сопутствующими их хозяйственной деятельности факторами. При этом в быту в зависимости от перемен ситуативного характера они могли

переключаться и на другие коды. Другими словами данная корпоративная группа в плане соотношения ее коммуникативной деятельности с идиомами татарского языка представляла собой полиглоссный языковой коллектив.

2.3. Социально-речевой портрет мулл, мугаллимов и шакирдов

Социально-речевой портрет связанных между собой общностью корпоративных интересов татарских духовных сановников, преподавателей и учащихся медресе второй половины XIX – начала XX вв. в плане корреляции с функциональными стратами татарского языка соотносится со всеми его идиомами. При этом данная группа от остальной части татарского общества отличалась своим полилингвизмом: служители культа в основной своей массе в совершенстве владели арабским и персидским языками, а также в силу своих должностных обязанностей отчасти и русским.

Ситуативные параметры социально-речевого портрета рассматриваемой корпоративной группы раскрываются в основном в рамках ситуаций, связанных со сферами религиозной обрядности, организованного обучения и быта. В сфере религиозной обрядности, которая предполагает контакты между служителями культа и их паствой, это, как правило, – «проведение религиозного церемониала» и «произнесение перед прихожанами проповеди наставительно-назидательной направленности». В историческом плане религиозные ритуалы у татар в основном обслуживались арабским языком – языком ислама, который исповедовался ими с X в., который был недоступен основной части общества. Однако проповедническая деятельность в силу ее направленности широким слоям населения требовала использование более доступного и понятного коммуникативного средства, а именно родного языка. Но при этом статус религиозных деятелей как бы исключал возможность их обращения к прихожанам на разговорных формах, тем более на просторечии. Соответственно для насаждения среди народа духовно-религиозных норм и ценностей привлекался литературный идиом, в частности его письменная разновидность. Тот факт, что

старотатарский язык до рассматриваемого периода в течение всей своей истории наряду с художественным функционировал и развивался в рамках религиозного дискурса, только способствовал укреплению его позиций в культовой сфере. Со временем в рамках последней выработался своего рода высокопарный стиль наставительно-назидательного характера. Как видно из приведенного ниже примера, в речи представителей рассматриваемой корпоративной группы посредством таких средств как эпитеты Аллаха и Корана *Allahy Täğälä xäzrätläre* ‘господин Аллах Всевышний’, *Käläm Şärif* ‘Священное Слово’, конструкция *möemin möselman bulğan keşe* ‘человек, который является правоверным мусульманином’, образное выражение *Allahy cebenä totynyrğa* ‘держаться за нить Аллаха’ и сравнительный оборот *här qajumyz ber tän wä ber äğza kebi* ‘все мы как одна плоть и один орган’ он задается с самого начала: *Şakir mäsced janyndağy hämmä xalyqny cyjyb xalqa jasab, üze urtada bijegräk uryngä çyğyb, böjlä xötbä söjlärgä totyndy: «Cämäğat! Allahy Täğälä xäzrätläre Käläm Şärifendä härber möemin möselman bulğan keşegä Allahy cebenä totynyrğa, jäğni ittifaq wä ittixadda bulyb, ajyrylu-bülenüdän tyjadyr. Inde bez möselman bulğan kemsälär, här qajumyz ber tän wä ber äğza kebi. <...>»* [Бикколов, 1908, с. 26] ‘Шакир, собрав весь народ вокруг мечети и сделав круг, а сам, выйдя в середину на место повыше, начал рассказывать проповедь следующего толка: «Прихожане! Наш господин Аллах Всевышний в своем Священном Слове каждому человеку, который является правоверным мусульманином, [повелевает] держаться за нить Аллаха, то есть находиться в единогласии и единении и запрещает разделяться и делиться. Теперь же мы – те, кто являются мусульманами, все мы как одна плоть и один орган. <...>»’.

Далее в целях завоевания благосклонности противоположной стороны используются утверждение *Dindä qarendäşlärmiz* ‘В религии мы братья’, риторическое обращение *Kileñez, boradärlär!* ‘Идите же, братья!’ и побуждающие к совместным действиями глагольные формы *tyruşyjq* ‘постараемся’, *qalyjq* ‘прогоним’, а для того, чтобы удерживать внимание слушающих, в оборот

вводятся сложные градационные конструкции *üz qarendäšenä moxalif bulmas, qarendäšenä doşman bulmas häm xäsäd qylmas, açu itmäs, üč aluny, zarar itüne, usallyq wä jamanlyq qyluny küñelenä dä kitermäs* ‘не станет противником своему брату, не станет врагом своему брату и не позавидует, не будет злиться, и не подумает о том, чтобы отомстить, нанести вред, совершить злодейство и злодеяние’, *nifaqlyqny betereb, ber beremezgä qarşy wä xilaf buludan saqlanyb* ‘закончив с лицемерием, воздержимся от того, чтобы противодействовать и противоречить друг другу’, *bar quätemezne saryf qylyb häm dä irlekne qulğa alyb* ‘использовав всю нашу силу и взяв в руки мужество’: ***Dindä qarendäşlärmez, qarendäş bulğan keşe, älbättä, üz qarendäšenä moxalif bulmas, qarendäšenä doşman bulmas häm xäsäd qylmas, açu itmäs, üč aluny, zarar itüne, usallyq wä jamanlyq qyluny küñelenä dä kitermäs. Kileñez, boradärlär! Aradan nifaqlyqny betereb, ber beremezgä qarşy wä xilaf buludan saqlanyb, ittifaq wä ittixad ilä hämmä möselmanlar ajaqğa basyb alğa baryrğa tyryşyj. Bar quätemezne saryf qylyb häm dä irlekne qulğa alyb, bezgä çyn doşman wä dinemezdä xäram bulğan nadanlyq, doşmanlyqny aramyzdan qalyjq*** [Бикколов, 1908, с. 26–27] ‘В религии мы братья, человек, который приходится братом, конечно же, не станет врагом своему брату и не позавидует, не будет злиться, и не подумает о том, чтобы отомстить, нанести вред, совершить злодейство и злодеяние. Идите же, братья! Закончив с лицемерием, которое среди нас, воздержавшись от противодействия и противоречия друг другу, пусть все мусульмане в единогласии и единении встанут на ноги и постараемся идти вперед. Используя всю нашу силу и взяв в руки мужество, прогоним из наших рядов невежество, вражду, которые нам являются реальными врагами, а в религии запрещенными’.

Конструкции градационного характера (в рассматриваемом случае это – речевые обороты *xaqlyğy, ğyjlem estäüne, täğawyn, tänasyrny, sädaqat wä tuğrylyqny bojyru ilä* ‘своей истинностью, тем, что призывает к постижению знания, взаимовыручке, защите друг друга, верности и преданности’, *qurqaqlyq mäzmüm, nadanlyq, jälqaulıyq xäram* ‘трусость – порицаема, невежество, лень – греховны’,

eşsez-käsepsez jatyb keşegä moxtac bulu, soranu, keşeneñ ajaq astynda qalu, jyğylu, taptalu ‘не занимаясь ничем, нуждаться в ком-либо, попрошайничество, валяние под ногами, падение, быть истоптанным’) наряду с такими прилагательными как *möqaddäs* ‘священный’, *paq* ‘чистый’ служат также для развертывания заложенной в основу обращения идеи, которая заключается в раскрытии пороков общества и подчеркивании способствующих их преодолению преимуществ ислама: *Mäğlümeñez, ja! Dinemez isä böten jir jözendä tuğry wä xaqlyğy, ğyjlem estäüne, täğawyn, tänasyrny, sädaqat wä tuğrylyqny bojyru ilä Allahy Täğälä tarafyndan kilgän möqaddäs paq islam dineder. Islam dinendä qurqaqlyq mäzmüm, nadanlyq, jülqaulıyq xäram. Eşsez-käsepsez jatyb keşegä moxtac bulu, soranu, keşeneñ ajaq astynda qalu, jyğylu, taptalu iñ çirken bulğan xäram närsäder* [Бикколов, 1908, с. 27] ‘Вам же известно! Наша религия самая правильная во всем мире и своей истинностью, тем, что призывает к постижению знания, взаимовыручке, защите друг друга, верности и преданности, является священной чистой религией ислама, которая идет от Аллаха Всевышнего. В исламе трусость – порицаема, невежество, лень – греховны. Нуждаться в ком-либо, не занимаясь ничем, попрошайничество, валяние под ногами, падение, быть истоптанным – самые дурные греховные вещи’.

Далее после идет риторический вопрос, который выступает в качестве средства вербализации кульминационного момента: *Şulaj bulsa, niçün bez bu jyl cähalät, zolmät eçendä qaldyq?* [Там же] ‘Если так, почему же мы в этом году остались в невежестве, во мраке?’.

В развязке обычно идет наставление, которое доводится до слушателей посредством синтаксических конструкций, состоящих из глаголов в инфинитивной форме на *-(y)rğa* и модального слова *kiräk* ‘нужно’. В данном случае это – *tyryşyrğa kiräk* ‘нужно стараться’: *Inde, qarendäşlär, süzemneñ axury citeb, sezlärgä äjtämen: ğyjlem wä belügä bar qüwäteñezne saryf iteb bu qadär bezlärne izgän nadanlyq, suqyrlyq bälasyndan qotylyrğa, käseb, hönär, eşlelek, irlek, tyryşlyq syjfatlary ilä üzemezne zinnätlärgä tyryşyrğa kiräk* [Там же] ‘Теперь же

братья, заканчивая свое слово, я говорю вам: отдав все свои силы знанию и учению, нужно стараться, чтобы избавиться от порока невежества, слепоты, которые настолько давят нас, разукрасить себя торговлей, ремеслом, такими качествами как деловитость, мужество, старание’.

А завершается проповедь речевыми оборотами, выражающими упование на милость Аллаха, такими как *Allahy sezgä wä bezgä kürkäm xolyq, hidajät birsen* ‘Пусть Аллах вам и нам даст красивый нрав, желание вступить на истинный путь’: «<...>*Allahy sezgä wä bezgä kürkäm xolyq, hidajät birsen*», – *dib süzene tämam itde* [Биколов, 1908, с. 27] ‘<...> Пусть Аллах вам и нам даст красивый нрав, желание вступить на истинный путь», – сказав это, он закончил свои слова’.

Анализ эмпирического материала, извлеченного из письменных источников, показывает, что высокопарного стиля представители духовенства придерживались и в рабочих беседах между собой. В приведенном ниже примере, в котором запечатлен разговор между двух мулл, один из которых является главой медресе, а другой – отцом шакирда, ее индикаторами выступают такие выражения как *aslan rizalyğym juq* ‘у меня нет никакого согласия’, *min bik jaxşy belämen* ‘я очень хорошо знаю’, *jegerme jyldan birle däres äjtäm* ‘вот уже двадцать лет даю уроки’, *mindän härkem mulla bulyp çyğa* ‘от меня все выходят муллами’, *minem fatixamny alğan keşe buş qalğany juq* ‘не было такого, чтобы получивший мое благословение человек остался пустым’, *uşandaq doğamnan mäxrüm qalğannar da mänge räxät kürmilär* ‘а также и те, которые лишились моей молитвы, вечно не благоденствуют’, *ägär bäddoğa qylsam, xarab bulaçaqlar* ‘если прокляну, погибнут’. Вследствие того, что семантическим ядром данного рода синтаксических единиц выступает эгоцентричное «я», которое вербализуется посредством личного местоимения первого лица *min*, аффиксов принадлежности первого лица единственного числа *-(y)m* и глаголов в форме первого лица единственного числа, их основной функцией является фокусирование внимания слушающего на исключительных качествах говорящего. При этом его слова как бы исключают применение противоположной стороной другого стиля кроме как

почтительного, на что указывает конструкция *Zinhar täqsyjr, ğafu itä kür* ‘Пожалуйста, таксир, прости’: <...> *damelladan mine šul «K» šähärendäge mädräsägä jibäregä röxsät soradyqda, damellanyñ bik käjefe kiteb: «Andaj nijäteñ bulsa, hädijäläreñne alyb kit, mädräsämdän šakerdläremne tuzdyryrğa minem aslan rizalyğym juq. Sineñ ul «K» šähärendäge mäktäbeñne min bik jaxšy belämen, alar här ğyjlemgä alät (qoral) ulğan ğyjme möntäqymneñ ni ikänene dä belmilär. Min, älxämdelillah, jegerme jyldan birle däres äjtäm, mindän härkem mulla bulyb çyğa, minem fatixamny alğan keşe buš qalğany juq, ušandaq doğamdan mäxrüm qalğannar da mänge räxät kürmilär, ägär bäddoğa qylsam, xarab bulaçaqlar», – dib bik qaty süzlär äjtkäç, äti qurqub: «Zinhar täqsyjr, ğafu itä kür, min aslan sineñ mädräsäñdän balamny alasym juq», – dib, täübä iteb qajtmyš ide [Бикколов, 1909, с. 27–28] ‘<...> когда спросил у дамеллы разрешение отпустить меня в медресе города «К», у дамеллы очень испортилось настроение и, когда он сказал такие жесткие слова как: «Если у тебя есть такое намерение, забирай свои подарки и уходи, у меня нет никакого согласия на рассеивание моих шакирдов из моего медресе. Я очень хорошо знаю эту твою школу в городе «К», они даже не знают, что такое мстящая наука, которое является инструментом для каждой науки. Я, слава Аллаху, вот уже двадцать лет даю уроки, от меня все выходят муллами, не было такого, чтобы получивший мое благословение человек остался пустым, а также и те, которые лишились моей молитвы, вечно не благоденствуют, если прокляну, погибнут», – отец испугался и, сказав: «Пожалуйста, таксир, прости, я ни за что не заберу своего ребенка из твоего медресе», – вернулся, раскаявшись’.*

Почтительный стиль задавал тон и беседам между главами сельских и городских приходов. Об этом свидетельствует разговор старого деревенского хазрата и пришедшего сватать его дочь своему другу молодого городского муллы. Тот факт, что представители городского духовенства пользовались определенным авторитетом перед их сельскими собратьями, о чем говорить фраза пожилого человека *Mulla Xälim – Kazan šäkerte, köjzlekkä öjrängän* ‘Мулла Халим – казанский шакирд, привык к щегольству’, и при этом последние старались

соответствовать высокому социальному статусу первых, побуждало данных лиц к насыщению своей речи элементами письменного литературного языка, такими как имена существительные с аффиксами посессивного падежного склонения - (y)ny (*fazylyny* ‘его ученость’, *ğyjlemene* ‘его знания’) и принадлежности первого лица множественного числа -(y)myz (*küz aldymyzda* ‘перед нашими глазами’, *balamyzda* ‘в нашем ребенке’, *balamyz* ‘наш ребенок’, *balalarymyz* ‘наши дети’). Со стороны городского муллы тональность беседы поддерживается при помощи имени существительного с аффиксом принадлежности второго лица множественного числа -(y)ňyz (*qyzyňyzny* ‘вашу дочь’), глаголов с аффиксами первого лица множественного числа -myz (*belämez* ‘знаем’, *kitämez* ‘уедем’) и в форме императива второго лица множественного числа -(y)ňyz (*bireñez* ‘отдайте’, *kiňäş iteşeñez* ‘посоветуйтесь’, *istixarä qylyňyz* ‘загадайте на сон’), личного местоимения третьего лица множественного числа *anlar* ‘они’. При этом использование таких лексем арабского происхождения как *fazyl* ‘ученость’, *ğyjlem* ‘знание’, *täüfiq* ‘благодетель, благочестие’, *saxibätelcämal* ‘красавица’, *maharät* ‘умение’, *mäxdümä* ‘махдума (почтительное название родственниц духовных лиц, чаще всего дочери муллы)’, *köfu* ‘равный’, *istixarä* ‘загадывание на сон’ как бы должно подчеркивать образованность обеих сторон коммуникативного акта:

Xäzrät ujlamağan ber süzne išetkän kebi: – Bik räxmät, mulla Ğalim. Mulla Xälimneñ fazylyny, ğyjlemene išetep belä idek. Awylynyñ da jaxşylyğy küz aldymyzda. Läkin bezneñ balamyz, älxämdelillah, täüfiğynda, sezneñ öčen keçkenäräk bulmasmy? Mulla Xälim – Kazan şäkerte, köjzlekkä öjrängän. Bezneñ balamyzda köjzlek juq. Üzemez kebi. Mulla Xälim – dönja kürgän keşe, bezneñ balamyz jarar mikän soñ? Qyzym saxibätelcämal tügel. Jäş keşegä jort-jir qararğa da kiräk. Analary eşkä öjrätsä dä, jort-jir eşlärenä artyq maharätläre juq. Älxämdelillah, sabak uqydylar. Läkin mäxällä ostazbikäse bulyp, kitap söjlöp, xatnnağa jaryj alyrlar mikän? Balalarymyz jomşaq, – dide. <...>

Mulla Ğalim, xäzrätneñ bik töpkä kerep kitäsene kürgäç, Rəxmätulla aldynda süzne maturraq beterer öčen: – Bez inde, xäzrät, anlarny belämez. Mäxdümälär

xaqynda naçar süz išetkänemez juq. Mulla Xälim köfu kürmäsä, älbättä, bezne jibärmäs ide, bez sezne bimaza itep kilmäs idek, – dide. <...> – Äle, xäzrät, bez dä menä bügen qyzyñyzny bireñez dä, utyrtyp kitämez, dip kilmädek. Süz salyrğa dip kenä kildek. Kiñäš itešeñez, istixarä qylyñyz äle, – dide [Исхакый, 2001, с. 380–381] ‘Хазрат, словно услышал нежданную весть, сказал: – Большое спасибо, мулла Галим, мы слышали об учености, знаниях муллы Халима. И то, что деревня его хорошая, тоже перед нашими глазами. Но, наш ребенок, слава Аллаху, она благонравна, не будет ли маловатой для вас? Мулла Халим – казанский шакирд, привык к щегольству. В нашем ребенке нет щегольства. Она как мы. Мулла Халим – человек, который повидал мир, подойдет-ли ему наш ребенок? Дочь моя не красавица. Молодой девушке надо присматривать и за хозяйством. Хотя их мать и обучала их работе, к хозяйственным делам у них нет особых умений. Слава Аллаху, учились. Но, став остазбикэ прихода, читая вслух книгу, смогут ли угодить женщинам? Наши дети мягкие. <...>

Мулла Галим, увидев, что хазрат собирается войти очень глубоко, чтобы перед Рахматуллой закончить беседу на приятной ноте, сказал: – Мы же, хазрат, все это знаем. Мы не слышали плохого слова о махдума. Если бы мулла Халим не считал себе ровней, он, конечно, не отправил бы нас, мы бы не пришли, побеспокоив вас. – <...> – Еще вот что, хазрат, мы ведь тоже не за тем пришли, чтобы вы сегодня отдали вашу дочь, а мы ее увезли. Пришли, чтобы поговорить. Посоветуйтесь, загадайте на сон’.

Почтительное отношение со стороны сельского духовенства оказывалось и городским шакирдам. Так, например, в разговоре старого муллы с учащимися городского медресе оно задается разговору с самого начала посредством выражения *хиşуñыз* ‘добро пожаловать’. Коннотация уважительного характера закладывается и в семантику утверждения *şäkertlär aşyqqannardyr* ‘шакирды наверно проголодались’, которая используются в одном контексте с такими распоряжениями императивного характера как *Octazbikä, samawyrny aşyqtyr* ‘Остазбикэ, поторопи с самоваром’ и *aşarğa da berär närsä jasañыз* ‘и поесть что-

нибудь приготовьте’, адресованных домочадцам и высказанных с целью угодить дорогим гостям: *Xäzrät: – Xuşyňyz! – dip, öjneň türenä, çäj uryny häzerlängän jirgä utyryrğa çaqyrdy. Şäkertlär utyryr-utyrmaz uq, xäzrät: – Octazbikä, samawyrny aşyqtyr, şäkertlär açyqqannardyr, aşarğa da berär närsä jasaňyz! – dip ämer birde* [Исхакый, 2001, с. 311] ‘Хазрат сказав: – Добро пожаловать! – пригласил сесть в горницу, в место, где был приготовлен чайный стол. Как только шакирды сели, хазрат отдал приказ, сказав: – Остазбикэ, поторопи с самоваром, шакирды наверно проголодались, и поесть что-нибудь приготовьте!’.

Далее посредством таких выражений как *qara tula ađartyp* ‘выбеливая черное сукно’, *mužiklar belän jäsimez* ‘с этими мужиками’ и *Mädräsä tärbijä qyla almadyq şul inde* ‘Не смогли уж содержать медресе’ старый мулла как бы начинает оправдываться перед своими собеседниками за то, что не может содержать медресе, так как, по его мнению, это является грехом: *Xäzrät <...>: – Bez inde, menä şulaj, awylda qara tula ađartyp, şul mužiklar belän jäsimez. Mädräsä tärbijä qyla almadyq şul inde; äükäte hämsämezgä däwam itep toramyz, Alla ğafu qylsyn inde, – dide* [Там же] ‘Хазрат <...> сказал: – Мы уж, вот так, живем в деревне, выбеливая черное сукно, с этими мужиками. Не смогли уж содержать медресе, живем, продолжая наш пятиразовый намаз. Пусть уж простит Аллах’.

Высказанные сельским хазратом перед городскими шакирдами выражения *Menä bunysy kelätemez, bunysy munčamyz* ‘Вот это наша клеть, это наша баня’ и *Bezneñ mulla xalqy munčasyz tora almyj inde* ‘Наши муллы не могут жить без бани’ указывает на то, что, несмотря на соотнесенность в силу основного рода деятельности с духовной стороной бытия, служителям культа не были чужды и мирские заботы: *Xäzrät: – Menä bunysy kelätemez, bunysy munčamyz. Bezneñ mulla xalqy munčasyz tora almyj inde... – dijärgä ölgerä almady, <...>* [Там же, с. 312] ‘Хазрат не успел сказать: – Вот это наша клеть, это наша баня. Наши муллы не могут жить без бани... <...>’.

Далее посредством таких утверждений как *Hämmä keşe šähärgä mulla bula almyj* ‘Не могут все люди стать муллами в городе’, *hämmä keşe mädräsä tärbijä*

qyla almyj ‘не могут все люди содержать медресе’, *Qara mužik, qara tulany da aǧartyrǧa kiräk bit* ‘Ведь нужно выбеливать и черного мужика, черное сукно’ старый мулла, отмечая тот факт, что он не единственный, кто не может содержать медресе, как бы ретуширует ту неудачу, которой подвергся в образовательной стези. По его мнению, удел каждого в этой жизни – разный, что говорит о фаталистическом характере его мировоззренческих установок. В рассматриваемом примере соответствующую коннотацию несет в себе утверждение *här kešeneñ baxete bertösle bulmyj* ‘счастье каждого не бывает одинаковым’: *Šul süzlärdän soñ, xäzrät, awyr ğyna sulap, mädräsägä baryp tora almawyna qajǧyrǧan kebi bulyp qujdy. Ul üzeneñ šul xälene maturraq kürsäter öčen kebi: – Hämme keše šähärgä mulla bula almyj, hämme keše mädräsä tärbijä qyla almyj. Qara mužik, qara tulany da aǧartyrǧa kiräk bit. Menä fälän xäzrätne belämsez? Ul minem šarik. Xäzrättän fatixany bez dä annan kim almağan idek. Ul mödärris buldy. Bez awyl mullasy, imamy buldyq, här kešeneñ baxete bertösle bulmyj. Šulaj, damellalar* [Исхакый, 2001, с. 314–315] ‘После этих слов хазрат, тяжело вздохнув, показал как-будто он переживает за то, что не может жить в медресе. Как будто приукрашивая свое состояние он сказал: – Не могут все люди стать муллами в городе, не могут все люди содержать медресе. Ведь нужно выбеливать и черного мужика, черное сукно. Вот вы знаете такого-то хазрата? Он был моим одноклассником. Мы тоже не меньше его получили благословение от хазрата. Он стал мударрисом. Мы стали деревенским муллой, имамом, счастье каждого не бывает одинаковым. Вот так, дамеллы’.

При этом утверждения *mäxälläm jaxšy* ‘мой приход хороший’, *il-qart belän tynyč jäšim* ‘с людьми и стариками живу мирно’, *ostazbikädän dä uñdym* ‘повезло и с остазбикой’ характеризует представителей данной корпоративной группы как прагматичных людей. Как известно, в царской России жизненный достаток мусульманских религиозных деятелей, которые были лишены какого-либо денежного обеспечения со стороны государства, во многом зависел от уровня материального благосостояния его прихода, где определенный вес имели старики.

Вследствие этого для мулл противостояние с последними не было выгодно и они, хотели того или нет, были вынуждены придерживаться принципов мирного сосуществования с ними. Далее в повышении авторитета служителей религии перед прихожанами важную роль играли и их семейное окружение: *Läkin menä bala-čağa kübräk. Älhämdelillah, mäxälläm jaxşı, il-qart belän tynyç jäšim. Ostazbikädän dä uñdym. Märxüm mulla Rəxmätulla xəzrät qyzy ide. Belmi torğansyz, Qazan šäkerte ide* [Исхакый, 2001, с. 315] ‘Однако вот детишек многовато. Слава Аллаху, мой приход хороший, с людьми и стариками живу мирно. Повезло и с остазбикой. Она была дочерью покойного Рахматуллы хазрата. Возможно, не знаете, он был казанским шакирдом’.

Такие выражения как *ğyjlememez dä juq tügel ide* ‘у нас и знание было’, *damellada šäkert uqytyp torğan idek* ‘у дамеллы обучали шакирдов’, *kitabymyz üzemezgä jitärlek ide* ‘своих книг для себя было достаточно’, *mädräsä açyp, däres belän şöğyllänergä faraz itkän idek* ‘думали, что, открыв медресе, будем заниматься преподаванием’ указывают на то, что для человека первоначально не были чужды идеи служения высшим идеалам: *Xəzrät beraz tik torğannyñ soñynda: – Älhämdelillah, ğyjlememez dä juq tügel ide. Jide jyl damellada šäkert uqytyp torğan idek. Kitabymyz üzemezgä jitärlek ide. Bez digänčä tügel šul. Mädresä açyp, däres belän şöğyllänergä faraz itkän idek, naçar awylğa tuğry kildek. Bala-čağa kübäjde! <...> – dide dä başyny bökte* [Там же, с. 326] ‘После того, как немного помолчал, хазрат сказал: – Слава Аллаху, у нас и знание было. Семь лет у дамеллы обучали шакирдов. Своих книг для себя было достаточно. Не получается, как мы хотим. Думали, что, открыв медресе, будем заниматься преподаванием, попали в плохую деревню. Детишки расплодились! <...> – и согнул голову’.

Однако потом по стечению обстоятельств ему пришлось отказаться от первичных планов. Несмотря на свое призвание, ему не удалось преодолеть такие преграды как невежество прихожан (*Mäxällämez bik nadan tuğry kilde* ‘Наш приход оказался очень невежественным’), их увлеченность только материальной стороной жизни (*hämmäse dä satu-alu belän jödäp çyğa* ‘все изводят себя

торговлей’), неуважение со стороны простого народа к шариату и ученым (*Šäriġatkä riġajä, ġolämaġa inabät juq* ‘Нет уважения шариату, веры ученым’, *Ġolämany bernigä sajamyj* ‘Ни за кого не ставит ученых’). В этом свете, по мнению старого муллы, ересью, мешающей людям встать на праведный путь, являются также народные праздники и молодежные игры (*ällä nindi «saban tuju» digän bidġatläre* ‘какая-то ересь, которая называется «сабантуй»’, *«jäšlär ujnyny» digän närsäläre* ‘вещь, которая называется «молодежное игрище»’). И в его глазах воплощением всех этих негативно влияющих духовному развитию общества сторон жизни являются лапти (*čabatasy belän zihengä kerep utyryp* ‘проникнув со всеми своими лаптями в твой разум’). То факт, что мулла закладывает в семантику слова *čabata* ‘лапти’ отрицательную коннотацию, говорит о его пренебрежительном отношении к представителям крестьянского сословия: *Mäxällämez bik nadan tuġry kilde, hämmäse dä satu-alu belän jödäp čyġa. Šäriġatkä riġajä, ġolämaġa inabät juq. Menä bunda ällä nindi «saban tuju» digän bidġatläre bar. Annan soñ, «jäšlär ujnyny» digän närsäläre bar. Šunlarny niqadär äjttem, haman tuqtata almadym. Ġolämany bernigä sajamyj. Sin dä fiqhedän, jä xikmättän zur ber mäslä qarap kitap motaläġa qylyp jatasyñ, mužik kilä dä šul böten čabatasy belän zihengä kerep utyryp: – Bala aty qušarġa kiräk ide, – dip, ešne bülderä. Äüwälräk: – Ešem bar, kitap qaryjm, – dip qaradym. Añlata almadym. Menä xəzer etle-mäčele toramyz* [Исхакый, 2001, с. 326–327] ‘Наш приход оказался очень невежественным, все изводят себя торговлей. Нет уважения шариату, веры ученым. Вот здесь у них есть какая-то ересь, которая называется «сабантуй». Еще у них есть такая вещь, которая называется «молодежное игрище». Сколько раз говорил про них, до сих пор не смог остановить. Ни за кого не ставит ученых. Ты, рассматривая какой-нибудь важный вопрос по фикху, или по философии, занимаешься изучением книги, приходит мужик, проникнув со всеми своими лаптями в твой разум, и сказав: – Нужно дать имя ребенку, – прерывает от дела. Раньше пробовал говорить: – У меня дело есть, книгу смотрю. Не смог объяснить. Вот теперь живем как кошка с собакой’.

В зависимости от ситуации, служители культа в своих внутригрупповых коммуникациях могли переключаться от литературного кода на общенародно-разговорную и диалектную формы как регионального, так и социального характера, а также на просторечие. Другими словами, как уже было сказано выше, в рамках данной социально-групповой коммуникативной среды татарский язык функционировал также во всех своих проявлениях. Так, например, в приведенном ниже примере, в котором запечатлен разговор муллы с провинившимся перед сельскими жителями учителем медресе, главу прихода как носителя разговорного кода характеризуют выражения *Andyj ešeñ bulsa inde, enem Şakir* ‘Если за тобой такое дело, братишка Шакир’, *Mondan boryn da küp süzlär bulğan ide* ‘И до этого было много слов’, *Inde hämmä xalyq belde* ‘Теперь узнал весь народ’. При этом последнее раскрывает его как личность, для которой мнение общественности все же имеет определенный вес, что в свою очередь обусловлено публичным характером деятельности духовных сановников: *Mulla abzyj xälfä belän mäktäbkä kerde dä: «Andyj ešeñ bulsa inde, enem Şakir, sin bezneñ mädräsädä tora almassyñ. Mondan boryn da küp süzlär bulğan ide, min barsyn da basyp, jaşereb tordym. Inde hämmä xalyq belde, bar, kit inde, bu köndän soñ siña monda toryrğa röxsät juq», – dib xälfäne oryşyrğa totyndy* [Бикколов, 1912, с. 14] ‘Мулла вместе с хальфой зашел в школу и сказав: «Если за тобой такое дело, братишка Шакир, ты не сможешь жить в нашем медресе. И до этого было много слов, я все подавлял и утаивал. Теперь узнал весь народ, иди, уходи уже, с этого дня тебе нет разрешения здесь жить», – начал ругать хальфу’.

Схожая ситуация наблюдается и в разговорах мулл с представителями крестьянского сословия. Об этом свидетельствует такие выражения как *Juqny söjliseñ, suqyrny kitermi kemne kiterik soñ* ‘Ты несешь чушь, кого же нам привезти как ни слепого’, *xälfä härqajda da suqyr da čulaq, aqsaq kebi ber ğarib bula inde ul* ‘учителем везде бывает такой калека как слепой и криворукий, хромой’ и *sau keşeğa başqa käseb dä betmägän* ‘для здорового человека есть и другое ремесло’ из следующего примера: *Ber kön mäsceddän çyqqanda mulla babajğa Sabircan abzyj*

qarşy kilep: «<...>», – dide. Mulla babaj moñarğa ačulanyb: «Juqny söjliseñ, suqyrny kitermi kemne kiterik soñ, sin üzeñ xisab it, sälamät keşe mäktäbdä ğomeren zaiğ qylyb tormyj bit, xälfü härqajda da suqyr da čulaq, aqsaq kebi ber ğarib bula inde ul, sau keşeğa başqa käseb dä betmügän», – dide [Бикколов, 1912, с. 16] ‘В один из дней, когда выходили из мечети, дядя Сабирзян, встретившись со стариком муллой, сказал: «<...>». Старик мулла, рассердившись на него, сказал: «Ты несешь чушь, кого же нам привезти как ни слепого? Ты сам подумай, здоровый человек не будет же попусту проводить время в школе. Учителем везде бывает такой калека как слепой и криворукий, хромой. Для здорового человека есть и другое ремесло»’.

Как следствие частых контактов с представителями царской администрации по рабочим вопросам в речь татарских религиозных деятелей проникали и русские заимствования. В определенной степени они также выступали в качестве индикаторов высокого социального статуса, посредством которых старались подчеркивать свою приближенность к власти: *Xätta ul <...> anyñ öçen sawap birgän kebi: – Prašenijelär jöri torsyn, mulla Xälim, bez monda aš-suny qajtaryşmyjq, – dide. Üzeneñ iske šarik mullasyna kürsätep: – Menä mulla Šakir belän bez, Allağa šöker, jegerme sigez jyl šarik bulyp toridyq. Prawlenijesendä, duxownyj sobranijesendä bezneñ prašenijelär özelmäde. Üzemez bertuğan kebi jäšädek. Anyñ qunağy minem qunağym buldy, minem mosafırym anyñ öjene kürmi kitmäde, – dide.*

Xälim šul süzlärğa ğacäpkä qalyrğa ölğermäde, Fäxrulla xäzrät, anyñ belän bergä söjläşep kitep: – Sin äle, mulla Xälim, prašenije jazdyryrğa keşe tapyñmy? Menä šähärdä, tege Čökäš čatynda asttağy jortta ber uryş bar, bik mahir, ajaqsyz, frantsuz suğyşynda ajaqsyz qalğan. Šunyñ öçen anyñ jazğan prašenijese qabul itelmi qalmasyn dip, padišah xäzrät ämer birgän. <...> Sin šunnan jazdyr, min härwaqyt šunnan jazdyram. Äle menä sineñ östän jazğan soñğy prašenijene dä ul jazğan ide. Ispravnik üze dä ise kitte. Menä šul ašlar betkäč, bergä baryjq. Elgäre min jazdyryrmyn, annan ary sin jazdyryrsyñ, – dide [Исхакый, 2001, с. 366] ‘– Пусть прошения продолжают ходить, мулла Халим, мы здесь не будем отказываться от хлеба-соли. – Показав

на своего старого компаньона-муллу, сказал: – Вот мы с муллой Шакиром, слава Аллаху, двадцать восемь лет жили как компаньоны. В правлении, духовном собрании не прерывались наши прошения. Сами жили как братья. Его гость был моим гостем, мой гость не уезжал, не увидев его дом.

Халим не успел удивиться этим словам, Фахрулла хазрат, начав разговаривать вместе с ним, сказал: – Ты еще, мулла Халим, нашел человека, который будет писать прошение? Вот в городе, в том перекрестке Чюкеш в нижнем доме есть один русский, очень умелый, безногий, на французской войне остался без ног. Поэтому его величество падишах отдал приказ, чтобы написанное им прошение не осталось без рассмотрения. <...> Ты заказывай у него, я всегда заказываю у него. Вот и последнее прошение, которое было написано на тебя, писал он. Даже сам исправник удивился. Вот когда эти обеды закончатся, поедем вместе. Сначала я закажу, после ты закажешь’.

В сфере организованного обучения социально-речевой портрет рассматриваемой корпоративной группы раскрывается в рамках коммуникативных актов, связанных с ситуацией «на уроке». В татарских медресе второй половины XIX – начала XX вв. научно-образовательные и воспитательные задачи на занятиях решались посредством комбинированного использования татарского, арабского и персидского языков, о чем свидетельствует насыщенность языковой ткани развертываемых на уроках диалогов иноязычными элементами. В приведенном ниже примере в качестве таковых выступают слова и словосочетания *älkälimä* ‘слово’, *möfräd* ‘один’, *möräkkäb* ‘составной’, *xärfe täğrif* ‘определенный артикль’, *läfyz* ‘слово’, *ğyjme nafiğ* ‘полезное знание’. Сопутствующими компонентами царившей на уроках эмоционально-психологической атмосферы выступали снисходительный тон со стороны наставников и почтительный со стороны учеников. Об этом говорят такие конструкции авторской речи как *Xäzrät irenep kenä, zur, cuan tawuŝ belän, morca aŝa sölji torğan kebi itterep, söalene äjtep beterer-betermäs ük* ‘Как только хазрат лениво, сильным, низким голосом, как будто рассказывал через трубу, проговорил

вопрос' и *öjränep qujğan nikolajevskij soldat kebi* 'словно выучивший николаевский солдат': *Ul bik köčlänep quät cyjyp: – Älkälimä... – dip qučqyrdy. <...> Xäzrätneñ šablon bujynča biräčäk «Älkälimä» kälimäme, tügelme?» söalenä cawapny da ezläp qujdy. Xäzrät irenep kenä, zur, cuan tawyš belän, morca aša söjli torğan kebi itterep, söalene äjtep beterer-betermäš ük, öjränep qujğan nikolajevskij soldat kebi: – Kälimä tügel, kälimä bulyrğa möfräd bulyrğa kiräk, bu möräkküb, – dide.*

Xäzrät bik wäkar belän genä: – Nidän möräkküb? – dijärğa ölgerä almady, Xälim: – Xärfe täğrif belän «kälimä» läfyzynnan, – dide. <...> Dürt-biš söalgä cawap birgäč, xäzrät: – Bäräqalla, bäräqalla, šulaj! – dide. <...> – Jaryj, ğyjme nafiğ birsen! – dip qul kütärde [Исхакый, 2001, с. 280–281] 'Он очень стараясь набрал силу и крикнул: – Алькалима... <...> И на задаваемый хазратом по шаблону вопрос «Алькалима слово, или нет?» подыскал ответ. Как только хазрат лениво, сильным, низким голосом, как будто рассказывал через трубу, проговорил вопрос, словно выучивший николаевский солдат сказал: – Не слово, для того, чтобы быть словом, нужно быть одним, это – составное.

Не успел хазрат очень величаво спросить: – Почему составное? – Халим сказал: – От слова «калима» с определенным артиклем. После того как он ответил на четыре-пять вопросов, хазрат сказал: – Да благословит Аллах, да благословит Аллах, так! – <...>, сказав: – Ладно, пусть даст полезное знание! – поднял руки'.

В определенных случаях, в стенах медресе татарский язык в коммуникативной среде представителей рассматриваемой корпоративной группы полностью заменялся арабским языком: *Mödärris xäzrätläre, ğazaba kileb, «Ma haza?» jirenä: «Ma?» – dijü söal qylğaç, Ğabdelğafur, näxwän qurqu wä ğacäläle küstärmäjenčä: – Ät-söale ğan zahiriha üm batyjniha? – dijü söalä söallä cawablandy.*

– Ät-söale ğan zahiriha wä batyjniha.

– In söaltä ğan zahiriha, füzahireha – «sättar äl-ğojub» wä in söaltä ğan batyjniha, fäbatyjniha – «käššaf äl-qolub» [Бигиев, 1890, с. 50–51] Когда господин мударрис, придя в бешенство, вместо «Что это?» спросил: «Что?», Габдельгафур,

не показывая страха и не спеша, ответил на вопрос вопросом: – Вы спрашиваете о внутренней стороне или о внешней стороне?

– Я спрашиваю и о внутренней стороне, и о внешней стороне.

– Если спрашиваете о внешней стороне, его внешняя сторона – «закрывающий грехи» и если спрашиваете о внутренней стороне – «открывающий души».

Арабские и персидские заимствования в силу их социальной и функциональной маркированности сопровождали и коммуникативные акты, реализуемые в среде шакирдов. Как видно из приведенного ниже диалога, в котором запечатлена подготовка учащихся медресе к научному диспуту со своими собратьями из соседнего учебного заведения, здесь в качестве иноязычных сопутствующих элементов речи шакирдов в основном выступают названия учебных предметов и учебников (*fiqhe* ‘мусульманское право’, *Hidajä* ‘комментарии к средневековому трактату по мусульманскому праву’, *Faraiz* ‘средневековая книга по наследственному праву’), а также термины и образованные на их основе конструкции (*bänil ğyjlät* ‘неполноценные люди’, *wacibel wöcüd* ‘тот, чье существование необходимо’, *xodüse Ğäläm* ‘возникновение Вселенной’, *bäqa zaman* ‘вечность времени’, *xödüd* ‘граница’, *mötänahi* ‘ограниченность’, *ğajre mötänahi* ‘неограниченность’): *Böten mädräsäneñ monazaräçeräk šäkerte bergä cyjlydy. Bik ozyn, ozaq süz körästerelde. «Moxtäsar»xannar: – Fiqhedän sorarğa kiräk, «Hidajä»ne motälağa qyldyryrğa kiräk. «Faraiz»dan bänil ğyjlät xällärene sorarğa kiräk, Misyrnyñ šartlaryny sorarğa kiräk, – dip; näxügä osta dip jöri torğan šäkertlär: – «Älxämde»neñ älif ljamyn dağy unsigez meñ dä jide jöz dä qyryq sikez ixtimalny sanattyryğa kiräk, – dip; mantyjqčylar: – Ğyjlem bähäsennän wacibel wöcüd, xodüse ğälämnän, bäqa zamannan, xödüdneñ mötänahi ğajre mötänahi buluy haqynnan sorarğa kiräk, – diještelär [Исхакый, 2001, с. 293] ‘Все более-менее умеющие диспутировать шакирды медресе собрались вместе. Очень долго спорили. «Мухтасар»ханы⁸ говорили: – Нужно спросить из*

⁸ «Мухтасар»ханы – шакирды, которые прошли одноименный научный трактат.

права, нужно заставить, чтобы вывели суждения по «Хидая». Нужно спросить из «Фараиз»а о делах детей неполноценных людей, нужно спросить об условиях Египта; шакирды, которые слыли специалистами по синтаксису, говорили: – Нужно заставить, чтобы посчитали восемнадцать тысяч семьсот сорок восемь вероятностей в алим ляме «Альхамд»а; логики говорили: – Нужно спросить из научного спора о том, чье существование необходимо, о возникновении Вселенного, вечности времени, ограниченности и неограниченности границ’.

В процессе самого научного диспута указанные заимствования наряду с такими элементами письменной разновидности литературной страты татарского языка как глаголы с личными аффиксами первого лица множественного числа -*myz* (*söjläšmimiz* ‘не будем говорить’, *jibärermez* ‘отправим’, *kerešmimiz* ‘не будем приступать’) и второго лица множественного числа на -*ñyz* (*söjläšäseñez kilsä* ‘если хотите говорить’, *sorañyz* ‘спрашивайте’, *kerešeñez* ‘приступайте’), имена существительные с аффиксами принадлежности первого лиц множественного числа -(y)*myz* (*šäkertläremizne* ‘наших шакирдов’) и второго лица множественного числа -(y)*ñyz* (*kešeñez* ‘ваш человек’) придавали речи участников диспута своего рода высокопарность: *Menä čaršau ačylyp, berenče – näxüdän soraučy kerep süz sorady. Kilgän šäkertlär berse-bersenä qaraşyp: – Bez näxüdän söjläšmimiz, söjläšäseñez kilsä, šäkertläremizne jibärermez, – didelär. <...> Ikenče signal bujynča fiqhedän soraldy. Qunaqlar tağy: – Bez fiqhedän kerešmimiz; söjläšäseñez kilsä, söjläšergä kešeñez bulsa (hawalanyq qyna) mantyjq-xikmättän sorañyz! – didelär. <...> Xalyq tynyp ölgermäde, Xälim qaltyrağanraq tawyš belän: – «Mahijäten xaqyjqaten mäüçüd bulsa, ğaläme mahijät lüzem bula!» digännär, čun tam? – dide. Üze ajaqny sandyq östenä qujyp, tegelärgä qarap: – Kerešeñez! – dide. Böten mädräsägä tyn tuldy. <...> Menä Xälim tağy: – Jäñez, kerešeñez! – dide [Исхакый, 2001, с. 295] ‘Вот открылся полог, вошел первый – спрашивающий из синтаксиса, и задал вопрос. Пришедшие шакирды, посмотрев друг на друга, сказали: – Мы не будем говорить из синтаксиса, если вы хотите поговорить, отправим наших шакирдов. <...> По второму сигналу был задан вопрос из права. Гости снова*

сказали: – Мы не будем приступать (к вопросу) из права, если вы хотите говорить, если у вас есть человек, чтобы говорить (кичась), спрашивайте из логики-философии. <...> Народ не успел утихнуть, Халим дрожащим голосом спросил: – Сказали: «Если у одной вещи есть два истинных свойства, должно быть не свойство», каким образом? – Сам, поставив ногу на сундук, посмотрел на них и сказал: – Приступайте! Все медресе окутала тишина. <...> Вот Халим снова сказал: – Давайте, приступайте!’.

В то же время элементы письменного литературного языка, осложняясь пренебрежительно-ироничными оттенками, наряду с разговорными выражениями (*Tik tor, Sapla! Sin saplamasañ da baralar, kürmiseñmeni, qaja kittelär?* ‘Помалкивай Сапла! Они едут и без твоего насаживания, не видишь что ли, куда уехали?’) выступали и в качестве средств репрезентации изменения тональности речи: *Aksak: – Näxüdüñ soramañyz inde... – dide dä šarqyldap kölep jibärde. <...> Sapla Wäli: – Älbättä, šulaj bulyrğa kiräk šul. Čönki mahijät mäüçüd bulsa... – dip, kereškän kebi bulyp, tegelärne ürtärgä totynmaqçy buldy. Läkin Urys Kärim: – Tik tor, Sapla! Sin saplamasañ da baralar, kürmiseñmeni, qaja kittelär? – dide. <...> Ber šäkert: – Ällä busyna da šäkertläreñezne jibärergä buldyñyzmy? – dide. Qunaqlar isemennän ber šäkert: – Juq, busyna xälfälärene jibärälär! – dide.*

Xälim tağy nyğajybraq kitep: – Kerešeñez, kerešeñez! – dide. <...>

Ber šäkert: – Jä, tağy qajčanğa qadär kötämez? Jäñez, alaj bulsa, cämüğat, tählil äjtä toryjq! – dide [Исхакый, 2001, с. 295–296] ‘Хромой сказал: – Из синтаксиса не спрашивайте уж... – и расхохотался. <...> Сапла Вали, сказав: – Конечно, так и должно быть. Потому что, если свойство имеется... – как будто приступая, начал было их дразнить. Но Урыс Карим сказал: – Помалкивай Сапла! Они едут и без твоего насаживания, не видишь что ли, куда уехали? <...> Один шакирд спросил: – Что, и на это решили отправить своих шакирдов? От имени гостей ответил другой шакирд: – Нет, на это отправят своих хальф!

Халим, еще больше окрепнув, сказал: – Приступайте, приступайте! <...>

Один шакирд спросил: – Ну, до каких пор будем ждать? Давайте, в таком случае, народ, начнем говорить тахлил⁹».

Иноязычные элементы сопровождали также речевые акты, реализуемые между представителями рассматриваемой корпоративной группы в рамках такой ситуации из сферы быта как «в гостях». Как видно из приведенного ниже диалога, запечатленная в нем беседа между деревенским муллой и шакирдом – сыном позвавшего главу прихода в гости крестьянина, несмотря на ее разговорный лад, насыщена такими профессионально окрашенными лексическими единицами и грамматическими конструкциями арабского происхождения как *ramä, järmi* ‘формы временного спряжения глаголов арабского языка’, *iğlal* ‘спряжение’, «*Tasrif*» ‘трактат по морфологии арабского языка’, *isme fağyjl* ‘причастие настоящего времени’, *saryf* ‘склонение, спряжение’: *Menä işek açyldy. Xäzrät kerde. Xälim baryp küreşte. Utyryştylar, doğa da qyldylar. Xäzrät Xälimnän mädräsäneň xällärene, sabaqlaryny soraşa başlady. «Ramä, järmi»dä diğaç, xäzrät: – Ähü, sin bik tiz j itkänseň! Xäzer inde ozyn iğlalny beterep baralar. Bezneň damella: «Tasrif»ny ike jyl uqydym», – dijä ide. Jä äle, «järmi»ğa iğlal uqy äle, – dide.*

Xälimneň töse başqardy, başy azraq ijelde, ber jaqqa taba käkräjde, küz jartylyj jomyldy, ike qul tez östenä qujyldy: – Järmi där asly – järmi, zammä bär säkyjle şäddä, zammä ra xäzef kärdim – järmi, – dide.

Xäzrät: – Bäräqalla, bäräqalla! Soň, «ramä, järmi»dän isme fağyjl niček kilä? Jä, saryf qyl! – dide [Исхакый, 2001, с. 254] ‘Вот открылась дверь. Зашел хазрат. Халим подошел и поздоровался. Сели, и молитву прочитали. Хазрат начал расспрашивать у Халима о жизни в медресе, об уроках. Когда он сказал, что находится в «раме, ярми», хазрат сказал: – Аху, ты очень быстро дошел! Сейчас уже заканчивают длинный игълял. Наш дамелла говорил, что изучал «Тасриф» два года. Ну-ка, почитай-ка на «ярми» игълял.

У Халима изменился цвет лица, его голова немножко наклонилась, согнулась в одну сторону, глаза наполовину закрылись, обе руки легли на колени,

⁹ Повторение молитвы «Ля иляха илляллах» («Нет Бога, кроме Аллаха»).

и он проговорил: – Ярми дяр аслы – ярми, замма бяр сякыйлэ шяддя, замма ра хязеф кярдим – ярми¹⁰.

Хазрат сказал: – Славно, славно! А как идет причастие настоящего времени от «рама, ярми». Ну-ка, поспрягай!».

Социальная маркированность арабских заимствований наиболее ярко проявляется в рамках речевых актов представителей духовенства с крестьянами, в которых они также выступали в качестве индикаторов, сигнализирующих об их высоком статусе в обществе: *Ätise kulyna törtkäç, ul da qazny xəzrätkä törtte dä, üze başyny kütärep qarady, xəzrät tä jañadan qul kütärep: – Allahy Täğälä ğyjłme nafiğ birsen, ähle ğolja zömräsənä kerergä nasyjp itsen. Allahy äkbär! – dip, qul syjpady* ‘Когда его отец толкнул его в руку, он тоже сунул гуся хазрату, сам подняв голову посмотрел, хазрат снова поднял руки, и, сказав: – Пусть Аллах даст полезное знание, пусть даст ему возможность войти в круг ученых, Аллах велик’ [Исхакый, 2001, с. 224].

Однако представители татарского духовенства второй половины XIX – начала XX вв., несмотря на их образованность, в том числе и в лингвистическом плане, в рамках внутригруппового общения в сфере организованного обучения не всегда придерживались литературного кода, как этого требовали нормы корпоративного этикета. Нередко их речь, в частности в рамках бесед с провинившимися в чем-либо шакирдами, сопровождалась и элементами просторечия. Так в приведенном ниже примере об этом свидетельствует употребление дамеллой – главой медресе в отношении своих подопечных таких выражений как *näces* ‘нечисть’, *mordar* ‘прохвост’, *qabäxät* ‘негодяй’, *duñğyz* ‘свинья’, *et* ‘собака’, *xajwanlar* ‘скоты’, *axmaqlar* ‘тупицы’, *bäddoğa töşkänlär* ‘проклятые’, *käbestä başlary* ‘кочанные головы’, *bozyq* ‘развратник’, *qara bädbäxet* ‘проклятый, окаянный’: *Ul işektän kergäç ük: «Qajda ul täräzä bozuçy, näces, mordar, qabäxät, duñğyz, et?» – dib, sügenergä totyndy* [Бикколов, 1909, с. 19] ‘Как только он зашел, так сразу начал ругаться: «Где тот, который разбил окно,

¹⁰ Спряжение арабского глагола.

нечисть, прохвост, негодяй, свинья, собака?»»; *Damella bezneñ süzne išetü ilä čögender kebi kyzaryb kitde. <...> Uf-puf iteb ala küzlärene aqajtyb: «Cahillär, xajwanlar, axmaqlar, cez kem buldyňyz soň, minem mädräsämne xurlarğa, sezgä nigä jaramağan minem mädräsäm, büddoğa töşkänlär, quzğalmaňyz urynyňyzdan, röxsät juq sezgä ber jary kitärgä», – dib, ajaq tibeб qučqyrды, minem jörägem jarylib kitde [Бикколов, 1909, с. 31] Когда дамелла услышал наши слова, покраснел как свекла. <...> Тяжело дыша, вытаращив выпученные глаза и сказав: ‘Невежды, скоты, тупицы, вы кем себя возомнили, чтобы порочить мое медресе, вам почему не подходит мое медресе, проклятые, не двигайтесь с места, нет разрешения вам куда-либо уехать», – крикнул топнув ногой, у меня разорвалось сердце.’; <...>, *xäzrät urynyndan sikereb toryb, täräzä janyna qujğan qalyn sary tajağyny alyb: «Ax käbestä başlary, menä birim min siña fän, bozyq, qara büdbäxet, mordar, çyq tiz qarşymdan, küzem kürmäsen mondan soň bolaj jörüeñezne, baryňyz mädräsägä, watarmyn, quzğalasy bulmaňyz, min anda bargançy», – dide [Там же, с. 31–32] <...>, хазрат, соскочив со своего места, взяв толстую желтую палку, которую поставил возле окна, сказал: ‘Ах, кочанные головы, вот я вам покажу науку, развратник, окаянный, прохвост, выйди вон быстро, чтобы после этого глаза мои не видели как вы ходите, возвращайтесь в медресе, разобью, и чтобы не смели двинуться с места пока я не приду’.**

Сопутствующий речи духовно-религиозных служителей высокопарный стиль, в рамках контактов с представителями купечества служил достижению утилитарно-прагматических целей, таких как завоевание благосклонности противоположной стороны, которая выступала в качестве гаранта их материального благосостояния. В приведенном ниже диалоге поддержанию соответствующей тональности служат такие выражения и речевые обороты как *Bäräqalla* ‘Да благословит Аллах’, *Bik jaxşy, bik kürkäm eš* ‘Очень хорошее, очень красивое дело’, *Säfär çyqqaç, kešeneñ küñele açyla, xafasy taraladyr* ‘Когда отправляется в поездку, у человека веселится душа, уходит печаль’, *Säfär çyğuny kitap ta bik maqtıjdyr* ‘Отправление в поездку и книга очень хвалит’:

– *Kičä öjlä namazynda kürenmädegez, ber şöğylegez bar ide, axrysy, jäisä öjdä juq idegezme?*

– *Bäli, täqsir, öjdä juq idem. Üzegezgä dä mäglüm inde, Mäkärcä aldynnan säüdägärneñ eše-šöğyle küp buladyr. Şunyñ säbäple öjlägä kičä kerep bulmady.*

– *Ä, alajmy? Äle Mäkärcä waqyty citep tä qaldymyni soñ? Bärüqalla! Bik jaxşy, bik kürkäm eš. Säfür çyqqaç, kešeneñ küñele açyla, xafasy taraladyr. Säfür çyğuny kitap ta bik maqtjdyr* [Мөхәммәдев, 1958, с. 83–84]

‘– Вчера вас не было видно на полуденном намазе, наверно, у вас было какое-то дело, или же не были дома.

– Да, таксир, не был дома. Вам и самим известно, перед Макарьевкой у торговца дел невпроворот. По этой причине вчера не смог зайти на полуденный намаз.

– А, так? Что, разве уже наступило время Макарьевки? Да благословит Аллах! Очень хорошее, очень прекрасное дело. Когда отправляется в поездку, у человека веселится душа, уходит печаль. Отправление в поездку и книга очень хвалит’.

Достижению поставленной цели, которая в конечном счете раскрывается в речевом обороте *jyldağyça Mäkärcädän bezgä ber çapan ilä jäšel çäjne alyp qajtyrğa xätäregezdän çyğaryp cibärmägez* ‘как и в прошлые годы не забудьте привезти нам из Макарьевки один чапан с зеленым чаем’, подчинены и иноязычные элементы, а также образованные на их основе конструкции, посредством которых отмечается богоугодность планируемого купцом мероприятия:

– *Xoda quşsa, qajčan säfür çyğuşa nijät qylasyz? Minem belüemcä, çäharşämbä kön çyqsağyz, biğräk tä mäslixät. Čönki kitapta çäharşämbä kön säfür qylğanny artyğraq kürsätäder.*

– *Xäjer-doğada bulyğyz inde, xäzrät! <...>*

– *Xäjer-doğadan eš tormyj inde. Sez dä, nasyjp bulsa, jyldağyça Mäkärcädän bezgä ber çapan ilä jäšel çäjne alyp qajtyrğa xätäregezdän çyğaryp cibärmägez* [Там же, с. 84]

‘– Если соизволит Всевышний, когда намереваетесь выехать? Насколько я знаю, выезжаете в среду, очень хорошо. Потому что в книге больше угодным указывается совершение поездки в среду.

– Вы уж благословите, хазрат! <...>

– От благословения дело не станет уж. Вы тоже, если посчастливиться, как и в прошлые годы не забудьте привезти нам из Макарьевки один чапан с зеленым чаем’.

В отличие от рассмотренных выше ситуаций, в сфере быта, где не требуется соблюдение поведенческих норм внутрикорпоративного этикета, представители духовенства переключались на разговорные коды, как на общенародный, так и на регионально окрашенные. В приведенном ниже диалоге, в котором запечатлен разговор муллы со своей женой, об этом сигнализируют характерная для разговорных страт простота синтаксической структуры речевых оборотов, и элемент западного диалекта татарского языка *kelilär* ‘хотят’:

Äsma: Sin, monda keşe bar ide.

Kärim: Ul kem soñ?

Äsma: Fatyjma.

Kärim: Alaj ikän, bik jaxşy, qunaq it, bez elgäre keçkenä čaqta märxümä anyñ änkäse, Märkäj abystajdan uqyğan idek, balalary sälamätlär, dime? Xälim ni eşläp tora, di? Mäktäpkä cibärälärme?

*Äsma: Cibärerğa **kelilär**, Fatyma şunyñ öçen kiñäş itärgä kilgän.*

Kärim: Bik jaxşy, Alla xäjerle itsen. Qajsy mäktäpkä?

Äsma: Äjtä dä belmim, «Däareltädris» atly dime? Qazanda, jaña mädräsä

[Исхакый, 1998, с. 35–36]

‘Асма: Ты, тут человек пришел.

Карим: И кто же?

Асма: Фатима.

Карим: Вот как, очень хорошо, угости ее, мы раньше, в детстве, у покойной ее матери, у Меркей абыстай, брали уроки, что говорит, дети ее здоровы? Халим чем занимается? Отпускают в школу?

Асма: Хотят отпустить, Фатима поэтому пришла посоветоваться.

Карим: Очень хорошо, пусть Аллах им поможет. В какую школу?

Асма: Не могу сказать, «Дарультадрис» называется что ли? В Казани, новое медресе’.

Среди бытовых вопросов, обсуждению которых религиозные служители посвящали свои беседы с женами, присутствовало также толкование сновидений. Тот факт, что в приведенном ниже примере присутствуют такие выражения как *šajtani töš bulsa ğyna jarar ide* ‘Если бы только было шайтанским сном’ и *Xodaj axyryn xäjerle qylsyn, bu töš bik jaxšy tügel* ‘Пусть Всевышний сделает конец добрым, этот сон не очень хороший’ свидетельствует о том, что они уделяли большое внимание данному явлению психологической природы человека: *Irtä ilä ostazbikäse: «Nixäl, mulla, töndä berär töš kürmädeñezme?» – didekdä, xäzrät beraz ğyna ujab, «Uff» dijä sulab aldy da: «Bu kön töšemä ällä nindi qurqynyčlar kürdem, šajtani töš bulsa ğyna jarar ide. Töšemä üzebezneñ uramdan mäscedkä taba baradyr idem, juğary uramdan bik küp etlär kürende. Axry bu etlär tujydyr, dib toradyr idem, azaqynda bu etlär törlese törle jaqdan örä başladylar. <...> Šundan qurqyb ujandym» – dide. Abystaj tyñlab tordy da: «Xodaj axyryn xäjerle qylsyn, bu töš bik jaxšy tügel. <...>» – dide [Бикколов, 1908, с. 10] ‘Когда утром его остазбикэ спросила: «Как дела хазрат, ночью что-то приснилось что-ли?» – хазрат, немного подумав, вздохнул «Уф» и ответил: «Сегодня во сне видел какие-то кошмары. Если бы только было шайтанским сном. Во сне шел по нашей улице к мечети, на верхней улице появилось очень много собак. Я принял это за гон собак, в конце эти собаки начали лаять каждый из разных сторон. <...> Проснулся, испугавшись от этого». Абыстай послушал и сказал: «Пусть Всевышний сделает конец добрым, этот сон не очень хороший. <...>»’.*

Беседы религиозных деятелей со своими сыновьями, которые в основной своей массе были шакирдами медресе, в зависимости от уровня их образования и жизненных ориентиров, в целом проходили в непринужденно-дружеской атмосфере, окрашенной в наставительно-назидательные тона, которые, как видно из следующего примера, вербализуются посредством таких выражений как *ostaz suqqan yir tämuğda janmas* ‘место, куда бил наставник, не горит в аду’ и *ostazlarğa riza bulmasañ, ğomer bujy bäräkät tabmassyñ* ‘если не будешь доволен наставниками, всю жизнь не обретешь счастья’: <...>, *äti*: «*Juqny söjlämä uğlym, xälfälärneñ qyjnaularynda zarar juq, ostaz suqqan jir tämuğda janmas, fäqat menä jazu öjratmäüläre, xädis, täfsir, fiqhe uqytmaulary ğyna qyjyn. Şulaj da ostazdan soramyj eš qylyr xäl juq, ostaz ostaz bula ul, ber xäref öjrätsä dä*», – *dijä ide*. <...> [Бикколов, 1909, с. 26] ‘<...>, отец говорил: «Не говори ерунды сынок, в том, что хальфы бьют, нет вреда, место, куда бил наставник, не горит в аду, только вот трудно то, что не обучают письму, не учат хадисам, тефсиру, фикху. Все же ничего не поделаешь, не спросив на то разрешения у наставника, наставник он на то и наставник, если даже и обучил только одной букве» <...>’; *Minem bu süzläremä äti ačulanyb*: «*Juqny söjlämä uğlym, ostazlarğa riza bulmasañ, ğomer bujy bäräkät tabmassyñ, alar siña xucalar, menä min damelladan üzem baryb sorarmyn äle*», – *dib*, <...> [Там же, с. 27] ‘Отец, рассердившись на эти мои слова и сказав: «Не говори ерунды сынок, если не будешь доволен наставниками, всю жизнь не обретешь счастья, они – твои хозяева, вот я еще сам съезжу и спрошу у дамеллы», – <...>’.

В реконструкции социально-речевого портрета шакирдов второй половины XIX– начала XX вв. также немаловажную роль играет анализ речевых актов, связанных с ситуациями из сферы быта. Как уже было отмечено ранее, учащиеся медресе, как и их старшие представители рассматриваемой корпоративной группы были полиязычны – в силу своих интересов в сфере организованного обучения в определенной степени владели арабским и персидским, а также были носителями письменных литературных норм и традиций. Однако в плане

соотношения их речевых навыков с функциональными стратами татарского языка, особенно в сфере быта шакирды все же больше придерживались его разговорных форм. Доказательством этому является приведенные ниже образцы речи шакирда которые насыщены синтаксическими единицами с простой структурой и модальными частицами *ikän* ‘оказывается’, *di* ‘говорят’. Все они являются сопутствующими элементами разговорных идиомов: *Aqsaq anyñ belän dä qalmady, ällä qajdan tabyp: – Anlarnyñ mullalary falic belän jata ikän, berdänber genä qyzy bar ikän. Jort-jir bik häjbät, at, tarantas bar, di, – dip kerep, «agent teleğrammasyny» taratty* [Исхакый, 2001, с. 284] ‘Хромой не остановился на этом, откуда-то разузнав, зашел и распространил следующую «телеграмму агента»: – Оказывается их мулла лежит с параличом и у него есть только одна единственная дочь. Имущество очень хорошее, говорят, что есть лошадь, тарантас’; *Ul bulmady, aqsaq tağy ällä qajdan xəbär cyjyp kerep: – Awylda bik šäp bajlary bar ikän, anyñ da qyzy bar ikän, ul da mullağa birergä teli ikän, – digän xəbärne taratty* [Там же] ‘Через некоторое время хромой, снова собрав откуда-то информацию, распространил следующую весть: – Оказывается, у них в деревне есть очень хороший бай, у него тоже есть дочь, он тоже хочет выдать за муллу’.

Нередко речь шакирдов в силу присутствия в ней таких выражений как *närsä awyzyñny cäjep utyrdyñ* ‘что сел, разинув рот’ и *taz šajtan* ‘плешивый шайтан’ окрашивалась и в просторечные тона: *Ul nišlärgä belmi torğanda ber čäjdäš kilep: – Kaşygyñ barmy? – dip sorap, «Juq» digän süzgä: – Äj, malaj, närsä awyzyñny cäjep utyrdyñ? Menä xəzer ašamyj qalasyñ! Bar, änä keçkenä çynajaq östen al! – dide* [Там же, с. 239] ‘Когда он сидел, не зная, что делать, подошел один компаньон по чаепитию и спросил: – У тебя есть ложка? – на ответ «Нет», он сказал: – Ай, мальчик, что сел, разинув рот? Вот сейчас останешься без еды. Иди, вон маленькую крышку чашки возьми!’; *Berse: – Tählildä bezgä jegermešär tijen birä, zizarättä – jegerme tijen, qyryq tijen bula. Ike jegerme tijenlek! – dip, šul aqčalaryn qulda totqan kebi kölep jibärä. Ikenčese: – Birä siña, taz šajtan! Bišär tijen alsañ da jitär, – dip süzgä quşyla* [Там же, с. 262] ‘Первый говорит: – В тахлиле дает нам по

двадцать копеек, в кладбище двадцать копеек, получается сорок копеек. Две монеты по двадцать копеек, – и начинает улыбаться, как будто держит в руках эти деньги. Второй присоединяется к разговору, сказав: – Даст тебе, плешивый шайтан! Будет достаточно, если получишь и по пять копеек’.

Наиболее ярко социально-психологический портрет шакирдов раскрывается в рамках речевых актов, связанных с ситуацией «похороны». Вынужденные учиться в очень стесненных обстоятельствах учащиеся медресе старались не пропускать церемонии погребения богатых горожан и членов их семей, во время которых можно было хоть как-то поправить свое материальное положение за счет раздаваемых подаяний. Для основной их части, а также для их старших собратьев по корпоративной группе, смерть человека была не чем иным кроме как источником заработка на жизнь: *Aqsaq üzene bik šäp xis itkänlege kürende. Ul, cämägät säkesenä čyğyp, marševat itep jörergä totyndy. Berazdan soñ: – Menä inde xäzer Ğabdulla bajnyñ xatynyna šobağa jitte. Annan ary Salix qart, annan ary Fäxri qarčyğy, annan ary Zäjnulla anasy. Bu jyl šunlar bar da dömegep betsä..., – dip, šul fiker belän šatlanyp, küpme aqča bulasyny xisaplarğa totyndy* [Исхакый, 2001, с. 268] ‘Было видно, что Хромой чувствовал себя великолепно. Он вышел на общественную лежанку и, маршируя, начал ходить. Через некоторое время сказав: – Вот теперь уже жребий достиг жены Габдуллы бая. После старик Салих, после старуха Фахри, после мать Зайнуллы. Если в этом году все они сдохнуть... – и, радуясь этой мысли, начал считать, сколько денег получится’.

Об утилитарно-прагматичном характере жизненных ориентиров и установок будущих служителей религии свидетельствует и зафиксированные в следующем примере выражения *zäñgär kytattan tun tyšlatyp jibärer idem* ‘заказал бы обшивку шубы синей китайкой’, *karmazin kazaki tekterer idem* ‘заказал бы пошив казакина из кармазина’, *jort-jir saldyryr idem* ‘построил бы дом’, *čyğyrdap torğan unalty jäšlek qyzğa öjlänep jibärer idem* ‘женился бы на хрустящей шестнадцатилетней девушке’ и *xatyn belän ikäüläp utyryşyp qunaqqa kitär idek* ‘сев вдвоем вместе с женой, поехали бы в гости’. Все они указывают на то, что у

большинства данных лиц в приоритете были только материальные ценности, а такая благородная цель как служение народу путем его просвещения ими и вовсе не рассматривалась: *Šäkertlär: – Dürt jöz tänkä digen, ä?! Mulla Šakir, sineñ dürt jöz tänkäñ bulsa, xäzer nišlär ideñ?*

Tegese: – Zänğär kytattan tun tyšlatyp jibärer idem, karmazin kazaki tekterer idem, jort-jir saldyryr idem, čyğyrdap torğan unalty jäšlek qyzğa öjlänep jibärer idem; xatyn belän ikäüläp utyryšyp qunaqqa kitär idek, – dip, üzeneñ xyjalyny ozajtyrğa totyna [Исхакый, 2001, с. 262]

‘Шакирды: – Ты смотри, четыреста монет, а?! Мулла Шакир, если бы у тебя было четыреста монет, что бы ты сделал сейчас?’

Тот, сказав: – Заказал бы обшивку шубы синей китайкой, заказал бы пошив казакина из кармазина, построил бы дом, женился бы на хрустящей шестнадцатилетней девушке, сев вдвоем вместе с женой, поехали бы в гости, – начинает растягивать свою мечту’.

Однако, как показывает анализ эмпирического материала, шакирдам не были чужды и духовные стороны бытия, только развитие в этом направлении ими представлялось как проведение шести-семи лет в кельях медресе Бухары и Самарканда за изучением схоластических наук. Так как учебные заведения указанных городов Средней Азии, вследствие снискания ими славы в качестве очагов духовности и религиозного образования, у представителей рассматриваемой корпоративной группы пользовались большим авторитетом, проучившиеся в них определенное количество время лица по возвращении в родные края, несмотря на уровень и качество полученных знаний, в большинстве случаев назначались главами приходов, что в свою очередь сулило им немалые материальные блага: *Berse: – Juq šul, jegetlär, dürt jöz tänkäm bulsa, menä bügen ük Voxarağa kitär idem dä, häjbät xöcrä alyp, ber alty-cide jyl toryp qajtyr idem, – di* [Там же] ‘Один говорит: – Нет уж, парни, если бы у меня было четыреста монет, я вот сегодня же уехал бы в Бухару и, взяв хорошую келью, пожил бы там шесть-семь лет, а после вернулся бы’.

При этом некоторые из них не прочь поменять и род своей деятельности и здесь в приоритете у них – торговля, которая считалась атрибутом высокого социального положения и успешности. Соответственно большим авторитетом у шакирдов пользовались и представители торговой знати. Об этом свидетельствует приведенный ниже пример, в частности, зафиксированное в нем выражение *satu itärgä totynyr idem* ‘я бы приступил к торговле’: *Berse: – Min, iptäšlär, maqtanyr xäl juq. Wallahi, dürt jöz sum bulsa, satu itärgä totynyr idem. Typyr-typyr urynynda basyp tora almyj torğan ajğyr alyp: «Häj, ber jaqqa, ber jaqqa!», – dip qučquryp, mulla Ğabdullalaryň, mulla Şakirlaryň qotyny alyr idem, hämmäsene «Bu nindi türä ikän!» dip şaqqattyryr idem* [Исхакый, 2001, с. 262–263] ‘Другой: – Я товарищи, не в том состоянии, чтобы хвастаться. Клянусь Аллахом, если бы было четыреста монет, я бы приступил к торговле. Купив жеребца, который отбивая дробь не может стоять на одном месте, и крикнув: «Хей, в сторонку, в сторонку!» – навел бы страху мулле Габдулле, мулле Шакиру и удивил бы их всех, заставив подумать: «Что это за чинуша!»’.

А утверждения «*Qafia*»*xan bulu bik keçkenä eš tügel; ul bit awylğa starosta bulu tügel* ‘Стать «Кафия»ханом не очень маленькое дело; это тебе не быть старостой на деревню’ и *Mužik malajynnan šäkert buldyň* ‘Из мужицкого сына стал шакирдом’ из следующего примера говорят об их пренебрежительно-презрительном отношении к представителям крестьянского сословия: *Ul da bulmady, berse čyğyp: – Juarğa kiräk. Jä inde qajčanğa syjlyj syň? «Qafia»xan bulu bik keçkenä eš tügel; ul bit awylğa starosta bulu tügel! Starosta bit syra kujyp syjlyj, – dide.*

Aqsaq: – Mužik malajynnan šäkert buldyň, syjla! – dip, gorodowjčaraq itterep qučquryp söljärgä totyndy [Там же, с. 282] ‘Тут же вышел один и сказал: – Надо обмыть. Ну же когда будешь угощать? Стать «Кафия»ханом¹¹ не очень маленькое дело; это тебе не быть старостой на деревню! Староста же угощает, поставив пиво.

¹¹ «Кафия»хан – шакирд, который прошел одноименный научный трактат.

Хромой, сказав: – Из мужицкого сына стал шакирдом, угощай, – начал как городской громко рассказывать’.

Таким образом, на основе проведенного анализа можно выделить следующие черты социально-речевого портрета татарских духовных сановников, преподавателей и учащихся медресе второй половины XIX – начала XX вв.:

1. В процессе своей профессиональной деятельности муллы, мугаллимы и шакирды в основном руководствовались установкой «Во всем полагайся на Аллаха».

2. Тон разговорам задавался наставительно-назидательным (в рамках речевых актов, сопутствующих ситуациям «проведение религиозного церемониала» и «произнесение перед прихожанами проповеди»), уважительно-почтительным (в рамках речевых актов, сопутствующих ситуациям «общение с высокопоставленными и старшими коллегами по цеху» и «общение с сильными мира сего») и высокопарным (в рамках речевых актов, сопутствующих ситуациям «общение с шакирдами» и «общение с простым людом») стилями.

3. Коммуникативная практика данных лиц характеризовалась набором следующих особенностей: фонетической трансформацией европейских и русских заимствований на разговорный лад; выстраиванием речевых актов в подавляющем большинстве случаев на основе грамматических форм и конструкций из письменной разновидности литературного идиома татарского языка, а также из арабского и персидского языков; доминированием речевых выражений и оборотов из письменной разновидности литературного идиома татарского языка, а также из арабского и персидского языков; использованием характерных для своей среды профессионализмов; употреблением прецедентных текстов из религиозного дискурса, в том числе и иноязычного происхождения.

В целом, в структуре социально-речевого портрета татарских духовных сановников, преподавателей и учащихся медресе второй половины XIX – начала XX вв. в различной степени были представлены все страты татарского языка. В профессиональной сфере их коммуникативная деятельность в основном строилась

на основе литературного идиома, в частности его письменной разновидности, а также арабского и персидского языков. В быту же они переключались на разговорные формы. Другими словами в языковом отношении данная корпоративная группа представляла собой полиглоссный и многоязычный коллектив.

2.4. Социально-речевой портрет крестьян и простых горожан

Социально-речевой портрет татарских крестьян и простых горожан второй половины XIX – начала XX вв., в плане соотношения с функциональными стратами татарского языка в основном характеризуется переменными чередованиями общенародно-разговорного кода с его региональными разновидностями. В крупных промышленных и экономических центрах, в частности в таких городах как Казань и Уфа, которые в этноязыковом плане представляли собой места смешения различных этнографических групп татарского народа, в речи данных представителей татарского социума в рамках внутригрупповой коммуникации в большинстве случаев все же преобладал общенародно-разговорный язык, который в отдельных случаях осложнялся диалектными и просторечными вкраплениями. В уездных городах, расположенных непосредственно в ареалах распространения определенного диалекта, а также в сельской местности предпочтение отдавалось региональным разговорным формам татарского языка. Следует отметить, что и в этом случае речи крестьян и простых горожан не были чужды просторечные формы и выражения. Что касается ситуативных параметров социально-речевого портрета указанных лиц, они выявляются в рамках речевых актов, соотнесенных с ситуациями из сфер хозяйственной деятельности и быта.

Тяжелый труд на земле, который сопутствовал жизни крестьян с самого рождения, накладывал свой отпечаток и на их речевых предпочтениях. Во внутригрупповых контактах он не оставлял места сложным и витиеватым оборотам письменного литературного идиома. Они заменялись простыми

разговорными конструкциями, такими как *suqağa baryrsyň* ‘поедешь на пашню’, *sary alaşada 26 pot buldy* ‘из желтого мерина вышло 26 пудов’, *bijädä 24 pot ta 11 qadaq* ‘из кобылы – 24 пуда и 11 фунтов’, *52 šär tijennän buşattyq* ‘разгрузили по 52 копейки’: *Qajtu belän qarşy tuğry kilgän ağasyňa: – Min sezneň hatynnaryňyzğa kučer bulyp jöreergä tile tügel, irtägä barmyjm , üzeň bar! – dide.*

Abzyjsy: – Jaryj, jaryj, baryrmyn, sin, šul, ul waqyt suqağa baryrsyň! – dide [Исхакый, 2001, с. 305] ‘Как только вернулись, он сказал встретившемуся старшему брату: – Я не дурак, чтобы ходить кучером вашим женам, завтра не поеду, сам езжай!’

Старший брат сказал: – Ладно, ладно, поеду, ты, вот, тогда поедешь на пашню!; *Ätise atlarny mujynnarynнан totyp qarap, qyzu qajtularyn-qaytmaularyn belgännän soň: «Isän qajttyňyzmy olannar (uğlannar)?» – dide. Sadyjq arbadan töşep: «Allağa šöker, sary alaşada 26 pot buldy, bijädä 24 pot ta 11 qadaq, 52 šär tijennän buşattyq», – dide* [Исхакый, 1998, с. 331] ‘Отец, после того как узнал, потрогав шею лошадей, вернулись они быстро или медленно, спросил: «Вернулись ли здоровыми сынки?». Садык, слезая с телеги, сказал: «Слава Аллаху, из желтого мерина вышло 26 пудов, из кобылы – 24 пуда и 11 фунтов, разгрузили по 52 копейки»’.

Однако при этом речь крестьян не была лишена и образности, которая в определенном контексте служит средством репрезентации их тяжелой доли. Так, например, в приведенном ниже примере своей выразительностью отличаются выражения *Ä, ... ciktelärme!* ‘А, ... запрягли!’, *Tämleme?* ‘Вкусно?’, название полевого растения *šajtan tajağy* ‘чертополох’. Соответствующая коннотация закладывается и в семантику конструкции *mädräsädä bot kütärep jatu* ‘в медресе лежать, задрать ноги’, посредством которой крестьянскому быту противопоставлялись будни шакирдов: *Ütkän-barğan qart, jäš mužiklarnyň: – Ä, šäkertne ciktelärme! Tämleme? Šajtan tajağy uqlary qulğa kermime? Bu šul mädräsädä bot kütärep jatu tügel! – dip kölülär any tiresennän çyğaryr dārācāgā kiterde* [Исхакый, 2001, с. 305] ‘То, что все проходящие мимо мужики, и стар и

млад, смеялись, говоря: – А, шакирда запрягли! Вкусно? Шипы чертополоха не вонзаются в руку? Это тебе не в медресе лежать, задрать ноги! – привели его к такой степени, что он вот-вот был готов вылезть из своей шкуры’.

Татарским крестьянам, как и представителям остальных социальных слоев и групп татарского общества второй половины XIX – начала XX вв., также была характерна определенная доля прагматичности, которая выражалась в достижении таких материальных благ как крыша над головой и постоянный источник пищи в виде хлеба. При этом, лишенные всего этого люди, ими презирались также как на них глядели свысока представители купечества и духовенства. Свидетельством тому являются слова молодого крестьянина, высказанные им в разговоре с младшим братом в отношении пастуха, а именно выражения *Anyñ närsäse bar?* ‘Что у него есть?’, *Öje juq, jorty juq* ‘Дома нет, хозяйства нет’, *Öjdän öjgä ašap jöri* ‘ходит и ест из дома в дом’, *Anyñ qaj jirendä räxäte?!* ‘В каком месте у него благо?!’: *Ul: – Aj, šul kötüče bulsañçy! – dide.*

Ber-ike sažin ğyna alda bara torğan abzyjsy išetep: – Awzyžnyñ cil alğyry! Anyñ närsäse bar? Öje juq, jorty juq, öjdän öjgä ašap jöri, anyñ qaj jirendä räxäte?! – dide [Исхакый, 2001, с. 306] ‘Он сказал: – Ай, вот бы стать им!

Его старший брат, который шел на один-два сажени впереди, услышав это, сказал: – Типун тебе на язык! Что у него есть? Дома нет, хозяйства нет, ходит и ест из дома в дом, в каком месте у него благо?!’.

Прагматичность крестьян проявляется и в их отношениях со своими детьми, которым в отцовском доме в большинстве случаев отводилась роль помощников в хозяйственных делах, а в будущем была уготовлена тяжелая мужицкая доля. Соответственно старания крестьянских детей в сфере образования воспринимались как нечто из ряда вон выходящее. Как видно из приведенного ниже примера, в качестве индикаторов данного рода утилитарных установок выступают речевые обороты *Qazanda sineñ balañnan bašqa šäkert juqtyr* ‘Как будто в Казани нет других шакирдов кроме твоего ребенка’, *mallar kararğa da öjdä bulmyj* ‘не бывает и дома, чтобы ухаживать за скотиной’, *bezneke mulla bulmas,*

mulla bulyrğa mulla balalary betmägänder ‘наш не станет муллой, наверно чтобы стать муллой не перевелись и дети мулл’: *Ğabderaxman: Balanyñ küñelen bozyp, nilär söjläp torasyñ? Qazanda sineñ balañnan başqa šäkert juqtyr. Jaxşy ğyna bala ide, bozyp beterdek, mallar kararğa da öjdä bulmyj, härwaqyt mädräsädä.*

Fatyjma: Alaj söjlämä, Allağa šöker diñ, malajlar berlän aşyq ujnarp, jomyrqa ujnarp jörsä, ni ešlär idek.

Ğabderaxman: Inde namazyn uqyj belde, üzenä kiräklären belä, Qazanğa iltsäñ dä, bezneke mulla bulmas, mulla bulyrğa mulla balalary betmägänder [Исхакый, 1998, с. 31] ‘Габдрахман: Что ты тут говоришь, порча сердце ребенку? Как будто в Казани нет других шакирдов кроме твоего ребенка. Был таким хорошим ребенком, испортили, не бывает и дома, чтобы ухаживать за скотиной, все время в медресе.

Фатима: Не говори так, скажи, слава Аллаху, что бы делали, если он с мальчиками ходил играть в бабки, играть в яйца.

Габдрахман: Он уже научился читать намаз, знает то, что ему нужно, если даже и отвезешь в Казань, наш не станет муллой, наверно, чтобы стать муллой не перевелись и дети мулл’.

Как следствие влияния утилитарно-прагматических жизненных установок в мужицкой среде доминировало своего рода пренебрежительное отношение к таким высшим сферам духовной жизни как образование и наука, о чем свидетельствуют такие выражения как *Älegä čikle uqymyj torğannar kön kürä almağandyr* ‘Наверно до этого те, которые не учатся, не могли существовать’, *ällä qaja mädräsälärgä žulik bulyrğa cibäregä teliseñ* ‘хочешь отправить в какие-то там медресе, чтобы стал жуликом’, сопутствующие речи крестьянина из следующего примера: *Fatyjma: Keşe belüe bezgä tügel, änä šul, šuñarğa qyzyğyp uqytyrğa keliseñ.*

Ğabderaxman: Älegä čikle uqymyj torğannar kön kürä almağandyr, sez genä bik beläsez, mine qulsyz qaldyryp, ällä qaja mädräsälärgä žulik bulyrğa cibäregä teliseñ [Там же, с. 32] ‘Фатима: Знание другого не для нас, позавидовав другим, хочешь дать образование.

Габдрахман: Наверно до этого те, которые не учились, не могли существовать, только вы все знаете, оставив меня без рук, хочешь отправить в какие-то там медресе, чтобы стал жуликом’.

При этом изменить позицию мужика относительно образования (*alaj bulsa, üzeñez teläsäñez ni ešläñez* ‘в таком случае, делайте что хотите’) могли лишь материальные преференции, связанные с должностью учителя (*wazyjfaly möğallim bulyrmyn da, sezgä dä dip härwaqyt aqça cibärerremen* ‘стану учителем с должностью и все время буду посылать вам деньги’), которую мог получить его сын после долгих лет учебы: *Xälim: İnşallah, ber waqyt wazyjfaly möğallim bulyrmyn da, sezgä dä dip härwaqyt aqça cibärerremen.*

Ğabderaxman: Min belmim, alaj bulsa, üzeñez teläsäñez ni ešläñez <...> [Исхакый, 1998, с. 33] ‘Халим: Если будет угодно Аллаху, однажды стану учителем с должностью и все время буду посылать вам деньги.

Габдрахман: Я не знаю, в таком случае, делайте что хотите’.

Психологический портрет татарского крестьянина наиболее ярко проявляется в следующем диалоге, в котором запечатлен разговор шакирда с молодым мужиком. Здесь в качестве индикаторов свойственной ему прагматичности выступают такие выражения и синтаксические конструкции как *Patša kebi tora ide* ‘Жил как царь’, *Ul jort-jir, ul at-tun – is kitärlek ide* ‘Что ни возьми, дом и хозяйство, скот и одежда, диву дашь’, *Buñar närsä birsän dä, eri dä betä* ‘Этому что не дашь, все тает и кончается’, *cikkän köjenčä at birde* ‘дал в запряженном виде лошадь’, *šul at bāhasenä* ‘на стоимость этой лошади’, *nečkä genä, menä šul barmaq qalynlyğy ğyna ike kitap* ‘тоненькие, в толщину вот с этого пальца, две книги’, *Alaj äräm itärgä bulğaç, kem malynu qyzğanmasyn* ‘Раз так расходуешь напрасно, кто не пожалеет своего добра’, *Inde mal härkemgä ğaziz* ‘Ведь добро каждому дорого’, *At cigep kilgän, jä inde, utyryp kitärgä genä bit?* ‘Пришел, с запряженной лошастью, чего стоит, сел и поехал же?’. Как видно из примеров, идеалом подражания для крестьянина является образ жизни высших особ. При этом, как уже было сказано, им особо ценится наличие дома и

хозяйства. И центральное место в хозяйство занимает лошадь, с которым ничто не сравнится, даже книга – источник знаний: *Safa mužikka: – Awylyňyz bik naçar ikän, nindi ğalim häzrätne nindi fäqyr totasyz! – dide.*

Mužik beraz qyzardy da: – Juq äle, šäkertlär, sez belmisez. Menä bunnan elek tä bezneñ häzrätomez bar ide. Patša kebi tora ide. Ul jort-jir, ul at-tun – is kitärlek ide. Buñar närsä birsän dä, eri dä betä. Menä äle, yšanmassyz, awylymyznyñ ber bajnyñ anasy üldä. Häzrätneñ jaña kilgän waqyty ide, cikkän köjenčä at birde. Ber atna ütmäde, šul atny cikkän köjenčä, kürşe awyl mullasyna birep, šul at bähäsenä, annan nečkä genä, menä šul barmaq qalyňlyğy ğyna (šul süzne äjtkändä mužiknyñ jözenä ällä niqadär myskyllau, qyzğanudan möräkkäb ber xis çyqty) ike kitap alyp qajtqan. Alaj äräm itärgä bulğaç, kem malyny qyzğanmasyn. Inde mal härkemgä ğaziz, axrysy. Añar başqa da kiläseñ: «Häzrät, tuj ölgerde, qodalar kilde. Äjdä!» – diseñ. At cigep kilgän, jä inde, utyryp kitärgä genä bit? «Juq! Minem äle ešem bar, kitap qaryjm», – di. Söjläšmi dä kerep kitä. <...> [Исхакый, 2001, с. 327] ‘Сафа мужику сказал: – Деревня ваша оказывается плохая, такого ученого хазрата в такой бедности содержите!

Мужик немного покраснел и, сказав: – Нет же, шакирды, вы не знаете. Вот и раньше у нас был свой хазрат. Жил как царь. Что ни возьми, дом и хозяйство, скот и одежда, диву дашь. Этому что не дашь, все тает и кончается. Вот, не поверите, у одного бая нашей деревни умерла мать. Хазрат только что прибыл, он дал ему в запряженном виде лошадь. Не прошло и недели, он эту лошадь в запряженном виде отдал мулле соседней деревни и на стоимость этой лошади привез от него тоненькие, в толщину вот с этого пальца (когда он говорил это слово на его лице возникло чувство состоящий из сильной насмешки и жалости), две книги. Раз так расходуешь напрасно, кто не пожалеет своего добра. Ведь добро каждому дорого. К нему и по другому приходишь, говоришь: «Хазрат, свадьба созрела, сваты приехали. Давай!». Приехал с запряженной лошадей, чего стоит, сел и поехал же? Он говорит: «Нет! У меня еще есть дело, книгу смотрю». Не поговорив, заходит обратно. <...>’.

Утилитарные установки в определенной степени повлияли и на восприятие крестьян духовной стороны жизни. В частности, они не понимали сложных религиозных категорий, наполненных различными смыслами. Для них все должно было быть кратким и ясным, но не лишенным красочности (*Bezneñ iske xäzrät wägazne jaryp sala ide* ‘Наш старый хазрат проповедь только так раскалывал’). Познания крестьян в области мироздания в основном ограничивались уровнем райских наслаждений и страданий в аду. При этом в их глазах олицетворением первых обычно выступали услады гурии, а средством достижения данных благ – подаяния (*Ul ocmah-tämuğnymy diseñ, ul xur qyzlarymy diseñ, ul sädaqa sawaplarymy diseñ?* ‘Что ни возьми, рай и ад, гурии, воздаяния за подаяния?’): *Bäjrämñär bula, kitap söjlärgä totyna. Ber süz dä añlamyjmyz. Bar ide elgäre waqytlar! Bezneñ iske xäzrät wägazne jaryp sala ide. Ul ocmah-tämuğnymy diseñ, ul xur qyzlarymy diseñ, ul sädaqa sawaplarymy diseñ? Menä xäzer şul qart xäzrättän išetkäññär belän genä toramyz* [Исхакый, 2001, с. 327–328] ‘Праздники бывают, начинает рассказывать книгу. Мы ни слова не понимаем. Были раньше времена! Наш старый хазрат проповедь только так раскалывал. Что ни возьми, рай и ад, гурии, воздаяния за приношения? Вот теперь живем только услышанными от этого старого хазрата’.

Несмотря на это, ученость, как атрибут большого авторитета (*Dörest, ğyjlem şäp inde üzendä: böten tirä-jaq mullasy üzennän qurqyp tora* ‘Правда, знание в нем хорошее: все муллы округи боятся его’), все же ценилась крестьянами. По мере возможности они старались давать образование своим детям, хотя бы на уровне основ ислама (*hämmämez bit inde balalarymyzny uqytyrğa jödäp toramyz* ‘ведь мы все уже изводим себя, чтобы обучить наших детей’, *Namaz räte öjränergä dä uryñ juq* ‘Нет места, и чтобы изучать порядок намаза’): *Menä, jarar, jyl ütte, ike jyl ütte, mädräsämezgä kermäde. Öčençe jylny kerde, hämmämez bit inde balalarymyzny uqytyrğa jödäp toramyz. Namaz räte öjränergä dä uryñ juq. Totyndy bu uqytyrğa! Ällä nindi üzeneñ tege at satyp alğan kitaplaryny uqytyrğa başlady. Balalar qaçyp bette. Dörest, ğyjlem şäp inde üzendä: böten tirä-jaq mullasy üzennän qurqyp tora* [Там же, с. 328] ‘Вот, ладно, прошел год, прошло два года, он не зашел в наше медресе. На

третий год зашел, ведь мы все уже изводим себя, чтобы обучить наших детей. Нет места, и чтобы изучать порядок намаза. И начал он учить! Начал учить каким-то этим книгам, которые он купил, продав того коня. Дети сбежали. Правда, знание в нем хорошее: все муллы округа боятся его’.

Одним из типичных ситуаций, характерных для сферы хозяйственной деятельности, наиболее ярко раскрывающих языковую личность татарского крестьянина рассматриваемого периода является «одолжение денег у зажиточного односельчанина». Данная ситуация изначально ставит одну из сторон коммуникативного акта, а именно дающего в долг, в высокое положение так называемого «благодетеля», что в свою очередь обуславливает выбора им авторитарного стиля общения, осложненного оттенками пренебрежительности и надменности в отношении противоположной стороны. В приведенном ниже примере в качестве индикаторов отмеченных выше компонентов речевой интонации выступают такие элементы разговорного идиома как выражения *ällä kem bulasyz* ‘становитесь важной птицей’, *üzeñezne üzeñez tanymyjsyz* ‘сами себя не узнаете’, *kem quşqan sezgä östeñezgä sitsa külmäk kijärgä* ‘кто велел вам надевать на себя ситцевую рубаху’, *bu waqytka qadär nişläp tüläweñezne salmadyñyz?* ‘почему до этого времени не заплатили свои платежи?’, *kübdän kilüb mindän uraq alub qujarğa kiräk ide* ‘давно пора было уже прийти и взять у меня жатву’, *jarty taqta čäjeñez bulsa, ällä kem bulub jörisez* ‘если у вас есть плиточный чай, ходите как важные птицы’, *bajny baj dimisez* ‘не признаете бая баем’, *mindä sezgä birä torğan aqča juq* ‘у меня нет для вас денег’, а также глагол в форме императива *baryğyz* ‘идите’. Социальные коннотации здесь приобретают и такие словосочетания как *sitsa külmäk* ‘ситцевая рубаха’ и *taqta čäj* ‘плиточный чай’, которые в данном контексте выступают в качестве символов жизненного достатка: *Köz wä quş könlärendä ystarşınalar kilüb, jort sajyn kerüb, qazna (tüläü) cyjub jörergä totynğaç, qarjä xalqy qauşab, Altynbaj ağajğa jögerälär ide. Altynbaj ağaj mondyj waqytlarny ğanimät belep, äüwäl bik ačulanub: «Ber xäleñez bulsa, ällä kem bulasyz, üzeñezne üzeñez tanymyjsyz, kem quşqan östeñezgä sitsa külmäk*

kijärgä, bu waqytka qadär nišläp tüläweñezne salmadyñyz, kübdän kilüb mindän uraq alub qujarğa kiräk ide. Jarty taqta čäjeñez bulsa, ällä kem bulub jörisez, bajny baj dimisez. Baryñyz, mindä sezgü birü torğan aqča juq», – dib jortyndan qua bašlyj ide [Бикколов, 1908, с. 5] ‘Когда в осенние и зимние дни приходили старшины и, заходя в каждый дом, начинали собирать налог в казну, жители деревни, растерявшись, прибежали к Алтынбай агаю. Алтынбай агай в такие времена, воспользовавшись удобным случаем, сначала очень рассердившись и сказав: «Если поправляете свое положение, становитесь важной птицей, сами себя не узнаете, кто велел вам надевать на себя ситцевую рубаху, почему до этого времени не заплатили свои платежи, давно пора было уже прийти и взять у меня жатву. Если у вас есть плиточный чай, ходите как важные птицы, не признаете бая баем. Идите, у меня нет для вас денег», – начинал гнать из своего дома’.

При этом противоположная сторона в силу безвыходности своей ситуации придерживается почтительного тона, граничащего с самоуничижительным. В разбираемом примере об этом сигнализируют лексемы *zinhar* ‘пожалуйста’, выражающей мольбу, и разговорные конструкции *tyñlyj kür* ‘только внимли’, *cirebezne ala kür* ‘только возьми нашу землю’, *saryğymny ala kür* ‘только возьми мою овцу’, *sxodta qyjnata kürmä* ‘только не допусти, чтобы побили на сходе’: *Bičara fäqyjr xalyq qaja barsyn?! Ystaršinalar janyna buš qul barsa, ešneñ mondan da jamanraq bulačağyn ujlub: «Zinhar, Altynbaj ağaj, tyñlyj kür, nigä genä alsañ da jiremezne ala kür, jäki saryğymny ala kür, ysxodta qyjnata kürmä», – dib jalynalar ide* [Там же, с. 6] ‘Куда пойдут несчастные бедные люди? Подумав о том, что дело будет еще хуже, если пойдут к старшинам с пустыми руками, умоляли, сказав: «Пожалуйста, Алтынбай агай, только внимли, хоть на что угодно, только возьми нашу землю, только возьми мою овцу, только не допусти, чтобы побили на сходе»’.

В рамках данного рода ситуаций раскрывается и такие качества зажиточных крестьян как корыстолюбие, жадность и их пренебрежительное отношение к своим бедным односельчанам. Средством вербализации жизненной установки

первых, основанной на желании обогащения за счет последних, в разбираемом случае выступает утверждение зажиточного крестьянства *Jarly jaman čir ul, tuğry kilgändä anyñ qanyn eç* ‘Бедный – это дурная болезнь, когда выпадает случай, пей его кровь’: *Altynbaj ağaj räxim, šäfqat, insanijät digän närsäne xäterenä dä kitermi: «Jarly jaman čir ul, tuğry kilgändä anyñ qanyn eç», – dip, <...>* [Бикколов, 1908, с. 6] ‘Алтынбай агай и не вспоминает о таких вещах как милосердие, сочувствие, человечность и, сказав: «Бедный – это дурная болезнь, когда выпадает случай, пей его кровь», – <...>’.

Традиционный уклад жизни, основанный на общинные порядки, подразумевал решение важных проблем всем миром на сходе селян. Соответственно еще одной немаловажной ситуацией, сопутствующей жизни крестьян в сфере хозяйственной деятельности, являлась «обсуждение общественно значимых вопросов на сходе». Одним из основных проблем, выносимых на всеобщее рассмотрение, была постройка новых мечетей. В данном случае перед выступающими стояли задачи завоевания благосклонности слушающих, привлечения к себе их внимания и удержания его в течение всего своего выступления. Для этого, как видно из приведенного ниже примера, выбирался высокопарный стиль, а речь насыщался такими элементами письменного литературного языка, как конструкция *hämmäñezgä mäğlüm* ‘всем вам известно’, именами с аффиксом принадлежности первого лица множественного числа *-(y)myz* (*kübemez* ‘многие из нас’, *mäscedemez* ‘наша мечеть’), глаголами в формах третьего лица единственного числа настоящего времени индикатива на *-adyr* (*kiläder* ‘приходят’) и второго лица множественного числа императива на *-(y)ñyz* (*kileñez* ‘давайте’), а также традиционными для старотатарского письменного литературного языка составными глаголами, основу которых составляют осложненные общественно и социально значимыми коннотациями лексемы арабского происхождения (*ittifaq itep* ‘объединившись’, *ictihad qylyjq* ‘поусердствуем’): <...>, *mäsced tyşynda qalğan Xalid isemle ber quştan imam aldyna kilüb: «Cämäğat, ber süzem bar, menä hämmäñezgä mäğlüm, bu*

comğada kübemez tyşda uqudyq, bezneñ awylda biş jözdän artyq can bar, älbättä, bolarnyñ ike jözdän artyğy comğağa kilüder, mäscedemez keçkenä, kileñez, ittifaq itüb mäscedemezne zurajtyjq, jaki jaña mäsced salyrğa ictihad qylyjq», – didektä, <...> [Бикколов, 1908, с. 9] ‘<...>, когда приказный по имени Халид, который остался снаружи мечети, подойдя к имаму, сказал: «Народ, у меня есть слово. Вот всем вам известно, в эту пятницу многие из нас читали на улице. В нашей деревне имеется более пятисот душ, конечно, из них более двухсот приходят к пятничному намазу. Мечеть наша маленькая, давайте, объединившись, расширим нашу мечеть, или поусердствуем, чтобы построить новую мечеть», – <...>’.

Сходы собирались и для решения дальнейшей судьбы пойманных воров, в частности конокрадов, которых в рассматриваемый период было немалое количество. В следующих примерах запечатлены образцы речи крестьянина пришедшего позвать мулл на собрание селян, созванного по случаю поимки очередного разбойника. Хотя они и насыщены характерными для разговорного идиома синтаксическими конструкциями, такой ситуативный фактор как обращение к образованным и тем самым занимающим более высокий социальный статус людям обусловил употребление им аффикса принадлежности второго лица множественного числа *-(y)ñyz* (*atyñyz* ‘ваша лошадь’), формы второго лица множественного числа императива на *-(y)ñyz* (*qarañyz* ‘посмотрите’) и осложненной аффиксом лица второго лица множественного числа *-ñyz*, вежливой формы звательного слова *äjdä* ‘айда, пойдём, идём’. В обоих случаях элементы письменного литературного языка в данном контексте выступают в качестве индикаторов почтительного стиля и придают словам крестьянина оттенок вежливости: *Ul arada ber keşe kilüb, äüwäl täräzäne, soñra išekne qağa başlady. «Kem bar?» – dijü Ğarifcan mulla išekdän çyğuyña, qulyña tajaq totqan ber keşe kilüb: «Xäzrät, atyñyz arandamy? Qarañyz äle, qaraq totdyq», – dide* [Бикколов, 1909, с. 7] ‘В это время пришел один человек и начал стучать сначала в окно, а потом в дверь. К выходу Гарифзяна муллы из дверей со словами «Кто там?» подошел один человек с палкой в руках и сказал: «Хазрат, ваша лошадь в стойле?»

Посмотрите-ка, вора поймали»'; *Älege keşe: «Äjdäñez, xäzrätlär, ysxud öjenä, anda qaraq totdyq, at qarağy. Bälki sezneñ at da şundadyr», – dib, ätilärne alyb kitde* [Бикколов, 1909, с. 7] 'Этот человек, сказав: «Пойдемте, хазраты, в сходный дом, мы там поймали вора, конокрада. Может и ваша лошадь там», – увел отцов'.

Элементы письменной разновидности литературного идиома татарского языка рассматриваемого периода, а именно аффиксы принадлежности первого лица множественного числа *-муз* и формы первого лица единственного числа настоящего времени индикатива *-атун*, сопровождают и речевые акты крестьян, реализуемые в рамках ситуации «передача сына в руки наставника». При их помощи подчеркивалось, что и им не чужды категории таких высших сфер как наука и образование, а также выражалось уважительно-почтительное отношение к противоположной стороне. А использование выражений *äüwäl Allahyğa, ikenče siña tapşyramyn* 'сначала Аллаху, после тебе поручаю' и *Allağa tapşyrdyq* 'поручили Аллаху' должно было указывать на то, что они также являются людьми набожными и благочестивыми: *Äti damella ilä dä küreşep qajtty. Soñra Zakir xälfägä sädaqa birep: «Zinhar, balamyzny qaryj kürsänä, sabaqny jaxşy uqyj torğan ide, tyryştyra kür, äüwäl Allahyğa, ikenče siña tapşyramyn, xäjerle säğatlär ulsyn inde, xuş, Allağa tapşyrdyq», – dip, äti atny cigep öjgä kitte* [Там же, с. 12] 'Отец и с дамеллой повидался. После, дав Закиру хальфе деньги и сказав: «Пожалуйста, присматривай за нашим ребенком, он хорошо учился, заставь его стараться, сначала Аллаху, после тебе поручаю, пусть будет в добрый час, прощай, поручили Аллаху», – запряг коня и уехал домой'.

В разговорах с учителями медресе уважительно-почтительное отношение со стороны крестьян выражалось также посредством таких конструкций как *röxsät birsäñez* 'если дадите разрешение', *Sez qajčan quşsañyz* 'Вы когда скажете', указывающих на то, что последующие действия последних полностью зависят от воли первых, и повторным употреблением лексемы *jaryj* 'ладно, хорошо', выражающего модальные значения смирения и согласия: *Ätise: – Bez änise belän*

kiñäš itešep, any alyrğa dip kilgän idek, östene-başyny da juarlar ide, munča da kerterlär ide, röxsät birsäñez, – dide.

Xälfä: – Jaryj, bik ozaq totmassyzmy soñ? Šärikläre uzyp kitep, sabaqqa qar basa bašlamasyn, – dide.

Ätise: – Sez qajčan qušsañyz, šunda kiterermez, – dide.

Xälfä: – Bazar kön irtä belän kiterep jitkereñez, – dide.

Ätise: – Jaryj, jaryj. Alaj bulsa min añar xäzerlänergä quşyjm äle. Bazarda beraz jomyšlar da bar, – dide dä, kesäsennän çyğaryp xälfägä törte [Исхакый, 2001, с. 247]
 ‘Отец сказал: – Мы, посоветовавшись с его матерью, пришли, чтобы забрать его, и одежду постирали бы, и в бане помыли бы, если дадите разрешение.

Хальфа сказал: – Ладно, а не очень долго задержете? Смотрите, чтобы одноклассники не обогнали и уроки не занесло снегом.

Отец сказал: – Вы когда скажете, тогда и приведем.

Хальфа сказал: – В базарный день утром приведите.

Отец сказал: – Ладно, ладно. В таком случае, я ему скажу-ка, чтобы подготовился. И на базаре были дела, – и, вынув из кармана, сунул хальфе’.

Уважительно-почтительного отношения, оказываемого муллам и учителям медресе, крестьяне придерживались и во время речевых актов с пишкадами – шакирдами-выпускниками, ожидающими вакантных мест, чтобы стать муллами или остающимися в медресе в качестве младших преподавателей, сопутствующих ситуации «поиски кандидатуры на пост главы сельского прихода». В следующем примере об этом свидетельствуют обращение мужиков к последним посредством лексической единицы *xäzrät*, которая обычно используется в беседах с муллами, а также употребление ими выражений *sezneñ kebek zur kešene qanäğatländerä alyrmyzmy* ‘сможем ли мы удовлетворить такого большого человека как вы’ и *bezne kečkenägä kürmässezme* ‘не сочтете ли нас ничтожными’ из следующего примера: *Buñarča jomyšlary haqynda ber süz äjtä almağan mužiklar, bersenä-berse qarašyp, iñ batory: – Menä inde, xäzrät, bezneñ jomyš šul ide, – dip, qysqa ğyna jomyšny äjtep: – Belmim, sezneñ kebek zur kešene qanäğatländerä alyrmyzmy, bezne*

keçkenägä kürmässezme? – dip beterde [Исхакый, 2001, с. 291] ‘Мужики, которые до этого времени, не смогли сказать ни слова о своем деле, оглянулись друг на друга и самый храбрый, сказав: – Вот, хазрат, наше дело заключается в следующем, – вкратце изложил дело и закончил словами: – Не знаю, сможем ли мы удовлетворить такого большого человека как вы, не сочтете ли нас ничтожными?’.

В уважительно-почтительные тона окрашиваются и разговоры крестьян с главами приходов, реализуемые в рамках ситуации «приглашение на званый обед» из сферы быта. В данном случае, как видно из приведенного ниже примера, в качестве индикаторов соответствующей тональности выступают обращения *mulla // mella* ‘мулла’, *mulla abzyj* ‘дядя мулла’ и такие вопросительные конструкции как *waqytyňyz ulyr mikän?* ‘будет ли у вас сейчас времени?’: *Irtägesen äti irtä namazdan soň atny jigärgä quştyqda, sary tun kigän ber mužik işekdän başyn tyğyb qyna: «Mulla öjdä mikän?» – dib qyçqyrdy. «Kem ul?» – dijä äti qarşy çyqdyqda: «Mulla abzyj, xäzer bezgä aşqa baryrğa waqytyňyz ulyr mikän?» – dide. Äti: «Juq, Xalid ağaj, xäzer şähärgä kitämez, mäxdümne uqyrğa iltäm», – disä dä, Xalid ağaj: «Äjdä mella, äjdä, minem aşym xäzerlägän, keşelärem däşkän, bala aty quşdyram», – digäç, <...>* [Бикколов, 1909, с. 3–4] ‘Утром, когда отец после утреннего намаза сказал запрячь лошадь, один мужик в желтой шубе, засунув голову через дверь, крикнул: «Мулла дома?». Когда отец вышел навстречу, сказал: «Кто это?», он сказал: «Дядя мулла, будет ли у вас сейчас времени, чтобы сходить к нам на званый обед?». Хотя отец и сказал: «Нет, дядя Халид, сейчас уезжаем в город, везу махдума на учебу», – после того как дядя Халид сказал: «Айда, мулла, айда, мой суп приготовлен, мои гости приглашены, даю ребенку имя», – <...>’.

Далее схожая ситуация наблюдается и в беседах, сопутствующих бытовой ситуации «сватовство». Как видно из приведенного ниже примера, крестьянин, пришедший вместе с молодым муллой к хазрату просить руки его дочери их младшему брату, для того, чтобы придать своей речи высокопарность и

почтительность, обращается к элементам письменной разновидности литературного идиома татарского языка, а именно к словам, осложненным аффиксом принадлежности первого лица множественного числа *-myz* (*enemez* ‘наш братишка’, *anamyz* ‘наша мать’) и к выражению *Ālhāmdelillah* ‘Слава Аллаху’: *Xäzrätneñ ber süz dä äjtmi torğanyny kürep, Rāxmätulla da, üzeneñ wazifasyny tutyryr öçen kebi: – Enemez, xäzrät, bik ğalim, üze jalğyz, anamyz wafat buldy. Ālhāmdelillah, naçar iseme çyqqany juq, – dide...* [Исхакый, 2001, с. 380] ‘Увидев, что хазрат сидит, не говоря ни слова, и Рахматулла, как будто выполняя свою обязанность, сказал: – Наш братишка, хазрат, очень ученый, сам одинок, наша мать померла. Слава Аллаху, не было того, чтобы о нем ходила дурная слава’.

Однако нельзя сказать, что в своих речевых актах с муллами крестьяне всегда придерживались норм и традиций письменного литературного языка. Так, например, в следующем примере процесс обсуждения нелицеприятных поступков сельского хальфы целиком сопровождается конструкциями разговорного идиома, наиболее яркими которых в плане передачи сопутствующей психологической атмосфере данного рода бесед эмоционально-экспрессивной напряженности являются выражения *toma suqyr keşe niçek sabaq uqytsyn soñ* ‘как же может проводить уроки совершенно слепой человек’, *šau qyjnab qyna tora* ‘все время только бьет’ и *qolaqlaryn suyryb çyğara jazğan ide* ‘чуть не вытянул уши’: *Ber kön mäsceddän çyğanda mulla babajğa Sabircan abzyj qarşy kileb: «Xäzrät! Byjyl bik naçar xälfä kiterdeñ, toma suqyr keşe niçek sabaq uqytsyn soñ, malajlar ber dä sabaq belmilär, xälfä šau qyjnab qyna tora dib zarlanalar. Kiçä bezneñ Sälimcannyñ da qolaqlaryn suyryb çyğara jazğan ide», – dide* [Бикколов, 1912, с. 16] ‘В один из дней, когда выходили из мечети, дядя Сабирзян, встретившись со стариком муллой, сказал: «Хазрат в этом году привез очень плохого хальфу, как же может проводить уроки совершенно слепой человек, мальчики совсем не знают уроки, жалуются на то, что хальфа все время только бьет. Вчера чуть не вытянул уши и нашему Салимзяну»’.

Полный переход на разговорную страту татарского языка у данных лиц наблюдается и в процессе внутригруппового общения. В данном случае в качестве индикаторов замены кода выступают такие образные выражения как *jöze qara* ‘бесстыжий’ и *usallar belän duslaşyb* ‘подружившись злодеями’, *ni qadär närsä urlab jatqan* ‘сколько вещей воровал’, *baryn da şular aşab jatqan ikän* ‘всех их оказывается съедали они’: *Min mäktäpdän çyğyb öjgä qajtqanda, julda dürt-biş keşe ber yirgä cyjlyyb: «Nindi jöze qara, jat awyldan kileb, monda usallar belän duslaşyb ni qadär närsä urlab jatqan, här kön ürdäk dä qaz juğala, baryn da şular aşab jatqan ikän»*, – *dib söjläşälär ide* [Бикколов, 1912, с. 14–15] ‘Когда я вышел из школы и возвращался домой, на дороге, собравшись в одном месте, разговаривали четыре-пять человек: «Какой бесстыжий, приехав из чужой деревни, здесь подружившись со злодеями, сколько вещей воровал, каждый день исчезала то утка, то гусь, всех их оказывается съедали они»’.

Разговорные формы, а также просторечные элементы сопровождают внутригрупповые коммуникации и простых горожан, основную массу которых в рассматриваемый период составляли те же крестьяне, сменившие свои традиционные места проживания на новые в поисках лучшей жизни. Характерные для указанных функциональных страт татарского языка речевые выражения и конструкции наиболее ярко проявляются в речевых актах данных лиц, реализуемых в рамках ситуации «проведение инструктажа по хозяйственным вопросам», сопутствующей взаимоотношениям между приближенными к хозяевам представителями прислуги и ее остальной части. В плане эмоционально-экспрессивной окрашенности данного рода речевые акты, как правило, сопровождаются авторитарным стилем, со всеми его сопутствующими интонационными оттенками. В приведенном ниже примере, в котором запечатлено как домашняя служанка дает указания кучеру, индикатором исходящего от нее высокомерия и надменности выступает повелительная конструкция *Tiz atqa utyr da, bazarğa, kibetkâ bar* ‘Быстро садись на коня и отправляйся на базар, в магазин’: <...> *başyna qyzyl jauluq, aldyna aq aljarquç*

bäjlägän, sary čäčle, zäñğar küzle, bitendä azraq šadrasy bar, undürt-unbiš jäšlärendä ber asrau qyz, paratnyj kryltso išegennän uq kebek atylyp čyğyp, čijä ašaučy kučerga qarap, nečkä genä ačy tawyš berlän: «Ğaliulla abyj! Ğaliulla abyj! Tiz atqa utyr da, bazarğa, kibetkü bar. Äxmätsafa abzyj kibettän Timerğali abyjny alyp qajtyrğa qušty», – dijü qyčqyrğaç, <...> [Мөхәммәдев, 1958, с. 70] ‘<...> когда одна девушка-служанка с желтыми волосами, с голубыми глазами, с мелкой рябью на лице, которая накинула на голову красный платок, на перед белый передник, выскочив из дверей парадного крыльца словно стрела, посмотрев на евшего вишню кучера, тонким голосом пронзительно крикнула: «Дядя Галиулла! Дядя Галиулла! Быстро садись на коня и отправляйся на базар, в магазин. Ахметсафа абзый велел привести дядю Тимергали», <...>’.

В отношении мальчика на побегушках указанные интонационные оттенки, средствами репрезентации которых являются такие конструкции как *tiz ker* ‘быстро зайди’, *tazartasy bar* ‘нужно почистить’, *alyp qajtasy bar* ‘нужно принести’, посредством просторечного выражения *jözeñ qara bulğyry* ‘будь ты проклят’ усиливаются еще больше, а речевой оборот *Sin monda et balasy ilä ujnyjsyñ* ‘А ты тут со щенком играешь’ как бы подчеркивает ничтожность противоположной стороны: <...> *et balasy belän ujnaučy samovarščik malajğa küze töšep: «Ğyjlaci, jözeñ qara bulğyry, tiz ker! Abystaj birer ni kirägeñne. Sine ber säğattän birle ezlider. Samovarğa čyra salğansyñ da, kümer salmyj čyğyp kitkäñseñ, samovaryñ bötenläj sünep betkän. Äxmätsafa abzyj čäj xäzerlärgä qušadyr. Lampalaryny da tazartasy bar. Abystajğa aptektan daru da alyp qajtasy bar. Sin monda et balasy ilä ujnyjsyñ», – dijep, aču berlän, koridor išegen bik qaty «šalt!» itterep jabyp, kerep kitte [Там же] ‘<...> увидев играющего со щенком мальчика-самоварщика, сказала: «Гилязи, будь ты проклят, быстро зайди! Хозяйка тебе задаст. Она тебя вот уже час ищет. На самовар лучину положил и ушел, не положив уголь, твой самовар вообще погас. Ахметсафа абзый велит приготовить чай. И лампы нужно почистить. И хозяйке из аптеки лекарство нужно принести. А ты тут со щенком*

играешь», – и, от возмущения очень сильно хлопнув дверью коридора, ушла внутрь’.

Авторитарный стиль общения, сопровождаемый речевые акты между представителями прислуги, не исключает и тот факт, что в качестве инструктируемого выступает пожилой человек. В следующем примере, в котором запечатлен разговор кучера со стариком-дворником, об этом свидетельствует насыщенность речи первого такими выражениями, как *Bötenläj dönjañny onytqansyñ* ‘Ты вообще забыл обо всем’, *Joqlap utyrasyñ!* ‘Сидишь и спишь’, *bik räxmät äjtmäslär* ‘спасибо не скажут’, *tel belän baryn da ešlämäkče bulasyz* ‘языком обещаете все делать’, *Ajğa un tänkä žalonjäne siña joqlar öčen birmilär bit!* ‘Жалованье в десять рублей тебе платят не за то, чтобы спал’, семантика которых осложнена отрицательными коннотациями, а также использование им конструкции повелительного характера *Äjdä, tiz-tiz sebep beter dä suğa bar* ‘Давай, быстренько подмети и сходи за водой’: *Kučer qartqa açulanyp: – Bötenläj dönjañny onytqansyñ. Joqlap utyrasyñ! Bolaj joqlap utyrğanyñny bajlar kürsä, bik räxmät äjtmäslär. <...> Bajğa jallanğan waqytta tel belän baryn da ešlämäkče bulasyz. Utynyn da kisäsez, suğa da barasyz, atlarny da qaryjsyz. Ämma eškä totynğaç qapqa töbe seberü ilä könne uzdyrasyz. Ajğa, un tänkä žalonjäne siña joqlar öčen birmilär bit! Äjdä tiz-tiz sebep beter dä suğa bar, su betkän* [Мөхәммәдев, 1958, с. 96] ‘Кучер, ругая старика: – Ты вообще забыл обо всем. Сидишь и спишь. Если хозяева увидят, что ты сидишь и спишь, спасибо не скажут. <...> Когда нанимаетесь к баю, языком обещаете все делать. И дрова пилите, и идете за водой, и за лошадьми присматриваете. Но, когда приступаете к работе, проводите день подметанием подъездов к воротам. Жалованье в десять рублей тебе платят не за то, чтобы спал. Давай, быстренько подмети и сходи за водой, вода закончилась’.

Что касается представителей нищенствующих слоев городского населения, их коммуникативные предпочтения менялись в зависимости от психологического состояния. В порыве отчаяния, вне зависимости от социального статуса

противоположной стороны, речь данных лиц окрашивалась в просторечные тона, чему в большей степени способствовали такие проклятия как *Allanyň läğnäte tössen!* ‘Пусть на тебя упадет проклятие Аллаха!’, *Jortyňny ut alsyn!!* ‘Пусть твой дом охватит огонь!!’, *Ilahem, ja Rabbem, balalaryň minem könemne kürsen* ‘Мой Аллах, о мой Раббе, пусть твои дети увидят мои дни’. При этом, как видно из примеров, в качестве их компонентов используются и имена Всевышнего, что, по мнению обездоленных лиц, должно было усилить экспрессивность и силу воздействия бранных выражений: *Menä annan da, monnan da häjerçelär cyjyldylar. Qapqany döberdätergä tityndylar: – Ač! Ač, dim. Abzyqajym, ač! Allanyň läğnäte tössen! Jortyňny ut alsyn!! Ilahem, ja Rabbem, balalaryň minem könemne kürsen* [Исхакый, 2001, с. 64] ‘Вот с разных сторон собрались нищие. Начали дубасить в ворота: – Открывай! Открывай, говорю. Дяденька, открывай! Пусть на тебя упадет проклятие Аллаха! Пусть твой дом охватит огонь!! Мой Аллах, о мой Раббе, пусть твои дети увидят мои дни’.

В более спокойной атмосфере предпочтение все же отдавалось лишенным какой-либо эмоционально-экспрессивной окрашенности разговорным выражениям, таким как *Ni jomyş ide?* ‘Что за дело?’, *andyj ešlär berlä mataşmyjm* ‘я такими делами не занимаюсь’, *ul eškä totynmyjm inde* ‘я уже не возьмусь за такое дело’: *Qart bolarğa: – Ni jomyş ide? – dide. <...> Mansur ap-açyq itterep, üzläreneň maqsatlaryn söjläp birde. Qart tağy bolarny aňlamady. Ul <...>: – Juq, bäbkäm, juq, min andyj ešlär berlä mataşmyjm, jäšem altmyş sigezgä citkäč, ul eškä totynmyjm inde, – dip, süzne qyrt kiste* [Там же, с. 98] ‘Старик у них спросил: – Что за дело? <...> Мансур совершенно ясно рассказал о своей цели. Старик снова их не понял. Он <...> и сказав: – Нет, дитя мое, нет, я такими делами не занимаюсь, когда мне исполнилось шестьдесят восемь лет, я уже не возьмусь за такое дело, – резко и внезапно оборвал разговор’.

Как уже было сказано, наряду с экономическими повинностями крестьяне были обязаны нести и воинскую. Речевые акты, реализуемые в рамках ситуации «проводы в армию», раскрывают их как любящих отцов. В рассмотренных нами

примерах в качестве средств вербализации отцовской любви выступают обращение *uğylym* ‘сын’ок’, конструкции *berär cireňä jarar* ‘сгодится куда-нибудь’, *tağy aqça kiräk bulsa, xat jaz* ‘если еще будут нужны деньги, напиши письмо’, *Anda bolnitsağa-fälängä kerä almamsyň* ‘Там, наверно, не сможешь устроиться в больницу или куда-нибудь еще’, *majlarlyq jul bulmasmy* ‘может как-нибудь получится подмазать’ и пожелание *täüfyjq, bäheteň berlä qajt* ‘возвращайся со своим благонаравием, счастьем’: *Ätise tağy beraz jylağannan soň, kesäsennän ozyn bauly jançyğyn çyğardy da, baqyr aqçalar arasynnan aqtaryp-aqtaryp ber öçlek käğaz çyğaryp: «Mä, uğylym, berär cireňä jarar, tağy aqça kiräk bulsa, xat jaz. Anda bolnitsağa-fälängä kerä almamsyň, majlarlyq jul bulmasmy»*, – *dide dä qyzu-qyzu aqçasyn kesäsenä tyğyp qyjdy* [Исхакый, 1998, с. 340] ‘Отец, после того как немного поплакал, вынув из кармана свою кошну с длинной веревочкой, сказал: «На, сынок, сгодится куда-нибудь, если еще будут нужны деньги, напиши письмо. Там, наверно, не сможешь устроиться в больницу или куда-нибудь еще, может как-нибудь получится подмазать», – и быстренько сунул деньги в карман’; *Jyğlap-jyğlap oçyna çyğa almağannyň soňynda Sadyjnyň atasy atny boryp: «Uğylym, xuş, täüfyjq, bäheteň berlä qajt»*, – *dip, Sadyjqqa qaramajynça ğyna qulyn suzdy* [Там же] ‘После того как не смогли утешиться долгими слезами, отец Садыка, повернув лошадь, сказал: «Сынок, прощай, возвращайся со своим благонаравием, счастьем», – и, не смотря на Садыка, протянул руку’.

В процессе сопутствующих данной ситуации речевых актов самих молодых крестьян – будущих рекрутов, раскрываются такие черты их характера как боязнь перед будущим и беспечность. В приведенном ниже примере первая репрезентируется посредством выражений *Malaj, kitäbez bit!* ‘Парень, уезжаем, ведь!’, *sineň Zöhrän qala! Minem...* ‘у тебя остается твоя Зухра! У меня...’, а вторая – посредством конструкций *Sin tileme, tügelme?* ‘Ты глупый, или нет?’, *Bügen any ujlyjlarmy?* ‘Разве сегодня об этом думают?’, *Qaja barsañ da ber qojaš!* ‘Куда не едь, везде одно солнце!’, *Bez genä kitmägän, ata-babadan qalğan jola* ‘Не мы одни уезжаем, обычай, оставшийся от предков’, *qunaq qyzy kilgän* ‘приехала

девушка-гостья’, *Ällä Zöhrä urynyna Zöhrä betkänderme!* ‘Разве вместо Зухры не будет другой Зухры!’: *Sadyjq Safany kürüe ilä, <...>: «Malaj, kitübez bit!»* – *dide. Safa ni äjtergä belmäjenčä, açulanğan tawyš berlä: «Sin tileme, tügelme? Bügen any ujlyjlarmy? Qaja barsañ da ber qojaş! Bez genü kitmägän, ata-babadan qalğan jola»,* – *dip, süzne boryr öčen: «Äxmätcannarğa qunaq qyzy kilgän, änä, išetämseñ, beznekelär, niček cyrlyjlar»,* – *dide. Sadyjq Safanyñ axyrğy süzlärene išetmägän kebek: «Ata-babadan qalğan da, sineñ Zöhrän qala! Minem...»* – *dide. Safa açulanyp: «Sin bügen tires torğan axyrusy! Ällä Zöhrä urynyna Zöhrä betkänderme!»* – *dide* [Исхакый, 1998, с. 335–336] ‘Садык, увидев Сафу, <...> сказал: «Парень, уезжаем, ведь!» Сафа, не зная, что и ответить, сказав сердитым голосом: «Ты глупый, или нет? Разве сегодня об этом думают? Куда не едь, везде одно солнце! Не мы одни уезжаем, обычай, оставшийся от предков»», – и, чтобы повернуть разговор, продолжил: «К Ахметзянам приехала девушка-гостья, вот, слышишь, как поют наши». Садык, как будто не слышал последние слова Сафы, сказал: «От предков то осталось, у тебя остается твоя Зухра! У меня...». Сафа, разозлившись, сказал: «Ты сегодня, наверное, не с той ноги стал! Разве вместо Зухры не будет другой Зухры!»’.

Таким образом, на основе проведенного анализа можно выделить следующие черты социально-речевого портрета татарских крестьян и простых горожан второй половины XIX – начала XX вв.:

1. В процессе своей хозяйственной деятельности крестьяне и простые горожане в основном руководствовались установкой «Во всем полагайся на Аллаха, но и сам не оплашай».

2. Тон разговорам задавался уважительно-почтительным (в рамках речевых актов, сопутствующих ситуации «общение с сильными мира сего») и авторитарным (в рамках речевых актов, сопутствующих ситуации «общение с бедными соплеменниками») стилями.

3. Коммуникативная практика указанных лиц характеризовалась набором следующих особенностей: фонетической трансформацией европейских и русских

заимствований на разговорный лад; выстраиванием речевых актов в подавляющем большинстве случаев на основе грамматических форм и конструкций из общенародно-разговорного кода; доминированием речевых выражений и оборотов из общенародно-разговорного кода, а в отдельных случаях и просторечных; употреблением прецедентных текстов из религиозного дискурса.

В целом, татарские крестьяне и простые горожане второй половины XIX – начала XX вв. в плане соотношения их социально-речевого портрета с языковыми стратами и социальными ситуациями представляли собой однотипный языковой коллектив. В своей коммуникативной деятельности они ориентировались на разговорные формы татарского языка, что в целом было обусловлено сопутствовавшими их жизнедеятельности социальными и психологическими факторами.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II

Соотношение стратификационной и ситуативной разновидностей языковой вариативности, которые определяли характер социальной дифференциации татарского языка во второй половине XIX – начале XX вв. в структуре социально-речевых портретов основных корпоративных групп татарского общества за исключением отдельных участков отличалось своей однотипностью. В определенной степени она была обусловлена устоявшимся в течение многих веков традиционным жизненным укладом татар, которые в рассматриваемый период только начинали вступать в эпоху перемен.

Данная однотипность проявляется прежде всего в доминировании в речевой деятельности представителей почти всех социальных слоев, групп и сообществ татарского общества, за исключением его отдельных участков разговорных форм татарского языка. Так, например, в своей речевой деятельности в рамках сопутствующих их хозяйственной деятельности ситуаций в силу утилитарно-прагматических установок татарские коммерсанты в основном придерживались общенародно-разговорного кода, чему способствовали переменные переключения

на сформировавшийся в их среде социолект. Данная тенденция имела место и в коммуникативной практике простых горожан, а также вынужденных мигрировать в крупные промышленные, экономические и торговые центры крестьян. При этом в сфере быта речь указанных лиц, особенно в деревенской местности, строилась на основе регионально ограниченных разновидностей (диалектов) татарского языка, а на литературный код они переключались лишь изредка в рамках ситуаций из сферы организованного обучения. В зависимости от ситуативных факторов их коммуникативной деятельности могла сопутствовать и просторечная форма. В целом татарские купцы, торговцы и приказчики, а также крестьяне и простые горожане второй половины XIX – начала XX вв. в основной своей массе представляли собой монолингвальное, но при этом полигlossное языковое сообщество.

Корпоративная группа татарских мулл, хальф и шакирдов рассматриваемого периода в плане корреляции их социально-речевого портрета с основными формами существования татарского языка также представляет собой полигlossный языковой коллектив. Но в отличие от остальных представителей татарского общества, в их речевой практике наряду с общенародно-разговорным идиомом одну из ведущих позиций занимает и литературный идиом, в частности его письменная разновидность, которая использовалась ими в проповедях и образовательном процессе. Кроме этого указанные лица в силу специфики своей профессиональной деятельности в совершенстве владели арабским и персидским, которые в духовно-культурном пространстве татар в течение многих веков наряду со старотатарским письменным литературным языком функционировали в качестве языков религии, науки и поэзии. Другими словами, они были полилингвальными личностями. В рамках социальных ситуаций из сферы быта муллы, хальфы и шакирды также, как и остальная часть татарского общества, придерживались разговорного кода, а в определенных случаях и просторечного.

Таким образом, социально-речевой портрет татарского общества второй половины XIX – начала XX вв. в плане стратификационно-ситуативных

параметров характеризовалась доминированием в его структуре общенародно-разговорного идиома татарского языка, которому сопутствовали переменные переключения на другие коды.

ГЛАВА III. СОЦИАЛЬНО МАРКИРОВАННЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

3.1. Научно-теоретические аспекты изучения вопроса и степень разработанности проблемы в татарском языкознании

В современной лингвистической науке в качестве социально маркированных языковых единиц выделяются те, которые «приобретают функции социальных символов – маркеров принадлежности говорящего к той или иной социальной среде» [Крысин, 2000, с. 26]. Некоторые данного рода элементы, характерные для речи татарских купцов, торговцев, приказчиков, мулл, мугаллимов и шакирдов второй половины XIX – начала XX вв., нами были рассмотрены в предыдущей главе. Кроме этого в рамках нашего диссертационного исследования неоспоримую актуальность приобретает исследование в указанном аспекте и текстов сочинений писателей-просветителей – представителей так называемых прогрессивных кругов татарского социума рассматриваемого периода, деятельность которых оставила свой след и на общезыковом уровне. Тот факт, что их произведения были адресованы на широкий круг читателей, на первый взгляд, как бы не позволяет рассматривать структурные элементы этих письменных источников в качестве социально маркированных единиц. Однако здесь не следует забывать о том, что определенная часть общеупотребительных на сегодняшний день слов, грамматических форм и конструкций нашли свое первичное применение и активизировались, а также наполнились новыми смыслами именно в литературных сочинениях писателей-просветителей, т.е. их социальная маркированность проявляется во взаимосвязи с рассматриваемым историческим периодом и деятельностью указанной прослойки татарского общества второй половины XIX – начала XX вв.

Говоря о детерминированном социальными факторами использовании средств языка, ученые прежде всего обращают внимание на факт его неоднородного проявления на всех участках языка. Другими словами оно выявляется лишь на отдельных сегментах языковой системы. По мнению авторов коллективной монографии «Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация», «это утверждение можно рассматривать как перифразу известного положения о том, что не все уровни языковой структуры в равной степени проницаемы для социального воздействия: наиболее проницаема лексика и фразеология, в наименьшей степени – морфология, фонемный состав языка [Современный русский язык..., 2003, с. 79]. В соответствии с этим положением в рамках настоящего диссертационного исследования нами были рассмотрены только социально маркированные лексические единицы.

На сегодняшний день в распоряжении лингвистов, занимающихся вопросами изучения старотатарских письменных источников, в частности их лексики, имеется обширный фактический материал и научно-теоретическая литература. Как показывает анализ предыдущих работ, в преобладающем большинстве случаев их авторами ставится цель определения степени соотнесенности зарегистрированных в текстах лексических единиц с нормами и традициями письменных литературных языков древнетюркского и среднетюркского эпох, а также современного татарского языка. Кроме этого имеются исследования, направленные на установление взаимосвязей между употребленными в тех или иных источниках слов с диалектами последнего. При этом изучению степени реализации семантического потенциала и специфики функционирования лексем в тех или иных контекстуальных рамках предшествует их тематическая классификация. Так, например, Я.С. Ахметгалева в своей монографии «Исследование тюркоязычного памятника “Кисекбаш китабы”» относящиеся к именной части речи слова рассматривает, предварительно разделив их на такие группы как «Неживая природа», «Живая природа», «Человеческое общество», «Отвлеченные понятия» и «Обозначение

пространства» [Ахметгалева, 1979, с. 104–107]. Схожее разделение лексических единиц на тематические группы имеет место и в диссертации З.А. Хисамиевой «Язык дастанов Кадыр Гали бека» [Хисамиева, 1980, с. 62–69].

Лексику составленных на старотатарском письменном литературном языке официальных документов XVI – начала XIX вв. Ф.М. Хисамова в своих работах анализирует в рамках таких групп как военная лексика, торговая лексика, общественно-политическая лексика, лексика, относящаяся к сфере финансов, этикетные слова, юридическая терминология и т.д. [Хисамова, 1981, с. 209–210, 221, 226, 269, 285; Хисамова, 1999, с. 54–56, 58–59, 70–74, 87–90, 101–106, 115–117, 125–130, 138–140, 145–148].

В исследовании А.Х. Маннаповой «Язык татарской деловой письменности XVII в.» лексика официальных бумаг указанного периода подразделяется на имена собственные, термины родства, термины, относящиеся к верховной власти и международным отношениям, географические наименования и т.д. [Маннапова, 1982].

В статье, посвященной изучению лексики эпитафий XVII – XVIII вв., зарегистрированные в текстах каменных надгробий слова М.И. Ахметзянов рассматривает, сгруппировав их на термины мусульманской календарной системы, числа, гидронимы, топонимы, термины, относящиеся к административно-региональному делению, социальные и родственные наименования, антропонимы [Ахметзянов, 1983, с. 75–83].

В диссертации «Язык поэтических произведений Утыз-Имени (к истории татарского литературного языка конца XVIII – нач. XIX вв.)» Р.З. Мухаметрахимова анализ лексики художественных сочинений указанного автора проводится на основе таких тематических групп как «Неживая природа», «Живая природа», «Человеческое общество», внутри которых выделяются еще различные подгруппы [Мухаметрахимова, 1990].

В работе А.Х. Алеевой «Путешествие Исмагил ага в Индию (Исследование языка татарских путевых записок XVIII в. «Исмагил ага сяхетнамэсе»)»

тематическая классификация лексики строится на основе таких категорий как пространство, количество, качество, после которых в отдельный разряд предметов, понятий и явлений объединяются общественно-политические, военные, религиозные, родственные термины, этнонимы, топонимы (названия стран, городов, гор), наименования объектов неживой (названия элементов ландшафта, металлов, драгоценных камней) и живой природы (названия растений, животных, человеческих органов), обозначающие абстрактные понятия слова, а также выражающие различные состояния и движения глаголы [Алеева, 1993, с. 79–102].

В диссертации Ф.Ф. Гилемшина «Особенности перевода «Тысяча и одной ночи» (языковые и стилистические особенности)» лексические особенности указанного произведения рассматривается в рамках тематических разрядов «Человеческое общество», «Природа», «Слова, обозначающие абстрактные понятия», «Слова, обозначающие движение лиц и предметов» и «Слова, обозначающие качества предмета» [Гилемшин, 1998, с. 10–13].

В своей монографии «Исследование языка памятника XIV века “Нахдж ал-Фарадис”» Ф.Ш. Нуриева отмечает, что в основу изучения нашедшей отражение в тексте письменного источника лексики была взята предложенная А.Г. Шайхулловым схема, на основе которой слова делятся на такие тематические группы как «Природа», «Человек», «Общество» и «Познание», каждый из которых внутри себя делятся на различные подгруппы [Шайхуллов, 1988, с. 112–121]. Далее, как видно из содержания работы, зарегистрированные в тексте памятника лексические единицы ученый распределяет по категориям «Общество» и «Природа». При этом в рамках первой она выделяет термины родства, имена собственные, лексические единицы, указывающие на его социальный статус, обозначения профессий, лексику, относящуюся к духовно-религиозной сфере, повседневной жизни и наименования элементов одежды. В составе второй категории выделяются две подкатегории: лексика живой природы (зоонимы, орнитонимы, относящиеся к человеческой анатомии и растительному миру слова)

и лексика неживой природы (наименования небесных тел и объектов земной поверхности, обозначающие количественные, временные и пространственные отношения лексические единицы) [Нуриева, 1999, с. 106–143]. Данного порядка ученый придерживается и в своих работах, посвященных изучению языка письменных памятников эпохи Золотой Орды [Нуриева, 2003, с. 82–86, 190–193, 227–228, 254–257, 281–283; Нуриева, 2015б, с. 143–146; Нуриева, 2016а, с. 131–134; Нуриева, 2016б, с. 165–169].

Кроме этого изучение лексических особенностей тюрко-татарских письменных текстов указанного периода в данном направлении находит свое отражение и в диссертационных исследованиях А.Р. Халиуллиной [Халиуллина, 2002], Г.К. Закировой [Закирова, 2007].

Далее слова различных тематических групп, нашедших отражение в поэмах поэта эпохи Казанского ханства Мухаммадьяр (1496 / 1497 – 1549 гг.) «Төхфәи мәрдан» («Дар мужей») и «Нуры содур» («Светоч души»), с точки зрения их использования или неиспользования в современном татарском языке и его диалектах рассматриваются в монографии Э.Х. Кадировой [Кадирова, 2001].

Словарный состав поэмы Кул Гали «Кыйссаи Йосыф» («Сказание о Йусуфе», 1233 г.) Х.Х. Кузьминой исследуется в рамках категорий «Живая природа» и «Неживая природа», которые по ее мнению объединяют в себя отдельные лексико-семантические поля. Так, например, в рамках первой категории она выделяет антропологическое поле, куда относит термины родства, этнонимы, имена собственные, наименования ремесел, а также поле флоры и фауны, в которую объединяет фитонимы, зоонимы и орнитонимы. В рамках второй категории анализируются слова, обозначающие пространственные и временные отношения, наименования ландшафтных объектов, метеорологические термины [Кузьмина, 2001, с. 26–64].

Тематическую классификацию В.Х. Хаков применяет при изучении истории формирования и развития лексических норм татарского письменного литературного языка, а именно при рассмотрении арабских, персидских,

западноевропейских и русских заимствований, которые сыграли немаловажную роль в процессе становления и развития указанной страты татарского национального языка [Хаков, 1993, с. 163–171; Хаков, 2003, с. 116–123].

Исследование нашедших отражение на страницах татарской периодической печати начала XX в. лексических единиц на основе тематической классификации имеет место и в работах, посвященных изучению особенностей функционирования татарского языка в указанной сфере. Так, например, Ф.М. Мухаметшин в словарном составе статей газеты «Нур» выделяет такие группы как «собственные имена», «слова, обозначающие человека и общество», «слова, обозначающие науку и образование», слова, связанные с публицистикой, литературой и журналистской деятельностью», «слова, относящиеся к религиозной сфере», «общественно-политическая лексика» и «абстрактная лексика» [Мухаметшин, 2007, с. 10]. В этом отношении лексику, зарегистрированную на страницах газеты «Борхане таракки», Б.К. Миннуллин разделяет на общественно-политическую, религиозную, экономическую, на лексику, употребляемую в сферах науки, образования, литературы, печати, на названия географических объектов, на лексику, обозначающей единство «человек – общество», на повседневную лексику и лексику абстрактного характера [Миннуллин, 2012, с. 236–248].

В составленном группой ученых Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова третьем томе научно-исследовательского проекта «Татар эдэби теле тарихы» («История татарского литературного языка») (2019, 2020 гг.), основной целью которого явилось изучение лексико-семантических норм старотатарского письменного литературного языка в их историческом развитии, в качестве краеугольного камня исследования выступило лексическое значение – предметно-понятийное содержание слова, которое в обобщенном плане отражает знания о явлениях, объектах и предметах окружающего мира и т.д., что в свою очередь обусловило комплексное применение семиологического и функционально-семантического подходов. Согласно первому «именно слово и его

лексическое значение, в котором отражается и хранится веками социально-исторический опыт носителей данного языка, являются теми основными элементами системных средств, которые в качестве субстрата цементируют речевые образования» [Уфимцева, 1986, с. 3]. Второй же дает возможность раскрыть функциональный и семантический потенциал лексических единиц в рамках определенных контекстов. На основе сказанного выше словарный состав старотатарских письменных текстов был проанализирован в рамках семиологических классов имен собственных, абстрактных и конкретных имен нарицательных, внутри которых были выделены такие тематические группы как «Божественное лицо», «Человек», «Общество», «Человек и Вселенная» и «Природа». Далее в рамках указанных групп лексические единицы были разделены на различные подгруппы [Татар әдәби теле тарихы, 2019; 2020]. Указанные выше подходы и данная тематическая классификация были применены и в настоящей диссертационной работы.

Так как изменения социокультурного характера обуславливают активизацию употребления в различных коммуникативных средах выступавших ранее спорадически лексических единиц в новых для них значениях, в ходе исследования основное внимание уделялось семантической и функциональной сторонам бытования лексических единиц в рамках просветительского дискурса, который во второй половине XIX – начале XX вв. наряду с религиозным начал задавать тон развитию татарского общества и выступил в качестве своего рода платформы наиболее эффективного продвижения идей просвещения и прогресса в широкие слои населения. При этом, учитывая тот факт, что одной из разновидностей «социально маркированных лексических значений являются метафорические переосмысления общеупотребительных слов, происходящие в среде говорящих, ограниченной по профессиональному или социальному признаку [Современный русский язык..., 2003, с. 95], рассматривались также стилистические особенности функционирования слов в текстах. Кроме этого в

социолингвистическом аспекте были проанализированы и новые элементы, которые проникли в лексическую систему татарского языка в указанный период.

3.2. Социально маркированные абстрактные слова

Лексика тематической группы «Человек». Переход на новые парадигмы развития в общественной и культурной жизни прежде всего нашло свое отражение в расширении семантики абстрактных лексических единиц, посредством которых вербализуются понятия и категории духовной составляющей человеческого бытия. В историческом плане в лексической системе татарского языка эту нишу традиционно занимали слова, заимствованные из арабского и персидского языков, которые, будучи языками ислама, науки и поэзии, на протяжении многих веков играли важную роль в духовном и культурном развитии татар как одной из цивилизованных народов мира. Исследования в области истории татарского языка показывают, что арабские и персидские заимствования имели место во всех этапах его развития и в той или иной степени прослеживаются во всех его функциональных разновидностях. Именно данным фактом и обусловлено внимание, оказываемое им татарскими учеными в своих работах, посвященных изучению лингвостилистических особенностей старотатарских письменных источников различных эпох [Бәширова, 2012, б. 45–49; Григорьева, 1988, с. 52–56; Кадирова, 2001, с. 120–125; Мәхмутов, 1993, б. 793–853; Миннуллин, 2012, с. 99–101; Мөхәммәдиев, 1991, б. 35–39; Нуриева, 2004, с. 137–138, 171–173; Хаков, 2003, б. 116–118 и т.д.].

В изученных нами текстах первую группу социально маркированных абстрактных слов рассматриваемой тематической группы составляют лексемы, обозначающие такие две фундаментальные категории человеческого бытия как жизнь и смерть. В системе духовных ценностей ислама – религии, которую традиционно исповедует основная часть татарского народа, жизнь воспринимается как ценный и священный божественный дар: люди и другие живые существа приобретают его благодаря воле Всевышнего. При этом он

наделяет их двумя жизнями – мирской и вечной. Первая наступает после рождения и по сути своей является конечной. В рамках религиозных догм она трактуется как несовершенная, полная искушений, трудностей и испытаний объективная реальность. Истинную же субстанцию, по мнению мусульманских религиозных апологетов, представляет начинающаяся после смертного часа жизнь в ином мире, которая длится вечно и в которой каждый раб Всевышнего получает по своим заслугам исходя из совершенных им поступков в миру. Другими словами, земная жизнь также играет немаловажную роль в судьбе человека. В частности, она воспринимается как некое испытание, которую нужно пройти с достоинством. Интерпретация жизни в этом ключе, нашло свое отражение и в семантике выступающих в татарском языке в качестве средств его вербализации лексических единиц. Как показывают извлеченные из старотатарских письменных источников более ранних периодов данные, для них было характерно употребление слов, репрезентирующих мирскую и вечную жизни по отдельности, а содержание других характеризовались доминированием религиозных смыслов [Мирхаев, Гумеров, 2017, с. 82–83]. В источниках рассматриваемого периода в семантике этих лексических единиц на первый план начинают выходить коннотации светского характера, отражающие практические стороны человеческого бытия, что можно наблюдать на примере лексем *mäğyjšät* ‘жизнь, быт, повседневное существование’ (а) и *ğomer* ‘жизнь’ (б):

а) *Ähaliseneñ mäğyjšät ičün başlyca xezmäte igencelekder* [Акъегет, 1886, с. 2] ‘Основное занятие его населения для жизни – хлебопашество’; «К» *qarjäse ähaliseneñ mäğyjšät ičün xezmäte igencelek ulsa da, <...>* [Бигиев, 1890, с. 2] ‘Хотя занятием для жизни населения деревни «К» и было хлебопашество, <...>’;

б) *Känden belersen ki, ğomerdän ber daqıqa juqqa ütkärsän, ul ber daqıqany da kire qajtarmaq möxal* [Акъегет, 1886, с. 64] ‘Сам знаешь, если из жизни проведешь зря одну минуту, и эту минуту невозможно вернуть’; *Xatyn isä jäş ğomereñe buşqa kiçermäjä estämämeş, ber cegetlä mäxäbbät qylmyş da, axyrda cegetneñ başyna da jidmeş* [Бигиев, 1890, с. 37] ‘Женщина же не захотела проводить молодую жизнь

напрасно, вступила в любовную связь с одним молодым человеком, после загубила молодого человека’.

При этом социально маркированным является также и использование данных слов в качестве средств достижения сопутствующей просветительскому дискурсу публицистической экспрессивности: *Insan mäğyjšätendä ber bähale wä jaxşu şäj xörrijätder* [Акъегет, 1886, с. 40] ‘В жизни человека самая дорогая и хорошая вещь – это свобода’; *U qadär millionlar, u qadär şägerdläreñ ğaziz ğomerläre bihudä şäjlärä saryf ulynur, xarab ulyr!* [Бигиев, 1908, с. 108] ‘Столько миллионов, бесценные жизни стольких шакирдов тратятся на бесполезные вещи, погибают!’.

В отличие от данных лексем, их антонимы *ülem* ‘смерть, кончина’ и *äcäl* ‘смертный час, смерть, кончина’ в составе таких словосочетаний как *ülem tüşäge* ‘смертное ложе’, *äcälneñ qulyna döşeb* ‘упав в руки смерти’ и *äcäl jasdyqyndadyr* ‘[находится] на смертном ложе’ выступают как средства создания художественной выразительности. Социально маркированным здесь является то, что указанные конструкции представляют собой кальки характерных для западной и русской литератур средств достижения образности и эмоциональности, которые были введены в область татарского художественного словотворчества писателями-просветителями: *Jä ülem tüşägendä jatan ber keşe kürsäk, küzemezä jäş, küñlemezä märxämät käler* [Акъегет, 1886, с. 5] ‘Или если увидим человека, лежащего на смертном ложе, наши глаза прослезятся, а наши души наполнятся состраданием’; <...>, *cebneñ ber tarafyny räşätkäjä bağlab, pitläle tarafyny mujynuna kijeb, ajağyjla östälne oryb ağdaryb, äcälneñ qulyna döşeb, ğajät ağyr mäşäqatlärlä can täslim qylmaja başlady* [Бигиев, 1890, с. 41] ‘<...>, связав один конец веревки к решетке, а конец с петлей надела на шею и, опрокинув ногами стол, тем самым упав в руки смерти, в сильных мучениях начала отходить в иной мир’; *Änkäñez ağyr marazdä ulyb, äcäl jasdyqyndadyr* [Там же, с. 62] ‘Ваша мать будучи сильно больна, [находится] на смертном ложе’.

Следующую группу социально маркированных абстрактных лексических единиц рассматриваемой тематической группы составляют слова, выражающие категории из сферы внутреннего мира человека, эмоциональной и интеллектуальной сторон его природы. Как показывают эмпирические данные, в рамках просветительского дискурса они начинают употребляться в новых контекстах и осложняться дополнительными коннотациями общественного и социального характера. Так, например, слово *märxämät* ‘милосердие, сострадание’, в частности его форма осложненная с аффиксом принадлежности первого лица множественного числа, в текстах было зафиксировано в качестве средства репрезентации чувства, соотносящегося с гражданской позицией целого человеческого сообщества, а не только отдельно взятого индивида: <...> *ber adämneñ xälenä märxämät idärez dä, ber miliun adämä, ber millätä märxämätemez juqdyr* <...> [Акъегет, 1886, с. 6] ‘<...> мы оказываем милосердие состоянию одного человека, но у нас нет сострадания миллиону человек, одной нации <...>’.

А лексема *xäsädlek* ‘зависть, ревность’ в текстах используется для раскрытия образа представителя патриархальной части татарского общества, выступающей против всех проявлений прогресса, то есть используется как средство достижения публицистической экспрессивности: *Xätta Bikbulat menla kändesene doşman kürsä dä, ul hiç doşman küze ilä aña baqmaz ide. Çünkä jaxşy beler ide ki, bu doşmanlyq xäsädlekdän kiler. Xäsädlek kebi bijük bälajä möbtälä ulan adäme Xisametdin menla дәгел doşman kürmäk, bilğakes ajar ide* [Там же, с. 5] ‘И даже, несмотря на то, что Бикбулат мулла считал его врагом, он ничуть не смотрел на него враждебными глазами. Потому что хорошо знал, эта вражда идет от зависти. Человека, подверженного к такой большой беде как вражда Хисаметдин мулла не то, чтобы считал врагом, а наоборот жалел’.

Влияние религиозного дискурса, в рамках которого старотатарский язык в основном развивался до второй половины XIX – начала XX вв., в этот период прослеживается и в семантике репрезентирующей любовные чувства лексемы *mäxäbbät* ‘любовь’: *Allahy Täbaräkä wä Täğälä ğomerläreñezne ozyn qylyb,*

mäxäbbätlär virsten [Бигиев, 1887, с. 23] ‘Пусть Аллах Хвалебный и Всевышний, сделав ваши жизни длинными, даст любовь’; *Allahy Täbaräkä wä Täğälä sezlärä wä bezlärä sälamätleklär vireb, kön bi kön mäxäbbätläremezne zijadä äjläsen, amin!* [Там же, с. 35] ‘Пусть Аллах Хвалебный и Всевышний, дав вам и нам здоровье, день за днем умножает вашу любовь, аминь!’.

Но при этом в семантике данного слова и его синонима *ğyjşyq* ‘любовь’ начинает проявляться и компонент, вербализующий человеческое начало, который на первый план выступает при их осложнении аффиксами принадлежности первого и второго лиц: *Ike qadyn asramağa säneñ milkeñ var mu? Qadynlar haqynda ğadäläteñ wä cömläsenä mösäwi mäxäbbäteñ bulyrmu?* [Акьегет, 1886, с. 11] ‘Есть ли у тебя собственность, чтобы содержать две жены? Будет ли у тебя справедливости в отношении жен и одинаковой любви всем им?’; *Ğyjşqyma qarşy mäxäbbäteñe virermesen?* [Там же, с. 24] ‘Дашь ли ты свою любовь в ответ на мою любовь’; *Bäne baxtijar idän şäj – sezneñ näcateñezlä bänä mäxäbbäteñezder* [Бигиев, 1887, с. 35] ‘Вещь, которая меня осчастливить – ваша любовь ко мне с вашим спасением’.

В рассмотренных нами текстах для лексемы *mäxäbbät* ‘любовь’ в составе таких аналитических глаголов как *mäxäbbät itü* ‘заниматься любовью’ и *mäxäbbät qyly* ‘вступить в любовную связь’ характерно также употребление в значении ‘блуд, прелюбодеяние; разврат’, которое до этого в основном выражалось словом *zina*: *Qazanda ber xatyn zäücene xatynla ölfät wä mäxäbbät itdege xatamda qatel idmeş* [Бигиев, 1890, с. 36] ‘В Казани одна женщина своего мужа убила в бане, где он общался и занимался любовью с женщиной’; *Xatyn isä jäs gomerene buşqa kiçermäjä estämämeş, ber cegetlä mäxäbbät qylmyş da, axyrda cegetneñ başyna da jidmeş* [Там же, с. 37] ‘Женщина же не захотела проводить молодую жизнь напрасно, вступила в любовную связь с одним молодым человеком, после загубила молодого человека’.

Далее, выступая в составе таких словосочетаний как *baj islamğa mäxäbbäte* ‘его любовь к богатому мусульманину’, *fäqyjr islamğa mäxäbbäte* ‘его любовь к

бедному мусульманину’, *däres mäxäbbäte* ‘любовь к уроку’ и *ğyjlem mäxäbbäte* ‘любовь к знанию’ лексема *mäxäbbät* ‘любовь’ осложняется коннотациями социального характера, которые репрезентируют чувства человека, связанные с его гражданской позицией или с общественно значимыми категориями. Другими словами в рамках просветительского дискурса она начинает выступать как средство достижения экспрессивности публицистического характера: <...> ***baj islamğa mäxäbbäte fäqyjr islamğa mäxäbbätendän artyq дәгел иде*** [Акъегет, 1886, с. 14] ‘<...> его любовь к богатому мусульманину не было больше его любви к бедному мусульманину’; *Balanyñ küñelenä däres mäxäbbäte salmaq*, <...> [Фәхретдинев, 1903, с. 13] ‘Вложить в душу ребенка любовь к уроку, <...>’; <...> *wä küñellärenä ğyjlem mäxäbbäte wä tözek äxlaq orlyqlary salmaq tijeş idegen*, <...> [Там же, с. 77] ‘<...> и то, что необходимо вложить в их души любовь к знанию и семена исправной морали, <...>’.

В составе таких конструкций публицистического характера как *ber milläteñ därde* ‘страдание одной нации’ и *böten millät içün oluğ ber qajğy* ‘большое горе для всей нации’ сопутствующие просветительскому дискурсу коннотации социального характера приобретают также лексемы *därd* ‘страдание, мучение, душевная боль; горе’ и *qajğy* ‘горе, печаль, скорбь’: *Ber milläteñ därde wä xäle ber adämeñ därde wä xälenä bänžär* [Акъегет, 1886, с. 6] ‘Страдание и состояние одной нации похоже страданию и состоянию одного человека’; *Waqyjğan, Ğabbas mellanyñ böjlä ber waqytda irtixal itmäse, дәгел qarjä ähelenä, bälki böten millät içün oluğ ber qajğy idege şöbhäsezder* [Фәхретдинев, 1903, с. 43] ‘Действительно, смерть Габбаса муллы в такое время, без сомнения было большим горем не только для жителей деревни, но и для всей нации’.

Функция средства достижения публицистической экспрессивности на слово *därd* ‘страдание, мучение, душевная боль; горе’ накладывается и при его употреблении в одном контексте с такой социально маркированной конструкцией *beñlär ilä din wä dil qardäşläremez* ‘наши братья по религии и языку тысячами’, а также с лексемами *nadanlyq* ‘неграмотность, невежество’ и *hönärsezlek*

‘отсутствие ремесел’, посредством которых, как уже было сказано, раскрываются имевшие место в татарском обществе второй половины XIX – начала XX вв. отрицательные явления: *Däxi dârdä möbtälä xajwan kürsäk, acuyyb ax-wax idämez dä, ber dägel, biş dägel, beñlär ilä din wä dil qardäşläremez beñ törle dârdä möbtälä ulyb, nädanlıq wä hönrsezlek kebi ike oluğ wä ğaddar doşmanlyq älenä töşeb, can talaşdyğyny kürmäjub, canymyz tojmajyb, küñlemez ağlamajyb, ğaqlymyz çaralar qydyrmajyb tordyğymyz çuq jazuyq wä täğacceb dägelmeder?* [Акъегет, 1886, с. 5] ‘Также, если увидим подверженное страданию животное, пожалев, ахаем и охаем, а то, что мы живем, не видя как наши братья по религии и языку, не один, не пять, а тысячами, подвергнувшись тысячам разным страданиям, упав в руки двух больших и жестоких врагов как невежество и отсутствие ремесел, грызутся яростно, то, что [это] не чувствуют наши души, [за это] не плачут наши сердца, а наш разум не предпринимает никаких мер, разве не грешно и странно?’.

Аналогичная ситуация наблюдается также в отношении слов *aqyl* // *ğaqyl* ‘ум, разум; интеллект’ и *zihen* ‘ум, разум; сознание’. Сопутствующими коннотациями их осложняет соотнесенность с этнонимом *tatar*, выступающего в качестве наименования целого народа. Вследствие этого связанное с отдельным индивидом проявление человеческой сущности переносится на общенациональный масштаб: *Çünkä tatar da jartyjan ğaqyl dägel, ğaqyly, zihene bik mökämälder. Zyjalanmağa istiğdadly ber qawemder* [Там же, с. 46] ‘Потому что у татара не половинчатый ум, его ум, разум – очень совершенный. Он – способный к просвещению народ’.

В этом ряду социально маркированным является и лексема *fiker* ‘мысль, мнение, суждение, идея’, в частности его дериват *fikerle* ‘мыслящий; имеющий собственное мнение, убеждение’ который в рассмотренных нами текстах выступает как средство раскрытия образов просвещенных представителей общества: *Şunyñ ičün mämläkätomezdä bezdän mäğlümatly wä ütken fikerle kemsünälär* (<...>) *xisab xarcynda küblärder* [Фәхретдинев, 1899, с. 2] ‘Поэтому в нашем государстве людей образованных и с острым умом (<...>) неисчислимо

много'; *Läkin insan uğly ägär dä israf idelmäz, başy da safsatalar ilä bozylmaz isä, <...> här närsäje añlab belmäjä istiğdad käseb idär wä ğali fikerle ber zat ulyr* [Фәхретдинев, 1903, с. 90] 'Если человеческий сын не будет истрачен, его голова не будет испорчена пустыми рассуждениями, <...> приобретет способность к осознанному познанию всех вещей и станет великим мыслящим человеком'; *Fikerle šäkerdlär, küzläre açyq bajlar küb waqytda bunyñ hozuryña kilerlär <...>* [Там же, с. 98] 'Мыслящие шакирды, бай с открытыми глазами в большинстве случаев приходили к нему <...>'.

Новое время наряду с такими качествами как разум, интеллект, образованность, предприимчивость на первый план выдвинула и нравственность. Хотя данная черта человеческой природы у татар ценилась издавна, во второй половине XIX – начале XX вв. она начинает соотноситься с целыми людскими сообществами, а не только с отдельными индивидами. Вследствие этого соответствующие смысловые оттенки приобретает и его основное репрезентационное средство – лексема *äxlaq* 'нравственность, этика, мораль': *Vi äxwäldän mädnijätemezeñ noqsany wä äxlaqymyzyñ alçaq däreädä uldyğy añlaşylur* [Акьегет, 1886, с. 6] 'Из этой ситуации становится понятным недостаток нашей культуры и нахождение нашей морали на низком уровне'; <...> *wä küñellärenä ğyjlem mäxäbbäte wä tözek äxlaq orlyqlary salmaq tiješ idegen, <...>* [Фәхретдинев, 1903, с. 77] '<...> и то, что необходимо вложить в их души любовь к знанию и семена исправной морали, <...>'.

Социальная маркированность слова *äxlaq* 'нравственность, этика, мораль', а также других лексем, обозначающих общественно значимые понятия и категории, накладывает свой отпечаток также на такие прилагательные как *kürkäm* 'красивый, прелестный; хороший' и *güzäl* 'красивый, прекрасный', которые соотносятся с ними в рамках просветительского дискурса: *Insan ulmaq içün ğyjlem ilä kürkäm xolyq kiräkdär* [Фәхретдинев, 1899, с. 5] 'Чтобы стать человеком нужно знание с красивым нравом'; *Güzäl xolyq ädäb, ğyjffät, sabyr, täxämmeldän ğyjbarätder* [Там же, с. 5] 'Красивый нрав состоит из вежливости, целомудрия,

сдержанности, терпения’; *Balalarymıznyñ ğomerlärene täläf ulmaqdan saqlamaq, anlarğa fajdaly ğyjlemlär ügrädeb, ğüzäl tärbijä äjlämäk, <...>* [Фәхрәтдинев, 1899, с. 47] ‘Защитить жизни наших детей от разрушения, дать красивое воспитание, научив их полезным знаниям, <...>’; <...> *küñelläre ğyjlem ilä zinnätlängän wä zahirlary fajdaly xezmät wä kürkäm ğamällär ilä bizängän kemsänälär <...>* [Там же, с. 68] ‘<...> люди, внутренний мир которых разукрашен знанием, а внешность наряжена полезным трудом и красивыми поступками <...>’.

Лексика тематической группы «Общество». Следующую группу социально маркированных абстрактных слов в рассмотренных нами текстах составляют лексические единицы, репрезентирующие общественные, социальные, экономические и культурные стороны человеческого бытия.

В татарском языке они также представлены арабскими и персидскими заимствованиями. И в этом ряду своей активностью выделяется лексема *mädänijät* ‘культура, цивилизация’ (См. приложение 2), в семантику которой сопутствующие смыслы закладываются изначально и в рассмотренных нами текстах в силу имевших место в татарском обществе во второй половине XIX – начале XX вв. общественных и культурных перемен они начинают проявляться все интенсивнее: *Wälxasyjl, islamijät sajäsendä ğaräblär istiqlal ber mädänijät täsis itdelär* [Акъегет, 1886, с. 23] ‘Одним словом, благодаря исламу арабы основали независимую цивилизацию’; <...> *Sämärqand u zamanda mädänijät märkäze ide* [Бигиев, 1908, с. 89] ‘<...> Самарканд в то время был центром цивилизации’; *Mädänijät alyrğa, bajlyq wä ğyjlem täxsil idärgä möstäğyjdlär isä dä, mäğlümatly wä äfkarly ğalimläre ulmadyğy säbäbendän, istiğdahlary eşsez tornaqdadyr* [Фәхрәтдинев, 1899, с. 56] ‘Хотя они и были способными принять цивилизацию, получать богатство и образование, по причине отсутствия сведущих и мыслящих ученых, их способности стояли без дела’.

Социальные и культурные коннотации, заложенные в семантику данного слова переходят и на его дериваты *mädänijätsez* ‘некультурный, необразованный, непросвещённый; нецивилизованный’ и *mädänijätle* ‘культурный, образованный,

просвещённый; цивилизованный’: *Xalyqlaryñ hönärlärene, milli äsärlärene qyjmmätsez qaldyrmaq müdänijätsez qawemlärdä ulsa da, müdänijätle, xäsijätle, jomšaq küñelle qawemlär böjlä dägelder* [Фәхрәтдинев, 1903, с. 26] ‘Хотя обесценивание ремесел народов, национальных произведений и имеется у нецивилизованных племен, цивилизованные, полезные, добродушные племена не такие’.

Начатые в эпоху просветительства дискуссии о будущем татарского общества, о дальнейших путях его развития активизировали в национальной коммуникативной среде лексему *cämğyjät* ‘общество’ (См. приложение 2), в частности тот ее семантический компонент, в рамках которого указанная категория раскрывается в качестве объединенных на основе конкретных условий духовно-культурного и материального характера исторической совокупности людей: *Cämğyjätomezneñ äksäre fänlärdän xäbärläre juqdyr* [Акъегет, 1886, с. 61] ‘Большая часть нашего общества не осведомлена о науках’; *Kötüçese ulğan xajwanlar sälamät uldyqlary kebi, atalary ulğan cämğyjätdä qarendäşlek, dustlyq ulyr* [Фәхрәтдинев, 1899, с. 10] ‘Подобно тому как животные, у которых есть пастух, бывают здоровыми, в обществе, где есть отцы, будет родство, дружба’; *Şul säbäbdän cämğyjät xälene qajğyrtmaq wä çaralaryny bulmaq atalarğa läzemder* [Там же, с. 10] ‘По этой причине заботиться о состоянии общества и находить средства должны отцы’; *Cämğyjäte bäsärijanyñ buña ulğan ixtijacy mäğlümder* [Там же, с. 26] ‘Известна потребность человеческого общества на это’.

В свете вышесказанного социальную окрашенность приобретает и слово *cämäğat* ‘общество, народ, община, прихожане’, обозначающее часть представителей общества, сблизившихся друг с другом на основе какого-либо признака (национального, религиозного и т.д.): *Başqa šähärlärdä rus cämäğateneñ tatarça söjläüläre nadir ulsa da, <...>* [Бигиев, 1887, с. 31] ‘Если в других городах было редким то, что русская община разговаривала по-татарски, <...>’; *Ğyzzätle uquçy, Qyrymnyñ islam cämäğate rus lisanyny az beldekläre Qyrymda ulan kemsänäjä mäxfi dägelder* [Там же, с. 66] ‘Дорогой читатель, то, что мусульманская община в

Крымю мало знала русский язык, не было тайной для пребывающего в Крымю человека’.

Охватившие татарское общество во второй половине XIX – начале XX вв. просветительские настроения наложили свой отпечаток и на религиозное мировосприятие его представителей, одним из столпов которого являлось восприятия себя как части мирового мусульманского сообщества. В силу определенных факторов исторического характера исповадавшие ислам татары России представляли собой закрытую общину, практикующую патриархальные ценности. Однако наступившая эра просвещения потребовала и от них открытости к достижениям мировой цивилизации и модернизации во всех сферах жизнедеятельности, что проявилось в семантике лексемы *ömmät* ‘община (религиозная)’: *Ägär dä ber ömmät balalaryny güzäl tärbijä idär ulsa*, <...> [Фәхретдинев, 1903, с. 94] ‘Если одна община намерена хорошо воспитать своих детей, <...>’; *Bunlar ömmät eçendä ber çeremeş äğza kebi ulyrlar*, <...> [Там же, с. 95] ‘Они внутри общины будут как сгнивший орган, <...>’; *Böjlä itmäneñ fajdası ğailä wä ömmät içün çiksezder* [Там же, с. 96] ‘Польза от такого действия для семьи и общины безгранична’; *Ömmät xälene islax itmäk ut salmyş dary kebi ber säğatdä kütäreb jibärmäkdän ğyjbarät däğelder* [Там же, с. 99] ‘Улучшение состояния общины не заключается в приподнятии за один час подобно подожженному пороху’.

В истории татарского народа рассматриваемый период характеризуется также как время становления единой нации, которая представляет собой консолидированное объединение людей, связанных друг с другом на основе исторически сложившейся языковой, территориальной, экономической и духовно-культурной общности. Все это привело к активизации в национальной коммуникативной среде слова *millät* ‘нация’ (См. приложение 2), выступившего в рамках просветительского дискурса в качестве основного репрезентационного средства указанной категории: *Oluğ Petro millätendän bähaly ber šäj belmäs ide* [Акьегет, 1886, с. 31] ‘Петр Великий не знал ничего ценнее кроме своей нации’;

<...> *läkin tatar milläte hönärkär bula almaz* [Акъегет, 1886, с. 45] ‘<...> но татарская нация не сможет стать искусной в ремеслах’; *Baqyñyz başğa millätlärü, estär fransyzlara, estär nimsälärü, <...>* [Там же, с. 46] ‘Посмотрите на другие нации, хоть на французов, хоть на немцев, <...>’; *Ber millät wä qawemneñ täräqqyjsy da uqymaq, hönär wä sanağat belmäkgä mäüqfdyr* [Фәхретдинев, 1899, с. 12] ‘Прогресс одной нации зависит от обучения, знания ремесла и промышленности’; *Zaman uqymaq zamanudyр, uqymaz isäñ, milläteñä nä kebi xezmät idä belersen?* [Фәхретдинев, 1903, с. 51] ‘Время – время обучения, если не будешь учиться, как ты сможешь служить своей нации?’.

Имевшие место в истории татар во второй половине XIX – начале XX вв. события нашли свое отражение также в употреблении лексемы *xalyq* ‘народ’, которая в составе таких словосочетаний как *härber mädäni xalyq* ‘каждый цивилизованный народ’ и *bezem qara xalyq* ‘наш черный народ’ начала использоваться для обозначения двух социально значимых противоположных понятий и тем самым выполнять функции средства достижения публицистической экспрессивности: <...> *härber mädäni xalyq xoquq ğyjlemenä toxtac ulyb täğlim wä täğalleme içün bijük ictihad saryf itmeşlärder* [Фәхретдинев, 1899, с. 26] ‘<...> каждый цивилизованный народ, нуждаясь в юриспруденции, истратили большое усердие на учение и обучение’; *Şunyñ içün bezem qara xalyq aña jinel uqu dib ad qujdylar* [Фәхретдинев, 1903, с. 81] ‘Поэтому наш черный народ дал ему название легкая учеба’.

В рассматриваемый период в смысловые тона социального характера окрашивается и слово *qawem* ‘племя’, что наиболее ярко прослеживается когда оно, употребляется в одном контексте вместе с лексемами *millät* ‘нация’ и *xalyq* ‘народ’, а также в составе таких конструкций как *hönärkär wä mäğlümatly qawem* ‘искусное в ремеслах и осведомленное племя’ и *eščän, säüdägär häm hönärçän ber qawemder* ‘трудолюбивое, торговое и искусное в ремеслах племя’: *Ber insana notyq wä del niqadär kiräk isä, çuq insanlara jäğni ber millätü, ber qawemü matbuğat ul dәрäcä kiräkder* [Акъегет, 1886, с. 6] ‘В какой степени нужна одному человек

речь и язык, в такой же степени нужна многим людям, то есть одной нации, одному племени пресса’; *Hönärkär wä mäğlümatly qawem ulmaq, älbättä, jaxşydyr, <...>* [Акьегет, 1886, с. 45] ‘Быть искусным в ремеслах и осведомленным племенем, конечно, хорошо, <...>’; *Üz xalqymyzğa, üz qawememezgü xezmät itmäk berençe maqsudym ide; <...>* [Фэхретдинев, 1899, с. 19] ‘Служение своему народу, своему племени было первой моей целью; <...>’; *Eşçän, säüdägär häm hönärçän ber qawemder* [Там же, с. 56] ‘Трудолюбивое, торговое и искусное в ремеслах племя’.

В свете сказанного выше в качестве социально маркированных лексических единиц выступают и этнонимы, в частности те из них, посредством которых обозначаются развитые в общественном, социальном, экономическом и духовно-культурном отношениях народы мира и тем самым представляющие собой в глазах передовых представителей татарского народа локомотивы прогресса: *Ingliz kebi käsebkär ulmadyğymyza säbäb käzalik üzemezmez; hiç şäriğatemez дәгел. Bilğaqes şäriğat july ilä barsaq, bezgä inglizdän mäharätleräk bulmaq läzem kälä* [Акьегет, 1886, с. 22] ‘Также, причиной того, что мы являемся не такими искусными в ремеслах как англичане, являемся мы сами, а никак не наш шариат. Наоборот, если мы пойдем по пути шариата, нам нужно будет стать искуснее англичан’; *Baqyñyz başqa millätlärä, estär fransyzlara, estär nimsälärä, bunlar дәгел suda kimä ilä balyq kebi jözmäge, hawada qoş kebi oçmaq maşinasyny düzä belälär* [Там же, с. 46] ‘Посмотрите на другие нации, хоть на французов, хоть на немцев, они могут не только плавать по воде на корабле как рыба, но и строить машину, которая летает по воздуху как птица’.

Далее в рассмотренных нами текстах при репрезентации определенных социальных слоев татарского общества (например, сельского, городского населения), или отдельных этнических групп, социальную окрашенность приобретает характерная для арабского языка форма множественного числа слова *ähel* ‘лицо, представитель’, которая в старотатарском языке закрепились в качестве самостоятельной лексемы *ähali* ‘население, жители’: *Qarjäneñ ähalise ike*

jöz äv qadär ulyb, <...> [Акъегет, 1886, с. 2] ‘Население деревни насчитывало около двухсот домов, <...>’; *Şähäremezeñ hämmä ähalise mäzkür mäüqifä tuplanmyşlar* [Там же, с. 41] ‘Все жители нашего города собрались в указанной станции’; *Musa äfändeneñ xäbesxanädän çyğuy Qazanda häb möselmanlara mäğlüm uldyğy kebi äksäre rus ähalisenä dä mäğlüm uldy* [Бигиев, 1887, с. 74] ‘Подобно тому как выход Мусы эфенди из тюрьмы в Казани стало известно всем мусульманам, он стал известен большинству русских жителей’; *Menä bezem awyldan ähalimez xezmät wä ticarät içün küb şähärlärä kidälär, <...>* [Бигиев, 1890, с. 4] ‘Вот жители нашей деревни для работы и торговли уезжают во многие города, <...>’; *<...> küb keşe wä Qazan ähalise bu xäldän xäbärdar ulmasyn wä mädräsäneñ bädname çyqtasyn dijü, <...>* [Там же, с. 50] ‘<...> чтобы много людей и жители Казани не были осведомлены об этой ситуации и не вышла дурная репутация медресе, <...>’.

Схожая ситуация наблюдается и в отношении формы множественного числа указанного слова, образованного посредством аффикса тюрко-татарского происхождения *-lar*: *<...> dus wä beleşläre, mäxällä ähelläre ilä widağ ideb, <...>* [Фәхретдинев, 1903, с. 40] ‘<...> попрощавшись с друзьями и знакомыми, с жителями прихода’; *Ğailä ähellärene tözek ber xäldä totmaq, <...>* [Там же, с. 108] ‘Содержание членов семьи в благополучии, <...>’.

Социально маркированными семантическими оттенками данная словоформа осложняется и в том случае, когда она используется в составе таких конструкций как *ähle ävläd tärbijä itmäk kebi oluğ säğadät ähelläre* ‘лица, [удостоившиеся] такого большого счастья как воспитание детей’ и *ğyjlem wä ädäb ähelläre* ‘представители знания и добрых нравов’: *Bu xatynlar millät analary jäki ähle ävläd tärbijä itmäk kebi oluğ säğadät ähelläre ulmaj, <...>* [Фәхретдинев, 1899, с. 15] ‘Эти женщины не став матерями нации или лицами, [удостоившимися] такого большого счастья как воспитание детей, <...>’; *Mäktüblärendän isä ğyjlem wä ädäb ähellärendän idege mäğlüm ide* [Там же, с. 30] ‘Из их писем было ясно, что он был из представителей знания и добрых нравов’.

Ориентированная на прогрессивные научные достижения и установившаяся в татарском обществе во второй половине XIX – начале XX вв. парадигма социальных, экономических и культурных отношений активизировало в национальной коммуникативной среде лексемы, посредством которых репрезентируются относящиеся к интеллектуальной сфере явления, понятия и категории, а именно слова *ğyjem* ‘наука, знание’, *fän* ‘наука, дисциплина, предмет’, *mäğarif* ‘просвещение, образование’ и *mäğrifät* ‘образование, просвещение; просветительство’ (См. приложение 2). Следует отметить, что в старотатарском языке данные лексические единицы присутствовали и до этого. Однако в силу доминирования в духовно-культурной жизни религиозных тенденций и мотивов в их семантике основное место занимали коннотации теологической направленности. В новых условиях они совмещаются уже с коннотациями светского характера. Так, например, вербализуемое лексемой *ğyjem* знание, которое раньше в национальной религиозно-языковой картине мира воспринималась как божественный дар, в рассматриваемый период начинает интерпретироваться и как одно из высших проявлений общественного сознания, как добродетель человека, обретаемая им в результате своей умственно-мыслительной деятельности: *Insan ulmaq içün ğyjem ilä kürkäm xolyq kiräkder* [Фэхретдинев, 1899, с. 5] ‘Чтобы стать человеком нужно знание с красивым нравом’; *Ğyjem märtäbäsene wä adäm märtäbäsene belän adäm bu tuğryda asla bähäs äjlämäz* [Фэхретдинев, 1903, с. 14] ‘Знающий цену знанию и человеку об этом никогда не будет спорить’; *Zira ğyjem täftiř sajäsendä artyr, <...>* [Там же, с. 93] ‘Так как знание увеличивается благодаря исследованию, <...>’.

В этом свете социально маркированным является также употребление указанного слова в составных наименованиях светских наук практической направленности: *<...>, čünkä ike sänä zarfynda jazy jazmaq, xat tanymaq, ğyjme xisab, ğyjme xäl balalaryna ügrätde* [Акъегет, 1886, с. 3] ‘<...> потому что в течение двух лет обучил их детей грамоте, чтению письма, арифметике, религиозно-житейским правилам’; *Ruslar ğyjme mexaniqa, ğyjme texniqa*

ügränmäjä başladylar [Акъегет, 1886, с. 31] ‘Русские начали изучать механические науки, технические науки’; <...> *qul hönärlärene, jort itmäk wä mäğišät qylmaq ğjlemlärene güzäl ügränmeş*; <...> [Фәхретдинев, 1899, с. 34] ‘<...> хорошо изучила ручные ремесла, науки по управлению домом и ведению жизни’; *Säğat ğjleme timerçedän, tegü ğjleme kümerçedän soralmaz* [Там же, с. 59] ‘Не спрашивают о науке о часах от кузнеца, о науке шитья – от угольщика’; *Xälbuki šäkerdeñ tarix wä tärcemä ğjlemendä mäğlümaty päk naqys ide* [Фәхретдинев, 1903, с. 53] ‘Однако у шакирда было недостаточно знаний в исторической и переводческой науке’; *Bundan başqa buxğalterijä, matbağacılyq ğjlemlärene häm beler ide* [Там же, с. 109] ‘Кроме этого знал бухгалтерскую, издательскую науки’.

Далее в социально окрашенные смысловые оттенки приобретает и лексема *fän* ‘наука, дисциплина, предмет’: *Mäzkür padişahnyñ millätpärwärlege sajäsändä ruslar diñgez fänlärene ügränmäjä başlab, paraxud wä xarb köjmäläre mäjdana çyqdy* [Акъегет, 1886, с. 30] ‘Благодаря национальному патриотизму вышеупомянутого царя русские начали изучать морские науки, появились пароходы и военные корабли’; *Cämğyjätomezneñ äksäre fänlärdän xəbärläre juqdyr* [Там же, с. 61] ‘У нашего общества нет сведений о большинстве наук’; *Orenburg Duxovnyj sobranijä qazyjlary cähätenä kermäk içün gimnazijanyñ dürt klassy programyndan, jäki uyzdnyj, jä gorodskoj, jä uçitelskij mäktäplärneñ programyndan täxsil ulynan fänlärdän imtixan virmäläre läzemder* [Бигиев, 1890, с. 13] ‘Для того чтобы вступить в должности кадиев Оренбургского Духовного собрания, необходимо, чтобы они сдали экзамены по преподаваемым предметам из программы четырех классов гимназии, или из программы уездных, или же городских, или же учительских школ’.

Вследствие происходивших событий во второй половине XIX – начале XX вв. в татарском языке в качестве основных индикаторов общественных настроений начинают выступать не представленные до этого ни в одной коммуникативной среде лексемы *mäğrifät* ‘образование, просвещение;

просветительство’ (а) и *mäğarif* ‘просвещение, образование’ (б), на которые также накладываются функции средств достижения публицистической экспрессивности:

а) *Fän wä fän, mäğrifät, ğyjlem wä hönär kiräk* [Акъегет, 1886, с. 45] ‘Нужны наука и наука, образование, знание и ремесло’; *Čönki cämğyjät eçendä ulğan xalyqlar bajlyq, jarlylyqda tigez ulmadyqlary kebi, belmäkdä wä mäğrifätdä häm bertigez däğellärder* [Фәхретдинев, 1899, с. 10] ‘Потому что находящиеся внутри общества народы, подобно тому, как не являются равными в богатстве, бедности, не равны также в умении и образовании’; *Xalqymyznyñ ğyjlem wä mäğrifät häm bajlyq tuğrysynda köndän-kön tübän kitdekläre küzemez uñyndadyr* [Там же, с. 23] ‘Перед нашими взорами то, что наш народ в вопросах науки и образования и богатства с каждым днем опускается ниже’;

б) *Bu quät ilä mäğarife millijämez julynda küb ešlär qylmaq mömkin bulyr ide* [Акъегет, 1886, с. 32] ‘С этой силой можно было бы много дел сделать на пути национального просвещения’; *Bu säfärendän ähalije möslimäjä mäğarif julynda ber fajda çyqmadymy ikän?* [Там же, с. 41] ‘От этой его поездки не вышло ли какой-либо пользы мусульманам на пути просвещения?’; *Ğasyrymyz ğolüm wä mäğarif ğasyrydyr, idarä, säjästät mäjdanydyr* [Бигиев, 1908, с. 59] ‘Наш век – век знаний и просвещения, арена управления, политики’.

В рассматриваемый период в силу происходивших перемен в общественной и культурной жизни татар в лексическую систему татарского языка проникает также неологизм *matbuğat* ‘печать, пресса’: *Ber insana notyq wä del niqadär kiräk isä, çuq insanlara jäğni ber millätä, ber qawemä matbuğat ul dārəcə kiräkder* [Акъегет, 1886, с. 6] ‘В какой степени нужна одному человеку речь и язык, в такой же степени нужна многим людям, то есть одной нации, одному племени пресса’; <...>, *ğolümeñ täräqqyjäte matbuğata bağlydyr* [Бигиев, 1908, с. 75] ‘<...> развитие знаний связано с прессой’.

Новое время в общественной, экономической и культурной жизни выдвинуло на передний ряд человека энергичного и предприимчивого, придерживающегося активной гражданской позиции в жизненно важных

вопросах, что в свою очередь способствовало закреплению в национальной коммуникативной лексемы *ictihad* ‘усердие, рвение, старание; иджтихад’ и ее дериватов *ictihadly* ‘усердный’, *ictihad itü* ‘стараться’: *Bu xanä üze küçük bulsa da, taxtadan başy, anbary wä möhkäm sarajlary saxibeneñ ictihadly wä xezmüt sävän adäm idegene küstärerlär ide* [Акъегет, 1886, с. 2] ‘Хотя дом был и небольшим, но ее деревянная крыша, амбар и добротные сараи указывали на то, что его хозяин был человеком усердным и трудолюбивым’; *Ўын күүнел илә естәб ictihad илә кәсеб итсән, baj bula belersen* [Там же, с. 32] ‘Если будешь промышленя, захотев искренно, сможешь разбогатеть’; *Dönjada bar närsä ictihad qamil ulmaq šarty илә, älbättä, tabylunyr* [Фәхретдинев, 1903, с. 102] ‘В мире все вещи, с условием совершенства усердия, конечно, будут найдены’; <...> *inä илә qoju qazmaqda ulan kemsä misalynda ictihad idäräk qarjäsenä mäktäb bina ideb, <...>* [Там же, с. 111] ‘<...> построив своей деревне школу, стараясь подобно человеку, который копает иголкой колодец, <...>’.

Далее, осложняясь социальными коннотациями, в новых для него контекстах начинает выступать и традиционное для старотатарского письменного литературного языка слово *hönar* ‘ремесло, профессия’: *Fän wä fän, mägrifät, ğyjlem wä hönar kiräk* [Акъегет, 1886, с. 45] ‘Нужны наука и наука, образование, знание и ремесло’; *Bäs, istäjek mägrifäte wä hönäre* [Там же, с. 46] ‘Так, давайте будем требовать образование и ремесло’; *Ägär dä šariğatemez hönar ügränmäkdä mänğ itkän ulsa ide, bälki tyryşyb hönar ügräner idek, <...>* [Фәхретдинев, 1899, с. 35] ‘Если бы наш шариат препятствовал изучению ремесла, возможно мы стараясь изучали бы ремесло, <...>’; <...> *hönar wä sänğatlärne, ğyjlem wä bajlyqlarny täraqquj itdermäk haqynda läzem ictixadlarny idülärne, <...>* [Там же, с. 63] ‘<...> оказание ими необходимых усердий для развития ремесел и искусств, знаний и богатств <...>’; *Xalyqlaryñ hönärlärene, milli äsärlärene qyjmmätsez qaldyrmaq mädnijätsez qawemlärdä ulsa da, <...>* [Фәхретдинев, 1903, с. 26] ‘Хотя обесценивание ремесел народов, национальных произведений и имеется у нецивилизованных племен, <...>’.

Социальная маркированность слова *hönär* ‘ремесло, профессия’ обусловила активизацию в рамках просветительского дискурса и его дериватов *hönärkär* ‘искусный в ремеслах’, *hönärçän* ‘искусный в ремеслах’: ***Hönärkär wä mäglümatly qawem ulmaq, älbättä, jaxşydyr, läkin tatar milläte hönärkär bula almaz*** [Акъегет, 1886, с. 45] ‘Стать искусным в ремеслах и осведомленным племенем, конечно, хорошо, но татарская нация никогда не сможет стать искусной в ремеслах’; *Bunlaryñ xalyqlary Volga bujyndan küçeb kilmeş adämlär ulyb, ğajät dä käseb söjüçän wä hönärçän häm baj xalyqlardyr* [Фэхретдинев, 1903, с. 78] ‘Их люди, будучи людьми, переселившимися из Поволжья, очень любящие труд и искусные в ремеслах и богатые люди’.

В текстах рассматриваемый ряд абстрактных слов из области жизнедеятельности человека продолжает лексема *käseb* ‘труд, дело; промысел’, которая в составе таких конструкций как *käseb sävän menla* ‘мулла, любящий труд’ и *käsebdä ulyrğa tijeşleder* ‘должен быть занят трудом’ также используется для создания образа героев современности: *Xisametdin menla xäräkät wä käseb sävän menla ide* [Акъегет, 1886, с. 4] ‘Хисаметдин мулла был муллой, любящим движение и труд’; *Möselman xatynunyñ balasy jä mäktäbdä täxsildä, jäki jyrağ şähärlärdä käsebdä ulyrğa tijeşleder* [Фэхретдинев, 1899, с. 5] ‘Ребенок мусульманской женщины должен быть занят или в школе образованием, или в далеких городах трудом’.

Социальная обусловленность данного слова проявляется и тогда, когда она употребляется в составе словосочетаний *säüdäğärlek käsebe* ‘торговый промысел’ и *igen käsebe* ‘труд хлеборобства’, которые в рамках просветительского дискурса выступают в качестве средств репрезентации традиционного уклада татарского народа, в частности промыслов, обеспечивавших в экономическом и социальном отношениях его существование как самодостаточной этнической единицы на протяжении многих веков: *Bu köndä Qazan islamlarynda ulğan säüdäğärlek käsebe*, <...> [Там же, с. 30] ‘Торговый промысел, который на сегодняшний день имелся у мусульман Казани, <...>’; <...> *läkin soñ zamanlarda, qarjälär täesis ideb, igen*

käsebenü başladylar [Фәхрәтдинев, 1899, с. 56] ‘<...> но в последнее время, основав деревни, приступили к труду хлеборобства’.

Далее в текстах данное слово в сочетании с такими лексическими единицами как *jaman* ‘плохой’, *na xäläl* ‘не дозволенный’, *qarañğy* ‘темный’ привлекается для достижения сопутствующей просветительскому дискурсу публицистической экспрессивности: *Şäriğatemez ançaq uğyrlamaq wä ğajre kebi jaman käsebdän mäniğ ideb, juxsa jaxşy wä xäläl käsebe bilğaques sawabdan xisab idär* [Акьегет, 1886, с. 22] ‘Наш шариат препятствуя только воровству и другому схожему плохому промыслу, между тем хороший и дозволенный труд наоборот считает благодеянием’; <...> *wä na xäläl käseblär qylyb, rişwät wä riba tariqyjla mal qazanyb*, <...> [Бигиев, 1890, с. 2] ‘<...> и сколотив состояние, совершая не дозволенные дела, путем мздоимства и лихоимства’; *Mämätlär ağyr, mäşäqatle xezmätlärä ügränmäjän adämlär ulyb, qarañğy käseblä isä dä jiñelleklä kön kiçereb*, <...> [Там же, с. 52] ‘Маматы, будучи людьми, не привыкшими к трудным, хлопотным трудам, пусть и темными делами проводя дни с легкостью, <...>’.

Этой же цели подчинено и употребление его деривата *käsebkär* ‘искусный в ремеслах’ (а), а также образованных на его основе синтаксических конструкций *mal käseb itü* ‘добывать богатство’, *aqça käseb itü* ‘зарабатывать деньги’, *käseb söjüçän* ‘любящий труд’ (б):

а) *Ingliz kebi käsebkär ulmadyğyмыza säbäb kəzalik üzemezmez; hiç şäriğatemez dägel* [Акьегет, 1886, с. 22] ‘Также, причиной того, что мы являемся не такими искусными в ремеслах как англичане, являемся мы сами, а никак не наш шариат’;

б) *Säüidä wä mal käseb itmäk tuğrysında bahadir ğaskärlär kebi aldan jörerlär ide* [Фәхрәтдинев, 1899, с. 11] ‘В вопросах торговли и добывания богатства словно богатыри-воины шли впереди’; <...> *çijä, qarlyğan, ciläk kebi jimeşläre satdyryb, jaxşy ğyna aqça käseb idärlär ide* [Фәхрәтдинев, 1903, с. 9] ‘<...> продавая такие плоды как вишня, смородина, ягода, зарабатывали хорошие деньги’; *Bunlaryñ xalyqlary Volga bujyndan küçeb kilmeş adämlär ulyb, ğajät dä käseb söjüçän wä hönärçän häm baj xalyqlardyr* [Там же, с. 78] ‘Их люди, будучи людьми,

переселившимися из Поволжья, очень любящие труд и искусные в ремеслах и богатые люди’.

Употребляясь в составе таких словосочетаний как *säüdä xezmätläre* ‘торговые дела’, *igen xezmäte* ‘труд хлеборобства’, также обозначающих традиционные промыслы татарского народа, а именно торговлю и хлеборобство, социальные коннотации приобретает и лексема *hezmet* ‘труд’: *Säüdä xezmätlärem dä tämam ulğany juq* [Бигиев, 1890, с. 17] ‘И мои торговые дела все еще не закончились’; *Qarjā – igen xezmätenä säläxijäteñ juq* [Там же, с. 62] ‘У тебя нет способности деревенскому – хлеборобскому труду’.

Социально маркированным является и употребление данной лексемы в сочетании с неологизмом западноевропейского происхождения *fabrika* ‘фабрика’: *Musa Salixov fabrikasyndağy xezmätlärene qarab qajtyb, axşam säğat 8 dä kände ävendä jalğyz çäj eçäder* [Бигиев, 1887, с. 9] ‘Муса Салихов, присмотрев за делами на своей фабрике, в восемь часов вечера в своем доме наедине пьет чай’.

Сопутствующими просветительскому дискурсу смыслами она осложняется и когда используется в рамках образованных на ее основе конструкций *millätä xezmet itü* ‘служить нации’, *xalyqğa xezmet itmäk* ‘служить народу’ и *däülätkä xezmet itmäk* ‘служить государству’: <...>, *sybjan uqytmaq ilä millätämä xezmet idärmen* [Акъегет, 1886, с. 61] ‘<...>, обучением детей служу своей нации’; *Xalyqğa xezmet itmäk dä, däülätkä häm xezmet itmäk ulyr* [Фэхретдинев, 1899, с. 24] ‘Служение народу и есть служение государству’.

В текстах как средство репрезентации традиционной для татарского народа земледельческой деятельности в составе словосочетаний *igen eše* ‘хлеборобская работа’, *qyr ešläre* ‘полевые работа’ привлекается и лексема *eš* ‘работа’, что также обуславливает осложнение ее семантики сопутствующими коннотациями: *Gärçä ber xezmätçe totsa da, wä çuq däfğa jaz waqyty igen ešendü başqa xezmätçelär jallasa da, äksäri üze dä qara igen ešene ešlijur ide* [Акъегет, 1886, с. 4] ‘Хотя и держал одного работника и много раз весной и нанимал других работников на хлеборобскую работу, по большей части и сам выполнял черную хлеборобскую

работу’; *Bundan soñ ir balalar küb waqytda peçän, uraq kebi qyr ešlärenä taratylynyb*, <...> [Фәхретдинев, 1903, с. 112] ‘После этого мальчики, будучи отправленными на такие полевые работы как сенокос, жатва, <...>’.

Социально детерминированным является также употребление данного слова в составе обозначающей понятие из области предпринимательства конструкции *eš başlamaq* ‘начатие дела’: *Jegerme-utyz manit aqça eš başlamaq içün bän dä virer idem* [Акъегет, 1886, с. 33] ‘Двадцать-тридцать монет чтобы начать дело и я бы дал’.

Далее в рамках просветительского дискурса лексема *eš* ‘работа’ в коммуникативной среде определенных слоев и групп начинает использоваться для обозначения таких понятий из области уголовного права как преступление (а) и уголовное дело (б):

а) *Şahidlärdän eš nä tariqa uldyğyny söal başlandy* [Бигиев, 1887, с. 40] ‘Начался допрос свидетелей о том, как было совершено преступление’; *Keşe nä qadär oluğ ğajeb wä cinajät qylğan bulsa da, hiç dä äjtmä min bu ešdä ğajebile dib, jäki min bu ešne qyldym dib* [Бигиев, 1890, с. 31] ‘Человек, несмотря на то, что совершил настолько тяжелый проступок и преступление, никогда не скажет, что он виновен в этом преступлении, или что совершил это преступление’;

б) *Añar bu eš bik mäğlüm, bügen Musa äfändeneñ ešläre mäxkämäjä vireläčäk dib söjläde* [Бигиев, 1887, с. 17] ‘Ему это дело очень знакомо, он рассказал, что сегодня дела Мусы эфенди будут переданы в суд’; *Läkin bügen gospodin Andrejevka baryb, ešeñne söjlä, ešeñezne bügen mäxkämäjä virälär* [Там же, с. 18] ‘Но сегодня сходи к господину Андрееву и расскажи о своем деле, ваше дело сегодня передают в суд’; *Bunyñ üzärenä eš dä täftiščegä virelde, Musa da xäbes ulyndy* [Фәхретдинев, 1903, с. 34] ‘По этой причине и дело было передано следователю, и Муса был арестован’.

Запущенные в татарском обществе во второй половине XIX – начале XX вв. секуляризационные процессы привели к активизации в национальной коммуникативной среде понятий и из области судебного права, не связанных с

нормами мусульманского шариата, которые до этого практиковались среди основной части татар в силу ее приверженности ценностям ислама (См. приложение 2). Вследствие этого традиционные для старотатарского письменного литературного языка арабские заимствования *xökem* ‘суд’ (а) и *mäxkämä* ‘суд’ (б), помимо обозначения суда, совершаемого главой религиозной общины, начинают употребляться и для вербализации процесса, реализуемого соответствующим институтом светского гражданского общества:

а) *Sekretarneñ östälänä xökem waqytynda zarur ulaçaq kăğazlärne ba tärtib qıjadur ide* [Бигиев, 1887, с. 38] ‘По порядку раскладывал на стол секретаря необходимые во время суда бумаги’; *Xökem tämam uldu... Cämäğat häm хаqımlär mäxkämädän kidejurlar* [Там же, с. 47] ‘Суд закончился... народ и судьи уходят из суда’; *Bik jaxşy, menä sin Jağqub Ğalijevne qatel qyldyğyñ säbäbdän bez sine täftiñ ičün tuğry wä ğadälätle ulan xökem hozuryña däğwät qyldyq* [Бигиев, 1890, с. 24] ‘Очень хорошо, вот по причине того, что ты убила Ягкуба Галиева, мы пригласили тебя для следствия к правдивому и справедливому суду’;

б) *Läkin bügen gospodin Andrejevka baryb, eşeñne söjlä, eşeñezne bügen mäxkämäjä virälär* [Бигиев, 1887, с. 18] ‘Но сегодня сходи к господину Андрееву и расскажи о своем деле, ваше дело сегодня передают в суд’; *Mäxkämädä Musa Salıxov tarafyndan däğwä wäkile advokat gospodin Andrejev ulaçaq* [Там же, с. 36] ‘На суде со стороны Мусы Салихова представителем иска будет адвокат господин Андреев’; <...> *oluğ mäxkämä hozurynda ğajebsez küstärer ičün* <...> [Фэхретдинев, 1899, с. 57] ‘<...> чтобы показать себя перед почтенным судом невиновным <...>’.

В свете сказанного выше сопутствующими смысловыми оттенками осложняются также образованные на основе лексемы *xökem* ‘суд’ составные глаголы *xökem itü*, *xökem qylu* ‘осудить, приговорить, вынести приговор’: *Хаqımlär Musa Salıxov qateldä mäğjüb ulyb, nä cäzaja möstäxiq uldyğyny xökem qylmaq öçen ğadätçä ikençe bülmäjä kereb kitdelär* [Бигиев, 1887, с. 47] ‘Судьи, когда Муса Салихов был обвинен в убийстве, по обычаю ушли в другую комнату, чтобы вынести решение, какое наказание он заслуживает’; *Oqruşnoj sudda qateldä*

mäğjüb ulan kešene naxaq uñ sänälek katorşnyj xezmätkä xökem idmeşlär [Там же, с. 67] ‘В окружном суде обвиненного в убийстве человека необоснованно приговорили к десяти годам каторжной работы’; *Ber unbişär jylğa katorşnyj xezmätkä xökem qylyrlar* [Бигиев, 1890, с. 64] ‘Приговорят к пятнадцати годам каторжной работы’.

Рассматриваемый ряд социально маркированных лексем из области судебного права в текстах расширяется за счет лексических единиц из сферы уголовно-процессуального кодекса, а именно слов *täftiř* ‘следствие’ (а) и *ezlek* ‘обыск’ (б), а также образованных на основе первого составных глаголов *täftiř qylu*, *täftiř idü* ‘провести следствие’:

а) <...> *xäzer politsä häm sudebnyj sledovatelne kötälär, täftiř ulyr, bälkem qatıl dä añlaşylyr* [Бигиев, 1887, с. 4] ‘<...> сейчас ждут полицию, судебного следователя, будет следствие, может станет понятно кто убийца’; *Cinajätle ulyb täftiř wä xökem altynda hozurynda uldyğyñ barmy?* [Бигиев, 1890, с. 24] ‘Находились ли под следствием и судом, будучи обвиненной в преступлении?’; <...> *täftiř waqytynda anyñ ikenče ber eşe zahir ulmyş*, <...> [Фәхрәтдинев, 1903, с. 35] ‘<...> во время следствия открылось его другое дело, <...>’;

б) <...> *sledovatel läzem ulan keşelärlä qarçyqnyñ ivenä täftiř – ezleklä kitde* [Бигиев, 1890, с. 35] ‘<...> следователь с необходимыми людьми с обыском поехал в дом старушки’;

в) <...> *gospodin Šubinnyñ kileb täftiř qyluyny söjläde* [Бигиев, 1887, с. 20] ‘<...> рассказал о том, что пришел и провел следствие господин Шубин’; *Sudebnyj sledovatel – mäğlümeñezder, mäqtülä Zöläyxanyñ nomeräsäne täftiř idän sledovatel ide* [Там же, с. 51] ‘Судебный следователь – ваш знакомый, был следователем, который провел следствие в номере убитой Зулейхи’; *Ikenče könne Mahrujnyñ ešene täftiř qylan sledovatel*, <...> [Бигиев, 1890, с. 54] ‘На другой день следователь, который расследовал дело Махруя, <...>’.

В плане репрезентации одного из традиционных промыслов, посредством которых татары издавна добывали средства для обеспечения своих жизненных

потребностей в материальном и финансовом отношениях, а именно торговли, социальную окрашенность приобретают лексемы *säüdü* ‘торговля’ и *ticarät* ‘торговля’, на которые в рамках просветительского дискурса дополнительно накладываются функции достижения публицистической экспрессивности (а), научной объективности (б) и художественной выразительности (в):

а): *Ämma bezneñ suqalamaq ilä waq säüdüdän başqa hönäremez juq kebider* <...> [Акъегет, 1886, с. 46] ‘Но у нас кроме земледелия и мелкой торговли другого ремесла как бы и нет <...>’; *Wä här waqytda ticarät mäjdanynda (bazarlarda) mäğlüb ulmaq bunlar tarafynda qaldy* [Фәхрәтдинев, 1899, с. 60] ‘И каждый раз поражение на торговых аренах (рынках) осталось за ними’;

б) <...> *aršinly mallar (sukno wä sitsa häm jaulyq, šäl, šarf) ilä häm säüdüläre vardyr* [Там же, с. 60] ‘<...> у них также есть торговля аршинными товарами (сукном и ситцой и платками, шальями, шарфами)’; *Itil bujlarynda, Sibirja vilajätlärendä här qarjäädä bunlarnyñ säüdüse ulynyr* [Там же] ‘В Поволжье, в сибирских губерниях в каждой деревне у них имелась торговля’; *Kama, kamçat, qaraqül wä mex kebi närsälär ilä häm ticarät itmäkdälärder*; <...> [Там же] ‘Торгуют также такими вещами как выдра, бобер, каракуль; <...>’;

в): *Belešläremez Ğali baj wä Sibğatulla äfände ticarütlä mäşğul ulyb, bu kön Moskvada, sabax üz šähärlärendä, u berese kön ğajre ber märkäge ticarütdä waqyt kăçermäkdä idelär* [Акъегет, 1886, с. 19] ‘Наши знакомые Гали бай и Сибгатулла эфенди, будучи занятыми торговлей, проводили время в один день в Москве, утром в своем городе, в следующий день в другом центре торговли’; *Qyrmysqalar šikär läzzätene beldekläre kebi, Qazan törekläre säüdüdän läzzät almyšlardyr* [Фәхрәтдинев, 1899, с. 60] ‘Подобно тому как муравьи знали вкус сахара, Казанские тюрки получали удовольствие от торговли’.

Вторая половина XIX – начала XX вв. в истории татарского народа характеризуется также как период оживления экономических отношений, что в свою очередь способствовало активизации в национальной коммуникативной среде обозначающих понятия из данной области лексических единиц (См.

приложение 2). В этом плане примечательно функционирование в текстах слова *mal* ‘состояние; собственность; богатство; товар’, которое в рамках просветительского дискурса также осложняется дополнительными коннотациями социального характера. В процессе самостоятельного использования оно обозначает совокупность материальных ценностей, которой должен обладать каждый полноправный член общества. При этом исключалось его накопление не соответствующими нормам морали и закону способами и приветствовалось приобретение состояния посредством полученных знаний: *Böjlä mal xasil itmäk tuğry jul дәгел* [Акъегет, 1886, с. 44] ‘Получение состояния таким образом не правильный путь’; <...> *wä na xäläl käseblär qylyb, rişwät wä riba tariqyjla mal qazanyb*, <...> [Бигиев, 1890, с. 2] ‘<...> и сколотив состояние, совершая не дозволенные дела, путем мздоимства и лихоимства’; *Bu belüe säbäbendän küb mal tabmyş*, <...> [Фәхретдинев, 1903, с. 64] ‘По причине этого знания нашел много состояния, <...>’.

В сочетании с такими заимствованиями как *manufaktura* ‘мануфактурный’ и *aršinly* ‘аршинный’ лексема *mal* употребляется в значении ‘товар’ – продукта добываемого человеком в процессе его трудовой деятельности и соответственно имеющей определенную стоимость, посредством распределения которого в обществе поддерживались торгово-экономические отношения: <...> *Tiflisdä manufaktura malyjla töccar wä saxibe ämläk ulyb wä kändesenä Tiflisdä nöfüz käseb ideb*, <...> [Акъегет, 1886, с. 70] ‘<...> став в Тифлисе торговцем мануфактурными товарами и владельцем имущества и завоевав себе в Тифлисе авторитет, <...>’; <...> *aršinly mallar (sukno wä sitsa häm jauluq, šäl, šarf) ilä häm säüdäläre vardyr* [Фәхретдинев, 1899, с. 60] ‘<...> у них также есть торговля аршинными товарами (сукном и ситцой и платками, шальями, шарфами)’.

Дифференциация семантических компонентов в зависимости от целей коммуникации наблюдается и у слова *milek* ‘имущество, собственность’. Так, например, в контексте обсуждения социально значимых вопросов у него актуализируется сема ‘имущество’: *Ike qadyn asramağa säneñ milkeñ var my?*

[Акъегет, 1886, с. 11] ‘У тебя есть имущество чтобы содержать двух жен?’, *Bän milek ezlämädem, ğyjlem ezlädem* [Там же, с. 33] ‘Я не искал имущество, искал знание’; <...> *xisabsyz mileklärne wä säüdäxanälärne idarä idärlek ber kemsänä ulmadyğy imeš* [Фэхретдинев, 1899, с. 34] ‘<...> то, что не было человека, который смог бы управлять бесчисленными имуществами и торговыми домами’.

А когда речь идет об исторически определенной форме владения материальными ценностями, на которую опирается каждое общество в своем экономическом устройстве, данное слово функционирует в значении ‘собственность’: <...> *jänä ber-ike ajdan soñra Äxmädi bajnyñ qyzy ilä jöz meñ aqčasy Musanyñ milkendä ulyr ide. Šimdi isä ber-ike aj ečendä bänem milkemä keräčäk* [Бигиев, 1887, с. 48] ‘<...> и через несколько месяцев дочь и сто тысяч денег Ахмади бая были бы в собственности Мусы. Теперь же в течение нескольких месяцев войдут в мою собственность’; <...> *mäzkür uğyllaryny häm böten milekdän quyb çyqarmyš ide* [Фэхретдинев, 1903, с. 16] ‘<...> и вышеупомянутых сыновей выгнал из всей собственности’.

Цели, которые новое время поставило перед татарским обществом в области просвещения и реформирования различных сфер жизнедеятельности, требовали финансового и материального обеспечения их реализации, что наиболее ярко отражено в приведенном ниже утверждении писателя-просветителя: *Mäğyjšätdä än büjüik quät – aqčadyr. Bu quät ilä mäğarife millijämez julynda küb ešlär qylmaq mömkin bulyr ide* [Акъегет, 1886, с. 32] ‘В жизни самая великая сила – деньги. С этой силой на пути национального образования можно было бы сделать много дел’.

В результате были переосмыслены такие понятия как ‘богатство’ и ‘состояние’. Как показывает анализ словоупотреблений лексемы *bajlyq* ‘богатство, состояние’ (а), а также ее синонима *däülät* ‘богатство, состояние’ (б), посредством которых в процессе речевой деятельности представителей татарского общества вербализуются данные категории, в рамках

просветительского дискурса они начали восприниматься как основы процветания и благосостояния нации, а не только отдельного индивида:

а) <...> *wä ber bala uqytuğa saryf idelgän bajlyq wä ictixad ilä öç bala uqytmaq mömkinder*, <...> [Фәхретдинев, 1903, с. 7] ‘<...> и с потраченным на обучение одного ребенка богатством и усердием можно обучать трех детей, <...>’; <...> *bunlar säbäbendän milläteñ bajlyğy jaz köne qary kebi erer kidär* [Там же, с. 95] ‘<...> по их причине богатство нации тает подобно весеннему снегу’;

б) *Dönjada bu qadär däülätä ireşdegem xäldä, millät içün ber fajdaly eš wä ber xäjerle jadvär qaldyra almadym* [Там же, с. 106] ‘В этом мире будучи удостоенным такого богатства, не смог оставить какое-либо полезное дело для нации и какую-нибудь добрую память’.

В свете сказанного выше социальную окрашенность приобретают и такие пороки общества как бедность и нищета, о чем свидетельствуют зарегистрированные в текстах словоупотребления лексемы *fäqyrlek* ‘бедность, нищета, нужда’: <...> *kändeseçün ber kemsä surmaqdan ber qapy açsa, Alla xäzrätläre açar aña fäqyrlekdän jitmeš qapy* [Акъегет, 1886, с. 17] ‘<...> если кто-то откроет для себя дверь от попрошайничества, господин наш Аллах откроет для него семьдесят дверей от бедности’; <...> *din qardäš soranmaq ilä fäqyrlek bälasenä griftar ulmasyn dijü* <...> [Там же, с. 30] ‘<...> чтобы брат по вере не подвергся бедствию попрошайничества и бедности <...>’; *Abystaj da ike balasyjla fäqyrlek dönjasyna döšeb qaldy!* [Фәхретдинев, 1903, с. 99] ‘Абыстай же вместе с двумя ребенками упала и осталась в мире бедности’.

В рассматриваемый период в национальной коммуникативной среде активизируется и слово *särmaja* ‘капитал’ (См. приложение 2), выступающее в качестве основного средства репрезентации финансовой составляющей указанных выше категорий, а именно определенного количества денежных средств: *Oluğ särmaja sajäsändä az fajda alyb satmaq ilä küb tabyš kürmäk ysulyny beldelär* [Фәхретдинев, 1899, с. 60] ‘В тени большого капитала узнали способ получения большого дохода путем торговли, от который имели мало прибыли’; *Šu säbäbdän*

Ğali baj jä sürmajasene täläf wä zaiğ qylyr, jäki faiz (pransit) virergä mäcbür ulyr [Фәхрәтдинев, 1899, с. 61] ‘По этой причине Гали бай или тратил и терял свой капитал, или был вынужден давать процент’; <...> *šäkerdeñ häm xäzinäsändä sürmajase az ide* [Фәхрәтдинев, 1903, с. 53] ‘<...> и в сокровищнице шакирда капитала было мало’.

Проникшие в татарское общество во второй половине XIX – начале XX вв. новые экономические отношения, а именно в области аренды жилья и наемного труда, нашли свое отражение и в употреблении лексемы *xaq* ‘плата, оплата, зарплата’. Как показывает анализ ее словоупотреблений, в рассматриваемый период в семантике данного слова активизировались такие семы как ‘плата за пользование жильем, принадлежащим другому человеку’ (а) и ‘плата, получаемая от работодателя за выполняемую работу’:

а) *Bu xanädä tormaq içün xaqy beraz artyq alynsa da, <...>* [Акъегет, 1886, с. 9] ‘Хотя плата за проживание в этом доме и изымалась больше, <...>’; <...> *tuprağyny wä jirene icaräjä uçuz xaq ilä almaq mömkin* [Там же, с. 12] ‘<...> его почву и землю можно получить в аренду за низкую плату’; *Bu keçkenä wä jartysy jir astynda ulan binağa här ajda qyryq tijen xaq virerlärlär ide* [Фәхрәтдинев, 1903, с. 74] ‘За это маленькое и наполовину ушедшее под землю сооружение каждый месяц вносили плату в сорок копеек’;

б) *Jegerme öç sum tapasyn, aj xaquñ ancaq alty sum?* [Акъегет, 1886, с. 44] ‘Находишь двадцать три рубля, а месячная зарплата только шесть рублей’; *Ajlyq xaqu inde söjlämä* [Там же, с. 44] ‘Месячную зарплату ты не рассказывай уж’; <...> *nomerlärdä ulan mösafirlärä xezmät qylmaq öçen mäğlümeñez syşçik Ivanov un sum kömeş ajlyq xaq ilä xadim ulmuş* [Бигиев, 1887, с. 53] ‘<...> чтобы прислуживать постояльцам в номерах ваш знакомый сыщик Иванов стал служащим с зарплатой в десять рублей серебром’; *Quş könlärendä xaq ilä ceb wä jon erlärlär, <...>* [Фәхрәтдинев, 1903, с. 74] ‘В зимние дни за плату пряли пряжу и шерсть, <...>’.

Лексика тематической группы «Окружающий мир». Социальная маркированность относящихся к данному разряду абстрактных слов в основном

проявляется в их использовании в качестве средств достижения публицистической экспрессивности. Так, например, лексема *ğaläm* ‘мир, вселенная’ в составе словосочетаний *säfahat (bozyqlyq) ğaläme* ‘мир разврата’, *nadanlyq ğaläme* ‘мир невежества’ и конструкции *tigänlär, säneçkelär, tirän çoqyr wä bazlar, här törle usal jyrtyçlar ilä ixata idelmeş ber ğalämä* ‘мир, огражденный репейниками, шипами, глубокими рвами и ямами, разного рода свирепыми хищниками’, используется для порицания таких пороков общества как разврат, невежество, насилие и жестокость, которых раньше старались не замечать: <...> *wä üz xäbärenä kürä säfahat (bozyqlyq) ğalämendä ber daқиқа da ultamyş, fäxeşxanälärneñ tarafyna da varmamyş* [Фэхретдинев, 1899, с. 27] ‘<...> и по его словам ни минуты не пробыл в мире разврата, не смотрел и в сторону публичных домов’; <...> *jäğni añlaryñ hämişä nadanlyq ğalämendä jäšämäklärenä* <...> [Фэхретдинев, 1903, с. 8] ‘<...> то есть тому, что они все время жили в мире невежества, <...>’; <...> *ätrafy tigänlär, säneçkelär, tirän çoqyr wä bazlar, här törle usal jyrtyçlar ilä ixata idelmeş ber ğalämä kermäk içün xazyrlanmaqdasıñyz ki,* <...> [Там же, с. 54] ‘<...> вы готовитесь, чтобы войти в мир, огражденный репейниками, шипами, глубокими рвами и ямами, разного рода свирепыми хищниками, <...>’.

В целях создания эффекта публицистической направленности в текстах используются и единицы измерения времени, а именно лексемы *jyl* ‘год’, *sänä* ‘год’, *ğasyr* ‘век, столетие’. В частности на их основе создаются такие гиперболические конструкции как *beñ jyllar kiçde* ‘прошли тысячи лет’, *beñ дәгел jänä miliun jyllar kiçäcäk* ‘пройдут не тысячи, а миллион лет’, *niçä wä niçä sänälärdän birü* ‘в течение стольких лет’, *niçä ğasyrlardan birü* ‘в течение стольких веков’, посредством которых раскрываются масштабы негативного воздействия указанных выше явлений на развитие общества: *Beñ jyllar kiçde, tatar milläte zyjalanmady da,* <...> *Beñ jyllara baqmañyz, bu waqytdan zyjalanmağa taläbemez ujğansa, zaman kiçmäsijlä bez dä mäğlümatly ulyrmyz, läkin beñ jyllar kiçde дәjü joqlamağa дәwam itsäk, beñ дәгел jänä miliun jyllar kiçäcäk wä bez iskeçä дәrjaje*

nadanijätdä qalyrmyz <...> [Акъегет, 1886, с. 46] ‘Прошли тысячи лет, татарская нация не просветилась, <...> Не смотрите на тысячи лет, если с этого времени проснется наше требование к просвещению, с течением времени и мы станем образованными, но, если продолжим спать, говоря, что прошли тысяча лет, пройдут не тысячи, а миллионы лет и мы по-прежнему останемся в море невежества <...>’; *niçä wä niçä sänälärdän birü mädräsäläremez bu xäldä ulyb*, <...> [Бигиев, 1890, с. 48] ‘В течение стольких лет наши медресе пребывая в таком состоянии, <...>’; <...> *niçä ğasyrlardan birü zayığ ulyb kilmäkdä ulan «millät analary»dyr* [Фэхретдинев, 1903, с. 89] ‘<...> «матери нации», которые терялись в течение стольких веков’.

Таким образом, как показал анализ эмпирического материала, новые явления в общественной, экономической и культурной жизни, охватившие татарское общество во второй половине XIX – начале XX вв., нашли свое отражение во всех тематических разрядах абстрактной лексики татарского языка. Это способствовало обогащению семантики данных лексических единиц новыми коннотациями и смыслами социального характера, что в свою привело к расширению границ их контекстуального функционирования.

3.3. Социально маркированные конкретные слова

Лексика тематической группы «Человек». Затронувшие общественную, экономическую, культурную стороны жизни татарского общества перемены второй половины XIX – начала XX вв. привели к переосмыслению роли и места человека в нем. Если до этого в национальном духовно-культурном пространстве он был представлен как сотворенное Всевышним существо, который наделил его всем необходимым для жизни в этом мире, как всецело зависящий от воли своего создателя, то в рассматриваемый период человек все больше начинает интерпретироваться в качестве способного создавать духовные, культурные, материальные ценности и вследствие этого обладающего правом пользования всеми благами и достижениями цивилизации общественного индивида. Все это в

свою очередь нашло свое отражение в семантике лексических единиц, выступающих в качестве средств его вербализации, а именно слов *keşe*, *adäm*, *insan*, *zat*, *kemsä*, *kemsänä*.

В текстах социальная маркированность лексемы *keşe* ‘человек’ раскрывается в основном когда она выступает в составе таких конструкций как *jaxşy wä bajyrağ keşelär* ‘люди хорошие и побогаче’, *ğawam keşe* ‘простой человек’, *baj keşe* ‘богатый человек’, *maldar keşe* ‘состоятельный человек’, *jaxşy däülätle keşe* ‘человек с хорошим состоянием’, посредством первого компонента которых репрезентируются атрибуты человека, приобретаемые им в рамках общественных и экономических отношений: <...> *xanäneñ, aş wä jämäkneñ tämizlege jaxşy wä bajyrağ keşelärne cäleb idär ide* [Акъегет, 1886, с. 9] ‘<...> чистота гостиницы, кухни и еды привлекала людей хороших и побогаче’; *Qarynyna itağatle ğawam keşe uruc waqytynda niček könneñ kiçmäsene kötäder*, <...> [Там же, с. 25] ‘Как послушный своему желудку простой человек во время поста ждет окончания дня, <...>’; *Mägşuqym Musa äfände Qazanly ber baj keşeneñ qyzyny jöz meñ sum kömeş aqça ilä xäläl cefetlekkä aldyğyndan*, <...> [Бигиев, 1887, с. 69] ‘Так как мой возлюбленный Муса эфенди вместе с деньгами в сто тысяч рублей серебром брал в жены дочь одного богатого человека из Казани, <...>’; *Nindäläjen, maldar keşeme?* [Бигиев, 1890, с. 10] ‘Что за человек, состоятельный?’; *Xajr, balanyñ atasy jaxşy däülätle keşe*, <...> [Там же, с. 21] ‘Нет, отец ребенка человек с хорошим состоянием, <...>’.

Обусловленные социальными и культурными факторами семантические сдвиги наблюдаются и у лексемы *adäm* ‘человек’, которая новыми смысловыми оттенками обогащается в составе словосочетаний *büyük wä baj adämlär* ‘важные и богатые люди’, *baj adäm* ‘богатый человек’, *tacir adämlär* ‘торговый люд’: *Ğabbas ağa wä Şämsi abystaj büyük wä baj adämlär arasyna kereb äkrabalyq wä ruğlyq käseb idäcäklärendän mäsrur idelär* [Акъегет, 1886, с. 36] ‘Аббас ага и Шамси абыстай были рады тому, что они породнятся с важными и богатыми людьми’; <...> *täräzäsendä xuş isle göllär wä başqaça iv äsbabynyñ jaxşylyğy Äxmädi Xämidevneñ baj*

adäm idegenä дәләләт қылалар иде [Бигиев, 1887, с. 24] ‘<...> благоухающие цветы на окнах и добротность другой домашней мебели доказывали, что Ахмади Хамидев был богатым человеком’; *Möselmanlar fäqat tacir adämlär ulmajynča, mabäjenlärendä nečkä wä zäğif sory wä nurly jözle jäš-jäš adämlär dä mäüçüd ide* [Там же, с. 36] ‘Среди мусульман кроме торгового люда, были также молодые люди с чахлыми серыми и светлыми лицами’.

Кроме этого социальная маркированность данного слова проявляется и в процессе его использования в качестве средства достижения публицистической экспрессивности в рамках таких конструкций как *ictihadly wä xezmät sävän adäm* ‘усердный и трудолюбивый человек’, *kände millätene, jäğni tatarlary çuq sävän adäm* ‘человек, который очень любил свою нацию, то есть татар’, *universitetda xätme köteb qylmyš adäm* ‘человек, получивший образование в университете’, *mäğlümatly wä äxwäle dönjadan xəbärdar adämlär* ‘образованные и осведомленные о состоянии дел в мире люди’. В данном случае посредством лексемы *adäm* ‘человек’ репрезентируется индивид, придерживающегося активной жизненной позиции в наиболее общественно значимых вопросах: *Bu xanä üze küçük bulsa da, taxtadan başy, anbary wä möxkäm sarajlary saxibeneñ ictihadly wä xezmät sävän adäm idegene küstärerlär ide* [Акъегет, 1886, с. 2] ‘Хотя дом был и небольшим, но ее деревянная крыша, амбар и добротные сараи указывали на то, что его хозяин был человеком усердным и трудолюбивым’; *Xisametdin menla kände millätene, jäğni tatarlary çuq sävän adäm ide* [Там же, с. 5] ‘Хисаметдин менла был человеком, который очень любил свою нацию, то есть татар’; *Peterburgda universitetda xätme köteb qylmyš adäm ulsa da, <...>* [Бигиев, 1887, с. 8] ‘Хотя он и был человеком, получившим образование в Петербургском университете, <...>’; *Mäğlümatly wä äxwäle dönjadan xəbärdar adämläremez ulynyr isä, cämğyjätomez täräqqyj idäçäkder* [Фәхретдинев, 1899, с. 10] ‘Если у нас будут образованные и осведомленные о состоянии дел в мире люди, наше общество пойдет вперед’.

Указанные выше тенденции были зафиксированы и в употреблении лексем *insan* ‘человек’ (а) и *zat* ‘человек, личность, лицо, особа’ (б), которые социально

маркированные смысловые оттенки приобретают в составе словосочетаний *ğalim insan* ‘ученый человек’, *ğyjlem wä uqymaq sävgän insan* ‘человек, любящий знание и учебу’, *millätpärwär insan* ‘человек, который является искренним патриотом своей нации’, *mäğlümäte mäğišijä täxsil idän zat* ‘человек, освоивший жизненные знания’, *islam ğyjleme ilä zamana äxwälene fälsäfäse ilä belgän zatlar* ‘люди, знающие науку ислама и состояние дел современности вместе с их философией’:

а) <...> *čünkü ğalim insan ğajbätlärdän qaçadyr* [Акъегет, 1886, с. 13] ‘<...> потому что ученый человек избегает сплетней’; <...> *jäšlekdän ğyjlem wä uqymaq sävgän insanyñ ählaq wä äfkäreneñ jaman ulmaqy šöbhäleder* [Там же, с. 28] ‘<...> то, что мораль и мысли человека, который с молодости любит знание и учебу, дурные, подозрительно’; <...> *ixlasly millätpärwär insan ançaq uqytmaq ilä qanäğatlänmäsen kiräk* [Там же, с. 61] ‘<...> человек, который является искренним патриотом своей нации, не должен довольствоваться только обучением’.

б) <...> *islamdan mäğlümäte mäğišijä täxsil idän zat küremeren* [Там же, с. 43] ‘<...> вижу человека, который из ислама освоил жизненные знания’; *Jul baščylarymyz isä islam ğyjleme ilä zamana äxwälene fälsäfäse ilä belgän zatlar ulyrğa tiješleder* [Фэхретдинев, 1899, с. 10] ‘Нашими предводителями должны быть люди, которые знают науку ислама и состояние дел современности вместе с их философией’.

Далее в текстах рассматриваемый ряд слов расширяется за счет местоимений *kemsä* ‘кто-то, некто; кто-либо; человек; особа, лицо’ (а) и его синонима *kemsänä* (б). В рамках конструкций *ticarät wä hezmät idän kemsä* ‘некто, который торгует и работает’, *islam fälsäfäse wä serlärene añlab beläčäk kemsä* ‘некто, который понимая усвоить философию и тайны ислама’, *ğyjlemele kemsälär* ‘образованные люди’, *eš totar kemsänä* ‘некто, который имеет дело’, *nöfüzle kemsänä* ‘влиятельный человек’, *uqymyş fäqyjr kemsänälär* ‘бедные люди, которые учатся’, *mäğlümatly wä ütken fikerle kemsänälär* ‘люди образованные и с острым умом’ они используются для обозначения деятельных и образованных индивидов общества:

а) <...> *ämma Rostovda ticarät wä xezmät idän kemsümez qajtyb kilsä*, <...> [Бигиев, 1890, с. 4] ‘<...> но, если возвращается кто-нибудь из наших людей, который торгует и работает в Ростове, <...>’; *Läkin islam füsäfüse wä serlärene añlab beläçäk kemsügü bik az wä nadir täsadef idelener* [Фәхретдинев, 1899, с. 26] ‘Но человека, который понимая усвоить философию и тайны ислама, встретишь очень мало и редко’; <...> *ğjlemlä kemsäläreñ cömläse dä möğalimlek idä belmäz* [Фәхретдинев, 1903, с. 13] ‘<...> не все образованные люди могут учительствовать’;

б) <...> *Moskva töccarlar wä fabrikçylary ilä eš totar kemsänä ide* [Акьегет, 1886, с. 12] ‘<...> был человеком, который имеет дело с московскими купцами и фабрикантами’; *Häm awylda Ğali bajdan nöfüzle kemsänä juq ide*, <...> [Там же, с. 12] ‘И в деревне не было никого влиятельнее Гали бая, <...>’; <...> *šakerdlärä wä uqymyš fäqyjr kemsänälärä täqsim ideläcäk* [Там же, с. 61] ‘<...> будут отправлены шакирдам и бедным людям, которые учатся’; *Šunyñ içün mämläkätomezdä bezdän mäğlümatly wä ütken fikerle kemsänälär (<...>) xisab xarcynda küblärder* [Фәхретдинев, 1899, с. 2] ‘Поэтому в нашем государстве людей образованнее нас и с острым умом (<...>) неисчислимо много’.

Кроме этого в текстах местоимение *kemsänä* в сочетании с лексическими единицами *tacir* ‘купец’, *fäqyjr* ‘бедный’, *jaxšy* ‘хороший’, *baj* ‘богатый’, *maldar* ‘состоятельный’ выступает также как средство репрезентации представителей различных социальных слоев общества: *Bän Qazanly, ber tacir kemsänä, min sezgä ber oluğ xezmät ilä kildem* [Бигиев, 1887, с. 66] ‘Я из Казани, купец, я приехал к вам с одним большим делом’; *Mäscedä kilän cämägat arasynda nädän isä dä, ğajät fäqyjr kemsänälär dä kübder* [Бигиев, 1890, с. 3] ‘Среди пришедшего в мечеть народа почему то были и очень бедные люди’; *Mabäjenlärendä jaxšy, baj, maldar kemsänälär küb*, <...> [Там же, с. 10] ‘Среди них много хороших, богатых, состоятельных людей’.

Новое время наполнило новыми смыслами и наименования традиционных для татарского общества профессий. Так, например, слово *möğallim* ‘учитель’

начало обозначать не только учителя, преподающего в медресе религиозные науки, но и одного из представителей, сформировавшейся в рассматриваемый период светской интеллигенции: *Täğtyjl (cäj) könlärendä xosusi möğallim totyb islamča uqyrğa wä jazarğa ügränmeş*, <...> [Фэхретдинев, 1899, с. 27] ‘В дни каникул (летних), наняв частного учителя, научился читать и писать на языке ислама, <...>’; *Ğabbas mella häm möğallim häm mötäğallim ide* [Фэхретдинев, 1903, с. 13] ‘Габбас мулла был и учителем, и учащимся’; *Tärbijäxanäneñ irlär qysymyna oşbu sänädä Salix baj tarafyndän jaña ber möğallim däğwät ulynmyş ide* [Там же, с. 97] ‘В мужскую часть воспитательного дома этим Салих баем снова был приглашен новый учитель’.

Вследствие происходивших перемен в обществе расширилась семантика и лексемы *tabib* ‘врач, доктор’. Если до этого в национальной коммуникативной среде она традиционно функционировала в значении ‘целитель’, в рассматриваемый период начинает выступать и в качестве наименования специалиста по медицине с высшим образованием: *Oluğ tabiblärneñ mäslixäte Xädiçä tutaşnyñ märazynda ğyjlac bu ide: Samar gubernasynda qyrğyz qymyzy eçmäklek* [Бигиев, 1890, с. 53] ‘Рекомендации крупных врачей в отношении болезни мадемуазель Хадичы было следующим: пить кумыс в Самарской губернии’; *Läkin bu xälemdä säfär qylmaja tabiblar mäslixät wä röxsät virmilär* [Там же, с. 17] ‘Однако врачи не рекомендуют и не разрешают путешествовать в таком состоянии’; *Xastalary qaramaq säğate jitkäč, Mahrujnyñ janyna tabib wä feldşer kileb*, <...> [Там же, с. 55] ‘Когда наступил час осмотра больных, к Махрую подошли врач и фельдшер, <...>’.

Во второй половине XIX – начале XX вв. рассматриваемый ряд лексических единиц расширяется за счет заимствований западноевропейского и русского происхождения. Здесь следует отметить такие слова как *advokat* ‘адвокат’, *prokuror* ‘прокурор’, *sudebnyj sledovatel* ‘судебный следователь’, *sledovatel* ‘следователь’, *syščik* ‘сыщик’, *okruşnoj sud* ‘окружной суд’, социальная маркированность которых проявляется в контексте интеграционных процессов

татарского социума рассматриваемого периода в общероссийское правовое пространство: *Mäxkämädä Musa Salixov tarafyndan däğwä wäkile **advokat** gospodin Andrejev ulaçaq* [Бигиев, 1887, с. 36] ‘На суде со стороны Мусы Салихова представителем иска будет адвокат господин Андреев’; *Ğabdennäsyr äfände **prokurorğa** bu sawabny birgäç, gospodin Andrejev bik šadlandy* [Там же, с. 41] ‘Когда Габденнасыр эфенди прокурору дал этот ответ, господин Андреев очень обрадовался’; *Musa äfände sezgä, **advokat bulğan keşegü**, bu haqda bulğan äsrarlaryny söjlägänder?* [Там же, с. 50] ‘Возможно Муса эфенди вам, человеку, который является адвокатом, рассказал свои тайны об этом’; *Sudebnyj sledovatel – mäğlümeñezder, mäqtülä Zöläyxanyñ nomeräsäne täftiñ idän **sledovatel** ide* [Там же, с. 51] ‘Судебный следователь – ваш знакомый, был следователем который исследовал номер убитой Зулейхи’; *Syščik gospodin Šubin Ğabdullin nomerläre janyna araba ilä baryb tuqtağaç, <...>* [Там же, с. 59] ‘Когда сыщик господин Шубин на экипаже остановился возле номеров Габдуллина, <...>’.

В рамках просветительского дискурса коннотациями социального характера осложняются и лексемы, посредством которых обозначаются представители различных полов. Так, например, слова *jeget* ‘юноша, молодец, молодой человек, парень’ и *ir* ‘мужчина’ обретают их в составе словосочетаний *mäğarifpärwär jegetlär* ‘радеющие за просвещение молодые люди’ и *tärbijäle ir* ‘благовоспитанный мужчина’: *Mäğarifpärwär jegetlär kitab öläšmäkne Xisametdin menlaja täslim itdelär* [Акьегет, 1886, с. 63] ‘Радеющие за просвещение молодые люди раздачу книг поручили Хисаметдину мулле’; *<...> estäsälär, hiç tärbijä qabul itmägän irläre **tärbijäle ber ir itmäjä muafyjq ulyrlar*** [Фэхретдинев, 1903, с. 11] ‘<...> если захотят, смогут сделать не воспринимавших воспитание мужчин благовоспитанными мужчинами’.

Во второй половине XIX – начале XX вв. в татарское общество начинают проникать идеи феминизма – движения, ставящего перед собой достижение равноправия женщин с мужчинами во всех сферах жизнедеятельности, что привело к активизации в национальной коммуникативной среде лексических

единиц, вербализующих представительниц прекрасной половины человечества, а также расширению их семантики сопутствующими смысловыми оттенками (См. приложение 2). Так, например, как показывает анализ текстовых словоупотреблений лексемы *xatyn // qadyn* ‘женщина; жена, супруга’, в этот период женщина начинает рассматриваться как полноправный член социума, а не только как прислуга своего мужа: <...> *šäriğate islamijä qadynlar xoququny hiç näqys itmäz* [Акъегет, 1886, с. 22] ‘<...> исламский шариат ничуть не ограничивает права женщин’; *Här waqytta xatynlarny riğajä idärgä wä anlarğa järdäm wä märxämät qylyrğa tijeşle*, <...> [Фәхретдинев, 1899, с. 16] ‘Всегда должно заботиться о женщинах, а также помогать им и проявлять милосердие’.

В свете вышесказанного социально маркированным является и ее употребление в рамках таких конструкций как *ğyjlem wä tärbijädän mäxrüm qalğan xatyn* ‘лишенная знания и воспитания женщина’, *dönjada iñ zäğyjf kürelgän xatynlar taifäse* ‘женский пол, который в мире считается самым слабым’, *ğaqylly, täqwä, dindar, cäsür, märxämätle ber xatyn* ‘умная, благочестивая, набожная, храбрая, отважная, милосердная женщина’: *Ğyjlem wä tärbijädän mäxrüm qalğan xatynnyñ teşe altyn, almaz, jefäk, märcän, atlas ilä zinnätlänsä dä, islam qaramaqynda keşe sanalmaz*; <...> [Там же, с. 68] ‘Несмотря на то, что зубы лишенной знания и воспитания женщины и будут разукрашены золотом, алмазами, шелком, бусинками, атласом, в исламе она не будет считаться человеком; <...>’; <...> *dönjada iñ zäğyjf kürelgän xatynlar taifäsene azdyryb-tuzdyryb*, <...> [Там же, с. 73] ‘<...> развращая и разоряя женский пол, который в мире считается самым слабым, <...>’; <...> *buña ğaqylly, täqwä, dindar, cäsür, märxämätle ber xatyn möjäsär uldy* [Фәхретдинев, 1903, с. 5] ‘<...> ему была сниспослана умная, благочестивая, набожная, храбрая, отважная, милосердная женщина’.

Далее смысловые оттенки социального характера лексема *xatyn // qadyn* ‘женщина; жена, супруга’ приобретает в составе словосочетаний, посредством которых обозначаются жены относящихся к той или иной социальной группе мужчин (а) или представительницы различных этнических сообществ (б):

а) *Bu xanädä menla qadyny tol Zölkijä wä uğly Xisametdin menla adly adäm toryrlar ide* [Акъегет, 1886, с. 2] ‘В этом доме жили жена муллы и ее сын – человек по имени Хисаметдин мулла’; *Ğabbas ağanıñ qadyny Şämsi abystaj (<...>) küpdän menlanıñ kilmägene ömed idär ide* [Там же, с. 34] ‘Жена Габбаса аги Шамси абыстай (<...>) давно ждала прихода муллы’; *Wä anda ber xezmätçe qadyna Ğajnicamal abystajğa kildegene äjtde* [Там же, с. 57] ‘И там одной женщи́н-прислуге сказала, что пришла к Гайниджамал абыстай’;

б) *Xalyq arasynda wä ğomumi urynlarda jördeklärendä rus xatynlary (barynja wä baryşnja) qyjäfätendä güzäl kijenerlär, <...>* [Фәхретдинев, 1899, с. 33] ‘Когда прогуливались среди народа и в общественных местах одевались красиво как русские женщины (барыни и барышни), <...>’; *Afärin! Farsi (persijan) xatynlaryna!! Bunlar, ir üilde dib, dönjadan bixäbär tormaj, <...>* [Там же, с. 34] ‘Браво! персидским женщина!! Они под предлогом смерти мужа не теряют связи с миром, <...>’.

В рассматриваемый период под влиянием феминистских настроений в национальную коммуникативную среду проникает лексема *xanum* ‘дама, госпожа, ханум’, посредством которой выражается почтительное отношение к достигшим определенного возраста представительницам женского пола: *Tärbijäxanädä ulan cömlä jätimlär xanumu kändeläreneñ analary märtäbäsendä sävärlär ide* [Фәхретдинев, 1903, с. 91] ‘Все находившиеся в воспитательном доме сироты любили хануму как своих матерей’.

Указанный смысловой оттенок находит свое отражение и в семантике образованных на ее основе конструкций *möräbbijä xanum* ‘воспитательница ханум’, *möğallimä xanum* ‘учительница ханум’, *xanum äfände* ‘ханум эфенди’: <...> *möräbbijä xanum mösafirxanägä janyma kilde* [Фәхретдинев, 1899, с. 78] ‘<...> воспитательница ханум пришла ко мне в гостиницу’; *Möğallimä xanum jäš waqytynda ata ilä anadan mäxrüm qalmyş ulan ber jätim qyz ide* [Фәхретдинев, 1903, с. 91] ‘Учительница ханум была сиротой, которая лишилась отца и матери в молодости’; <...> *keçkenä qulynda ulan baldağyny salyb xanum äfändejä virdegendä,*

<...> [Фәхретдинев, 1903, с. 129] ‘<...> когда она, сняв кольцо, которое было в ее маленькой руке, отдала ханум эфенди, <...>’.

Далее в текстах рассматриваемый ряд социально маркированных лексических единиц с конкретными значениями расширяется за счет обозначающего незамужних молодых девушек слова *tutaş* ‘барышня, девушка, мадемуазель’: *Bu insan güjü tutaşny kürdegendän tizräk atlamağa başladı* [Акъегет, 1886, с. 38] ‘Этот человек, как будто увидев девушку, начал шагать быстрее’; *Läkin tutaş iskeçä mäxzün xäldä qaldy* [Там же, с. 56] ‘Но девушка, как и прежде осталась в печальном состоянии’; <...> *Xuca Nasreddin latyjfälärene xikäjät wä tärcemä ideb, tutaşny kölderer idem* [Фәхретдинев, 1899, с. 51] ‘<...> я, рассказывая и переводя шутки Ходжы Насреддина, смешил девушку’.

Как показывает анализ эмпирического материала, во второй половине XIX – начале XX вв. в национальной коммуникативной среде под влиянием указанных выше тенденций активизируются и другие лексические единицы, в семантике которых находят свое отражение различные стороны жизни татарской женщины (См. приложение 2), которые до этого были закрыты для широкой общественности в силу доминирования в духовно-культурном пространстве консервативных ценностей и установок религиозной направленности. Так, например, слово *saxibä* ‘хозяйка’ указывает на занимаемый ею в обществе социальный статус: <...> *hezmetçe qadyn saxibäsene ujğatmaja kitde* [Акъегет, 1886, с. 57] ‘<...> женщина-служанка пошла будить свою хозяйку’.

Лексема *möslimä* ‘мусульманка’ вербализует женщину как представителя общества, придерживающегося определенной конфессии: *Ğyzzätle uquçu, mäqtülä möslimä ulsa da, möselmança jazu jazmaq belmider ide* [Бигиев, 1887, с. 7] ‘Уважаемый читатель, хотя убитая и была мусульманкой, но не знала мусульманское письмо’; <...> *Mahruj möslimä ulyb, početnyj graşdanin xatyny – Mahruj Agijeva uldyğyny bäjan bojyrdu* [Бигиев, 1890, с. 24] ‘<...> Махруй сообщила о том, что была мусульманкой, женой почетного гражданина Махруем Агиевой’; «К...» *şähärendä ulan xastaxanäläreñ berendä undan zijadä möslimä xastalar ulynyb,*

<...> [Фәхретдинев, 1903, с. 68] ‘В одной из больниц города «К...» находились больше десяти мусульманок больных’; *Bundan başqa xastaxanädä ber möslimä xadimä ulyb*, <...> [Там же, с. 68] ‘Кроме этого в больнице была одна мусульманка-служанка, <...>’.

А посредством слова *mäğşuqa* ‘возлюбленная’ она раскрывается как подверженный определенным чувствам человек: <...> *šähärä mäğşuqasyny ezlämäjä jullandy* [Акъегет, 1886, с. 64] ‘<...> направился в город на поиски возлюбленной’; *Xäzerdä artyndan jitešmeš insan mäğşuqasy Xänifä tutaš ide* [Там же, с. 67] ‘Человек, который сейчас догнал его, была его возлюбленная мадемуазель Ханифе’.

Далее при помощи лексемы *qatilä* ‘убийца’ женщина предстает перед нами как подверженное смертным грехам существо: <...> *okrušnyj sud ğyjndendä qatilä ulyb, Seber wä qatoržnyj xezmätä kideb*, <...> [Бигиев, 1890, с. 39] ‘<...> став убийцей перед окружным судом, уехав в Сибирь и на каторжную работу, <...>’; <...> *qatilä uldyğyny wä şahidlärneñ šahadätlärene wä Mahrujnyñ äjtdege süzläre* <...> [Там же, с. 41] ‘<...> то, что она была убийцей, и показания свидетелей и сказанные Махруем слова <...>’.

Общественные и культурные преобразования второй половины XIX – начала XX вв. наложили свой отпечаток и на семантику репрезентирующих родственные отношения лексических единиц. В частности в рамках просветительского дискурса в составе таких конструкций как *kiläčäk könneñ atalary* ‘отцы будущих дней’, *atalary ulğan cämğyjät* ‘общество, где есть отцы’, *millät analary* ‘матери нации’ и *millät anasy* ‘мать нации’ сопутствующие коннотации приобретают слова *ata* ‘отец’, *ana* ‘мать’: <...> *läkin kiläčäk könneñ atalary ulaçaquñyzny fiker ideb, küñelem šadlanadyr* [Фәхретдинев, 1899, с. 10] ‘<...> но моя душа радуется, думая о том, что вы станете отцами будущего дня’; *Kötüçese ulğan xajwanlar sälamät uldyqlary kebi, atalary ulğan cämğyjätdä qarendäşlek, dustlyq ulyr* [Там же, с. 10] ‘Подобно тому как животные, у которых есть пастух, бывают здоровыми, в обществе, где есть отцы, будет родство,

дружба’; *Bu xatynlar millät analary jäki ähle ävläd tärbijä itmäk kebi oluğ säğadät ähelläre ulmaj*, <...> [Фәхрәтдинев, 1899, с. 15] ‘Эти женщины не став матерями нации или лицами, удостоившимися такого большого счастья как воспитание детей, <...>’; *Waqyjğan haqyjquj xatyn wä millät anasy ulmaq, cömlä bijük mänsublaryñ östendä ulan fazyjlätle ber märtäbäder* [Фәхрәтдинев, 1903, с. 94] ‘На самом деле становление подлинной женщиной и матерью нации есть благородная честь, которая ложится на всех великих членов’.

Сочетаясь со словами *din* ‘религия’, *dil* ‘язык’, *islam* ‘ислам’, выражающими общественно значимые понятия, а также с прилагательным *mesken* ‘несчастный’, посредством которой отмечается незавидное положение татар во всех сферах жизнедеятельности, в социальные тона окрашиваются и лексические единицы *qardäs* ‘родственник, брат’, *qarendäs* ‘родственник, брат’: <...> *ber дәgel, biş дәgel, beñlär ilä din wä dil qardäsläremez beñ törle dardä möbtälä ulyb*, <...> [Акьегет, 1886, с. 5] ‘<...> наши братья по религии и языку, не один, не пять, а тысячами, подвергнувшись тысячам разным страданиям, <...>’; *Rusijädä sakin un miliun islam qardäslärene jadyña aldy* [Там же, с. 7] ‘Он вспомнил десять миллионов проживавших в России мусульманских братьев’; *Kidäjem, küräjem, ul tarafda din qarendäsläremezeñ šimdiki xällärenä qyjas ideb, ğyjbrät alajym didem* [Бигиев, 1908, с. 2] ‘Решил, поеду, посмотрю, извлеку урок, сравнив настоящее состояние братьев по религии в тех местах’; *U mesken qarendäsläremeze soñ dārācādä fāqyr kürdem* [Там же, с. 103] ‘Я увидел этих несчастных братьев в наивысшей степени бедными’.

В качестве средства достижения публицистической экспрессивности лексема *qardäs* ‘родственник, брат’ выступает и в составе риторических призывов, что также является социально обусловленным явлением: *Ujğanyñyz qardäslär! Ujğanyñyz, bunyñ kebi ğaqylsyz дәlilläreñezlä üzeñezdän köldermäñez!* [Акьегет, 1886, с. 46] ‘Просыпайтесь братья! Просыпайтесь, своими такими неразумными доводами не допускайте, чтобы над вами смеялись!’.

Во второй половине XIX – начале XX вв. в повседневный быт татар все больше начинают проникать атрибуты городского образа жизни, явившиеся предвестниками общественных и экономических перемен. Как утверждает историк Л.Р. Габдрафикова, в указанный «татары проживали практически в каждом городе Российской империи» [Габдрафикова, 2015, с. 8], что в свою очередь создало предпосылки для становления «татарского буржуазного общества с новой социально-профессиональной дифференциацией» [Там же].

Указанные тенденции нашли свое отражение и в лексике татарского языка, в частности коннотациями социального характера осложнились лексические единицы, вербализующие жилищные построения и другие здания. Так, например, как показывает анализ эмпирического материала, семантика слов *iv* ‘дом’, *jort* ‘дом’ расширилась за счет семы ‘арендованное жилье’, что наиболее ярко проявляется при их употреблении в одном контексте с заимствованием западноевропейского происхождения *kvartir* ‘квартира’. Другими словами возведенная человеком для индивидуального проживания постройка в процессе его хозяйственной деятельности, основанной на взаимодействии с другими индивидами общества, превращается в средство получения прибыли: *Qarçyq toran iv, älbättä, qarçyqnyñ üz ive ulmajynça, kvartir (kirajla alynmyş fatir) ide. Bu jortda qarçyqnyñ kvartiryna mağada ike-öç kvartir bar ide* [Бигиев, 1890, с. 42] ‘Дом в котором жила старушка, не была собственным домом старушки, а была квартирой (арендованной квартирой). В этом доме кроме квартиры старушки были еще две-три квартиры’.

А в составе словосочетания *vospitatelnyj iv* ‘воспитательный дом’ лексема *iv* ‘дом’ начала использоваться для обозначения богоугодного заведения, на которое накладывались обязанности по приему и призрению брошенных родителями младенцев: *Ämma, qabul idmäjençä, šušy, sin äjtkän vospitatelnyj ivgä jullasalar, <...>* [Там же, с. 20] ‘Ну а если, не приняв, отправят в этот воспитательный дом, о котором ты говорила, <...>’.

В рамках таких конструкций как *Musa äfändeneñ xäbes qylynmyş bülmäsenä* ‘в камеру, в которую был заключен Муса эфенди’, *dvorjanskij bülmäjä mäxbüs ide* ‘был заключен в дворянскую камеру’, «*sekretnyj*» *bülmäjä xäbes qyldylar* ‘заключили в «секретную» камеру’, *Mahrujnyñ mäxbüs bülmäse* ‘камера, в которую была заключена Махруй’, *xäbesxanädä ber bülmäjä* ‘в одну из камер в тюрьме’ сопутствующие коннотации приобретает и лексема *bülmä* ‘комната’, которая до этого традиционно употреблялась только для обозначения части жилища: <...> *tjurennyj smotritelneñ röxsäte ilä Musa äfändeneñ xäbes qylynmyş bülmäsenä kermeşlär*. <...> *Xasyjl äl-käläm, Musa äfände dvorjanskij bülmäjä mäxbüs ide* [Бигиев, 1887, с. 33] ‘<...> с разрешения тюремного смотрителя зашли в камеру, в которую был заключен Муса эфенди. <...> Короче говоря, Муса эфенди был заключен в дворянскую камеру’; *Mahruju, qatel bäğdendä politsäjä kiltereb, «sekretnyj» bülmäjä xäbes qyldylar. Mahrujnyñ mäxbüs bülmäse ğadi «sekretnyj»lar kebi ber keçek bülmä ide* [Бигиев, 1890, с. 23] ‘Махруя после убийства привезли в полицию и заключили в «секретную» камеру. Камера, в которую была заключена Махруй, была такой же маленькой камерой как простые «секретные»’; <...> *Mämät, Ğabdelğafur wä Ibrahim xäbesxanädä ber bülmäjä mäxbüs uldylar* [Там же, с. 64] ‘<...> Мамет, Габделгафур и Ибрагим были заключены в одну из камер в тюрьме’.

Здесь социально маркированным является также употребление в качестве средств достижения публицистической экспрессивности лексем, обозначающих элементы жилищных построек. Так, например, данная функция в рамках словосочетаний *fäqyrlekdän jitmeş qary* ‘семьдесят дверей от бедности’ и *bäxet wä bajlyq išege* ‘двери счастья и богатства’ накладывается на слово *qary* ‘дверь’ и его синоним *išek*: <...> *kändeseçün ber kemsä surmaqdan ber qary ačsa, Alla xäzrätläre ačar aña fäqyrlekdän jitmeş qary* [Акъегет, 1886, с. 17] ‘<...> если кто-то откроет для себя дверь от попрошайничества, господин наш Аллах откроет для него семьдесят дверей от бедности’; *Bu jul säbäbendän Rusjağa bäxet wä bajlyq išege*

ačylyr [Фәхретдинев, 1899, с. 40] ‘По причине этой дороги России откроются двери счастья и богатства’.

Далее, в силу проникновения в повседневный быт татар городского образа жизни, в коммуникативной среде определенных социальных групп закрепляется образованное на основе заимствования греческого происхождения *pulat* ‘палата’ словосочетание *taš pulat* ‘каменная палата’: *Biš-un daqıqa kiçdekdän soñra Voskresenskij uramda ber jaxşy taš pulat janyna kileb, Musa äfändeneñ quçere atlarny tuqtatdy. Bu jaxşy taš pulat gospodin Andrejevneñ ive ide* [Бигиев, 1887, с. 19] ‘После того как прошли пять-десять минут, подъехав к каким-то хорошим каменным палатам, кучер Мусы эфенди остановил лошадей. Эти хорошие каменные палаты были домом господина Андреева’.

Затронувшие различные стороны жизни татарского общества преобразования привели к изменениям и в обустройстве внутреннего жилищного пространства. Если до этого в домах татар традиционно отсутствовали какие-либо предметы мебели, не считая сундуков и ковров, в рассматриваемый период начали появляться столы, стулья, шкафы, комоды, диваны, кресла и другая утварь. Причиной данной тенденции прежде всего явилась «европеизация домашнего интерьера городских татар, получившая широкое распространение во второй половине XIX – начале XX века» [Габдрафикова, 2015, с. 57], чем и обусловлена социальная маркированность зарегистрированных в текстах лексических единиц *säğat* ‘часы’, *lampa* ‘лампа’, *östäl* ‘стол’, *stul* ‘стул’, *krisla* ‘кресло’, *divan* ‘диван’, *kravat* ‘кровать’, *közge* ‘зеркало’, *sofra* ‘стол’: *Divarda taqylmyş säğatlär berne ordylar* [Акъегет, 1886, с. 37] ‘Навешанные на стену часы побили час’; *Jäş qyz jomşaq düşägendän toryb, ätrafa baqyb, cömläse ujquda uldyqlaryny beldekdän soñra lampasyny jandyryb, <...>* [Там же, с. 37] ‘Молодая девушка после того как, встав с мягкой подушки и осмотревшись вокруг, узнала, что все спят, зажгла лампу <...>’; *Nomerä eçendä ike östäl, dürt stul, ike krisla, ber divan, ber kratav* [Бигиев, 1887, с. 5] ‘Внутри номера [были] два стола, четыре стула, два кресла, один диван, один кровать’; *Musa äfändejlä gospodin Andrejevneñ*

süzläre tämam ulğaç, xadim kofene kiltereb östülgü qujdy [Бигиев, 1887, с. 21] ‘Когда разговор господина Андреева с Мусой эфенди закончился, слуга принес кофе и поставил на стол’; *Xajr, nomerä häm äsbablary – östül, stul, krisla, divan, közge – härqajusy bik jaxşy* [Там же, с. 57] ‘Нет, номер и его мебель – стол, стул, кресло, диван, зеркало – каждый очень хорош’; *Şimdi sofra janyna utyrmyşlar, söjläşeb çäj eçejurlar* [Бигиев, 1890, с. 9] ‘Теперь сели за стол, беседуя пьют чай’; <...> *säğat 12 däfğa «Ku-ku» quçqyrdy* [Там же, с. 11] ‘<...> часы двенадцать раз крикнули «Ку-ку»’; <...> *Ibrahim äfändeneñ janynda ulan stullaryñ berenä ultyrdy* [Там же, с. 27] ‘<...> сел на один из стульев, которые были рядом с Ибрагимом эфенди’.

В свете сказанного выше соответствующую смысловую окрашенность приобретает и обозначающая традиционный элемент домашнего интерьера татар лексема *kover* ‘ковер’, которая в составе словосочетания *bähale kover* ‘дорогой ковер’ выступает в качестве средства репрезентации атрибута высокого социального статуса: *Bülmäneñ idänenä bähale kover düşälmeş, täräzäsendä xuş isle göllär wä başqaça iv äsbabynyñ jaxşylyğy Äxmädi Xämidevneñ baj adäm idegenä дәләләт qylalar ide* [Бигиев, 1887, с. 24] ‘На полу комнаты постелен дорогой ковер, благоухающие цветы на окне и добротность другой домашней мебели доказывали, что Ахмади Хамидев был богатым человеком’.

В условиях сложившейся во второй половине XIX – начале XX вв. новой общественной, культурной и экономической конъюнктуры среди татар усилились процессы самоидентификации себя как отдельного, единого и самодостаточного этнического сообщества, характеризующегося, как и у других народов мира наличием собственных обычаев и традиций, способствовавших в течение многих веков сохранению его национальной идентичности. В свете сказанного выше социально маркированным является и употребление в текстах наименований предметов кухонной утвари, посредством которых в рамках просветительского дискурса раскрывается самобытность татарского народа, в частности лексических единиц *samavar* ‘самовар’, *čaşqa* ‘чашка’, *kasä* ‘чашка’: *Xisametdin menla qarşysynda samavar janynda Sibğatulla äfände keçkenä tatar čaşqalaryna çäj salmaq*

ilä mäşğulder [Акъегет, 1886, с. 15] ‘Напротив Хисаметдина муллы рядом с самоваром Сибгатулла эфенди был занят наливанием чая в маленькие татарские чашки’; *Äüwälän, ğadätençä samavar mäjdana çyqdy* [Там же, с. 35] ‘Сначала по обычаю вышел самовар’; *Musa äfände, gospodin Šubin, Niğmätulla äfände öçäüläb samavar janyna ultyryşyb, <...>* [Бигиев, 1887, с. 12] ‘Муса эфенди, господин Шубин, Нигматулла эфенди втроем сев рядом с самоваром, <...>’; *Niğmätulla äfände çäjne kasälärä salyb eçä başlağaç, <...>* [Там же, с. 14] ‘Когда Нигматулла эфенди начал пить чай, наливая в чашки, <...>’.

А лексемы *bardağ* ‘стакан’, *podnos* ‘поднос’, *pyçaq* ‘нож’, *säneçke* ‘вилка’ в рамках просветительского дискурса, как и наименования мебели, выступают в качестве средств репрезентации элементов манеры жизни на европейский лад: *Jaxşy, alyşdyryrmыз. Berär bardağ çäj eçälem* [Акъегет, 1886, с. 12] ‘Хорошо, разменяем. давай выпьем по одному стакану чая’; *Bu waqytda gostinsa xadime mäsil närsäläre podnosla kiltereb östälğä kujdy* [Бигиев, 1890, с. 18] ‘В это время служащий гостиницы на подносе принес истребованные вещи и поставил на стол’; *Wä berençe dārəcə zalynda ašauçylarныñ pyçaq, säneçke, çynajaq wä zvonok dawyşlaryныñ mäcmuğyndan totaş xasyjl ulan şaulamaqy işedeb tornağ wä mäcmuğыныñ räweşlärene küreb tornağ ğajät qyzyqly ide* [Фәхрәтдинев, 1903, с. 58] ‘И было очень интересным слушать шум, возникаемый от совокупности звуков ножей, вилок, чашек и звонков кушающих в зале первого класса и видеть, как они все выглядят’.

Далее содержанием этнолингвистического характера, отражающим самобытность татарского народа, осложняются наименования напитков и блюд национальной кухни. В текстах в качестве таковых были зарегистрированы слова *çäj* ‘чай’ (а), *qumыз* ‘кумыс’ (б), *qojmaq* ‘оладья’, *pärämäç* ‘перемяч’, *qamыр* ‘тесто’, *qatlama* ‘слоеная лепёшка (из пресного теста)’, *qoş dele* ‘хворост’, *şurba* ‘суп’, *pylau* ‘плов’ (в):

а) *Ikençe kön uldy, Musa äfände wä Niğmätulla äfände säğat unda irtänge çäjne eçälär* [Бигиев, 1887, с. 18] ‘Наступил второй день, Муса эфенди и Нигматулла

эфенди в десять часов пьют утренний чай»; *Šimdi Naqas mulla wä uğly Ğabdelğafur, ike mösafir wä mäzin biş kemsänä mulla ivendä čäj ečejurлар* [Бигиев, 1890, с. 3] ‘Сейчас Накас мулла и его сын Габделгафур, двое гостей и муэдзин – пять человек в доме муллы пьют чай’; <...> *čäj, šikär, motaläğa idäčäk kitablarymny janyma alyb, başqalaryny qaldyrdym* [Фәхретдинев, 1899, с. 18] ‘<...> взяв с собой чай, сахар, книги, которых буду читать, остальные оставил’;

б) *Xajr, min syrxaу dägelmen, läkin här sänä qymyz ečämen* [Бигиев, 1887, с. 55] ‘Нет я не болен, но каждый год пью кумыс’; <...> *oluğ ağaç savytlar ilä qymyz ečüläremne fikerläb*, <...> [Там же, с. 8] ‘<...> подумав о том, как я большими деревянными сосудами буду пить кумыс, <...>’; *Ečenä kereb utyryb qymyz soradyq* [Там же, с. 40] ‘Сев, зайдя внутрь, попросили кумыс’;

в) *Qojmaqlar, pärämäčläär ber-ber artly pešmäjä başladylar, qamyrlar basylyb, qatlamalar, qoş delläre хazyrlanmağa başladylar* [Акъегет, 1886, с. 35] ‘Оладьи, перемячи начали печься друг за другом, теста замесились и начали готовиться слоеные лепешки, хворосты’; *Šurbalar, pylaular qunaqlar ičün qajnab-qajnyj* [Там же, с. 35] ‘Супы, пловы так и варятся для гостей’.

В текстах при употреблении в качестве средства достижения публицистической экспрессивности смыслы социального характера приобретают и лексемы *araqy* ‘водка’ (а), *ikmäk* ‘хлеб’ (б), которые не имеют какого-либо отношения к национальной кулинарной традиции татарского народа:

а) *Alla saqlasyn, araqy ičün canyn fida qylyr, qarendäšen ülterer, atasyn qyjnar* <...> [Бигиев, 1890, с. 6] ‘Спаси Аллах, за водку пожертвует душу, убьет родственника, поколотит отца <...>’; *Xatynlarymznuñ da araqy wä başqa möskiraty sävänläre juq дәgel*, <...> [Там же, с. 6] ‘И среди наших женщин есть такие, которые любят водку и другие спиртные напитки’;

б) <...> *kändeläre šu moxtac fäqyjrlärneñ kulyndan ikmäk almaqčy bulalar* [Там же, с. 11] ‘<...> сами хотят отнять из рук этих нуждающихся бедных хлеб’; *Allaһy Täğäläneñ bäğzy ber bändäläre encegä ğaryq uldyğy xäldä, ikenče berläre ber kisäk qara ikmäkgü moxtac ulyb, başyny taş östenä qujyb can virdegene xäterläb*, <...>

[Фәхретдинев, 1899, с. 40] ‘Вспомнив о том, как, когда одни рабы Аллаха будучи одаренными жемчугами, другие, нуждаясь в куске черного хлеба, умирали, кладя свою голову на камень, <...>’.

В рассматриваемом ряду социально маркированных лексических единиц представлена также лексема *kofe* ‘кофе’, которая проникла в национальную коммуникативную среду вследствие охватившей определенные круги татарского общества стремления жить на европейский лад: *Musa äfändejlä gospodin Andrejevneñ süzläre tämam ulğaç, xadim kofene kiltereb östälgä qujdy* [Бигиев, 1887, с. 21] ‘Когда разговор Мусы эфенди и господина Андреева закончился, слуга принес кофе и поставил на стол’; <...> *Musa äfände dä gospodin Andrejev ilä bärabär kofene eçä başlady* [Там же, с. 24] ‘И Муса эфенди вместе с господином Андреевым начали пить кофе’.

Далее в рамках просветительского дискурса функция репрезентации национальной самобытности татарского народа накладывается на наименования одежды. В частности посредством таких лексем как *çitek* ‘ичиги’, *käweş (käfeş)* ‘кавуши’, *taqja* ‘такия’, *qalpaq* ‘калфак’, *bürek* ‘шапка’, *jauluq* ‘платок’, *şäl* ‘шаль’, *şarf* ‘шарф’ раскрывается один из традиционных промыслов, которыми татары занимались в рассматриваемый период, а именно производство и торговля указанными аксессуарами, что передовыми представителями общества интерпретировалось как проявление отсталости в экономическом отношении: *Çitek, käweş (käfeş), taqja, qalpaq, bürek kebi möttağlarny eşlädeb*, <...> [Фәхретдинев, 1899, с. 60] ‘Производя такие товары как ичиги, кавуши, такия, калфак, шапка, <...>’; <...> *arşinly mallar (sukno wä sitsa häm jauluq, şäl, şarf) ilä häm säüdäläre vardyr* [Там же] ‘<...> у них также есть торговля аршинными товарами (сукном и ситцой и платками, шальями, шарфами)’; <...> *kändeläre çitek, käweş eşlädeb käseb itdekläre içün*, <...> [Там же, с. 61] ‘<...> так как сами промышляли изготавливая ичиги, кауши, <...>’.

Смыслы социального характера в семантику наименований одежды закладываются и при их употреблении в соотношении с представителями тех или

иных слоев общества. Так, например, посредством слов *čapan* ‘чапан’ и *čalma* ‘чалма’ раскрываются устоявшиеся предпочтения в одежде представителей духовенства и шакирдов, а при помощи лексемы *čalbar* в значении ‘шаровары’, словосочетаний *suqna bišmät* ‘суконный бешмет’ и *qaraqül bürek* ‘каракулевая шапка’ – торгового люда: *Ğolämä wä šäkerdläre čapan wü čalma kijeb, säüdägäre östendä suqna bišmät, čalbar, qaraqül bürek uladyr* [Фәхретдинев, 1899, с. 3] ‘Ученые люди и шакирды носят чапаны и чалмы, на торговце бывают [надеты] суконный бешмет, шаровары, каракулевая шапка’.

При этом наименование *suqna bišmät* ‘суконный бешмет’ в сочетании с лексемой *čitek* ‘ичиги’ в текстах выступает и в качестве средства раскрытия образа представителя духовенства, придерживающегося идей просвещения и прогресса: *Xisametdin menlanyñ östendä jaxšy suqna bišmät. Ajağyndağy čitekläre jaxšy kilešerlär* [Акъегет, 1886, с. 29] ‘На Хисаметдине мулле был хороший суконный бешмет. Ичиги на ногах очень шли ему’.

А слово *šalvar* в значении ‘брюки’ и такие составные наименования элементов одежды как *qara sukna sjurtuk* ‘черный суконный сюртук’, *jaltyrawyq töjmäle forma* ‘форма с блестящей пуговицей’ раскрывают элементы внешнего вида татарских мурз, обучавшихся в гимназиях: *Äbüzar bäj bähale qara sukna sjurtuk, šalvar kijmeš* [Там же, с. 29] ‘Абузар бей надел черный суконный сюртук и брюки’; *Äbüzar bäj Däülätgildijev jaltyrawyq töjmäle formasyny kijeb Xisametdin ilä gizär* [Там же, с. 42] ‘Абузар бей Давлетгильдиев, надев форму с блестящей пуговицей, прогуливался с Хисаметдином’.

В рассматриваемом ряду социально маркированным является и конструкция *frankča cäjge kijem* ‘летняя одежды по-французски’, которая выступает в качестве средства репрезентации европейских модных тенденций, проникших в рассматриваемый период в среду татарских шакирдов: *Qazanda ulğan dustlarymdan berse ber qat frankča cäjge kijem tektereb hädijä äjlämeš ide, <...>* [Фәхретдинев, 1899, с. 30] ‘Один из моих друзей в Казани, заказав пошив, подарил один комплект летней одежды по-французски, <...>’.

Далее с представителями мещанского сословия соотносятся наименования *krymqa bürek* ‘крымка-шапка’ и *qaluş* ‘калоши’: *Cömläsendän yraq mäüqyjfneñ ber küşäsendä ber jäş äfände utyryr. Bu keşe krymqa bürekne beraz qyñğyr kijeb, hiç kemgä quşylmajyb utyrğyçnyñ ardyna tajanyb, qamyş ğasasyjla açyq qaluşlarynyñ jözenä ujnab oryr ide* [Акъегет, 1886, с. 42] ‘В одном углу станции вдали от всех сидел один молодой господин. Этот человек, надев крымку-шапку немножко набекрень, не присоединяясь никому, прислонившись к задней части сиденья, играючи постукивал камышовой тростью поверх своих калошей’.

А образ крестьян раскрывается посредством словосочетаний *sary tun* ‘желтая шуба’, *jon itek* ‘валенки’, *qara qyrpuly bürek* ‘черная шапка с околышем’: *Aradan qysqa bujly, juan bädänle, aq saqally, östenä sary tun, ajağyna jon itek, başyna qara qyrpuly bürek kigän ber keşe çyqdy* [Фэхретдинев, 1903, с. 80] ‘Из толпы вышел человек короткого роста, полного телосложения, с белой бородой, который надел на себя желтую шубу, на ноги валенки, на голову черную шапку с околышем’.

Сопутствующие элементы внешнего вида нищих в текстах репрезентируются посредством лексики *čabata* ‘лапти’ и конструкций *quryq jamauly zipun* ‘желтый зипун с сорока заплатами’, *quryq jamauly, jitmeş jyrtyqly ber bişmät* ‘бешмет с сорока заплатами, с семидесятью дырами’: *Dilänče Moxtarnyñ östendä quryq jamaly sary zipun. Pyçraq čabatalary parketly idänne pyçratmyşlar wä čamurlamyşlar* [Акъегет, 1886, с. 29] ‘На нищем Мухтаре был желтый зипун с сорока заплатами. Грязные лапти испачкали и загрязняли паркетный пол’; *Östendä quryq jamauly, jitmeş jyrtyqly ber bişmät ulyb, bu bişmätdän hiç maniğsyz jil ber tarafyndan ikenče tarafyna üteb jörer ide* [Фэхретдинев, 1903, с. 61] ‘На ней был бешмет с сорока заплатами, семидесятью дырами, через этот бешмет ветер без каких-либо препятствий проходил с одной стороны в другую’.

В рамках просветительского дискурса, в силу обозначенных выше факторов, социальную маркированность приобретают и наименования одежды татарских женщин, в частности такие словосочетания и слова как *Qazan qalpağy*

‘казанский калфак’, *jonly kük kamzul* ‘шерстяной синий камзол’, *tamburly čitek-bašmaq* ‘тамбурные ичиги’, *qalpaq* ‘калфак’, *taqja* ‘такия’, *čitek* ‘ичиги’, *käweš* ‘кауши’, *čapan* ‘чапан’, *šäl* ‘шаль’: *Qyz urta bujly, bašynda jaxšy Qazan qalpağy kijelmeš, östendäge jonly kük kamzuly nazik wä zifa bujyna jaxšy jaqyšyr. Bujynynda saf kömeš manitlär bağlanmyš, <...>. Ajağynda tamburly čitek-bašmaq, <...>* [Акьегет, 1886, с. 9] ‘Девушка была среднего роста, на ее голову был надет хороший казанский калфак, шерстяной синий камзол, который был на ней, очень шел к ее изящному и стройному телу. На ее шее были навешаны монеты из чистого серебра, <...>. На ногах тамбурные ичиги, <...>’; *Xatynlary qalpaq, taqja, čitek, käweš kijeb, uramğa çyqdyqlarynda čapan börkänälär* [Фэхретдинев, 1899, с. 3] ‘Их жены носят калфаки, такии, ичиги, кауши, а когда выходят на улицу, накрываются чапанами’; *Bäne kürdege ilä šälene alyb bašyny ürtde, <...>* [Там же, с. 18] ‘Как только увидела меня, взяв шаль, покрыла голову, <...>’.

Кроме этого, наименования элементов женской одежды в отдельных случаях выступают в качестве средств вербализации авторского идеала представительниц женской половины татарского народа, что также обуславливает их социальную маркированность. В текстах в качестве таковых нами были зафиксированы конструкции *appaq ojyq* ‘белые-пребелые чулки’, *jäšel materijädän külmäk* ‘платье из зеленой материи’, *aq kinderdän al japma* ‘передники из белого поскона’, *qyzyl xätfä (qatyjfü) östenä čikmeš qalpaq* ‘калфак, вышитый на красный бархат’, *zäñgär tösdä keçkenä šäl* ‘маленькая шаль синего цвета’: *Oluğ ber zalda <...> qyz balalar küreler. Ajaqlarynda appaq ojyq, öslärendä jäšel materijädän külmäk, aq kinderdän al japma, başlarynda qyzyl xätfä (qatyjfü) östenä čikmeš qalpaq, anyñ östendä zäñgär tösdä keçkenä šäl salynmyšdyr* [Фэхретдинев, 1903, с. 88] ‘В одном большом зале видны <...> девочки. На ногах у них были белые-пребелые чулки, выше – платье из зеленой материи, передники из белого поскона, на головах – калфаки, вышитые на красный бархат, поверх них накинута маленькая шаль синего цвета.

Смысловыми оттенками социального характера наименования элементов одежды и других сопутствующих аксессуаров внешнего вида представителей определенных социальных слоев осложняются также вследствие их использования в качестве средств достижения публицистической экспрессивности: *Bäs hiç xäjrana qalmañyz ki, millätpärwärläk çabataly ilä bähaly kijemlelärne dust äjläde* [Акъегет, 1886, с. 31] ‘Итак ничуть не удивляйтесь тому, что национальный патриотизм подружил тех кто носит лапти, с теми, кто носит дорогую одежду’. *Eçlärendä wä xösedlek qajnad toradyr, böjlä täsbix wä çalma saxibläre islam jöräkle dägelderläär* [Там же, с. 49] ‘Внутри них кипит и зависть, такие хозяева четок и чалмов не радуют сердцем за ислам’; *Härber çalma ilä çapan kigän kemsänä mella ulyr isä dä, ğalim ulmaz* [Фәхретдинев, 1899, с. 26] ‘Каждый, кто надел на себя чалму и чапан, если и станет муллою, не станет ученым’; *Millijät kijem saqlamaqdan ğyjbarät dägel, <...>* [Там же, с. 31] ‘Национальность не сводится к сохранению одежды, <...>’.

В рамках просветительского дискурса определенные стилистические функции накладываются и на лексемы *qapçyq* ‘мешок’, *çybyrqu* ‘кну́т’, которые в результате начинают выступать в качестве символов тяжелой жизни детей-сирот, вынужденных в силу своей обездоленности нищенствовать: *Sul tarafynda ğäüädä bujynça asylmyş ber qapçyq ulyb, läkin qapçyqda hiçber jyrtıyq wä tişek kürelmäz, böten ide. Aj, bu qapçyq, waj, bu qapçyq!.. Söjlädegemez qyza asylmaja hiç kileşmäz ide. Läkin nä çara ki, baş jazysy böjlä imeş tä, asylmyş, buna nä çara?!..* [Фәхретдинев, 1903, с. 62] ‘На левой стороне по всему телу был привязан один мешок, но на этом мешке не было ни одной прорехи и дыри. Ай, этот мешок, вай, этот мешок!... Он совсем не шел к девочке, о которой мы говорили. Но что поделаешь, на лбу было так написано он привязан, что скажешь на это?!..’; *<...> süs çybyrqyny urynyndan alyb, meskinäne jarmaja başlady. Bu çybyrqu bundan möqaddäm häm küb balalaryñ jäşlärene ağyzmyş, ahlaryny da küklärä çyqartmyş ide* [Там же, с. 119] ‘<...> взяв пеньковый кнут с того места, где он висел, начала бить

бедняжку. Этот кнут до этого пролил слезы многих детей, а также вознес их стоны в небеса’.

Кроме наименований блюд, предметов кухонной утвари и элементов одежды в текстах в качестве средств вербализации этнической самобытности используются также лексические единицы, обозначающие традиционные средства передвижения татар, а именно лексемы *arba* ‘телега’, *čana* ‘сани’: *Bezem qarjädä ulan imam wä möäzinläreñ at wä arba kebek äsbablary* <...> [Фәхретдинев, 1903, с. 80] ‘Лошади и такие вещи как телеги имамов и муэдзинов нашей деревни <...>’; *Bu awyla oşbu qyş čana july döşkän soñ bardym* [Там же, с. 82] ‘В эту деревню я ездил этой зимой после того как установилась дорога для саней’.

В противовес им в рассматриваемый период в национальную коммуникативную среду проникают слова *koljaska* ‘коляска’ и *araba* ‘экипаж’, репрезентирующие проявления так называемой европеизации: *Aldağy koljaskanyñ myltyqlary artyğraq göreläjurlar, bu koljaskada kijäü Sibğatulla äfände kijäü jegetläre ilä bärabärlekdä jäšen kebi jögererlär* [Акъегет, 1886, с. 52] ‘Ружья передней коляски гремели сильнее, на этой коляске словно молния мчался жених Сибгатулла эфенди вместе с шаферами’; <...> *Äxmädi baj ilä Ğabdennäsyр äfände čyğyb, arabaja ultryb kitdelär* [Бигиев, 1887, с. 18] ‘<...> Ахмади бай с Габденнасыр эфенди вышли и, сев на экипаж, уехали’; *Musa äfände arabadan döşeb, iv ečenä kereb kitde* [Там же, с. 24] ‘Муса эфенди слез с экипажа и зашел в дом’.

В силу употребления в составе наименований специализированных транспортных средств (*timer jul arbalary* ‘железнодорожные вагоны’, *počta arbasy* ‘почтовая повозка’), которые начинают проникать в повседневную жизнь татар в рассматриваемый период, сопутствующими данной модернизационной тенденции коннотациями осложняется лексема *arba* ‘телега’: <...>, *ulsa da, timer jul arbalarynda jördegem ulmadyğy içün*, <...> [Фәхретдинев, 1899, с. 8] ‘<...>, так как ни разу не ездил на железнодорожных вагонах, <...>’; <...> *počta arbasy*

tuğrısında (bärabärendä) ber telänçe qyz ulınyr ide [Фәхретдинев, 1903, с. 61] ‘<...> рядом с почтовой повозкой стояла одна нищенка-девочка’.

В свете сказанного выше социально маркированным является также использование слова *taqym* ‘состав’ (а) в новом для него значении и проникновение в татарский язык русских, западноевропейских заимствований *pojzđ* ‘поезд’ (а), *mašina* ‘машина’ (б), *vagon* ‘вагон’ (в), *paraxud* ‘пароход’, *zavod* ‘завод’ (г), ознаменовавших наступление эры промышленной революции:

а) *Čünkä bu pojzđ, jäğni taqym ilä möfti xäzrätläre Peterburgdan Ufaja kičäčäk imeš* [Акъегет, 1886, с. 41] ‘Потому что на этом поезде, то есть составе, господин муфти проедет из Петербурга в Уфу’; *Ğaib ulmyš julcy taqymy möfti xäzrätlärene alyb kitte* [Там же, с. 43] ‘Исчезнувший пассажирский состав увез господина муфтия’;

б) *Bundan böjlä mašina kilmäzdän ber säğat äüwäl tuly mäüqif tatar ide* [Там же, с. 41] ‘Из-за этого за час до приезда машины остановка была заполнена татарами’; *Nağah zäh, jäğni kolokol orylmaqy mašinanyñ jitešmägene belderde* [Там же, с. 42] ‘Внезапно звонок, то есть звон колокола, сообщил о приближении машины’;

в) *Möfti xäzrätläre kändesenä maxsus ber vağon almyš ide* [Там же, с. 42] ‘Господин муфти для себя взял специальный вагон’; <...> *xazyrdaki qarşylamaqlary içün täšäkker ideb, vağonyna çyqdy* [Там же, с. 43] ‘<...> поблагодарив за их нынешнюю встречу, зашел в вагон’.

г) *Jäš balalarynyñ köjsezläneb jyğlaulary, ana wä qarauçylarynyñ anlarny juatulary, jaqynda paraxud, jyraqda ulğan zavod wä timer jul arbasy dawyşlaryna quşylyb, ğacäb räweşdä hawağa kütäreleb, taralmaqda ide* [Фәхретдинев, 1899, с. 14] ‘Капризный плач маленьких детей, голоса утешающих их матерей и нянь, сливаясь со звуками проплывавших вблизи пароходов, а также заводов и железнодорожных вагонов вдали, удивительным образом поднимались на небо и распространялись по округе’.

В текстах идентичную смысловую нагрузку несут в себе и лексемы западноевропейского происхождения *telegram* ‘телеграмма’, *telefon* ‘телефон’, посредством которых обозначались считавшиеся в рассматриваемый период самыми передовыми и вследствие этого выступавшие в качестве символов прогресса средства связи: <...> *dyñlauçylar kändeläreneñ timer jul, paroxod, telegram, telefon zamanasynda ideklärene onydyb*, <...> [Фэхретдинев, 1903, с. 20] ‘<...> слушающие, забыв что они находятся в эпоху железной дороги, парохода, телеграммы, телефона, <...>’.

Лексика тематической группы «Общество». Как уже было сказано, во второй половине XIX – начале XX вв. татары, как и остальная часть населения Российской империи, в основной своей массе представляли собой сельскую нацию. Этим и обусловлено активное функционирование в текстах вербализующих деревню – место постоянного проживания занимающихся хлеборобством, животноводством и овощеводством людей лексических единиц, в частности лексем *awyl* и *qarjā*. В рамках просветительского дискурса они начинают выступать как средства репрезентации одной из составляющих самобытности татарского народа, в частности татарской деревни (*tatar awyly* ‘татарская деревня’) и тем самым приобретают социально окрашенные смысловые оттенки: *Rossijä urtasynda Idel näherendän uzaq дәгел бер tatar awyly mäücüdder. Qarjäneñ ähalise ike jöz äv qadär ulyb, adyny faş itmäkdän čäkinijoryz, ancaq xikäjämeze jiñel anlatmaq içün adyny Nun xärfejlä iñarät idämez. Nun qarjäseneñ xanäläre ğadi xanälär kebi aĝaçdan wä bašlary bäğzän salamdan bäğzän aĝaçdan jasalmyşdyr. Nun awylynda ike mäsced var. Ber uramly awyl bulyb, uramy ozyn wä kiñder* [Акъегет, 1886, с. 2] ‘Посередине России, недалеко от реки Волга, находится одна татарская деревня. Жители деревни насчитывают около двухсот домов, мы воздержимся от изобличения ее названия, только, чтобы было легче повествовать наш рассказ, мы укажем ее название буквой Нун. Дома деревни Нун, как и простые дома, построены из дерева, а крыши у некоторых – из соломы, у некоторых – из дерева. В деревне Нун имеются две мечети. Будучи деревней с

одной улицей, эта улица была длинной и широкой»; *Mäğarifpärwär jegetlär kitab öläšmäkne Xisametdin menlaja täslim itdelär. Bäs menla Xisametdin kitablar täslim itmäk içün ätrafda bulynan tatar awyllaryna çyqdy* [Акъегет, 1886, с. 63] ‘Раздачу книг, радеющие за просвещение молодые люди, вверили Хисаметдину мулле. Поэтому мулла Хисаметдин, чтобы вручить книги, вышел в находящиеся в округе татарские деревни’.

Новые экономические отношения дали толчок урбанизационным процессам. В рассматриваемый период в жизни татар все большее значение начинают приобретать города, выступавшие в качестве административных, промышленных, торговых и культурных центров. Вследствие этого в национальной коммуникативной среде активизируется лексема *šähär* ‘город’ (См. приложение 2): *Läkin çuq xalyqlary başqa šähärlärä, mäsilän, Ästerxan, Rastuf, Qazan kebilärä eš wä ticarät içün dağylyrlar* [Там же, с. 2] ‘Но много людей расходятся в другие города, в такие как Астрахань, Ростов, Казань, для работы и торговли’; *Šähärdä ağaç iskäläse wä Nunda jon jumaq kärxanäse var ide, <...>* [Там же, с. 12] ‘У него в городе была деревянная пристань и цех по обработке шерсти, <...>’; *Šähärlärdä axun wä xatib cäxätlärenä keräçäk adäm rusça jazmaq wä uqumaq, xisab qylmaq belmäse läzemder* [Бигиев, 1890, с. 13] ‘Человек, который в городах будет вступать в должность ахуна и хатиба, должен уметь писать и читать по-русски, вести счет’.

Указанными тенденциями обусловлено и употребление лексемы *čäjxanä* ‘чайная’ в значении ‘ресторан’: *Biš-un daqiqa eçendä gospodin Šubinny atlar «Pariz» čäjxanäsenä jitkerdelär* [Бигиев, 1887, с. 13] ‘В течение пяти-десяти минут лошади довели господина Шубина в ресторан «Париж»’; *Bäğdä gospodin Šubin čäjxanädän çyğyb, ivenä qajtyb kitde* [Там же, с. 13] ‘После господин Шубин, выйдя из ресторана, поехал домой’; <...> *«Tsargrad» čäjxanädän Ğabdennäsyr äfändejlä Ğabdullin äfände säğat berdä çyğyb kitdelär* [Там же, с. 48] ‘<...> из ресторана «Царьград» Габдуллин эфенди с Габденнасыром эфенди ушли в час’.

Далее ряд социально маркированных наименований объектов городской инфраструктуры расширяется за счет лексических единиц, обозначающих строения, предназначенные для кратковременного проживания в них приезжих. В качестве таковых в текстах нами были зафиксированы следующие лексемы:

mösařirxañä ‘гостиница’: *Sabař säğat unda Qazan mösařirxañälärendän ber oluğ wä möğtäbär mösařirxañä janyna küb adämlär cämğ ulmyşlar* [Бигиев, 1887, с. 4] ‘Утром в десять часов около одной большой и уважаемой гостиницы из казанских гостиниц собралось много людей’; *Samarda golovnoj uramda oluğ ber mösařirxañägä döşeb*, <...> [Фәхретдинев, 1899, с. 39] ‘Остановившись в Самаре в одной большой гостинице на головной улице, <...>’.

gastinsa ‘гостиница’: <...> *Jağqub äfände, ğastinsada nomerä işegene jabarkän*, <...> [Бигиев, 1890, с. 16] ‘<...> Ягкуб эфенди, закрывая дверь номера в гостинице, <...>’;

xarčevnja ‘харчевня’: <...> *Pečän bazaryñda ber xarčevnjada (nomerä – mösařirxañäjä qazanlylar xarčevnja dijälär) ber nomerä alyb*, <...> [Там же, с. 51] ‘Сняв на Сенном базаре номер в харчевне (номера – гостиницу казанцы называют харчевней), <...>’;

nomerlär ‘номера’: *Nomerlärgä mäqtülä xatyn xosusynda täftiř öčen kilejurlar ide. Atlar jitde, täftiřçelär arabalaryndan döşeb, nomergä kereb kitdelär* [Бигиев, 1887, с. 4] ‘Они ехали в номера в связи с убитой женщиной для следствия’; *Bügen siges säğat axşam Ğabdullin nomerlärendä 11 nçe nomeräjä kil!* [Там же, с. 22] ‘Сегодня в восемь часов вечера приходи в одиннадцатый номер в номерах Габдуллина’;

pastajalyj dvor ‘постоялый двор’: *Ul šähärdä pastajalyj dvorğa, jäğni ğawam mösařirxañäsenä töşde* [Акъегет, 1886, с. 9] ‘В городе он остановился в постоялом дворе, то есть в гостинице для простого народа’.

Новые экономические отношения, охватившие татарское общество во второй половине XIX – начале XX вв. привели к переосмыслению роли и места денег в повседневной жизни как наиболее эффективных средств достижения более высокого социального статуса и материальных благ. В этот период в

качестве таковых начинают восприниматься не только металлические деньги, но и бумажные банковские знаки, чем и определяется социальная маркированность зафиксированного нами в текстах словосочетания *käğaz aqça* ‘бумажная банкнота’: <...>, *kesäsändän çyqaryb, xezmätçejä ber danä «aq» käğaz aqça virde* [Бигиев, 1890, с. 45] ‘<...>, вынув из кармана, дал прислуге одну штуку «белую» бумажную банкноту’.

Кроме этого в этот период как следствие все большей интеграции татар в общероссийское экономическое пространство в национальной коммуникативной среде активизируются и такие заимствованные из русского языка наименования денежных единиц как *manit* ‘монета’ (а), *rublä* ‘рубль’ (б), *qapik* ‘копейка’ (в) (См. приложение 2):

а) *Üz ğajrätem ilä bälki bajyrmyn, bänä ancaq jöz manit kiräk* [Акъегет, 1886, с. 33] ‘Может и разбогатею своей силой, мне нужно только сто монет’; *Allağa şöker, xazyrda ille manit aqça qazandym* [Там же, с. 45] ‘Слава Аллаху, на сегодняшний момент заработал пятьдесят монет денег’;

б) *Soñra bänä öç rublä na çaj vireb çyğyb kitde* [Бигиев, 1887, с. 6] ‘После вышел и ушел, дав мне три рубля на чай,’; *Äxmädi Xämidevneñ qyzy Xädiçäne jöz meñ rublä aqça ilä käläšlekkä alu möjässär udmadyğyndan, bän üz-üzemne qätel idämen* [Там же, с. 76] ‘Так как не удалось взять в невесты дочь Ахмади Хамидева вместе с деньгами в сто тысяч рублей, я совершаю самоубийство’; *Qart xäzrät uğly Ğabdelxaqğa çäj-şikär wä biš rublä – sum kömeš aqça birä* [Бигиев, 1890, с. 5] ‘Старый мулла дал своему сыну Габделхаку сахар-чай и пять рублей серебряных денег’;

в) *Abystaj, ber un qapik aqça birsän*, <...> [Там же, с. 30] ‘Абыстай, если дашь десять копеек денег, <...>’.

С появлением прессы в национальную коммуникативную среду татар проникают наименования периодических изданий, в частности газеты, основной функцией которой являлось освещение текущих событий из различных сфер жизнедеятельности общества. В текстах в качестве средств репрезентации

данного печатного органа были зафиксированы арабское заимствование *cäridä* ‘газета’ (а) и его синоним западноевропейского происхождения *gazeta* ‘газета’ (б):

а) *Mäzkür cäridäje ačyb uqymaja başlady*, <...> [Акъегет, 1886, с. 5] ‘Начал читать вышеуказанную газету, <...>’; <...> *cäridä näšer itmäk mäsäläsene urtaja qujdy* [Бигиев, 1908, с. 75] ‘<...> поставил на обсуждение вопрос издания газеты’; *Ämma möğallim isä cömlä parasyny kitab wä cäridä içün saryf ideb*, <...> [Фэхретдинев, 1903, с. 98] ‘Но учитель же, расходуя все свои деньги на книги и газеты, <...>’;

б) *Menä bu gazetada ešläreñezneñ qaraluy jazylğan* [Бигиев, 1887, с. 35] ‘Вот в этой газете написано о рассмотрении ваших дел’; *Uqyb tämam itkäč, gazetany Musa Salixov östälgä qujdy* [Там же, с. 36] ‘Когда закончил читать, газету Муса Салихов положил на стол’; *Ošbu kitabxanädä dönjada näšer ulynmaqda ulğan gazetalarnyñ kübese ulynur ide* [Фэхретдинев, 1899, с. 75] ‘В этой библиотеке имелось большинство издаваемых в мире газет’; <...> *bezem möselmanlarymyz gazeta uqymaja kerešdeklärejlä*, <...> [Фэхретдинев, 1903, с. 66] ‘<...> когда наши мусульмане начинали читать газету, <...>’.

В свете охвативших татарское общество во второй половине XIX – начале XX вв. преобразовательных процессов в рамках просветительского дискурса социальную окрашенность приобретают лексемы *mäsced* ‘мечеть’ (а) и *mädräsä* ‘медресе’ (б), репрезентирующие атрибуты духовно-культурного и образовательного пространств татарского народа:

а) *Nun awylynda ike mäsced var* [Акъегет, 1886, с. 2] ‘В деревне Нун были две мечети’; *Naqas mulla mäxälläse cämäğate berär-berär mäscedä kilejurlar. Mäscedä kilän cämäğat arasynda nädän isä dä, ğajät fäqyjr kemsänälär dä kübder* [Бигиев, 1890, с. 3] ‘Народ прихода Накаса по одному шли в мечеть. Среди пришедших в мечеть прихожан почему-то были и очень бедные люди’;

б) <...> *imam ulmyš Xisametdin menlaja kände aqčasyna mädräsä bina qyldyrdy* [Акъегет, 1886, с. 70] ‘<...> ставшему имамом Хисаметдину мулле на свои деньги построил медресе’; *Äqraby wä qarendäšläre Ğabdelğafurny mädräsäjä ozatmaja*

kilmeşlär [Бигиев, 1890, с. 5] ‘Родственники и братья пришли провожать Габделгафура в медресе’; *Qazan mädräsäläre oluğ mädräsüder*, <...> [Там же, с. 6] ‘Казанские медресе большие медресе, <...>’; *Niçün bezem möselmanlarnıñ wä mädräsälärneñ ğajeben faş wä şaiğ qylasın?* [Там же, с. 48] ‘Почему разоблачаешь и придаешь огласке изъяны наших мусульман и медресе’.

Лексика тематической группы «Природа». Социальная маркированность лексических единиц данного разряда в основном проявляется в их употреблении в рамках просветительского дискурса в качестве средств достижения публицистической экспрессивности. Так, например, посредством наименований природных явлений, а именно лексем *buran* ‘метель’, *qar* ‘снег’, *jağmur* ‘дождь’, *suyq* ‘холод’ репрезентируются тяготы жизни обездоленных мира сего. При этом их осложнение аффиксом множественного числа *-lar* направлено на усиление силы воздействия на читателя: *Bere salqın buranlarda, qar-jağmurlarda, suyqlarda tuñyb, jağmurlara çylanyb, rızıq ezläb jördeğendä, übereneñ döñjada böjlä kemsälär ulynaçağy da xatyryna kilmäz* [Фәхрәтдинев, 1903, с. 63] ‘В то время когда один, замерзая в холодных метелях, снегах и дождях, холодах, промокая под дождем, ищет пищу, другому и на ум не придет, что мире могут быть такие люди’.

Далее слово *därja* ‘море’ привлекается для раскрытия масштабов раскрытия такого негативного социального явления как невежество, которое во второй половине XIX – начале XX вв. имело место в татарском обществе: *Tatary dәрjajе cәһälәtdән qurtaryb, ğolüm ilä zyjalandyрмаq lәzеm idege* <...> [Акъегет, 1886, с. 29] ‘То, что было необходимо просветить татарский народ, освободив его от моря невежества, <...>’; <...> *beñ дәгел jәнә miliun jyllar kiçäcäk wä bez iskeçä dәрjaje nadanijätdä qalyrmyz wä üzemez hönärlär belmäjeb äqwame sairäjä хезмәтче wä qol ulyrmyz* [Там же, с. 46] ‘<...> пройдут не тысячи, а снова миллионы лет, мы как и прежде останемся в море невежества и сами, не освоив ремесла, будем прислугой и рабами другим народам <...>’;

В процессе использования в качестве средств вербализации национальной самобытности татар социально окрашенные смысловые оттенки приобретают

наименования растений. В текстах в данном качестве были зафиксированы лексемы *ağaç* ‘дерево’ и *salam* ‘солова’, обозначающие строительные материалы растительного характера, которых татары в течение веков использовали при возведении своих жилищ, и сигнализирующие о статусе хозяев жилищ: *Nun qarjäseneñ xanäläre ğadi xanälär kebi ağaçdan, bašlary bäğzän salamdan, bäğzän ağaçdan asalmyşdyr* [Акъегет, 1886, с. 2] ‘Дома деревни Нун, как и простые дома, построены из дерева, а крыши у некоторых – из соломы, у некоторых – из дерева’.

Кроме этого содержанием этнолингвистического характера осложняются также обозначающие традиционные для татар зерновые культуры фитонимы *aryş* ‘рожь’, *soly* ‘овес’, *qaraboğdaj* ‘гречиха’, *tary* ‘просо’: *Beleşemez Xisametdin menla sybjan uqytmaqdan mağada aryş wä solylaryny suqtyryb wä satyb käseb ideb eşsez hiç jatmaz ide* [Там же, с. 19] ‘Наш знакомый Хисаметдин менла кроме обучения детей молотил рожь и овес и занимался их продажей, тем самым ни минуты не сидел без дела’; *Ançaq berničä keşe uram bujynča soly köttälär ilä şyğyrdyj-şyğyrdyj ütälär* [Там же, с. 51] ‘Только несколько человек скрипя [колесами телег] проезжали по улице с овсяными снопами’; *Tärtib bä tärtib soly, qaraboğdaj wä tary ikmäklärendän qyrlar küzlärä qyzğylt, aqçylt, sarğylt ränğendä kürenerlär ide* [Там же, с. 53] ‘Из-за рядов овсяного, гречишного и просяного хлебов поля виднелись взору в красноватом, беловатом, желтоватом цвету’.

Сопутствующими смысловыми оттенками отдельные наименования объектов растительного мира осложняются в процессе использования данных лексических единиц в качестве средств достижения публицистической экспрессивности. Так, например, слово *ağaç* ‘дерево’ приобретает их в сочетании с лексемой арабского происхождения *ictihad* ‘иджитхад’, основным значением которой является ‘деятельность богослова в изучении и решении вопросов богословско-правового комплекса’ [<https://kartaslov.ru/карта-знаний/Иджитхад>] и которая в рамках просветительского дискурса начала использоваться также для обозначения деятельности человека, направленной на постижение светских наук и достижений прогрессивной мировой культуры: *Bağdad, Qartabä, Ğarnata, Misyr,*

Basra, Dämäşq, Xäleb, Mädinä, Mäkkä šähärlärendä jiteškän mäşhür xatynlar oşbu ictihad ağaçlarynyñ jimeşläreder [Фәхретдинев, 1899, с. 66] ‘Известные женщины, которые созрели в городах Багдад, Кордова, Гранда, Египет, Басра, Дамаск, Халеб, Медина, Мекка, были плодами этих деревьев иджтихада’. А семантика фитонима *tigän* ‘репейник’ социально маркированной коннотацией расширяется в составе градационной конструкции *ätrafy tigänlär, säneçkelär, tirän çoqyr wä bazlar, här törle usal jyrtqyçlar ilä ixata idelmeş ber ğaläm* ‘мир, огражденный репейниками, шипами, глубокими рвами и ямами, разного рода свирепыми хищниками’, посредством которой репрезентируются неприглядные стороны объективной действительности: <...> *ätrafy tigänlär, säneçkelär, tirän çoqyr wä bazlar, här törle usal jyrtqyçlar ilä ixata idelmeş ber ğalämü kermäk içün xazyrlanmaqdasuñyz ki, buny belmijursyz, <...>* [Фәхретдинев, 1903, с. 54] ‘<...> вы готовитесь, чтобы войти в мир, огражденный репейниками, шипами, глубокими рвами и ямами, разного рода свирепыми хищниками, но вы этого не знаете’.

Данная особенность, которые наименования объектов растительного мира приобретают в рамках просветительского дискурса, наблюдается и у лексических единиц, обозначающих существ из животного мира. Так, например, лексемы *balyq* ‘рыба’ и *qoş* ‘птица’ в составе таких конструкций как *kimä ilä balyq kebi jözmäk* ‘плавать с кораблем как рыба’ и *qoş kebi oçmaq maşinasu* ‘машина, [предназначенная] для полета на воздухе как птица’ привлекаются для репрезентации новых явлений в области техники и машиностроения: <...> *bunlar dägel suda kimä ilä balyq kebi jözmäge, hawada qoş kebi oçmaq maşinasyny düzä belälär* [Акъегет, 1886, с. 46] ‘<...> они могут, не только плавать на воде с кораблем как рыба, но и строить машину, [предназначенную] для полета на воздухе как птица’. А зооним *işäk* ‘осел’ выступает в качестве образной номинации окостенелых в своих взглядах на жизнь представителей клерикальных кругов татарского общества. При этом усиление стилистического эффекта достигается путем создания оксюморона, а именно его сочетания с лексемой *ğaqylly* ‘умный’, которая в семантическом отношении никак не соотносится с ним:

Böjlä ğaqylly işäklär fän belmägemne zarar sajyrlar da, bän anlary xurlamajym? [Акьегет, 1886, с. 62] ‘Такие умные ослы считают вредом то, что я знаю науку, и я их не буду высмеивать?’.

Далее посредством слова *et* ‘собака, пес’ обозначаются люди, не обладающие какими-либо моральными принципами: *Läkin et, tänendän canu çuqqanča hämişä et ulyb, etlegene idär, <...>* [Фэхретдинев, 1903, с. 65] ‘Но собака, до тех пор пока не испустит дух, будучи собакой, постоянно будет делать свою подлость’.

Сопутствующими просветительскому дискурсу смысловыми оттенками в составе словосочетания *Darvin majmunlary* ‘обезьяны Дарвина’ осложняется и зооним *majmun* ‘обезьяна’, на который накладывается функция образной номинации отрешенных от социально значимых вопросов и руководствующихся во всем только собственными интересами людей: *<...> bu Darvin majmunlary qajdan kileb, qajda varmaqdarlar ide?* [Там же, с. 61] ‘<...> откуда идут и куда направляются эти обезьяны Дарвина’.

В текстах в качестве стилистических средств привлекаются и энтонимы. Так, например, посредством лексемы *soryqort* ‘трутень’ и составного наименования *bal qorty* ‘пчела’ противопоставляются такие общественно значимые проявления человеческой природы как тунеядство и трудолюбие: *Läkin mäğyjšätene soryqort nizamyna qujmaj, bälki bal qorty ysulyna binaän äjlämeş, jäğni kändese xäle jitdege qadär igen ikderer, <...>* [Там же, с. 9] ‘Но жизнь свою не поставил в порядок трутня, а построил на основе поведения пчелы, то есть сам по мере возможности выращивает хлеб, <...>’.

Таким образом, как показал анализ эмпирического материала, характерные для абстрактной лексики татарского языка тенденции семантической и функциональной направленности, а именно осложнение новыми социальными коннотациями и смыслами, расширение контекстуальных связей наблюдается во всех тематических группах слов с конкретными значениями. Кроме этого в рассматриваемый период имело место пополнение их рядов неологизмами

западноевропейского и русского происхождения, что также было обусловлено социокультурными факторами.

3.4. Социально маркированные имена собственные

Происходившие в татарском обществе во второй половине XIX – начале XX вв. социокультурные преобразования нашли свое отражение и в национальном ономастиконе – в антропонимах, топонимах (хоронимах, ойконимах, гидронимах, оронимах) и наименованиях выпускавших в этот период печатных изданий.

Антропонимы. В рассмотренных нами письменных источниках первую группу социально маркированных антропонимов составляют имена известных личностей. В историческом плане в татарском национальном антропонимиконе в силу влияния восточных традиций преобладали заимствованные из арабского и персидского языков антропонимы. Среди них определенную долю занимают имена поэтов, философов и правителей. Доминирование данной тенденции продолжилось и после перехода на новые парадигмы развития в общественной и культурной жизни: <...> *Mäğarri, Mötänäbbi divanlaryny tämam beleb*, <...> [Фэхретдинев, 1899, с. 20] ‘<...> полностью изучив диваны Маарри, Мутанабби, <...>’.

Однако, в отличие от предшествующих эпох во второй половине XIX – начале XX вв. в рамках просветительского дискурса на имена восточных мыслителей и литераторов были возложены новые социокультурные функции. В частности они стали выдвигаться в качестве символов великого и славного прошлого народов Востока и начали ставиться в один ряд с такими известными представителями западной и российской культур как французский писатель Э. Габорио (1832 – 1873 гг.), русский поэт А.С. Пушкин (1799 – 1837 гг.), литературное наследие которых образованной элитой татарского общества рассматриваемого периода воспринималось как неотъемлемая часть прогрессивной западной культуры: *Ištä bu kebi waqytlarda, frantsuz ädibe Ğaborionyñ syščığı Lekok kebi wä «Ölüf»däge gospodin Šubin kebi kemsälärneñ*

qyjmmät wä qaderläre mäğlüm ula [Бигиев, 1890, с. 35] ‘Вот в такие моменты осознается ценность и польза таких лиц как сыщик Лекок французского писателя Габорио и господин Шубин из «Олюфа»»; <...> *Sälimä tutaşğa paraxudnyñ isemene wä beldegem qadär Puşkinneñ tärcemäi xälene süzlädem* [Фэхретдинев, 1899, с. 48] ‘<...> мадемуазель Салиме я рассказал о названии парохода и все, что знал о Пушкине’; *Aleksandr Puşkin – mäşhür ber şağyjr wä ädibder* [Там же, с. 48] ‘Александр Пушкин – известный поэт и литератор’.

В результате имена восточных классиков осложняются дополнительными коннотациями социального характера, указывающими на их роль и место в истории человеческой цивилизации: *Säğdi, Firdäüsi, Fozuli, Kämali, Kilämi, Qasimi, Faxiri kebi, paraxudlarğa isemlärene näqyş idärlek zatlar bezdä häm vardyr* [Там же, с. 48] ‘Такие личности как Саади, Фирдоуси, Физули, Кямали, Килями, Касими, Фахири, имена которых могли бы украсить пароходы, есть и у нас’.

На этом фоне социально детерминированным является также выдвижение в один ряд с именами знаменитых личностей мужского пола и имен известных женщин, так как данная тенденция в определенной степени выступает в качестве индикатора проникших в патриархальное татарское общество феминистских настроений: *Böstani, Şäjex Näsyjf äl-Jazyçy, Äxmäd Fares Şädjak, Möxämmäd Bäjräm, Ğabdulla Nädim, Cämaledin äl-Äfgani, Tujrani kebi zamanymyzyñ bijük möällif wä möxärrirlärendän, uşandaq Zäjnüb xanym, Ğajşä xanym, Värädät xanym, Zäjnüb Fäwaz xanym kebi mäşhür ädibälär äxwärendän mäğlümat vireb, <...>* [Там же, с. 51] ‘Дав информацию о таких великих авторах и писателях нашего времени как Бустани, Шейх Насиф аль-Язиджи, Ахмед Фарис Шидийяк, Мохаммед Байрам, Абдулла Надим, Джамалуддин аль-Афгани, Туйрани, а также из жизни таких известных писательниц как Варадат ханум, Зейнаб Фаваз ханум, <...>’.

Своего рода проявлением все больше усиливающихся просветительских тенденций в общественной и культурной жизни татар в рассматриваемый период является присутствие в произведениях писателей-просветителей, в частности в исторических экскурсах, имен таких прославленных правителей и великих

ученых прошлого, как халиф Джафар ибн Абдуллах аль-Муктадир Биллах (895 – 932 гг.), Надир-шах Афшар (1736 – 1747 гг.), Ибн Фадлан (877 – 960 гг.), Якуб ибн Нугман аль-Булгари (1058/1059 – 1164 гг.). В отличие от своих предшественников, для сочинений которых не было характерно изображение окружающего мира в реальных и действительных тонах, представители татарского просветительства в целях расширения кругозора читателей и прививания им чувства гордости за некогда великую историю своего народа, а также для достижения определенной степени научной объективности, обращались к именам указанных лиц, что по нашему мнению также является одним из проявлений социально обусловленных тенденций, имевших место в рассматриваемый период в татарской национальной антропонимической традиции: <...> *Ğabbas xälifä Moqtädir Billahi Cägfar tarafyndan ber ilče häjäte Bağdaddan Bolğarğa jibärelmeş ide* [Фәхрәтдинев, 1899, с. 28] ‘<...> халифом Аббасом Муктадиром Биллахом Джафаром в Булгар была отправлена посольская миссия’; <...> *säjähätläreneñ täfsilene Ibn Fazlan ber risalä surätendä jazmyşdyr* [Там же] ‘<...> подробности своих путешествий Ибн Фадлан изложил в форме рисаля’; *Jağqub bin Noğman ül-Bolğari kebi oluğ möärrixlar häm ulmyşdyr* [Там же, с. 29] ‘Были и такие великие историки как Якуб ибн Нугман аль-Булгари’; <...> *mäşhür Nadir şah zamanında bu ike firqa ber-berenä jaqyn ulyrğa xazyrlanmyşlar ide*; <...> [Там же, с. 52] ‘<...> во времена прославленного Надир шаха эти две партии приготовились сблизиться друг с другом; <...>’.

Этой же целью, а также стремлением к развитию национального самосознания и активной гражданской позиции у читателей обусловлено обращение татарских писателей-просветителей к имени первого российского императора Петра I, который вошел в мировую историю своими реформаторскими деяниями. Тот факт, что в отношении данной личности, используются лексические единицы *oluğ* ‘великий’, *padišahumyz* ‘наш падишах’, указывает на то, с каким уважением к нему относились представители передовых кругов татарского общества второй половины XIX – начала XX вв.: *Mäsälä, tarixa*

möräcäğat ideb, rus padišahy oluğ Petro nadir millätpärwär adäm idegene kürämez. Bu padišahymyz Petronyñ millätpärwärlige sajäsändä Rossijädä nizamate cädidä wä islaxat julynda täbdilat mäjdana çyqdy [Акъегет, 1886, с. 30] ‘Например, обратившись в историю, мы увидим, что русский царь Великий Петр был редкостным патриотом своего народа. В результате национального патриотизма этого нашего царя Петра в России установились новые порядки и перемены в пути к реформам’; *Oluğ Petro millätendän bähaly ber šäj belmäs ide* [Там же, с. 31] ‘Петр Великий не знал ничего ценнее кроме своей нации’.

В свете деяний Петра I меркнет даже слава легендарного французского полководца Наполеона Бонапарта (1769 – 1821 гг.): *Napoleon, fransyz padišahy, 1812 nče sänai miladijädä Moskva šähärene alyb, zan qyldy ki, cömlä ruslar alyndy* [Там же, с. 31] ‘Наполеон, французский падишах, подумал, что завоевав Москву в 1812 году по христианскому летосчислению, он завоевал всех русских’; *Napoleony pärišan ideb, Rossijädän sördelär* [Там же, с. 31] ‘Разгромив Наполеона, изгнали его из России’.

Социальная маркированность имен известных людей накладывает свой отпечаток и на стилистические средства, в состав которых они входят. В частности посредством таких сравнений как *xörmätle anamyz xəzrāti Xädiçä kebi* ‘как наша уважаемая матушка святая Хадича’, *bu qarjäjä kürä Damustin ulub* ‘будучи Демосфеном в масштабах этого села’, *Napoleon ğaskärendän zijadä* ‘больше чем войско Наполеона’, метафоры *Darvin majmunlary* ‘обезьяны Дарвина’, градационных рядов *Aristu, Äflätun, Sokratlary* ‘Аристу, Афлетуна, Сократов’, *Ibn Räsüd, Ibn Xaldun, Sibujä, Xälil, Möbid wä ğajrelär* ‘Ибн Рашид, Ибн Халдун, Сибуя, Халиль, Мубид и остальные’, гиперболы *Roçıldlär bajlyqy toqawämät idä almaz* ‘не смогут сравниться богатство Ротшильдов’ наряду с художественно-эстетическими решаются и социокультурные задачи.

Во-первых, до сведения татарского общества, а именно до его патриархальных кругов доводится тот факт, что представительницы прекрасной половины с давних времен наравне с мужчинами вели активный образ жизни:

<...> *xörmätle anamyz xäzräti Xädiçä (<...>) kebi ticarät wä säüdü idälär imeş* [Фәхрәтдинев, 1899, с. 34] ‘<...> как наша уважаемая матушка святая Хадича (<...>) занимаются торговлей’.

Во-вторых, на всеобщее обсуждение выносятся вопрос об уровне компетентности мулл в общественно значимых проблемах, в частности в вопросах образования и науки: *Ğabbas mella bu qarjäjü kürä Damustin ulub*, <...> [Фәхрәтдинев, 1903, с. 6] ‘Мулла Габбас, будучи Демосфеном в масштабах этого села, <...>’.

В-третьих, осуждается меркантильность богатых мира сего и их равнодушие ко всему происходящему вокруг: <...> *bu Darwin majmunlary qajdan kileb, qajda varmaqđalar ide?...* [Там же, с. 61] ‘<...> откуда идут и куда направляются эти обезьяны Дарвина’.

В-четвертых, внимание членов общества акцентируется на том, что человек в своей жизни в отношении беспомощных и обездоленных может сделать больше чем он предполагает: <...> *jätim balalara Napoleon ğaskärendän zijadä eş kürer*; <...> [Там же, с. 91] ‘<...> для сирот делает больше чем войско Наполеона’.

В-пятых, отмечается, что великие мира сего такие же обычные люди, а не посланники небес: *Aristu, Äflätun, Sokratlarny, uşandaq islamlarda Ibn Rüşid, Ibn Xaldun, Sibujä, Xälil, Möbid wä ğajrelärne kükdän kilmeşlär dijäme beläsez?!...* [Там же, с. 111] ‘Вы думаете что Аристу, Афлетун, Сократы, а так же у мусульман Ибн Рашид, Ибн Халдун, Сибуя, Халиль, Мубид и остальные пришли с неба?!...’.

И в-шестых, осуждаются бессмысленные траты во вред общественно значимым вопросам: <...> *tujlarynda ulğan masrufatlaryna qazanlylarnyñ üz bajlyqlary дәgel, Roçıldlär bajlyqy moqawämät idä almaz* [Бигиев, 1890, с. 61] ‘<...> с их свадебными расходами не смогут сравниться не то что богатства самих казанцев, но и богатство Ротшильдов’.

Происходившие в татарском обществе во второй половине XIX – начале XX вв. социокультурные изменения нашли свое отражение и в семантике употребленных с антропонимами лексических единиц *menla* ‘мулла’, *bäj* ‘бей’,

mirza ‘мурза (представитель татарского дворянства)’, *äfände* ‘эфенди’, *baj* ‘бай’, *hezmetçe* ‘слуга’, *jätim* ‘сирота’, *dilänce* ‘нищий, попрошайка’, *tutaş* ‘барышня, мадемуазель’, *xanum* ‘дама, госпожа, ханум’, *abystaj* ‘абыстай’, посредством которых репрезентируются особенности социального устройства татарского народа в рассматриваемый период. В этом плане социально маркированными являются также указывающие на род деятельности человека заимствования из русского языка *izvoščik* ‘извозчик’, *učitel* ‘учитель’, *priqazčik* ‘приказчик’.

Как показывает анализ эмпирического материала, все указанные лексические единицы в рамках просветительского дискурса наполнялись новыми смыслами. Так, например, традиционная для старотатарского языка лексема *menla* ‘мулла’ теперь уже обозначала не просто религиозного служителя – духовного руководителя прихода, но и человека, освоившего современные знания (в том числе и в загранице), которые позволяли ему решать насущные жизненные проблемы своих прихожан, а также распространять среди них идеи просвещения и прогресса: *Ike jyl bundan möqaddäm menla Xisametdin Ğosmanly jirendän täxsile ğyjlem ilä watany Nuna qajtdy* [Акъегет, 1886, с. 3] ‘Двумя годами ранее мулла Хисаметдин, окончив учебу, вернулся из османской земли на свою родину в Нун’; *Xisametdin menla isä дәgel näxülär, saryflar, ğyjme fiqxedän, ğyjme xikmätdän Istanbulda šäkerdlekdä tämam xəbärdar uldy* [Там же, с. 3] ‘Хисаметдин мулла же во время своей учебы в Стамбуле в совершенстве освоил не только синтаксисы, морфологии, но и мусульманское право, философию’; *Ädäbi, fänni risalälär häm Ğabbas mellanyñ xolquny tözätmäk içün küb järdäm itde* [Фәхретдинев, 1903, с. 6] ‘Литературные, научные трактаты очень помогли, для исправления нрава Габбаса муллы’; *Ğabbas mella häm möğallim häm mötäğallim ide* [Там же, б. 13] ‘Габбас мулла был и учителем, и учащимся’.

Как уже было сказано, во второй половине XIX – начале XX вв. в татарском обществе формируется новая социальная прослойка – светская интеллигенция. В качестве средства репрезентации представителей данной корпоративной группы закрепляется лексема греческого происхождения *äfände* ‘господин, сударь’;

эфенди’, которая, по мнению Р.Г. Ахметьянова, в татарский язык проникла через турецкий язык [Әхмәтьянов, 2015, I, б. 142]. Учитывая тот факт, что в рассматриваемый период все проявления турецкой культуры татарами принимались за образец подражания, можно предположить, что ее использование было не чем иным как дань духу времени. Вследствие этого данное слово рассматривается нами как социально маркированное языковое явление: *Ğali äfände (möğallimeñ isemeder) bundan un-unber sänälär möqaddäm «Şärif» awylynda ber ğami ugly uldyğy xäldä, bu köndä Ğali äfände dijä şöhrätle ädib wä möxärrirlärdän ulyb, <...>* [Фәхрәтдинев, 1903, с. 110] ‘Гали эфенди (имя учителя), будучи десять-одиннадцать лет тому назад сыном одного простолюдина в деревне «Шариф», на сегодняшний день, став знаменитым литератором и редактором по имени Гали эфенди, <...>’.

Новое время вывело на историческую арену и татарское дворянство, которое до этого, находясь на задворках общества, больше пребывала в забвении. В условиях сложившейся конъюнктуры остальная часть социума ожидала от его представителей – мурз, более сильной гражданской позиции и взятия на себя руководящей роли в деле консолидации народа, его просвещения. Активизация в национальной антропонимической традиции таких лексических единиц, используемых с именами указанных лиц, как слова *bäj* ‘бей, господин’ и *mirza* ‘мурза’ (См. приложение 2) является как раз отголоском указанных тенденций в общественной жизни: *Mäktübne qanvirta qujyb wä Äbüzär bäj ilä vidağlaşyb menla mösafirxanäjä kitde* [Акъегет, 1886, с. 24] ‘Положив письмо в конверт и попрощавшись с Абузар беем, мулла уехал в гостиницу’; *Bu däfğa mäzkür Arysylan küz, Xisametdin ilä Äbüzär mirzaja baqyb, süzlärene dinlär ide* [Там же, с. 42] ‘На этот раз этот Львиный глаз, смотря на Хисаметдина с Абузар мирзой, слушал их слова’.

В этом свете социально маркированным является также оформление фамилий татарских дворян по правилам русской антропонимической культуры, а именно посредством окончаний *-ov* и *-in*, что в определенной степени можно

интерпретировать и как индикатор интегрированности данных лиц в российское общество: *Julda kürdegemez Äbüzar Düülätgildijev 18 jäšlek ulyb, aq bänezele, nazly wä nazik tabiğatle ceget ide* [Акъегет, 1886, с. 21] ‘Абузар Давлетгильдиев, которого мы увидели в дороге, был молодым человеком 18 лет, с белым лицом, с нежной и утонченной натурой’.

В рассматриваемый период в отношении представителей татарского купечества, которое на общероссийской арене как самодостаточная влиятельная корпоративная группа начинает позиционировать себя именно во второй половине XIX – начале XX вв., в национальной антропонимической культуре закрепляется лексема *baj* ‘богач, богатей, бай’. Следует отметить, что в лексической системе татарского языка данное слово присутствовало на протяжении всей истории его развития и социально маркированным здесь является ее употребление в качестве средства репрезентации представителей новой буржуазной прослойки татарского общества, которые помимо коммерческих дел занимались и меценатской деятельностью: *Häm awylda Ğali bajdan nöfuzle kemsänä juq ide, ul nä dide šul buldy* [Там же, с. 12] ‘И в деревне не было человека влиятельнее Гали бая, что он говорил, то и происходило’; *Äxmädi baj altmyš jäšlärenä irešmeš, aq saqally, qalyn – juan keše ide* [Бигиев, 1887, с. 16] ‘Ахмади бай был человеком, достигшим шестидесяти лет, с белой бородой, толстым’; <...> *böten Azijaja namy mäğlüm ulan Salix baj «G...» šähärendä ir wä qyz balalar içün ike šöğbädän ğyjbarät ber islam jätimxanäse täesis äjlämešder* [Фэхретдинев, 1903, с. 76] ‘Салих бай, имя которого было известно во всей Азии, в городе «Г...» учредил исламский дом для сирот, который состоит из двух частей для мальчиков и девочек’.

Кроме этого, в качестве приложения к именам татарских купцов употреблялась и лексема *äfände* ‘господин, сударь; эфенди’, что, как уже говорилось выше, являлось данью турецкой моде: *Musa äfändejä Niğmätulla äfände abza buladyr. Musa äfände Niğmätulla abzasy ilä bergä säüdä qylyb, ber ivdä toradyr ide* [Бигиев, 1887, с. 9] ‘Мусе эфенди Нигматулла эфенди был дядей. Муса

эфенди со своим дядей Нигматуллой торговали вместе и жили в одном доме’; *Säğat 7 gä çaqly magazinda ultyrdym, soñra ävgä qajtu nijäte ilä magazindan kitdem, julda Ğabdennäsyр äfände tuğry kilde, Ğabdennäsyр äfände ilä nomerenä kereb, bajtaq çäj eceb, söjläşeb ultyrdyq* [Бигиев, 1887, с. 9] ‘До семи часов сидел в магазине, после ушел из магазина, чтобы вернуться домой, в дороге встретился Габденнасыр эфенди, зайдя с Габденнасыр эфенди в его номер, довольно долго пили чай и беседовали’; *Ibrahim äfände direlär xisabyny tämam ideb, kanturdan çyğyb, äüwälge jirenä – sofrа janyna utyryrkän, <...>* [Бигиев, 1890, с. 14] ‘Когда Ибрагим эфенди, закончив с учетом шкур и выйдя из конторы, сел в прежнее место – возле стола, <...>’.

Для представителей татарского купечества второй половины XIX – начала XX вв., которое в силу профессиональной деятельности было одной из наиболее интегрированной в общероссийское экономическое пространство национальной корпоративной группой, было характерно также оформление своих фамилий по правилам русской антропонимической культуры, что до этого наблюдалось у мурз: *Bu xanä Ğali baj Cavatovnyñ ide. Ğali baj bu vilajätdä büjüк wä mäşhür töccar ide* [Акъегет, 1886, с. 12] ‘Этот дом был Гали бая Джаватова. Гали бай в этой губернии был крупным и известным купцом’; *Ğali baj Cavatov bu şähärle axund wä sair bajlar ilä bärabär bulynyb mosaxäbät ilä mäşğul ide* [Там же, с. 42] ‘Гали бай Джаватов, находясь вместе с ахуном и баями этого города, был занят беседой’; *<...>, Qazan bajlary mabäjnendä mäşhür wä mäğruf baj Äxmädi Xämidev Xädiçä isemle qyzyny jöz meñ sum kömeş aqça ilä kijäügä virdegendän, <...>* [Бигиев, 1887, с. 8] ‘<...>, так как среди казанских баев известный и знаменитый бай Ахмади Хамидев выдавал замуж свою дочь по имени Хадича вместе со ста тысячами рублями серебром, <...>’; *Musa Salixov bügen Niğmätulla Salixov ilä Äxmädi Xämidevkä ber säğatdä qunaq – mösafir ulyb baralar. Anlar Xämidevdän säğat bişkä qadär qajta almaslar* [Там же, с. 32] ‘Муса Салихов сегодня с Нигматуллой Салиховым в час пойдут в гости к Ахмади Хамидеву. Они от Хамидева не смогут вернуться до пяти часов’; *Cihangir Agijev Sibirjaja alty-jide ajlyq xezmätlä kidmeş,*

<...> [Бигиев, 1890, с. 16] ‘Зигангир Агиев уехал в Сибирь с шести-семи месячными делами, <...>’.

В рассматриваемый период в татарский язык из русского языка начинают проникать и такие элементы как *qazanskij početnyj graždantin* ‘казанский почетный гражданин’ и *gospodin* ‘господин’, которые использовались в качестве приложений к именам татарских купцов, что также явилось следствием сложившейся в общественной, экономической и культурной сферах новой конъюнктуры: *Qateldä mäğjüb ulan šäxes: qazanskij početnyj grašdanin Musa Salixov* [Бигиев, 1887, с. 36] ‘Обвиненная в убийстве личность: казанский почетный гражданин Муса Салихов’; <...> *märxümä Zöläjxa mäqtülä bulğan kiçdä ivdäme ide gospodin Ğabdennäsyр? <...> Juq! Juq! Gospodin prokuror! Ul kiçdä gospodin Ğabdennäsyр ivdä juq ide* [Там же, с. 44] ‘<...> был ли дома господин Габденнасыр в ночь, когда была убита покойная Зулейха? <...> Нет! Нет! Господин прокурор! В ту ночь господина Габденнасыра не было дома’.

Как показывают данные рассмотренных нами письменных текстов второй половины XIX – начала XX вв. лексема *äfände* ‘господин, сударь; эфенди’ использовалась и с именами представителей мещанского сословия, основу которого составляли прослойки мелких торговцев, ремесленников, служащих низших рангов и т.д.: *Äbüzar bäj wä Xisametdin menla mäzkür baqyrxanäsenä kereb, Ğajsä äfändene surdylar. Ğajsä äfände bunlary qaršyлаb aldy* [Акъегет, 1886, с. 47] ‘Абузар бей и Хисаметдин мулла, войдя в вышеуказанную медную мастерскую, спросили Гайсу эфенди. Гайса эфенди вышел им навстречу’.

В рассматриваемый период в качестве приложений к именам данных лиц в рассматриваемый период в татарском языке начинают функционировать и указывающие на род их деятельности заимствования из русского языка *izvoščik* ‘извозчик’, *učitel* ‘учитель’ и *priqazčik* ‘приказчик’, которые в определенной степени также являются индикаторами происходивших в обществе социальных сдвигов: *Därhal, güjә jirdän çyqyb, izvoščik Moxtar päjda buldy* [Там же, с. 44] ‘Тотчас, как будто выйдя из-под земли, появился извозчик Мухтар’; *Učitel*

Äxmerskij ber miqdar sökütdän soñra: <...> [Бигиев, 1890, с. 13] ‘Учитель Ахмерский через некоторое время тишины: <...>’; *Ibrahim Ğalijev isä, <...>, priqazčığı Äxmüdiyä xitabän: <...>* [Там же, с. 13] ‘Ибрагим Галиев же, <...>, обращаясь к своему приказчику: <...>’.

Далее в среде татарских горожан, как у мурз и купцов, практиковалось и оформление фамилий на русский лад: *Didegemez Ğajsä Zurqolaqov jegerme alty jäšlek ber jeget ulyb, sanğate baqyrčylyq ide* [Акъегет, 1886, с. 47] ‘Гайса Зурколаков, о котором мы говорили, был молодым человеком двадцати шести лет, а его занятие – ремесло медника’; *Ikenče könne sabax säğat 9 da gospodin Šubin ber tacir surätendä ulyb Ğabdullinneñ nomerlärenä kilmeš* [Бигиев, 1887, с. 56] ‘На следующий день утром в 9 часов господин Шубин в виде купца приехал в номера Габдуллина’;

В рамках просветительского дискурса в татарском языке как социально маркированный элемент начинает выступать лексема *dilänce* ‘нищий, попрошайка’, которая соответствующие коннотации приобретает функционируя в качестве приложения к именам реально существовавших представителей самой низшей прослойки татарского общества второй половины XIX – начала XX вв., а не каких-то обезличенных лиц, как это было до этого: *Bezem awylly jätim Moxtar dilänceje <...> pulisjäjä xəbes itdermeš* [Акъегет, 1886, с. 14] ‘Сироту Мухтара попрошайку из нашей деревни <...> сдал в полицию’; *Dilänce Moxtarnyñ östendä quyuq jamaly sary zipun* [Там же, с. 29] ‘На попрошайке Мухтаре желтый зипун с сорока заплатами’.

Социальная маркированность данного слова наиболее ярко проявляется, когда оно используется в качестве антитезы лексеме *äfände* ‘господин, сударь; эфенди’: *Äüwäldäge dilänče Moxtar xazyrda Moxtar äfände Xämitov bulyb, imam ulmyš Xisametdin menlaja kände aqçasyna mädräsä bina qyldyrdy* [Там же, с. 70] ‘Прежний попрошайка Мухтар, став теперь Мухтаром эфенди Хамитовым, ставшему имамом Хисаметдину мулле на свои деньги построил медресе’.

Следующую группу социально маркированных лексических единиц, связанных с антропонимической системой татарского языка второй половины XIX – начала XX вв., составляют зарегистрированные в текстах с женскими именами слова *tutaş* ‘барышня, девушка, мадемуазель’, *xanum* ‘госпожа, дама, ханум’, *abystaj* ‘абыстай’. До этого использование лексем, посредством которых выделяются половые и возрастные особенности, социальное положение представителей прекрасного пола, в силу доминирования в обществе патриархальных порядков, татарами не практиковалось. Как уже было сказано, оно явилось следствием проникновения в национальное культурное пространство феминистских настроений, чем и обусловлено социальная маркированность указанных выше лексем.

Как явствует из эмпирических данных, выступившая в силу влияния тенденций западной моды в части взаимоотношений с представительницами прекрасной половины общества в качестве национального аналога русской *барышни* и французской *мадемуазель* лексема *tutaş* ‘барышня, девушка, мадемуазель’ использовалась в отношении незамужних девушек: *Berničä waqyt möqaddäm Ğabdennäsyр äfände Äxmädi Xämidevneñ qyzy Xädičä tutaşny jöz meñ sum kömeş aqça ilä käläşlekkä alyrğa maqsudy bulğan ulsa da, Xädičä tutaşny Musa äfände käläşlekkä aldyğy säbäbendän Ğabdennäsyр äfändejä Xädičä tutaşny virmämeşlär* [Бигиев, 1887, с. 14] ‘Хотя некоторое время назад Габденнасыр эфенди и хотел взять в жены дочь Ахмади Хамидева Хадичу туташ вместе со ста тысячами рублями серебром, по причине того, что Хадичу туташ брал в жены Муса эфенди, Габденнасыр эфенди не выдали Хадичу туташ’.

В отдельных случаях данное слово выступает и как средство репрезентации образованности молодых девушек, что в рассматриваемый период передовыми кругами татарского общества воспринималось как одно из проявлений прогресса: *Xänifä tutaş üze dä uqymuş qyz ide* [Акъегет, 1886, с. 11] ‘Ханифе туташ и сама была образованной девушкой’; *Sälimä tutaş ädäble uldyğy qadär mäxbüb, ğyjlemlä*

uldyğy qadär lätyjf ide [Фәхретдинев, 1899, с. 32] ‘Салима туташ была такой же любимой, как и вежливой, такой же нежной, как и образованной’.

В отличие от него лексема *xanum* ‘госпожа, дама, ханум’, которая также активизировалась в силу влияния проникших из западной культуры феминистских тенденций (См. приложение 2), использовалась для выделения социального статуса лиц женского пола. В рассмотренных нами текстах она была зарегистрирована как составная часть имени жены мурзы: *Jänä jarym säğat kiçdekdän soñra gospodin Šubin Salaçyqda Söläjman mirza xatyny Ğajšä xanymnyñ ivenä kilmeš ide* [Бигиев, 1887, с. 66] ‘После того как прошло полчаса господин Шубин в Салачыке приехал в дом жены Сулеймана мурзы Гайши ханум’; *Ğajšä xanym namäğlüm qazanlydan bu kebi xäüifle süz işedeb, <...>* [Там же, с. 66] ‘Гайша ханум, услышав от неизвестного казанца такое тревожное слово, <...>’; *Gospodin Šubinnyñ bu cavaby Ğajšä xanyma šu qadär mötäässir uldykem; <...>* [Бигиев, 1890, с. 67] ‘Ответ господина Шубина настолько повлиял на Гайшу ханум; <...>’.

В свете вышесказанного социально маркированную коннотацию приобретает и лексема *abystaj* ‘абыстай’. Если в прошлом данное слово в основном использовалась в отношении жен служителей культа, а именно мулл, в рассматриваемый период в силу осложнения новыми коннотациями социального характера оно начинает выступать и в качестве приложения к именам супруг состоятельных людей или же в целом богатых, немолодых дам, либо грамотных образованных женщин: *Ğabbas ağa wä Šämsi abystaj büjüik wä baj adämlär arasyna kereb äkrabalyq wä ruğlyq käseb idäcäklärendän mäsrur idelär* [Акъегет, 1886, с. 36] ‘Габбас ага и Шамси абыстай были рады тому, что, войдя в общество важных и богатых людей, удостоятся родства и родовых отношений’; *Ğali Wahabovnyñ xatyny Märjäm abystaj da häm jaxшы ата баласы улыб, sufijä wä namazçy wä altmyš jäšlärenä kilmeš xatyn ide* [Бигиев, 1890, с. 7] ‘Жена Гали Вахабова Марьям абыстай тоже, будучи ребенком хорошего отца, была женщиной набожной и не пропускающей намазы, и достигшей шестидесяти лет’; *Cihangir Agijevneñ atasy Xälmä baj wä anasy Xälimä abystaj, <...>* [Там же, с. 11] ‘Отец Зигангира Агиева

Хамза бай и мать Халиме абыстай, <...>'; *Älxasyjl Ğajšä abystajnyñ cömlä iğtiqad wä ğadätläre Ğabbas mellağa küçmeš ide* [Фәхретдинев, 1903, с. 10] 'В результате все убеждения и привычки Гайши абыстай перешли к Габбас мулле'; *Ğajšä abystaj ätrafyna nisbäte ilä šöhrätle ber mödärris qyzy uldyğy xäldä*, <...> [Там же] 'Гайше абыстай, будучи дочерью прославленного относительно своей окрестности мударриса, <...>'.

Далее в рамках просветительского дискурса в силу влияния традиций западной культуры социально окрашенную маркированность приобретают и лексемы *ğazizä* 'дорогая, родная, милая сердцу; любимая, бесценная', *mösafirä* 'гостя, приезжая', *mäqtülä* 'убитая', *märxümä* 'покойная', посредством которых репрезентируются различные стороны бытия женщин как полноправных членов общества, которые до рассматриваемого периода в силу доминирования патриархальных порядков больше воспринимались в качестве прислуги: *Ğazizä Xänifä, säneñ jalñyz zahiri qyjäfäteñä dägel, xösne äxlaqyna kəzalik ğašyjk uldym* [Акьегет, 1886, с. 28] 'Дорогая Ханифе, я влюбился не только в твой внешний облик, так же в твой красивый нрав'; <...> *mösafirä Zöläyxanyñ mäqtülä buluy sigesz säğat ilä unike säğat mabäjnendä waqyjğ uldyğyny añladylar* [Бигиев, 1887, с. 6] '<...> они поняли, что убийство гостыи Зулейхи произошло между восемью часами и двенадцатью часами'; *Ikenče könne mäqtülä Zöläyxany däfen qyldylar* [Там же, с. 8] 'На следующий день похоронили убитую Зулейху'; *Gazetadan märxümä Zöläyxanyñ Ğabdullin nomerlärendä mäqtülä buluyny uqyjdyr* [Там же, с. 9] 'Из газеты он читал об убийстве в номерах Габдуллина покойной Зулейхи'.

Хоронимы. Социальная маркированность хоронимов – названий государств и административных единиц, проявляется в первую очередь в плане репрезентации экономических и культурных связей между различными странами, областями и районами. После принятия ислама татарский народ традиционно поддерживал отношения со странами мусульманского востока, которые во второй половине XIX – начале XX вв. стали еще интенсивнее: *Törkijä, Misyr, Hindstan, Ğaräbstan, Iran, Törkestan mädräsälärendä ysule tädris ğomumän öjlä uldy* [Бигиев,

1908, с. 10] ‘В медресе Турции, Египта, Индии, Аравии, Туркестана метод преподавания в целом стал таким’; *Köllijät äsäre Iran wä Hindstanda küb märtäbä tabiğ idelmeşder* [Фэхретдинев, 1899, с. 17] ‘Все его произведения были много раз напечатаны в Иране и Индии; *Misyryda ulğan jäkšänbä wäğazläre irlärgä xas ulmaj, xatynlar arasynda häm vardyr* [Там же, с. 70] ‘Воскресные проповеди, которые проходят в Египте, будучи характерными не только для мужчин, имелись также среди женщин’.

Здесь отдельно следует отметить хороним *Törkijä* ‘Турция’. В рассматриваемый период в татарском обществе усиливаются тенденции сближения в духовно-культурном плане с Османской империей, правитель которой – султан, воспринимался главой и защитником мусульман всего мира. Следствием этого явилось осложнение семантики указанного названия сопутствующими данному явлению коннотациями: *Törkijädän islam paşportlary alyb, möselman ulyb qajtqan kemsäläre kürdegemez bar* [Бигиев, 1890, с. 52] ‘Мы знаем людей, которые, получив в Турции исламские паспорта, возвращались, став мусульманами’; *Rusjadan kideb, Törkijädä Äxmät wä Mämät namlaryny almyş adämläre härqajusyn čirmeş wä mörtäd dimejuryz* [Там же, с. 52] ‘Мы не говорим, что все люди, которые, уехав из России, получили в Турции имена Ахмет и Мамат, являются черемисами и вероотступниками’.

Во второй половине XIX – начале XX вв. татары все больше начинают воспринимать себя как неотъемлемую часть общероссийского общественно-политического и социально-экономического пространства, что нашло свое отражение в активизации в национальном топонимиконе хоронима *Rusja* ‘Россия’: *Rusja urtasynda Idel näherendän uzaq дәgel ber tatar awyly mäüçüdder* [Акьегет, 1886, с. 2] ‘Посередине России, недалеко от реки Волга, находится одна татарская деревня’; *Rusjada sakin un miliun islam qardäşlärene jady na aldy* [Там же, с. 7] ‘Он вспомнил о десяти миллионах исламских братьях, проживающих в России’.

Далее социально маркированными являются и названия дальневосточных и западных стран, которые до рассматриваемого периода в национальном топонимиконе выступали лишь фрагментарно и то в качестве каких-то загадочных стран, которые находятся где-то на краю земли. Распространение просветительских идей привело к усилению интереса и к ним, а также расширению знаний о них. В результате они перестали быть сказочными заморскими странами и начали восприниматься как реально существующие политические образования, опирающиеся на определенные административные системы и структуры: <...> *Qytaj wä Japon ülkälärene kürmäk*, <...> [Фэхретдинев, 1899, с. 7] ‘<...> увидеть страны Китай и Японию, <...>’; *Fradi Italijada muzyqaçu, wä Xomuli dä Misyrda muzyqaçu ide!* [Фэхретдинев, 1903, с. 26] ‘Фради был музыкантом в Италии, а Хомули – в Египте’.

Социальная маркированность рассмотренных хоронимов обуславливает социальную детерминированность и стилистических средств, в состав которых они входят. В рассмотренных нами письменных текстах они обычно выступают в составе градаций: *Qyrym, Cüzair, Italiya, Švetsija hawalary, uşandaq su wä saxralary häm taulary mädex idelener*; <...> [Фэхретдинев, 1899, с. 8] ‘Восхваляется воздух, а также вода и просторы, и горы Крыма, Алжира, Италии, Швеции,; <...>’; *Bolğar xalyqlary Germanija, Švetsija, şimali Rusja, Sibirja mämläkätlärenä säfär ideb säüdü qylyrlar ide* [Там же, с. 28] ‘Народы Булгара путешествовали и торговали в государствах Германия, Швеция, северная Россия, Сибирь,;’; *Qyrym, Qytaj, Iran, Hindstan, Äfğanstan, Tunis, Misyrda ulğan töreklär oşbu didekläremezdän taralmyşlardyr* [Там же, с. 57] ‘Тюрки, которые были в Крыму, Китае, Иране, Индии, Афганистане, Тунисе, Египте распространились от этих, о которых мы говорили’; *Hindstan, Törkijä, Misyr, Sürijä, Ameriqada taralğan ğazetalardan ğaräbi, törki, farsi lisanlarynda mötäcäddid cäridälär küreler ide* [Там же, с. 75] ‘Из распространенных в Индии, Турции, Египте, Сирии, Америке газет были видны обновленные на арабском, тюркском, персидском языках газеты’; <...> *Japun,*

Qorü, Siam, Brazilija äxwällärendän bähäs itmäjä, <...> [Фәхрәтдинев, 1903, с. 66] ‘<...> спорить о ситуациях в Японии, Корее, Сиаме, <...>’.

В свете вышесказанного социальными коннотациями осложняются и употребляющиеся вместе с хоронимами в рамках составных наименований стран лексемы *jir* ‘земля’, *mämläkät* ‘страна; государство’, *däülät* ‘государство, держава; империя’. В источниках с их участием были зафиксированы следующие конструкции:

а) *Ğosmanly jire* ‘Османская земля’: *Ike jyl bundan möqaddäm menla Xisametdin Ğosmanly jirendän täxsile ğyjlem ilä watany Nuna qajtdy* [Акъегет, 1886, с. 3] ‘Двумя годами ранее мулла Хисаметдин, окончив учебу, вернулся из Османской земли на свою родину в Нун’;

б) *Ğaräb jire* ‘Арабская земля’: *Bänem igtiqadyma kürä täğrif itdekeñ oluğ Ğaräb jireneñ xarab ulmasyna säbäb* <...> [Там же, с. 23] ‘По моему убеждению, причиной разрушения описанной тобой великой Арабской земли <...>’;

в) *Törek-Ğosmanly mämläkäte* ‘Турецко-Османская страна’, *Ğosmanly mämläkäte* ‘Османская страна’, *Törkijä, Misyr mämläkätläre* ‘страны Турция, Египет’: *Musa Salixov Törek-Ğosmanly mämläkätenä qaçyb kidä* [Бигиев, 1887, с. 31] ‘Муса Салихов сбегает в Турецко-Османскую страну’; *Qatil ulmasa, Ğosmanly mämläkätenä qaçarğa iradä qylmas ide* [Там же] ‘Если бы не был убийцей, не решил бы сбежать в Османскую страну’; *Törkijä, Misyr mämläkätlärenä jörmäk*, <...> [Фәхрәтдинев, 1899, с. 7] ‘Хождения в страны Турция, Египет, <...>’;

г) *Persijä mämläkäte* ‘страна Персия’, *Iran mämläkäte* ‘страна Иран’: <...> *Iran – Persijä mämläkätenä qaçyb*, <...> [Бигиев, 1890, с. 51] ‘<...> сбежав в Иран – в страну Персия’; <...> *Iran mämläkätendä Tähran šähärendän imeš* [Фәхрәтдинев, 1899, с. 32] ‘<...> оказывается из города Тегеран в стране Иран’;

д) *Xorezm mämläkäte* ‘страна Хорезм’: *Mäzkür ilçä häjäte Xorezm mämläkätendän kiläräk*, <...> [Фәхрәтдинев, 1903, с. 2] ‘Вышеупомянутая посольская миссия, двигаясь из страны Хорезм, <...>’;

е) *Vengrija (Macarstan) mämläkäte* ‘страна Венгрия (Маджаристан)’: *Xätta kičän sänä Vengrija (Macarstan) mämläkätendän jäs ber möğallim bar ide* [Фэхретдинев, 1903, с. 50] ‘Даже в прошлом году был молодой учитель из страны Венгрия (Маджаристан)’;

ж) *Ğosmanly däüläte* ‘Османское государство’: *Ğosmanly däülätenä tabiğ ulan bu Mämät äfände kebi şöbhäle zäwatlar Rusjada az dägelder* [Бигиев, 1890, с. 51] ‘Таких как Мамат эфенди сомнительных лиц, которые являются подданными Османского государства, в России немало’;

з) *Rusja däüläte* ‘Российское государство’: *Mämät äfände äüwäldä Rusja däülätenä tabiğ ulmyš isä dä, <...>* [Там же, с. 51] ‘Несмотря на то, что Мамат эфенди раньше был подданным Российского государства, <...>’; *Qazan – Rusja däülätendä oluğ ber šähärder* [Фэхретдинев, 1899, с. 3] ‘Казань – большой город в российской империи’.

Как видно из примеров, и в семантике составных наименований государств находят свое отражение прежние и новые тенденции в области экономических и культурных связей татар с другими странами и регионами мира.

Следующую группу соотносящихся с хоронимами социально маркированных лексических единиц составляют традиционная для старотатарского письменного литературного языка лексема арабского происхождения *vilajät* ‘область, губерния’ и активизировавшие в этот период в национальном топонимиконе русские заимствования *guberna* ‘губерния’, *ujyzd // öjäs* ‘уезд’. Сопутствующие коннотации они приобретают употребляясь вместе с названиями центров губерний Российской империи в рамках составных наименований последних, посредством которых репрезентируются регионы традиционного проживания и хозяйственной деятельности татар, что и определяет социальную детерминированность данного рода конструкций и их составных элементов. В этом плане рассмотренные нами тексты характеризуются употреблением следующих названий российских губерний:

а) *Qazan vilajäte (gubernasy): Qazan vilajäte (gubernasy)nyñ märkäze – oşbu šähärder* [Фәхретдинев, 1899, с. 3] ‘Центр Казанской губернии – этот город’;

б) *Orenburg gubernasy (vilajäte): Mäsälän, Orenburg gubernasynda (vilajätendä) jöz islam qarjäsensä, <...>* [Там же, с. 47] ‘Например, в Оренбургской губернии на сто исламских деревень, <...>’;

в) *Orenburg, Ufa, Samar, Perm, Tabul vilajätläre: Urynlary Orenburg, Ufa, Samar, Perm, Tabul vilajätlärendä ulyb, cömläse ber million miqdarynda xisab idelenäder* [Там же, с. 56] ‘Их места будучи в Оренбургском, Уфимском, Самарском, Пермском, Тобольском губерниях, в совокупности [они] насчитывают примерно один миллион’;

г) *Nižgorod gubernasy Serğaç ujyzdy: <...> Nižgorod gubernasy Serğaç ujyzdy qarjälärendän ber qarjäder* [Бигиев, 1890, с. 2] ‘<...> одна из деревень Сергачского уезда Нижегородской губернии’;

д) *Oluğ tabiblärneñ mäslixäte Xädiçä tutaşnyñ märazynda ğyjlac bu ide: Samar gubernasynda qyrğyz qumyzy eçmäklek* [Там же, с. 53] ‘Рекомендации крупных врачей в отношении болезни мадемуазель Хадичы было следующим: пить кумыс в Самарской губернии’.

е) *Qazan gubernasy Lajyş öjäge: <...> Qazan gubernasy Lajyş öjäge «N...» qarjäsändänsez... [Фәхретдинев, 1903, с. 114] ‘<...> вы из деревни «Н...» Лаишевского уезда Казанской губернии <...>’;*

ж) *Verxural wä Usa öjäzläre: <...> bundan qalqyb Verxural wä Usa öjäzlärene säjäxät itmägä kitdege köndän birü <...>* [Там же, с. 51] ‘<...> с того дня, когда тронувшись отсюда, уехал путешествовать по Верхнеуральскому и Усинскому уездам, <...>’.

Среди зарегистрированных нами в текстах хоронимов социальной маркированностью выделяются и наименования географических областей. Так, например, в силу деятельности известного просветителя И. Гаспринского (1851 – 1914 гг.) Крым тюркско-мусульманскими народами Российской империи начинает восприниматься как очаг просвещения и науки, что в свою очередь

отразилось и в семантике его названия: <...> *Qyrymda näşer ulynan cäğräfijä, tarix, tabiğatä dair fän kitablaryny satyb alyb*, <...> [Акъегет, 1886, с. 61] ‘<...> купив изданные в Крыму научные книги по географии, истории, природоведению, <...>’.

А хороним *Sibirja* ‘Сибирь’ вследствие развития экономических отношений татар с другими регионами Российской империи в этот период начинает выступать в качестве репрезентационного средства одного из регионов, которые входили в круг интересов национального торгового капитала: *Şimdi isä Cihangir Qazanda ulmajynča, alty-jide ajlyq säfär ularaq Sibirja tarafyna qamirtsä – säüädä xezmätlärejlä kidmeş ide* [Бигиев, 1890, с. 12] ‘Теперь же Зигангир Агиев не был в Казани, он на пять-шесть месяцев уехал в Сибирь с коммерческими – торговыми делами’.

Кроме этого он воспринимался и как образное наименование мест каторжных наказаний за совершенные злодеяния: *Juq, Alla saqlasyn, bu kiçmeş däülät wä räxätdän Sibirja wä qatoržnyj xezmätkä töşkänčä, küpergä wä küperdän suğa töşü biş märtäbä äfzaldyr* [Там же, с. 40] ‘Нет, спаси Аллах, чем упасть из этого богатства и блаженства в Сибирь и на каторжные работы, тысячу раз лучше упасть на мост и из моста в воду’.

Далее выступавшие спорадически до этого в национальном топонимиконе хоронимы *Jaurupa* ‘Европа’, *Amerika* ‘Америка’, *Afrika* ‘Африка’, *Azija* ‘Азия’ социальными смыслами осложняются в силу их использования в качестве средств достижения публицистической экспрессивности, сопутствующей просветительскому дискурсу: *Jaurupa däülatläre ač bürelär kebi u bäräkät mäğdäne ulan mämläkäte jotmaja ağzylaryny tämamän ačdyllar* [Бигиев, 1908, с. 11] ‘Государства Европы словно голодные волки полностью открыли свои пасти, чтобы проглотить эту страну, являвшегося рудником изобилия’; *Jaurupa şähärlärenä kürşe uldyqlary säbäbdän «moda» dinelgän zararly xastalyq bunlar arasynda kürelergä başlamyşdyr* [Фэхретдинев, 1899, с. 4] ‘По причине того, что они находились в соседстве с городами Европы, вредная болезнь, которая называлась модой, начала наблюдаться среди них’; *Bu dellär säbäbendän kiräk*

Rusjada, kiräk Jaurupa wä Amerikada, kiräk Iran, Äfğan, Hind taraflarynda säüdü itmäk mömkin ulaçaqdyr [Фәхретдинев, 1899, с. 13] ‘По причине этих языков будет возможным торговать хоть в России, хоть в Европе и Америке, хоть в землях Ирана, Афгана, Индии’; *Allahy Täğäläneñ isemene dä belmäj adäm ite ašab tereklek idüçe Afriqa wäxšiläre arasynda* <...> [Там же, с. 72] ‘Среди дикарей Африки, которые существовали не зная даже имени Аллаха Всевышнего, питаюсь человеческим мясом, <...>’; <...> *böten Azijaja namy mäğlüm ulan Salix baj* <...> [Фәхретдинев, 1903, с. 76] ‘<...> Салих бай, имя которого было известно во всей Азии, <...>’.

Ойконимы. В рамках просветительского дискурса в плане репрезентации различных сфер бытия татарского народа, основная масса которого во второй половине XIX – начале XX вв. все еще проживала в сельской местности, социальными коннотациями осложняются названия городов. Так, например, в рассматриваемый период ойконим *Qazan* ‘Казань’ в национальном топонимиконе начинает выступать как наименование центра средоточия нации. В условиях сложившейся конъюнктуры роль города в общественной, экономической и духовно-культурной жизни татар усилилась еще больше, вследствие чего семантика ойконима обогатилась новыми смыслами: *Qazanda öč-dürt jirdä taş pulat ivläre bar ide* [Бигиев, 1887, с. 14] ‘[У них] в Казани в трех-четыре местах были каменные палаты’; *Menä bez dä uğlymyzny Qazanğa mädräsägä uqyrğa jibärämez* [Бигиев, 1890, с. 4] ‘Вот и мы отправляем нашего сына в Казань учиться в медресе’; *Bunlarnyñ häm oluğ wä güzäl fasad ilä bina idelmeš mäscedläre Qazan šähärene zinnätläb toralar* [Фәхретдинев, 1899, с. 3] ‘Их построенные большим и красивым фасадом мечети украшали город Казань’; *Bu kitab Qazanda taşqa basylğan!* [Фәхретдинев, 1903, с. 30] ‘Эта книга в Казани на камне напечатана!’.

Во второй половине XIX – начале XX вв. в духовно-культурной и экономической жизни татар определенную нишу начинают занимать и столицы Российского государства – городов Москва и Санкт-Петербург, что в свою очередь также обусловило осложнение семантики ойконимов *Moskva* ‘Москва’ (а)

и *Peterburg* ‘Петербург’ (б) соответствующими коннотациями. В глазах представителей татарского общества, в частности торговых и образованных кругов, они, символизируя величие империи, выступали в качестве экономических и культурных центров общероссийского и мирового масштаба:

а) *Belešläremez Ğali baj wä Sibğatulla äfände ticarätlä mäšğul ulyb, bu kön Moskvada, sabax üz šähärlärendä, u berese kön ğajre ber märkäze ticarätdä waqyt käçermäkdä idelär* [Акъегет, 1886, с. 19] ‘Наши знакомые Гали бай и Сибгатулла эфенди, будучи занятыми торговлей, проводили время в один день в Москве, утром в своем городе, в следующий день в другом центре торговли’; <...> *üzem dä xezmätlärlä Mäskäügä kidämen* [Бигиев, 1890, с. 18] ‘<...> я и сам по делам уезжаю в Москву’;

б) *Möfti xäzrätläre möhim ber eše ulmasa, Peterburga varmaz ide, <...>* [Акъегет, 1886, с. 41] ‘Если бы не было важного дела, господин муфти не поехал бы в Петербург, <...>’; *Peterburgda universitetda xätme köteb qylmyš adäm ulsa da, <...>* [Бигиев, 1887, с. 8] ‘Несмотря на то, что он был человеком, получившим образование в Петербурге, <...>’.

Далее посредством названий следующих городов России репрезентируются центры регионов традиционного проживания и хозяйственной деятельности татар, что и обусловило осложнение их семантики коннотациями социального характера:

Ufa ‘Уфа’: *Čünkä bu pojezd, jäğni taqym ilä möfti xäzrätläre Peterburgdan Ufaja kičäčäk imeš* [Акъегет, 1886, с. 41] ‘Потому что этим поездом, то есть составом, господин муфти проедет из Петербурга в Уфу’; *Asyl watanym ulğan Qujan qarjäse Ufa šähärenä jyraq дәgel wä šu säbäbdän ibtidaän Ufağa varaçaq idem* [Фәхретдинев, 1899, с. 7] ‘Деревня Куян, которая была моей основной родиной, находилась недалеко от города Уфа и по этой причине я решил сначала поехать в Уфу’;

Nišnij Novgorod ‘Нижний Новгород’: <...> *Qazanğa qajtmaq maqsudyjla, Mäskäüdän timer julla Nišnij Novgoroda kilmeš ide. Nišnijdän pragunnyj atlarla*

Qazanğa kiläçäkder [Бигиев, 1890, с. 36] ‘<...> с целью вернуться в Казань из Москвы железной дорогой приехал в Нижний Новгород. Из Нижнего на прогонных лошадях приедет в Казань’; *Şähre Nišnjädä möselmanlar mäüciüd uldyğy säbäbdän, bu çäjxanädä häm möselmanlar juq дәgel ide* [Там же] ‘По причине того, что в городе Нижнем имелись мусульмане, в этом чайхане тоже присутствовали мусульмане’;

Sember ‘Симбирск’: *Ul хәzerdä Qazanda juq, Sembergü kitde* [Бигиев, 1887, с. 17] ‘Его сейчас нет в Казани, уехал Симбирск’; *Ivdä, bügen genä Semberdän qajtyb kilde, хәzer baryb röxsät sorarmyn* [Там же, с. 19] ‘Дома, только сегодня вернулся из Симбирска, сейчас схожу и спрошу разрешения’;

Samar ‘Самара’: *Äxmädi baj <...> bäldäi Samardan biş-alty çaqrym jirdä kira хаq ilä ber daça jallamyş ide* [Там же, с. 53] ‘Ахмади бай <...> в пяти-шести верстах от города Самары за арендную плату снял одну дачу’; *Samardan timer jul ilä kidäçäk idem* [Фәхретдинев, 1899, с. 7] ‘Из Самары должен был уехать на железной дороге’; *Samar šähäre oluğ wä güzäl uldyğyndan, <...>* [Там же, с. 39] ‘Так как город Самара был большим и красивым, <...>’;

Bağçasaraj ‘Бахчисарай’: *<...> jul masaryfyna Niğmätulla äfändedän aqça alyb, mäzkür eš ilä bäldäi Bağçasarajğa kitde* [Бигиев, 1887, с. 62] ‘<...> взяв деньги у Нигматуллы эфенди на дорожные расходы, по вышеупомянутому делу он уехал в Бахчисарай’.

Как следствие усиления интеграционных процессов в общероссийское экономическое и культурное пространство во второй половине XIX – начале XX вв. в национальный топонимикон проникают названия и других – ранее не представленных в нем названий городов империи, а именно такие как:

а) *Tiflis* ‘Тбилиси’: *<...> хазырда Tiflisdä manufaktura malyjla töccar wä saxibe ämläk ulyb wä kändesenä Tiflisdä nöfüz käseb ideb, <...>* [Акъегет, 1886, с. 70] ‘<...> теперь став в Тифлисе торговцем мануфактурными товарами и владельцем имущества, и завоевав себе в Тифлисе авторитет, <...>’;

б) *Kostroma* ‘Кострома’: *Soñra Mäskäü, Kostromadan kičeb, <...>* [Фәхретдинев, 1899, с. 33] ‘После, проехав через Москву, Кострому, <...>’;

в) *Port-Artur* ‘Порт-Артур’: *Dörest, fransyz möxärrirläre jazdyğyna kürä, bu jul dönjada iñ ozyn jul ulaçaqdyr. 1899 nçy jylda tämam ulyb, Port-Arturğa jiteb tuqtalaçaqdyr* [Там же, с. 40] ‘Правда, по тому, что пишут французские авторы, эта дорога станет самой длинной дорогой в мире. Она, закончившись в 1899 году, остановится дойдя до Порт-Артура’.

Осложненные социальными коннотациями ойконимы накладывают дополнительные функции и на стилистические средства, в состав которых они входят. Так, например, посредством приведенных ниже градаций очерчиваются масштабы хозяйственной деятельности татар: *<...> äksärese başqa šähärlärä, mäsälä: Nišnj, Qazan, Mäskäü, Peterburg wä Rostov-Don kebi jirlärä xezmät wä ticarät içün kidejurlar* [Бигиев, 1890, с. 2] ‘<...> большинство, чтобы работать и торговать уезжают в другие города, например в такие места как Нижний, Казань, Москва, Петербург и Ростов-Дон’; *<...> ul taraf mallaryny Orenburg, Troitskij, Semipalat, Petropavel, Qazan, Nišnj Novgorod bazarlaryna kiterib aqtaryrlar ide* [Фәхретдинев, 1899, с. 11] ‘<...> товары той стороны доставляли на рынки Оренбурга, Троицка, Семипалатинска, Петропавла, Казани, Нижнего Новгорода’; *Bu qarjähä Peterburg, Moskva, Qazan, Vjatka, Xarkov, Tomski, Irkut, xätta Finljandijälärdän adämlär kiler <...>* [Фәхретдинев, 1903, с. 50] ‘В эту деревню приезжали люди из Петербурга, Москвы, Казани, Вятки, Харькова, Томска, Иркутска, даже из Финляндии <...>’.

Социальная маркированность названий традиционно воспринимавшихся татарами в качестве очагов духовности, культуры, образования и науки городов мусульманского востока проявляется в репрезентации ими соответствующих смыслов, которые в рамках просветительского дискурса усилились еще больше. В этом отношении в рассмотренных нами текстах выделяются следующие ойконимы:

а) *Istanbul* ‘Стамбул’: *Xisametdin menla isä dägel näxülär, saryflar, ğyjme fiqxedän, ğyjme xikmätdän Istanbulda šäkerdlekdä tämam xəbärdar uldu* [Акъегет, 1886, с. 3] ‘Хисаметдин мулла же во время своей учебы в Стамбуле в совершенстве освоил не только синтаксисы, морфологии, но и мусульманское право, философию’; *Istanbulda uqumuš* [Там же, с. 8] ‘Учился в Стамбуле’; *Ber-ike sänä Islambulda toryb, soñra ivä qajtsañ da jarar* [Бигиев, 1890, с. 62] ‘Было бы неплохо прожить один-два года в Стамбуле, после вернуться домой’;

б) *Tähran* ‘Тегеран’: <...> *ike aj möqaddäm Tährandan säfär ideb*, <...> [Фәхретдинев, 1899, с. 32] ‘<...> двумя месяцами ранее выйдя в путешествие из Тегерана, <...>’; <...> *Tähran šähärenä jullanaçaq uldum* [Там же, с. 38] ‘<...> я решил отправиться в город Тегеран’;

в) *Bağdad* ‘Багдад’: <...> *Bağdaddan çyqyb qajtyb kerdeklärenä qadär ulan äxwäle*, <...> [Фәхретдинев, 1903, с. 2] ‘<...> то, что с ними произошло до того как они вышли из Багдада и вернулись, <...>’;

г) *Jänbäg* ‘Янбаг’, *Mädinä* ‘Медина’: *Jänbägdän Mädinäjä varmaq içün kārvan ulmadyğyndan*, <...> [Там же, с. 124] ‘Так как из Янбага в Медину не было каравана, <...>’.

Как следствие проникновения в татарское общество ценностей западной цивилизации во второй половине XIX – начале XX вв. в национальном топонимиконе определенную нишу занимают и ранее не представленные в нем названия городов европейских стран. Если посредством рассмотренных выше названий российских городов репрезентовались центры традиционных ареалов бытования татарского народа в рамках общероссийского экономического и культурного пространства, то при помощи выступавших в качестве символов прогресса ойконимов европейского происхождения очерчивались границы, которых в идеале должна была достичь нация в своем развитии: <...> *Pariz, London, Berlin šähärlärenä varmaq*; <...> [Фәхретдинев, 1899, с. 25] ‘<...> поехать в города Париж, Лондон, Берлин; <...>’; <...> *Berlin, Lipsix, Hamburg kebi oluğ säüidä bazarlaryna qadär mal küçereb varmaqlary häm mömkin дәгelder*

[Фәхретдинев, 1899, с. 62] ‘<...> невозможно также то, что они, перемещая товары, ездили до таких больших торговых рынков как Берлин, Лейпцих, Гамбург’; *Ämma asyl nösxäse 1809 da Londonda tabiğ ideldege märwider* [Фәхретдинев, 1903, с. 25] ‘Но процитировано, что оригинальный экземпляр напечатан в Лондоне’.

Далее в качестве социально маркированных топонимов нами выделяются и урбанонимы – названия объектов хозяйственной деятельности человека, расположенных внутри того или иного города. Данные лексические единицы, будучи неотъемлемой частью урбанистической культуры, которая у татарского народа отсутствовала в силу определенных факторов социального и экономического характера, до рассматриваемого периода также не была представлена в национальном топонимиконе. В источниках нами были зарегистрированы следующие названия данного вида: *Biş-un daqiqa eçendä gospodin Şubinny atlar «Pariž» çäjxanäsenä jitkerdelär* [Бигиев, 1887, с. 13] ‘В течение пяти-десяти минут лошади довели господина Шубина в ресторан «Париж»’; <...> *«Tsargrad» çäjxanädän Ğabdennäsyр äfändejlä Ğabdullin äfände säğat berdä çyğyb kitdelär* [Там же, с. 48] ‘<...> из ресторана «Царьград» Габдуллин эфенди с Габденнасыром эфенди ушли в час’; *Ul «Kül bujy mädräsäse» dib äjteläder* [Бигиев, 1890, с. 10] ‘Оно называется «Приозерное медресе»’; *Voskresenskij uramdan ber-ike däfğa kiçeb, Jağqub äfände Passaža kerde* [Там же, с. 15] ‘Пройдя несколько раз по улице Воскресенская, Ягкуб эфенди зашел в Пассаж’.

Гидронимы и оронимы. В свете происходивших во второй половине XIX – начале XX вв. событий татарские литераторы в части художественного отражения явлений действительности перешли к их репрезентации в действительных тонах. Теперь в их произведениях все больше места отводилось событиям и явлениям из реальной жизни, в том числе и отрицательных. В новых условиях именно на них возлагались функции эстетического и этического воздействия, что было обусловлено стремлением пробуждения общественного сознания татар. Для этого

были задействованы все ресурсы татарского языка, в том числе и названия природных объектов – гидронимов и оронимов.

Так, например, названия расположенных в границах исторических ареалов обитания татар водных источников, в частности такие гидронимы как *Idel // Itil* ‘Волга’, *Qazan jylğasy* ‘река Казанка’, *Aq Idel (Itil)* ‘Белая’, *Qaban küle* ‘озеро Кабан’, *Bolaq* ‘Булак’ в социокультурном плане начинают функционировать как наименования неотъемлемых объектов жизненного пространства татарского народа, вследствие чего осложняются сопутствующими просветительскому дискурсу коннотациями: *Rusja urtasında Idel näherendän uzaq дәгел бер татар awyly mäücüdder* [Акъегет, 1886, с. 2] ‘Посередине России, недалеко от реки Волга, находится одна татарская деревня’; *Qazan jylğasynyñ sul jağında wä Itilgä quşylğan urynda bijük tübägä bina idelmeşter* [Фәхретдинев, 1899, с. 3] ‘Он построен на высоком холме на левой стороне реки Казанка и на месте, где она соединяется с Волгой’; *Qaban küle ilä Bolaq Qazan şähärene ike bülemgä ajyrmyşdyr* [Там же, с. 3] ‘Озеро Кабан и Булак разделили Казань на две части’; *Aq Idel (Itil) ilä tuğry paraxud july häm, ulsa da, <...>* [Там же, с. 8] ‘Хотя и был прямой пароходный рейс по Белой, <...>’; *Itil bujlarynda, Sibirja vilajätlärendä här qarjäädä bunlarnyñ säüdüse ulynyr* [Там же, с. 60] ‘В Поволжье, в сибирских губерниях в каждой деревне у них имелась торговля’.

Социально маркированными являются и их иноязычные варианты, в частности заимствованные из русского языка, которые до этого не были представлены в национальном топонимиконе: *Volga ähämiyäte, fajdası cähätejlä jir jözendä, bijüklege cähätejlä Jaurupada iñ berençe änhärdänder* [Бигиев, 1908, с. 15] ‘Волга была первой рекой в мире по своей значимости, пользы, в Европе – по своим размерам’; *Bu jylğany junanlylar, <...>, isemene dä «Ra» dimeşlär imeş. Ruslar isä «Volga» isemene virmeşlär* [Фәхретдинев, 1899, с. 22] ‘Эту реку греки, <...>, называли «Ра». Русские же дали название «Волга»’; *Oka, Kama, Aq Itil bunyñ mäşhür botaqlary jäki tamyrlarydyr* [Там же] ‘Ока, Кама, Белая ее известные ветви или ответвления’; *Bunlar Qazan wä ğomumän Volga bujynda utyrğan xalyqlardyr*

[Фәхретдинев, 1899, с. 56] ‘Они – народы, переселившиеся в Казань и в целом в Поволжье’.

Зарегистрированные нами в текстах оронимы социальными смыслами осложняются в силу их использования в качестве средств достижения публицистической экспрессивности (а) и научной объективности (б), являющихся неотъемлемыми составляющими просветительского дискурса:

а) *Azijada waqyjg Hind dārjäsändän Aurupada mävcüd **Piränä dağlaryna** däk ğaräb jire islam дәüläte ulyb, <...>* [Акъегет, 1886, с. 23] ‘От расположенной в Азии Индийского океана до находящихся в Европе Пиренейских гор арабская земля, будучи исламским государством, <...>’;

б) *Jaurupa ğolämäse ğyjndendä Kaspij täsmijäse **Kafkas tağlaryna** virelmeş «Kampius» isemendän mäücüdder* [Бигиев, 1908, с. 38] ‘По мнению европейских ученых, наименование Каспий происходит от названия «Кампиус», которое было дано Кавказским горам’; *Xazarlaryñ 2 nçe ğasyr miladidän qabla tarixlary u qadär mäğlüm дәgel. U waqyt **Kafkas tağlarynyñ** şimalendä idelär* [Там же, с. 38] ‘История хазар до второго века по христианскому летоисчислению не так известна. В то время они были на севере Кавказских гор’.

Таким образом, социальная маркированность имевших употребление в татарском языке во второй половине XIX – начале XX вв. имен собственных также проявляется в расширении семантики данных лексических единиц новыми смыслами, что в целом было обусловлено их использованием в качестве культурных и этнических кодов.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ III

Как показал анализ эмпирического материала, репрезентация на языковом уровне имевших место в татарском обществе во второй половине XIX – начале XX вв. общественных, экономических и культурных перемен происходила посредством осложнения семантики лексических единиц соответствующими коннотациями, активизации лексем определенных категорий, в частности

вербализирующих социально значимые понятия и категории, и заимствования из других языков новых слов.

Осложнение новыми коннотациями семантики лексических единиц, которое в основном было обусловлено их употреблением в рамках просветительского дискурса в качестве средств достижения публицистической экспрессивности, научной объективности, художественной выразительности и репрезентации национальной самобытности татар, наблюдается прежде всего в абстрактной лексике. В изученных нами источниках в рамках тематической группы «Человек» данная тенденция имеет место у слов *mäğyjšät* ‘жизнь, быт, повседневное существование’ и *ğomer* ‘жизнь’, обозначающих одну из фундаментальных составляющих человеческого бытия. Далее она проявляется в подгруппе лексем, связанных с внутренним миром человека, эмоциональной и интеллектуальной сторонами его сущности, а именно в семантике лексических единиц *märxämät* ‘милосердие, сострадание’, *doşmanlyq* ‘вражда, ненависть’, *xäsädlek* ‘зависть, ревность’, *mähäbbät* ‘любовь’, *ğyjšyq* ‘любовь’, *därd* ‘страдание, мучение, душевная боль; горе’, *qajğy* ‘горе, печаль, скорбь’, *aqyl* // *ğaqyl* ‘ум, разум; интеллект’, *zihen* ‘ум, разум; сознание’, *fiker* ‘мысль, мнение, суждение, идея’, *äxlaq* ‘нравственность, этика, мораль’. Внутри абстрактной лексики тематической группы «Общество» новые смыслы сопровождают лексемы *mal* ‘состояние; собственность; богатство; товар’, *milek* ‘имущество, собственность’, *bajlyq* ‘богатство, состояние’, *däülät* ‘богатство, состояние’, *fäqyrlek* ‘бедность, нищета, нужда’, *xaq* ‘плата, оплата, зарплата’.

В условиях сложившейся социокультурной ситуации сопутствующие коннотации обрели и конкретные слова тематической группы «Человек», что отразилось в первую очередь в семантике лексем *keşe*, *adäm*, *insan*, *zat*, *kemsä*, *kemsänä* – средств вербализации понятия ‘человек’. Далее в рамках указанной тематической группы смыслами социального характера осложняются:

а) наименования представителей различных полов (*jeget* ‘юноша, молодец, молодой человек, парень’, *ir* ‘мужчина’ *xatyn* // *qadyn* ‘женщина; жена, супруга’, *xanym* ‘дама, госпожа, ханум’, *tutaş* ‘барышня, девушка, мадемуазель’);

б) лексемы, выражающие родственные отношения (*ata* ‘отец’, *ana* ‘мать’, *qardäs* ‘родственник, брат’, *qarendäs* ‘родственник, брат’);

в) наименования жилищных построек (*iv* ‘дом’, *jort* ‘дом’);

г) названия напитков и пищи (*araqy* ‘водка’, *ikmäk* ‘хлеб’);

д) обозначения элементов одежды (*çapan* ‘чапан’, *çalma* ‘чалма’, *suqna bişmät* ‘суконный бешмет’, *qaraqül bürek* ‘каракулевая шапка’, *qara sukna sjurtuk* ‘черный суконный сюртук’, *jaltyrawyq töjmäle forma* ‘форма с блестящей пуговицей’, *sary tun* ‘желтая шуба’, *jon itek* ‘валенки’, *qara qyrpuly bürek* ‘черная шапка с околышем’, *çabata* ‘лапти’).

Также сопутствующими просветительскому дискурсу коннотациями осложняются и конкретные слова тематической группы «Природа», а именно:

а) лексемы, обозначающие природные явления (*buran* ‘метель’, *qar* ‘снег’, *jağmur* ‘дождь’, *suuq* ‘холод’);

б) наименования объектов растительного и животного мира (*ağaç* ‘дерево’, *salam* ‘солова’, *tigän* ‘репейник’, *balyq* ‘рыба’ и *qoş* ‘птица’, *işäk* ‘осел’, *majmun* ‘обезьяна’, *soryqort* ‘трутень’, *bal qorty* ‘пчела’).

В семиологическом классе имен собственных новые смыслы и коннотации обретают:

а) имена известных личностей мусульманского востока прошлых лет – поэтов, ученых, правителей и т.д., а также видных представителей западной и российской культур (антропонимы);

б) названия различных стран, областей и районов (хоронимы);

в) названия населенных пунктов (ойконимы) и природных объектов (гидронимы, оронимы).

Активизация вербализующих социально значимые понятия и категории слов больше всего наблюдается в рамках абстрактной лексики тематической

группы «Общество». Здесь дискуссии о будущем татарского общества, о дальнейших путях его развития наложили свой отпечаток в употреблении лексем *mädänijät* ‘культура, цивилизация’, *cämğyjät* ‘общество’, *cämäğat* ‘общество, народ, община, прихожане’, *ömmät* ‘община (религиозная)’, *millät* ‘нация’, *xalyq* ‘народ’, *qawem* ‘племя’. Далее стремление к постижению достижений прогрессивной науки и распространение в обществе идей просвещения отразилось в использовании лексем *ğyjlem* ‘наука, знание’, *fän* ‘наука, дисциплина, предмет’, *mäğarif* ‘просвещение, образование’ и *mäğrifät* ‘образование, просвещение; просветительство’, *matbuğat* ‘печать, пресса’. А выдвижение на передний план общественных, экономических и культурных отношений энергичного и предприимчивого человека актуализировали употребление слов *ictihad* ‘усердие, рвение, старание; иджтихад’, *hönär* ‘ремесло, профессия’, *käseb* ‘труд, дело; промысел’, *xezmät* ‘труд’, *eş* ‘работа’ и их дериватов. Кроме этого запущенные в татарском обществе во второй половине XIX – начале XX вв. секуляризационные процессы привели к переосмыслению значений лексем *xökem* ‘суд’, *mäxkämä* ‘суд’, *täftiş* ‘следствие’ и *ezlek* ‘обыск’. Также вследствие распространения среди татар идей феминизма, в национальной коммуникативной среде активизировались репрезентирующие социальные и интимные стороны жизни татарских женщин слова, а именно лексемы *saxibä* ‘хозяйка’, *möslimä* ‘мусульманка’, *mäğşuqa* ‘возлюбленная’, *qatilä* ‘убийца’, а также имена известных представительниц мусульманского востока. А развитие урбанизационных процессов отразилось на функционировании в национальной коммуникативной среде слова *şähär* ‘город’ и наименований объектов городской инфраструктуры.

Репрезентация общественных, экономических и культурных перемен посредством новых заимствований из других языков в рассмотренных нами источниках наблюдается в рамках конкретных слов тематической группы «Человек». Сюда относятся такие лексические единицы западноевропейского и русского происхождения как *advokat* ‘адвокат’, *prokuror* ‘прокурор’, *sudebnyj*

sledovatel ‘судебный следователь’, *sledovatel* ‘следователь’, *syščik* ‘сыщик’, *okrušnoj sud* ‘окружной суд’, *kvartir* ‘квартира’, *koljaska* ‘коляска’, *pojuzd* ‘поезд’, *mašina* ‘машина’, *vagon* ‘вагон’, *paraxud* ‘пароход’, *zavod* ‘завод’, *telegram* ‘телеграмма’, *telefon* ‘телефон’, *gastinsa* ‘гостиница’, *xarčevnja* ‘харчевня’, *nomerlär* ‘номера’, *pastajalyj dvor* ‘постоялый двор’, *manit* ‘монета’, *rublä* ‘рубль’, *qapik* ‘копейка’, *gazeta* ‘газета’.

Одним из проявлений данной тенденции также можно считать проникновение в татарскую национальную антропонимическую систему элементов русской антропонимической традиции, что проявилось в оформлении фамилий представителей определенных социальных слоев посредством окончаний *-ov* и *-in*.

Таким образом, лингвистическая репрезентация имевших место в татарском обществе во второй половине XIX – начале XX вв. общественных, экономических и культурных явлений происходила на уровне всех семиологических классов лексико-семантической системы татарского языка, что в свою очередь свидетельствует о достижении им соответствующей ступени в своей эволюции, которая была сопоставима с уровнем развития татарского социума в рассмотренный период.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Актуальность настоящей диссертационной работы, в рамках которой были исследованы корреляционные отношения между имевшими место в татарском обществе во второй половине XIX – начале XX вв. социокультурными процессами и происходившими в данный период на различных участках татарского языка системными трансформациями, была обусловлена необходимостью изучения феномена функционального развития татарского языка в указанный период, которое централизованно не поддерживалось ни на политическом, ни на общественном, ни на экономическом уровнях. В теоретическом и в практическом аспектах проведенное исследование дает возможность взглянуть с другого ракурса на социолингвистические процессы и доказать, что в определенных случаях языковой ренессанс возможен и в условиях отсутствия государственных институтов. В целом же по итогам проведенной работы нами были получены следующие данные:

1. Функциональное развитие татарского языка во второй половине XIX – начале XX вв., было вызвано прежде всего социокультурными факторами, а именно происходившими в татарском обществе переменами общественного, экономического и культурного характера. Но они не имели бы существенного действия, если бы не последовало ответной реакции на языковом уровне. По нашему мнению, к указанному периоду татарский язык достиг того эволюционного уровня, который позволил ему эффективно реагировать на новые экстралингвистические реалии.

2. Сложившаяся в татарском обществе ко второй половине XIX – началу XX вв. языковая ситуация характеризуется дополнением эндогlossных отношений с экзогlossными, которые проявились в соприкосновении татарского языка с арабским и персидским языками в таких сферах как организованное обучение, художественная литература, наука, религиозный культ и ограничили рамки корпоративной группы духовенства, мугаллимов, шакирдов. Мы считаем, что именно вследствие ограниченности социальной и коммуникативной

баз экзогlossных отношений многовековое иноязычное воздействие на функциональное развитие татарского языка оказалось не столь существенным, хотя в определенной степени оно в виде заимствований все же имело место в становлении его лексической системы и грамматической структуры.

3. В отличие от экзогlossных, эндгlossные отношения, которые нашли свое отражение во взаимодействии литературных и разговорных страт татарского языка, а также их различных разновидностей, во второй половине XIX – начале XX вв. охватывают все коммуникативные сферы и слои общества. Из всех форм существования татарского языка в указанный период наибольший престиж среди населения имела письменная разновидность его литературного идиома – старотатарский письменный литературный язык, который на протяжении многих веков наряду с арабским и персидским языками обслуживала такие сферы как организованное обучение, художественная литература, наука, делопроизводство, личная переписка и религиозный культ. В силу определенных исторических, культурных и социальных факторов в нем доля иноязычной составляющей намного превышала собственно татарской, что в свою очередь привело к его разобшенности с разговорными идиомами татарского языка. Однако, несмотря на это, он, наряду с коммуникативной деятельностью образованных слоев, пусть и ограниченное, но все же имел применение и в процессе речевой практики остальной части населения. В рассматриваемый период социальная база литературной идиомы татарского языка в результате интенсификации его взаимодействия с диалектами и общенародно-разговорной стратой расширилась еще больше и это в свою очередь способствовало проникновению элементов разговорных идиомов татарского языка в коммуникативные сферы более высшего ранга, нежели хозяйственная деятельность и быт.

4. Во второй половине XIX – начале XX вв. вследствие трансформации татар из феодально-патриархальной народности в прогрессирующую буржуазную нацию расширились и границы сред бытования татарского языка. В этот период он начинает функционировать в качестве коммуникативного средства

общенационального масштаба, способного удовлетворять потребности всего общества не только внутри традиционной деревенской среды обитания, но и в новых городских условиях. В свою очередь это задало тон указанным выше внутриязыковым процессам, так как взаимодействие различных форм существования татарского языка во второй половине XIX – начале XX вв. более интенсивный характер приобрело именно в административных, промышленных, торговых и культурных центрах. Новые социальные прослойки и профессиональные сообщества, в рамках речевой практики которых он все больше приобретал черты национального языка, способного обеспечить интеграционные процессы между этнографическими и социальными группами татарского народа, также формировались в городской среде. Если до рассматриваемого периода данную функцию в основном выполняла письменная разновидность его литературного идиома, в новых условиях в этом плане определенную значимость обрели и разговорные формы. Возрастанию роли последних в общенациональном масштабе в первую очередь способствовала хозяйственная деятельность представителей торгового и промышленного капитала, которые во второй половине XIX – начале XX вв. существенно укрепили свои позиции в обществе и заняли в нем одну из высоких ниш. Кроме этого обширную социальную базу разговорным стратам татарского языка обеспечили и представители других социальных слоев, групп и сообществ, а именно муллы, хальфы, шакирды, приказчики, крестьяне и ремесленники-кустари.

5. Языковые трансформации сопровождалась также переосмыслением роли и места тех или иных идиомов татарского языка в различных коммуникативных сферах. Если до второй половины XIX – начала XX вв. такие высшие сферы как общественно-политическая деятельность, организованное обучение, художественная литература, наука, делопроизводство и религиозный культ наряду с арабским и персидским языками обслуживались только литературной стратой татарского языка, а именно его письменной

разновидностью, то в указанный период начинается интенсивное проникновение в указанные сегменты и его разговорных форм, за которыми до этого традиционно были закреплены только сферы хозяйственной деятельности и быта. Другими словами, на рассмотренном историческом этапе татарский язык в качестве нового коммуникативного средства общенационального масштаба проникает во все участки жизнедеятельности татарского общества и тем самым в полном объеме активизирует свои внутренние ресурсы, что в свою очередь также дало определенный импульс его развитию в функциональном плане.

б. Детерминировавшая функциональное развитие татарского языка во второй половине XIX – начале XX вв. интенсификация лингвистических контактов между основными формами существования татарского языка и их функциональными разновидностями, а также расширение границ сред бытования и сфер функционирования языковых структур в первую очередь были связаны с речевой практикой представителей основных корпоративных групп татарского общества рассматриваемого периода, в частности купцов, торговцев и приказчиков, религиозных служителей, мугаллимов и шакирдов, а также крестьян и простых горожан. Прагматические установки, которые задавали тон деятельности данных лиц в хозяйственной и культурной областях, наложили свой отпечаток на характере их социально-речевых портретов, способствовали продвижению основных лингвистических компонентов последних, а именно разговорных форм татарского языка, в высшие коммуникативные сферы, в рамках которых и происходило их взаимодействие с литературной стратой.

В свете сказанного выше примечателен пример татарских коммерсантов – представителей зарождающегося национального торгового и промышленного капитала, который в рассматриваемый период все активнее начинает выступать на общероссийском экономическом пространстве. Стратификационно-ситуативные параметры социально-речевого портрета указанных субъектов общественных отношений характеризуется доминированием общенародно-разговорного идиома – общедоступного и понятного всем участникам деловой

коммуникации средства общения. В дальнейшем, по мере укрепления позиций представителей деловых кругов в обществе, все существеннее становилось влияние их речевых предпочтений на языковую ситуацию, в том числе и на уровне высших коммуникативных сфер, а не только хозяйственной деятельности и быта, в рамках которых состоялись основные лингвистические черты данного полигlossного, но одноязычного по своей сути социального сообщества. Другими словами, утилитарно-прагматические установки делового мира задали тон лингвистическим процессам в масштабах всего общества, которые в большей степени носили рефлекторный характер.

7. Влияние социокультурных факторов на функциональное развитие татарского языка во второй половине XIX – начале XX вв. стала возможной лишь благодаря тому, что оно было поддержано на внутриязыковом уровне. Об этом свидетельствуют факт отражения в полном объеме происходивших в татарском обществе в указанный период новых явлений в рамках всех семиологических классов лексико-семантической системы татарского языка и их тематических групп. Лингвистическая репрезентация общественных, экономических и культурных изменений происходила посредством осложнения семантики лексических единиц соответствующими коннотациями, активизации лексем определенных категорий, в частности вербализирующих социально значимые понятия и категории, и заимствования из других языков новых слов.

8. Расширение семантики лексических единиц за счет новых компонентов в основном было обусловлено их употреблением в качестве средств достижения публицистической экспрессивности, научной объективности, художественной выразительности и репрезентации национальной самобытности татар. Прежде всего оно проявилось в рамках просветительского дискурса, который во второй половине XIX – начале XX вв. наряду с религиозным начал задавать тон развитию татарского общества и выступил в качестве своего рода платформы наиболее эффективного продвижения идей просвещения и прогресса в широкие слои населения.

Хотя семантические трансформации и охватили все семиологические классы, но наиболее ярко они проявились в рамках абстрактной лексики и наряду со словами тематической группы «Общество» затронули также слова тематической группы «Человек», а именно обозначающие одну из фундаментальных составляющих человеческого бытия лексемы *mäğyjšät* ‘жизнь, быт, повседневное существование’ и *ğomer* ‘жизнь’, а также связанные с внутренним миром человека, с эмоциональной и интеллектуальной сторонами его сущности лексические единицы *märxämät* ‘милосердие, сострадание’, *doşmanlyq* ‘вражда, ненависть’, *xäsädlek* ‘зависть, ревность’, *mäxäbbät* ‘любовь’, *ğyjşuq* ‘любовь’, *därd* ‘страдание, мучение, душевная боль; горе’, *qajğy* ‘горе, печаль, скорбь’ и т.д. Все это указывает на то, что воздействию внешних факторов социального характера подвержены не только общественно значимые категории, которые в рассмотренных нами источниках представлены лексемами *mal* ‘состояние; собственность; богатство; товар’, *milek* ‘имущество, собственность’, *bajlyq* ‘богатство, состояние’, *däülät* ‘богатство, состояние’, *fäqyrlek* ‘бедность, нищета, нужда’, *xaq* ‘плата, оплата, зарплата’, но и связанные с внутренней составляющей человеческой природы отвлеченные понятия.

Указанная тенденция находит свое отражение и в рамках семиологического класса конкретных слов. Здесь сложившаяся в татарском обществе во второй половине XIX – начале XX вв. социокультурная ситуация отразилась в семантике лексем *keşe*, *adäm*, *insan*, *zat*, *kemsä*, *kemsänä* – средств вербализации человека, который в указанный период начинает интерпретироваться как придерживающийся активной гражданской позиции в социально значимых вопросах полноправный член общества. В рамках конкретных слов тематической группы «Человек» семантические трансформации сопровождали также лексические единицы, вербализующие биологические и материальные стороны человеческого бытия. В рассмотренных нами источниках они представлены в наименованиях представителей различных полов (*jeget* ‘юноша, молодец, молодой человек, парень’, *ir* ‘мужчина’ *xatyn* // *qadyn* ‘женщина; жена, супруга’,

xanum ‘дама, госпожа, ханум’, *tutaş* ‘барышня, девушка, мадемуазель’); в лексемах, обозначающих родственные отношения (*ata* ‘отец’, *ana* ‘мать’, *qardäş* ‘родственник, брат’, *qarendäş* ‘родственник, брат’); в наименованиях жилищных построек (*iv* ‘дом’, *jort* ‘дом’); в названиях напитков и пищи (*araqy* ‘водка’, *ikmäk* ‘хлеб’) и обозначениях элементов одежды (*çapan* ‘чапан’, *çalma* ‘чалма’, *suqna bişmät* ‘суконный бешмет’, *qaraqül bürek* ‘каракулевая шапка’, *qara sukna sjurtuk* ‘черный суконный сюртук’, *jaltyrawyq töjmäle forma* ‘форма с блестящей пуговицей’, *sary tun* ‘желтая шуба’, *jon itek* ‘валенки’, *qara qyrpuly bürek* ‘черная шапка с околышем’, *çabata* ‘лапти’).

Далее сопутствующими просветительскому дискурсу социальными коннотациями осложнились и конкретные слова тематической группы «Природа», а именно лексемы, обозначающие природные явления (*buran* ‘метель’, *qar* ‘снег’, *jağmur* ‘дождь’, *suuq* ‘холод’) и наименования объектов растительного и животного мира (*ağaç* ‘дерево’, *salam* ‘солова’, *tigän* ‘репейник’, *balyq* ‘рыба’ и *qoş* ‘птица’, *işäk* ‘осел’, *majmun* ‘обезьяна’, *soryqort* ‘трутень’, *bal qorty* ‘пчела’).

В семиологическом классе имен собственных новые смыслы и коннотации обрели имена известных личностей мусульманского востока прошлых лет – поэтов, ученых, правителей и т.д., а также видных представителей западной и российской культур (антропонимы); названия стран, областей и районов (хоронимы); названия населенных пунктов (ойконимы) и природных объектов (гидронимы, оронимы).

9. Активизация вербализующих социально значимые понятия и категории слов больше всего наблюдается в рамках абстрактной лексики тематической группы «Общество». Дискуссии о будущем татарского общества, о дальнейших путях его развития наложили свой отпечаток в употреблении лексем *mädäniyät* ‘культура, цивилизация’, *cämğyjät* ‘общество’, *cämäğat* ‘общество, народ, община, прихожане’, *ömmät* ‘община (религиозная)’, *millät* ‘нация’, *xalyq* ‘народ’, *qawem* ‘племя’. Далее стремление к постижению достижений прогрессивной науки и распространение в обществе идей просвещения отразилось в использовании слов

ğyjlem ‘наука, знание’, *fän* ‘наука, дисциплина, предмет’, *mäğarif* ‘просвещение, образование’, *mäğrifät* ‘образование, просвещение; просветительство’ и *matbuğat* ‘печать, пресса’. А выдвигание на передний план общественных, экономических и культурных отношений энергичного и предприимчивого человека актуализировало употребление лексических единиц *ictihad* ‘усердие, рвение, старание; иджитхад’, *hönar* ‘ремесло, профессия’, *käseb* ‘труд, дело; промысел’, *hezmet* ‘труд’, *eş* ‘работа’ и их дериватов. Кроме этого запущенные в татарском обществе во второй половине XIX – начале XX вв. секуляризационные процессы привели к переосмыслению значений слов *xökem* ‘суд’, *mäxkämä* ‘суд’, *täftiş* ‘следствие’ и *ezlek* ‘обыск’. Вследствие распространения среди татар идей феминизма, в национальной коммуникативной среде активизировались репрезентирующие социальные и интимные стороны жизни татарских женщин слова, а именно лексемы *saxibä* ‘хозяйка’, *möslimä* ‘мусульманка’, *mäğşuqa* ‘возлюбленная’, *qatilä* ‘убийца’, а также имена известных представительниц мусульманского востока. А развитие урбанизационных процессов отразилось на функционировании в национальной коммуникативной среде слова *şähär* ‘город’ и наименований объектов городской инфраструктуры.

10. Репрезентация общественных, экономических и культурных перемен посредством новых заимствований из других языков в рассмотренных нами была зафиксирована в рамках конкретных слов тематической группы «Человек». Сюда относятся такие лексические единицы западноевропейского и русского происхождения как *advokat* ‘адвокат’, *prokuror* ‘прокурор’, *sledovatel* ‘следователь’, *syščik* ‘сыщик’, *okruşnoj sud* ‘окружной суд’, *kvartir* ‘квартира’, *pojzd* ‘поезд’, *mašina* ‘машина’, *vagon* ‘вагон’, *paraxud* ‘пароход’, *zavod* ‘завод’, *telegram* ‘телеграмма’, *telefon* ‘телефон’, *gastinsa* ‘гостиница’, *gazeta* ‘газета’ и т.д.

Одним из проявлений данной тенденции также можно считать проникновение в татарскую национальную антропонимическую систему элементов русской антропонимической традиции, что проявилось в оформлении

фамилий представителей определенных социальных кругов посредством окончаний *-ov* и *-in*.

Таким образом, проведенное диссертационное исследование в полной мере подтвердило выдвинутую в его рамках научную гипотезу о дуалистичном характере языковой эволюции, который проявляется в корреляционных отношениях между социокультурными и лингвистическими факторами. В перспективе выстроенная и апробированная автором методика анализа социальной обусловленности функционального развития татарского языка в указанный период может быть применена в отношении других временных отрезков его истории. Кроме этого, полученные в ходе исследования результаты, которые вносят существенный вклад в татарское языкознание в плане изучения в социолингвистическом аспекте основных форм существования татарского языка и других его разновидностей, коммуникативной деятельности представителей различных групп татарского общества, в условиях современных реалий могут быть использованы в процессе выработки систем мер поддержки функциональной мощности подверженных негативным воздействиям глобализационных и иных процессов национальных языков.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

1. Акъегет М. Хисаметдин менла. Милли роман яки хикя / М. Акъегет. – Казан: Казан университеты табгыханәсе, 1886. – 70 б.
2. Ашмарин Н.И. Очерк литературной деятельности казанских татар-мохаммедан за 1880 – 1895 гг. / Н.И. Ашмарин. – М.: тип. В. Гатцук, 1901. – 58 с.
3. Бигиев З. Өлүф, яки гүзәл кыз Хәдичә. Роман / З. Бигиев. – Казан: типогр. Г.М. Вечеслава, 1887. – 77 б.
4. Бигиев З. Гөнаһе кәбаир. Роман / З. Бигиев. – Казан: типогр. Г.М. Вечеслава, 1890. – 72 б.
5. Бигиев З. Мавәраэннәһердә сәяхәт (Транс-Оксанияйә сәфәр) / З. Бигиев. – Казан: типолитогр. И.В. Ермолаевой, 1908. – 108 б.
6. Бигиев Заһир. Зур гөнаһлар. Романнар һәм сәяхәтнамә / [төзүчесе, төп текстның транскрипциясен һәм хәзерге әдәби телгә тәржемәсен эшләүче, искәرمәләр һәм ахыр сүз авторы Р. Даутов]. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1991. – 382 б.
7. Бикколов К. Алтынбай агай. Авыл халкының көнкүрмешен тасвир иткән роман / К. Бикколов. – Казан, 1908. – 40 б.
8. Бикколов К. Бәдәлче / К. Бикколов. – Казан: Типо-литография Н.М. Чижовой, 1909. – 80 б.
9. Бикколов К. Ат караклары / К. Бикколов. – Казан: Өмет, 1912. – 32 б.
10. Гайнуллин М.Х. Татар әдәбияты. XIX йөз. Тулыландырылган икенче басма. Югары уку йортлары өчен / М.Х. Гайнуллин. – Казан: Татарстан китап нәшр., 1968. – 690 б.
11. Галиәсгар Камал. Әсәрләр. Өч томда. Т. 1. Пьесалар / [томны төзүче, искәرمәләрне хәзерләүче һәм соңгы сүз авторы Бәян Гыйззәт]. – Казан: Татарстан китап нәшр., 1978. – 407 б.

12. Исхакый Гаяз. Әсәрләр: Унбиш томда. Т.1. Повестьлар һәм хикәяләр (1899 – 1908) / [томны төзүче, текст, искәrmә һәм аңлатмаларны эзерләүче Л. Гайнанова].– Казан: Татарстан китап нәшр., 1998. – 399 б.
13. Исхакый Гаяз. Әсәрләр: Унбиш томда. Т. 3. / [томны төзүче, текст, искәrmә һәм аңлатмаларны эзерләүче Л. Гайнанова]. – Казан: Татарстан китап нәшр., 2001. – 448 б.
14. Катанов Н. Материалы к изучению Казанско-татарского наречия. Ч. 1. Образцы книжной и устной литературы казанских татар / Н. Катанов. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1898. – 168 с.
15. Кәрим Ф. Йаурупа сәяхәтнамәсе / Ф. Кәрим. – Оренбург: типогр. «Вакыт», 1902. – 191 б.
16. Кәрим Ф. Кырым сәяхәте / Ф. Кәрим. – Оренбург: типогр. М.-Ф. Каримова, 1908. – 116 б.
17. Насыри К. Истиляхаты жәгърафия / К. Насыри. – Казан: Казан университеты табгыханәсе, 1890. – 74 б.
18. Насыри К. Гакаид рисаләсе / К. Насыри. – Казан: Казан университеты табгыханәсе, 1896. – 24 б.
19. Самоучитель для русских по-татарски и для татар по-русски. Четвертое издание, совершенно на-ново переделанное / Составлен Вагаповым. – Казань: в университетской типографии, 1867. – 96 с.
20. Татарские народные частушки, пословицы, разгадки снов, местные диалекты и базарные жаргоны и другие материалы, записанные Али Рахимом, на татарском языке, арабском шрифте // Центр письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 18. Оп. 1. Ед. хр. 72. – 66 л.
21. Фатих Кәрим. Морза кызы Фатыйма. Сайланма әсәрләр / [китапны төзүче, иске язмадан заманчага күчәрүче, аерым сүзләргә аңлатма бирүче һәм кереш мәкалә авторы филология фәннәре кандидаты М.В. Гайнетдинов]. – Казан: Татарстан китап нәшр., 1996. – 414 б.

22. Фәхретдинев Р. Сәлимә яки гыйффәт. Гафил бән Габдулла әсәрә уларак бер хикәятдер / Р. Фәхретдинов. – Казан: типогр. Б.Л. Домбровского, 1899. – 80 б.
23. Фәхретдинев Р. Әсма яки гамәл вә жәза / Р. Фәхретдинов. – Оренбург: типогр. М.-Ф. Г. Каримова, 1903. – 130 б.
24. Халидев Ф. Рәдде бичара кыз / Ф. Халидев. – Казань: Вечеслав табгыханәсе, 1894. – 30 б.
25. Ш. Мөхәммәдев. Сайланма әсәрләр / [төз. М. Гайнуллин]. – Казан: Таткнигоиздат, 1958. – 408 б.

Теоретическая литература на русском языке

26. Абдуллин И.А. Некоторые аспекты источниковой базы истории литературных языков / И.А. Абдуллин // Советская тюркология. – 1988. – № 3. – С. 82–85.
27. Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка: (К вопросу о предмете социолингвистики) / В.А. Аврорин. – Ленинград: Наука, 1975. – 276 с.
28. Алеева А.Х. «Исмагил-ага сәяхәтнамәсе» и отражение в нем особенностей народно-разговорной речи / А.Х. Алеева // Анализы текстов по истории татарского литературного языка / [сост. Х.Р. Курбатов]. – Казань: ИЯЛИ, 1987. – С. 81–93.
29. Алеева А.Х. Списки «Мөхәммәд-Амин сәяхәтнамәсе» и живая народная речь в ее языковой структуре / А.Х. Алеева // Истоки татарского литературного языка / [сост. Х.Р. Курбатов]. – Казань: ИЯЛИ, 1988. – С. 34–44.
30. Алеева А.Х. Путешествие Исмагил ага в Индию (Исследование языка татарских путевых записок XVIII в. «Исмагил ага сәяхәтнамәсе») / А.Х. Алеева. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова Академии наук Татарстана, 1993. – 166 с.
31. Ахатов Г.Х. Диалект западносибирских татар / Г.Х. Ахатов. – Уфа: Изд-во БГУ, 1963. – 195 с.

32. Ахатов Г.Х. Татарская диалектология. Средний диалект: Учеб. пособие / Г.Х. Ахатов. – Уфа: Изд-во БГУ, 1979. – 80 с.
33. Ахатов Г.Х. Мишарский диалект татарского языка: Учеб. пособие / Г.Х. Ахатов. – Уфа: Изд-во БГУ, 1980. – 82 с.
34. Ахмаров Г.Н. О языке и народности мишарей / Г.Н. Ахмаров // Известия общества археологии, истории и этнографии при Имп. Казанском университете. – Т. XIX. – Вып. 2. – Казань, 1903. – С. 92–160.
35. Ахмаров Г.Н. Тептяри и их происхождение / Г.Н. Ахмаров // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1908. – Том XXIII, вып. 5. – С. 340–364.
36. Ахметгалеева Я.С. Исследование тюркоязычного памятника «Кисекбаш китабы» / Я.С. Ахметгалеева. – М.: Наука, 1979. – 191 с.
37. Ахметзянов М.И. О лексике эпитафий XVII – XVIII вв. / М.И. Ахметзянов // Историко-лингвистический анализ старописьменных памятников / [отв. ред. Ф. С. Хакимзанов]. – Казань: ИЯЛИ, 1983. – С. 75–84.
38. Байрамова Л.К. Татарстан: языковая симметрия и асимметрия / Л.К. Байрамова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – 267 с.
39. Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. Издание второе, исправленное и дополненное / Н.А. Баскаков. – М: Высшая школа, 1969. – 383 с.
40. Баскаков Н.А. Роль уйгуро-карлукского литературного языка караханидского государства в развитии литературных тюркских языков средневековья / Н.А. Баскаков // Советская тюркология. – 1970. – № 4. – С. 13–19.
41. Баскаков Н.А. Об унификации названий древних и средневековых письменных тюркских языков / Н.А. Баскаков // Тюркологический сборник. 1977 / [редкол.: А.Н. Кононов (отв. ред.) и др.]. – М.: Наука, 1981. – С. 21–26.
42. Баширова И.Б. На путях демократизации литературного языка: стилистически мотивированные и немотивированные варианты лексических единиц в контексте произведений Фатиха Амирхана / И.Б. Баширова // Анализы

текстов по истории татарского литературного языка / [сост. Х.Р. Курбатов]. – Казань: ИЯЛИ, 1987. – С. 94–105.

43. Баширова И.Б. На путях демократизации литературного языка: морфологические категории в произведениях Фатиха Амирхана / И.Б. Баширова // Истоки татарского литературного языка / [сост. Х.Р. Курбатов]. – Казань: ИЯЛИ, 1988. – С. 112–116.

44. Баширова И.Б. Язык художественной прозы Г. Исхаки / И.Б. Баширова // Язык утилитарных и поэтических жанров памятников татарской письменности / [сост. Х. Р.Курбатов]. – Казань: ИЯЛИ, 1990. – С. 132–139.

45. Баязитова Ф.С. Татарские говоры Нижнего Прикамья: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ф.С. Баязитова. – Казань, 1973. – 29 с.

46. Баязитова Ф.С. К истории формирования говоров крещенных татар / Ф.С. Баязитова // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. – Казань: Ин-т яз., лит. и истории КФАН СССР, 1979. – С. 105–138.

47. Баязитова Ф.С. Говоры татар-кряшен в сравнительном освещении / Ф.С. Баязитова. – М.: Наука, 1986. – 248 с.

48. Баязитова Ф.С. Этнолингвистические исследования по говорам крещенных татар: дис. в виде научн. докл. ... д-ра филол. наук / Ф.С. Баязитова. – Казань, 1998. – 100 с.

49. Безертинов Р.Н. Тэнгрианство – религия тюрков и монголов / Р.Н. Безертинов. – Набережные Челны: Аяз, 2000. – 454 с.

50. Бессонов А.Г. О говорах казанского татарского наречия и об отношении его к ближайшим к нему наречиям и языкам / А.Г. Бессонов // Журнал Министерства народного просвещения. – Ч. ССХVI. – СПб., 1881. – С. 200–242.

51. Благова Г.Ф. Некоторые вопросы развития средневекового среднеазиатского литературного языка / Г.Ф. Благова // Советская тюркология. – 1971. – № 7. – С. 68–75.

52. Благова Г.Ф. О соотношениях прозаического и поэтического вариантов среднеазиатско-тюркского литературно-письменного языка XV – XVI

в. (К постановке вопроса) / Г.Ф. Благова // TURCOLOGICA. К семидесятилетию академика А.Н. Кононова. – Л.: Наука, 1976. – С. 27–36.

53. Благова Г.Ф. О языковой ситуации в Тимуридском Мавераннахре (рубеж XV – XVI вв.) / Г.Ф. Благова // Тюркологический сборник – 1986. – М.: Наука, 1986. – С. 42–52.

54. Благова Г.Ф. Бабур-наме. Язык, прагматика текста, стиль. К истории чагатайского литературного языка / Г.Ф. Благова. – М.: Восточная литература РАН, 1994. – 404 с.

55. Богин Г.И. Современная лингводидактика: учебное пособие / Г.И. Богин. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1980. – 61 с.

56. Бурганова Н.Б. Языковые особенности каринских и глазовских татар: автореф. ... дис. канд. филол. наук / Н.Б. Бурганова. – Казань, 1953. – 16 с.

57. Бурганова Н.Б., Махмутова Л.Т. К вопросу об истории образования и изучения татарских диалектов и говоров / Н.Б. Бурганова, Л.Т. Махмутова // Материалы по татарской диалектологии. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1962. – С. 7–18.

58. Бурганова Н.Б. О временных формах глаголов изъявительного наклонения в заказанских говорах / Н.Б. Бурганова // Материалы по татарской диалектологии. – Казань, 1974. – Ч. 3. – С. 7–28.

59. Бурганова Н.Б. Из истории формирования фонетических особенностей татарских говоров Заказанья / Н.Б. Бурганова // Источниковедение и история тюркских языков / [редкол.: Э.Р. Тенишев (отв. ред.) и др.]. – Казань, 1978. – С. 76–95.

60. Бурганова Н.Б. Система глагола поэмы Мухамедьяра «Төхфәи Мәрдан» (XVI в.) / Н.Б. Бурганова // Исследование языка древнеписьменных памятников / [отв. ред. Ф.С. Хакимянов]. – Казань, 1980. – С. 66–96.

61. Бурганова Н.Б. О формировании татарских говоров Заказанья / Н.Б. Бурганова // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья / [редкол.: Ф.С. Хакимянов (отв. ред.), Ш.Н. Асылгараев]. – Казань, 1985. – С. 3–31.

62. Валиди Дж. О диалектах казанского татарского языка / Дж. Валиди // Вестник научного общества татароведения. – Казань, 1927. – № 6. – С. 58–75.
63. Валиева М.З. Особенности синонимической парадигмы тюрко-татарского письменного памятника XVIII века «Маджмугыл-хикаят» / М.З. Валиева // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – Чебоксары. – 2017. – № 1 (93). – С. 37 – 43.
64. Валиева М.З., Сафина Э.И. Тюрко-татарская лексика в памятнике XVII века «Дафтаре Чингизнамэ» (на примере орнитонимов) / М.З. Валиева, Э.И. Сафина // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – Тольятти, 2017. – № 2. – Т. 1. – С. 87 – 93.
65. Валиева М.З. Имена исторических личностей в письменных источниках татарского языка (на материале XVII – XVIII вв.) / М.З. Валиева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2021. – Т. 14. – № 6. – С. 1768–1771.
66. Валиева М.З. Ономастикон татарских письменных источников (на примере письменного памятника «Дафтар-и Чингиз-наме») / М.З. Валиева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2022. – Т. 15. – Выпуск 2. – С. 449–453.
67. Валиева М.З. Лексико-семантическое поле с ключевой лексемой «богатство» (на материале письменных источников татарского языка) / М.З. Валиева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2022. – Том 15. – Выпуск 3. – С. 837–841.
68. Василова А.Ш. Лингвокультурный концепт «сагыш» (тоска) в татарской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Ш. Василова. – Казань, 2006. – 20 с.
69. Вафина Э.Х. Поэтический язык Мухамедьяра и татарская диалектная лексика / Э.Х. Вафина // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья / [редкол.: Ф.С. Хакимзянов (отв. ред.), Ш.Н. Асылгараев]. – Казань: ИЯЛИ, 1985. – С. 90–98.

70. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1953. – № 5. – С. 3–29.
71. Виноградов В.В. О языке художественной литературы / В.В. Виноградов. – М.: Гослитиздат, 1959. – 656 с.
72. Виноградов В.В. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1967. – 134 с.
73. Виноградов В.В. История русского литературного языка / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1978. – 320 с.
74. Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1980. – 360 с.
75. Винокур Т.Г. Речевой портрет современного человека / Т.Г. Винокур // Человек в системе наук / сост. Е. В. Филиппова. – М.: Наука, 1989. – С. 361–370.
76. Вопросы социальной лингвистики / [редкол.: А.В. Десницкая и др.]. – Ленинград: Наука, 1969. – 417 с.
77. Габдрафикова Л.Р. Повседневная жизнь татарских шакирдов в конце XIX – начале XX в. / Л.Р. Габдрафикова // Известия Алтайского государственного университета. – 2012. – № 4-1 (76). – С. 56–62.
78. Габдрафикова Л.Р. Татарское буржуазное общество: стиль жизни в эпоху перемен (вторая половина XIX – начало XX века) / Л.Р. Габдрафикова. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2015. – 367 с.
79. Гайнанова Д.Р. Вербализация концепта «акча» (деньги) в татарском языке: дис. ... канд. филол. наук / Д.Р. Гайнанова. – Казань, 2013. – 168 с.
80. Гайнуллин М.Х. Татарская литература XIX века / М.Х. Гайнуллин. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1975. – 307 с.
81. Гайнуллина Г.Ф. Морфологические особенности поэмы Кутба «Хосров и Ширин» (XIV в.) / Г.Ф. Гайнуллина. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2010. – 240 с.

82. Галиуллина Г.Р. Татарские личные имена в контексте лингвокультурных традиций / Г.Р. Галиуллина. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. – 352 с.

83. Гараев Ф.М. Социолингвистические проблемы реализации Закона Республики Татарстан «О языках народов Республики Татарстан»: дис. ... канд. филол. наук / Ф.М. Гараев. – Казань, 2002. – 168 с.

84. Гарипова Г.Ф. Морфологические особенности поэмы Кутба «Хосров и Ширин» (XIV в.): дис. ... канд. филол. наук / Г.Ф. Гарипова. – Казань, 2003. – 244 с.

85. Гилемшин Ф.Ф. Особенности перевода «Тысяча и одной ночи» (языковые и стилистические особенности): дис. ... канд. филол. наук / Ф.Ф. Гилемшин. – Казань, 1998. – 196 с.

86. Гимадеева Л.И. Историко-лингвистический анализ языка газеты «Гарджиман» (1883–1918) И. Гаспринского: дис. ... канд. филол. наук / Л.И. Гимадеева. – Казань, 2000. – 164 с.

87. Горшков А.И. Теоретические основы истории русского литературного языка / А.И. Горшков. – М.: Наука, 1983. – 160 с.

88. Григорьева С.В. Словарь к хрестоматии Ибрагима Хальфина (начало XIX в.) / С.В. Григорьева // Истоки татарского литературного языка / [сост. Х.Р. Курбатов]. – Казань: ИЯЛИ, 1988. – С. 52–56.

89. Грунина Э.А. Историческая грамматика турецкого языка: (Морфология) / Э.А. Грунина. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 224 с.

90. Губаева М.А. Языковой портрет внутреннего мира человека в произведении Кул Гали «Кысса-и Йусуф» (1233): дис. ... канд. филол. наук / М.А. Губаева. – Казань, 2017. – 284 с.

91. Губайдуллина А.Р. Исследование языка «Сэяхетнаме» и эпистолярно-публицистических произведений Фатиха Карими (конец XIX – начало XX вв.): дис. ... канд. филол. наук / А.Р. Губайдуллина. – Казань, 2002. – 226 с.

92. Гумилев Л. Н. Древние тюрки / Л. Н. Гумилев. – М.: Наука, 1967. – 504 с.
93. Гухман М.М., Семенюк Н.Н. О социологическом аспекте рассмотрения немецкого литературного языка / М.М. Гухман, Н.Н. Семенюк // Норма и социальная дифференциация языка / [редкол.: М. М. Гухман (отв. ред.) и др.]. – М.: Наука, 1969. – С. 5–23.
94. Гухман М.М. История немецкого литературного языка IX – XV вв. / М.М. Гухман, Н.Н. Семенюк. – М.: Наука, 1983. – 200 с.
95. Гухман М.М., Семенюк Н.Н., Бабенко Н.С. История немецкого литературного языка XVI – XVIII вв. / М.М. Гухман, Н.Н. Семенюк, Н.С. Бабенко. – М.: Наука, 1984. – 248 с.
96. Давлетшин Г.М. Волжская Булгария: духовная культура (Домонгольский период, X – нач. XIII вв.) / Г.М. Давлетшин. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1990. – 192 с.
97. Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика. К основам общей теории / Ю.Д. Дешериев. – М.: Наука, 1977. – 382 с.
98. Диахроническая социолингвистика / [В.М. Алпатов, А.Н. Баскаков, Г.К. Бенедиктов и др.; отв. ред. В.К. Журавлев]. – М.: Наука, 1993. – 203 с.
99. Ерофеева Т.И. Речевой портрет говорящего / Т.И. Ерофеева // Языковой облик уральского города: Сб. науч. тр. / [редкол.: Н.А. Купина (отв. ред.) и др.]. – Свердловск: УрГУ, 1990 – С. 90–91.
100. Загидуллин И.К. Татарское национальное движение в 1860–1905 гг.: монография / И.К. Загидуллин. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2014. – 423 с.
101. Загидуллин И.К., Багаутдинова Х.З., Байбулатова Л.Ф. Проблема дня отдыха торговых заведений мусульман в петициях татар Казани в конце XIX – начале XX в. / И.К. Загидуллин, Х.З. Багаутдинова, Л.Ф. Байбулатова // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2015. – № 3/4. – С. 47–65.

102. Зайнуллин Г.Г. Татарская богословская литература XVIII – начала XX веков и ее стилие-языковые особенности: дис. в виде науч. докл. ... д-ра филол. наук / Г.Г. Зайнуллин. – Казань, 1999. – 107 с.
103. Закиев М.З. Проблемы языка и происхождения волжских татар / М.З. Закиев. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1986. – 304 с.
104. Закиев М.З. Введение: койне, традиционные нормы, старотатарский и современный татарский литературные языки / М.З. Закиев // Истоки татарского литературного языка. / [сост. Х.Р. Курбатов]. – Казань: ИЯЛИ, 1988. – С. 3–9.
105. Закирова Г.К. Синонимы в языке тюрко-татарских письменных памятников периода Золотой Орды: дис. ... канд. филол. наук / Г.К. Закирова. – Казань, 2007. – 223 с.
106. Заляй Л.З. Средний диалект татарского языка: автореф. ... дис. д-ра филол. наук / Л.З. Заляй. – Казань, 1954. – 26 с.
107. Замалетдинов Р.Р. Внутренний и внешний мир носителей татарской культуры через призму языка / Р.Р. Замалетдинов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. – 208 с.
108. Замалетдинов Р.Р. Татарская культура в языковом отражении. – М.: Гуманит. издат. центр ВЛАДОС; Казань: Магариф, 2004 / Р.Р. Замалетдинов. – 239 с.
109. Иванов М.И. Татарская грамматика, составленная Мартинианом Ивановым / М.И. Иванов. – Казань: тип. Имп. Казан. ун-та, 1842. – 341 с.
110. Иванцова Е.В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования / Е.В. Иванцова // Вестник Томского государственного ун-та. – 2010. – № 4 (12). – С. 24–32.
111. Ильминский Н.И. Материалы для джагатайского спряжения из Бабернаме / Н.И. Ильминский. – Казань: Унив. тип., 1865. – 23 с.
112. История татар с древнейших времен. В семи томах. Том VI. Формирование татарской нации. XIX – начало XX в. / [гл. ред. Р. Хакимов]. – Казань: Институт истории АН РТ, 2013. – 1172 с.

113. История татар с древнейших времен. В семи томах. Том V. Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI–XVIII вв.) / [гл. ред. Р. Хакимов]. – Казань: Институт истории АН РТ, 2014. – 1132 с.
114. Исхакова А.Р. «Кысас ал-анбия» Насреддина Рабгузи / А.Р. Исхакова. – Казань: Gumanitarna, 2005. – 180 с.
115. Исхакова З.А. Татарско-русское городское двуязычие в Татарстане в 1980 - 90-е годы: дис. ... канд. филол. наук / З.А. Исхакова. – Казань, 1999. – 192 с.
116. История татарского литературного языка (XIII – первая четверть XX в.). – Казань: Фикер, 2003. – 656 с.
117. Кадирова Э.Х. Поэмы Мухаммедьяра «Тухфа-и мардан» и «Нур-и содур: лексика / Э.Х. Кадирова. – Казань: РИЦ: «Дом печати», 2001. – 232 с.
118. Кадирова Э.Х. Характеристика системы склонения имен существительных в произведениях Мухаммедьяра / Э.Х. Кадирова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 4 (22): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 74–77.
119. Кадирова Э.Х. Фразеологизмы с соматическим компонентом в письменных памятниках XVI века / Э.Х. Кадирова // Средневековые тюрко-татарские государства. – 2014. – № 6. – С. 191–194.
120. Кадирова Э.Х. Отражение морфологических процессов в языке письменных памятников Казанского ханства / Э.Х. Кадирова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 11 (41): в 2-х ч. – Ч. II. – С. 82–84.
121. Кадирова Э.Х. Зоонимы в «Арабско-тюркском словаре (XVI век)» / Э.Х. Кадирова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 11 (41): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 94–96.
122. Казаринов В.А. О мишарях в Чистопольском уезде Казанской губернии / В.А. Казаринов // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. – Т. IV. – Казань, 1884. – С. 9–10.

123. Калганова Г.Ф. Функционирование татарского языка в финансово-экономической сфере: с конца XIX века по настоящее время: дис. ... канд. филол. наук / Г.Ф. Калганова. – Казань, 2006. – 276 с.
124. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
125. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 264 с.
126. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е / Ю.Н. Караулов. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
127. Каримуллин А.Г. Татарская книга пореформенной России: исследование / А.Г. Каримуллин. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1983. – 320 с.
128. Катанов Н.Ф. Отчет о поездке, совершенной с 1 июня 1897 года по 20 августа того же года в Белебеевский и Мензелинский уезды Уфимской губернии / Н.Ф. Катанов // Ученые записки Императорского Казанского университета. – Кн. XI. – Казань: Типо-Литография Императорского Университета, 1898. – С. 1–37.
129. Катанов Н.Ф. Отчет о поездке, совершенной с 20 мая по 20 августа 1898 года в Белебеевский уезд Уфимской губернии / Н.Ф. Катанов // Ученые записки Императорского Казанского университета. – Кн. VII, VIII. – Казань: Типо-Литография Императорского Университета, 1900. – С. 1–30.
130. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русский речевой портрет: Фонохрестоматия / М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова. – М.: Наука, 1995. – 127 с.
131. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка / А.Н. Кононов. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. – 569 с.
132. Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII-IX вв. / А.Н. Кононов. – Л.: Наука, 1980. – 243 с.
133. Крысин Л.П. Социальная маркированность языковых единиц / Л.П. Крысин // Вопросы языкознания. – 2000. – № 4. – С. 26–42.

134. Крысин Л.П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета / Л.П. Крысин // Русский язык в научном освещении. – 2001. – № 1. – С. 90–106.

135. Кузьмина Х.Х. Лексико-семантические и стилистические особенности поэмы XIII века «Кысса-и Йусуф» Кул Гали: дис. ... канд. филол. наук / Х.Х. Кузьмина. – Казань, 1998. – 177 с.

136. Кузьмина Х.Х. Лексика поэмы «Кысса-и Йусуф» Кул Гали / Х.Х. Кузьмина. – Казань: ДАС, 2001. – 98 с.

137. Кукляшев Салих Джан. Татарская хрестоматия, составленная Салих Джаном Кукляшевым, коллежским советником, старшим учителем арабского и персидского языков при Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе / Салих Джан Кукляшев. – Казань: Унив. тип., 1859. – 126 с.

138. Курбатов Х.Р. Два поэта периода демократизации литературного языка (Дэрдменд и С. Рамиев) / Х.Р. Курбатов // Анализы текстов по истории татарского литературного языка / [сост. Х.Р. Курбатов]. – Казань: ИЯЛИ, 1987. – С. 59–73.

139. Курбатов Х.Р. Некоторые итоги и дальнейшие задачи изучения татарского литературного языка / Х.Р. Курбатов // Некоторые итоги и задачи изучения татарского литературного языка / [сост. и отв. ред. Ф.Г. Гарипова]. – Казань: ИЯЛИ, 1992. – С. 20–25.

140. Курбатов Х.Р. Язык произведения Саифа Сараи «Гулистан бит-тюрки» (XIV в.) / Х.Р. Курбатов // Проблемы функционирования, диалектологии и истории языка / [редкол.: М.З. Закиев (отв. ред.), Ф.Г. Гарипова (сост.)]. – Казань: Фикер, 1998. – С. 35–41.

141. Ларин Б.А. О лингвистическом изучении города / Б.А. Ларин // Русская речь. Вып. 3. / [под ред. Л.В. Щербы]. – Л.: Academia, 1928. – С. 61–74.

142. Ларин Б.А. К лингвистической характеристике города. Несколько предпосылок / Б.А. Ларин // Известия Ленинградского государственного

педагогического института им. А.И. Герцена. Вып. 1. – Л.: Ленингр. гос. педагогич. ин-т им. А. И. Герцена, 1928.– С. 175–185.

143. Леонова Е.В. История формирования понятия «языковая ситуация» в отечественной лингвистике XX века / Е.В.Леонова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2011. – № 1. – С. 23–29.

144. Львова Ю.А., Оборина М.В. От языковой компетенции к языковой личности / Ю.А. Львова, М.В. Оборина // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2020. – № 2 (65). – С. 53–59.

145. Малов Е.А. Сведения о мишарях (историко-этнографический очерк) / Е.А. Малов. – Казань: тип. Казан. ун-та, 1885. – 79 с.

146. Малов С.Е. Из поездки к мишарям: (О наречии мишарей Чистопольского уезда) / С.Е. Малов. – Казань: типо-лит. Имп. ун-та, 1904. – 24 с.

147. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности: тексты и исследования / С.Е. Малов. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. – 452 с.

148. Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков: Тексты и переводы / С.Е. Малов. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. – 116 с.

149. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии / С.Е. Малов. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. – 111 с.

150. Маннапова А.Х. Язык татарской деловой письменности XVII в.: дис. ... канд. филол. наук / А.Х. Маннапова. – Казань, 1982. – 184 с.

151. Махмутова Л.Т. Особенности касимовского говора татарского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.Т. Махмутова. – Л., 1952. – 10 с.

152. Махмутова Л.Т. Формы прошедшего времени в мишарском диалекте татарского языка / Л.Т. Махмутова // Советская тюркология. – 1976. – № 3. – С. 17–24.

153. Махмутова Л.Т. Опыт исследования тюркских диалектов: Мишарский диалект / Л.Т. Махмутова. – М.: Наука, 1978. – 271 с.

154. Миннуллин Б.К. Язык газеты «Борхане Таракки»: 1906 – 1911: дис. ... канд. филол. наук / Б.К. Миннуллин. – Казань, 2010. – 275 с.
155. Миннуллин Б.К. Татарская газета «Борхане таракки». Лингвистические исследования / Б.К. Миннуллин. – Казань: ИЯЛИ АН РТ, 2012. – 300 с.
156. Миннуллин Б.К. Система жанров татарской газеты начала XX века: информационные жанры / Б.К. Миннуллин // Гуманитарные науки и образование. – 2017. – № 1. – С. 124–127.
157. Миннуллин Б.К. Жанрово-стилистическая дифференциация татарской газеты начала XX века / Б.К. Миннуллин. – Казань: ИЯЛИ, 2019. – 220 с.
158. Миннуллин Б.К. Формы функционирования причастия прошедшего времени в текстах татарской периодической печати начала XX века / Б.К. Миннуллин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – № 11. – С. 147–150.
159. Мирхаев Р.Ф. Огузско-турецкие элементы в татарском литературном языке конца XIX – начала XX вв.: дис. ... канд. филол. наук / Р.Ф. Мирхаев. – Казань, 2003. – 175 с.
160. Мирхаев Р.Ф. Система форм существования татарского языка в конце XIX – начале XX вв. / Р.Ф. Мирхаев, И.Г. Гумеров // Филология и культура. – 2015. – № 1 (39). – С. 49–53.
161. Мирхаев Р.Ф. Старотатарский литературный язык и социальная структура татарского общества в конце XIX – начале XX вв. / Р.Ф. Мирхаев, // Гуманитарные науки и образование. – 2017. – № 1 (29) (январь – март). – С. 127–130.
162. Мирхаев Р.Ф., Гумеров И.Г. Татарская религиозно-языковая картина мира: эволюция культурных и духовно-ценностных ориентиров / Р.Ф. Мирхаев, И.Г. Гумеров. – Казань: ИЯЛИ, 2017. – 120 с.

163. Млечко Т.П. Дифференциация подходов к изучению типологических разновидностей языковой личности / Т.П. Млечко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2014. – № 1. – С. 77–86.
164. Мотыгуллина З.А. Концепт «судьба» в татарском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук / З.А. Мотыгуллина. – Казань, 2007. – 158 с.
165. Мухамадиев М.Г. Язык прозы Ш. Камала: автореф. дис. ... канд. филол. наук. / М.Г. Мухамадиев. – Казань, 1970. – 38 с.
166. Мухаметрахимова Р.З. Язык поэтических произведений Утыз-Имени (к истории татарского литературного языка конца XVIII – нач. XIX вв.): дис. ... канд. филол. наук / Р.З. Мухаметрахимова. – Казань, 1990. – 208 с.
167. Мухаметшин Ф.М. Лексико-грамматические особенности газеты «Нур»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ф.М. Мухаметшин. – Казань, 2007. – 22 с.
168. Наджип Э.Н. Тюркоязычный памятник XIV века «Гулистан» Сейфа Сарай и его язык: в 2-х ч. / Э.Н. Наджип. – Алма-Ата: Наука, 1975. – Ч. 1. – 210 с.; Ч. 2. – 301 с.
169. Наджип Э.Н. О языке памятника начала XIII века «Кысса-и Юсуф» Али / Э.Н. Наджип // Советская тюркология. – 1976. – № 2. – С. 74–88.
170. Наджип Э.Н. Исследования по истории тюркских языков XI – XIV вв. / Э.Н. Наджип. – М.: Наука, 1989. – 291 с.
171. Насилов В.М. Древнеуйгурский язык / В.М. Насилов. – М.: Изд-во вост. лит., 1963. – 122 с.
172. Насилов В.М. Язык тюркских памятников уйгурского письма XI – XV вв. / В.М. Насилов. – М.: Наука, 1974. – 99 с.
173. Насипов И.С. Древнетюркский пласт лексики мензелинского говора среднего диалекта татарского языка: дисс. ... канд. филол. наук / И.С. Насипов. – Казань, 1994. – 178 с.
174. Насипов И.С. О соотношении заимствований в татарских диалектах и в литературном языке / И.С. Насипов // Актуальные проблемы татарской

диалектологии. материалы XIII Международной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения известного венгерского тюрколога, башкироведа, этнографа, фольклориста, дипломата Йожефа Тормы. – 2013. – С. 3–33.

175. Насипов И.С. Классификация татарских народных говоров Урала / И.С. Насипов // Филология и культура. – 2017. – № 4 (50). – С. 38–43.

176. На стыке континентов и цивилизаций. Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. / [сост. Муслимов И.Б.]. – М.: Инсан, 1996. – 767 с.

177. Негматуллов М.М. Роль и место огузских элементов в истории развития татарского языка: дис. ... канд. филол. наук / М.М. Негматуллов. – Казань, 1984. – 225 с.

178. Негматуллов М.М. Традиционные глагольные формы в татарском литературном языке XVI – XIX веков / М.М. Негматуллов // Старотатарский литературный язык: исследования и тексты / [сост. И.А. Абдуллин]. – Казань: ИЯЛИ, 1991. – С. 52–60.

179. Нерознак В.П. Лингвокультурология и лингвоперсонология / В.П. Нерознак // Вавилонская башня – 2: Слово. Текст. Культура / [редкол.: В.П. Нерознак (отв. ред.) и др.]. – М.: Центр яз. и культур Сев. Евразии (СНГ и Балтии), 2003. – С. 13–17.

180. Низамов И.М. Функционирование и развитие татарской речевой системы в массовой коммуникации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / И.М. Низамов. – Казань, 1996. – 50 с.

181. Низамов И.М. Татарская речь: Функционирование и развитие речевой системы в массовой коммуникации / И.М. Низамов. – Казань: Матбугат йорты, 2002. – 269 с.

182. Николаева Т.М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания / Т.М. Николаева // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Доклады Всесоюзной научной конференции. Часть 2 [редкол.: О.Л. Дмитриева и др.]. – М.: ИРЯЗ, 1991. – С. 73–75.

183. Никольский Л.Б. Синхронная социоллингвистика: теория и проблемы / Л.Б. Никольский. – М.: Наука, 1976. – 166 с.
184. Нуриева Ф.Ш.: Исследование языка памятника XIV века «Нахдж ал-Фарадис»: дис. ... канд. филол. наук / Ф.Ш. Нуриева. – Казань, 1993. – 181 с.
185. Нуриева Ф.Ш. «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари / Ф.Ш. Нуриева. – Казань: Фэн, 1999. – 189 с.
186. Нуриева Ф.Ш. Исторические и лингвистические условия формирования тюрко-татарского литературного языка золотоордынского периода / Ф.Ш. Нуриева. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2004. – 376 с.
187. Нуриева Ф.Ш. Общий взгляд на формирование и функционирование золотоордынского литературного языка / Ф.Ш. Нуриева // Вопросы языкознания. – 2005. – № 6. – С. 59–66.
188. Нуриева Ф.Ш. Норма и вариативность в языке письменных памятников золотоордынского периода / Ф.Ш. Нуриева // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII – XV вв.)»: Сборник статей / [отв. ред. и сост. И.М. Миргалеев]. – Казань: Фэн, 2009. – С. 323–330.
189. Нуриева Ф.Ш. О смешанности языка тюркских письменных источников золотоордынского периода / Ф.Ш. Нуриева // Средневековые тюрко-татарские государства. – 2014. – № 6. – С. 176–180.
190. Нуриева Ф.Ш. Диалектная основа книг на «крещено-татарском» языке второй половины XIX века / Ф.Ш. Нуриева // Урало-алтайские исследования. – 2015. – № 2 (17). – С. 67–73.
191. Нуриева Ф.Ш. Названия пищи в тюркоязычных письменных памятниках золотоордынского периода / Ф.Ш. Нуриева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 7 (49): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 143–146.

192. Нуриева Ф.Ш. Предметно-бытовая лексика в золотоордынских литературных памятниках / Ф.Ш. Нуриева // Золотоордынская цивилизация. – 2016. – № 9. – С. 131–134.

193. Нуриева Ф.Ш. Антропонимические модели в средневековом тюркоязычном памятнике «Нахдж ал-фарадис» Махмуда ал-Булгари / Ф.Ш. Нуриева // Проблемы общей и региональной ономастики. Материалы X Международной научной конференции, посвященной юбилею профессора Р.Ю. Намитоковой / [редкол.: гл. ред.: Р.Ю. Намитокова и др.]. – Майкоп: Адыгейский гос. ун-т, 2016. – С. 165–169.

194. Нуриева Ф.Ш. Языковой памятник говора сергачских мишарей: текст исповеди XIX века / Ф.Ш. Нуриева // Урало-алтайские исследования. – 2017. – № 3 (26). – С. 161–173.

195. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / Отв. ред. Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1970. – 602 с.

196. Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII – XX вв. / М.В. Панов. – М.: Наука, 1990. – 453 с.

197. Пражский лингвистический кружок. Сборник статей / [сост.-ред. Н.А. Кондрашов]. – М.: Прогресс, 1967. – 560 с.

198. Поэт-гуманист Кул Гали. Сб. статей. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1987. – 264 с.

199. Рамазанова Д.Б. Формирование татарских говоров юго-западной Башкирии / Д.Б. Рамазанова. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1984. – 191 с.

200. Рамазанова Д.Б. Форма -ды исә в старотатарском литературном языке и в диалектах татарского языка / Д.Б. Рамазанова // Некоторые итоги и задачи изучения татарского литературного языка / [сост. и отв. ред. Ф. Г. Гарипова]. – Казань: ИЯЛИ, 1992. – С. 32–41.

201. Рамазанова Д.Б. К истории формирования говора пермских татар / Д.Б. Рамазанова. – Казань: ИЯЛИ, 1996. – 239 с.

202. Рамазанова Д.Б. Историко-лингвистические особенности формирования и функционирования западноприуральского ареала татарского языка: дис. в виде научн. докл. ... д-ра филол. наук / Д.Б. Рамазанова. – Казань, 1998. – 100 с.
203. Сагдеева Ф.К. Проблемы культуры татарской речи в условиях активного двуязычия: дис. ... канд. филол. наук / Ф.К. Сагдеева. – Казань, 2001. – 190 с.
204. Сагдеева Ф.К. Ценность «хезмэт» (труд) в языковом сознании татар / Ф.К. Сагдеева // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филол. науки. – Симферополь, 2016. – С. 429–433.
205. Сагдеева Ф.К., Гайнанова Д.Р. Татарский концепт как объект лингвокультурологического анализа / Ф.К. Сагдеева, Д.Р. Гайнанова. – Казань: ИЯЛИ, 2017. – 248 с.
206. Садыкова З.Р. Говоры оренбургских татар / З.Р. Садыкова. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1985. – 159 с.
207. Садыкова З.Р. Говоры оренбургских татар: автореф. дис. ... канд. филол. наук / З.Р. Садыкова. – Казань, 1986. – 25 с.
208. Сайфуллина Ф.С., Гумеров И.Г. Творчество Гали Чоккрыя: традиции суфийской литературы Востока / Ф.С. Сайфуллина, И.Г. Гумеров // Филология и культура. *Philology and culture*. – 2013. – № 3 (33). – С. 210–214.
209. Салахова И.И. Арабские заимствования в тюрко-татарском памятнике XIV века «Нахдж Ал-Фарадис» Махмуда Ал-Булгари: дис. ... канд. филол. наук / И.И. Салахова. – Казань, 2015. – 210 с.
210. Салихов Р.Р. Татарская буржуазия Российской империи: взаимодействие с обществом и властью: вторая половина XIX – начало XX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Р.Р. Салихов. – Казань, 2006. – 47 с.
211. Сафиуллина Ф.С. Синтаксис татарской разговорной речи / Ф.С. Сафиуллина. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. – 254 с.

212. Сафиуллина Ф.С. Развитие синтаксического строя татарского литературного языка (XX век): дис. в виде научн. докл. ... д-ра филол. наук / Ф.С. Сафиуллина. – Казань, 2000. – 116 с.
213. Сибгаева Ф.Р. Лингвокультурный концепт «мэхэббэт» (любовь) в татарской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук / Ф.Р. Сибгаева. Казань, 2009. – 172 с.
214. Сиротинина О.Б. Социолингвистический фактор в становлении языковой личности / О.Б. Сиротинина // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты / [редкол.: проф. В.И. Карасик (отв. ред.) и др.]. – Волгоград – Саратов: Перемена, 1998. – С. 3–9.
215. Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / А.В. Занадворова, Е.В. Какорина, М.В. Китайгородская и др.; [отв. ред. Л.П. Крысин]. – М.: Языки славян. культуры, 2003. – 565 с.
216. Современный татарский литературный язык. Лексикология, фонетика, морфология / Н.Б. Бурганова, М.З. Закиев, Х.Р. Курбатов и др. – М.: Наука, 1969. – 380 с.
217. Социальная и функциональная дифференциация литературных языков / М.М. Гухман, В.Н. Ярцева, Г.В. Степанов и др. – М.: Наука, 1977. – 343 с.
218. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика / Э.Р. Тенишев, Л.С. Левитская, Л.А. Покровская и др. – М.: Наука, 1984. – 484 с.
219. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / Э.Р. Тенишев, В.Д. Аракин, Г.Ф. Благова и др. – М.: Наука, 1988. – 557 с.
220. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика: 2-е изд. доп. / Э.Р. Тенишев, Г.Ф. Благова, И.Г. Добродомов и др.. – М.: Наука, 2001. – 822 с.
221. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / Э. Р. Тенишев, Г.Ф. Благова, Э.А. Грунина и др. – М.: Наука, 2002. – 767 с.

222. Средневековая татарская литература (VIII–XVIII вв.). – Казань: Фэн, 1999. – 240 с.
223. Старотатарская деловая письменность: [Сборник] / [сост., переводы, коммент. и исслед. выполн. Ф.С. Фасеевым]. – Казань: Ин-т яз., лит. и истории, 1981. – 171 с.
224. Степанов Г.В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи / Г.В. Степанов. – М.: Наука, 1976. – 224 с.
225. Татарские мурзы и дворяне: история и современность: Сборник статей. Выпуск. 1. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. – 376 с.
226. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 143 с.
227. Тенишев Э.Р. Языки древне- и среднетюркских памятников в функциональном аспекте / Э.Р. Тенишев // Вопросы языкознания. – 1979. – № 2. – С. 80–90.
228. Тенишев Э.Р. О языке поэмы «Кысса-и Йусуф» Кул Гали / Э.Р. Тенишев // Turcologica, 1986: К 80-летию акад. А.Н. Кононова / [отв. ред. С.Г. Кляшторный и др.]. – Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1986. – С. 268–276.
229. Тенишев Э.Р. Принципы составления исторических грамматик и истории литературных языков / Э.Р. Тенишев // Советская тюркология. – 1988. – № 3. – С. 67–78.
230. Тенишев Э.Р. К истории литературного языка и культуры татарского народа / Э.Р. Тенишев // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. – 2000. – Т. 5. – № 1. – С. 27–31.
231. Тимерханов А.А. Язык и стиль татарского документа / А.А. Тимерханов. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2005. – 312 с.
232. Типы наддиалектных форм языка / М.Н. Славягинская, З.Ю. Кумахова, М.А. Кумахов и др. – М.: Наука, 1981. – 309 с.

233. Тумашева Д.Г. К вопросу о соотношении языка и диалекта / Д.Г. Тумашева // Вопросы тюркологии. – Казань, 1970. – С. 45–55.
234. Тумашева Д.Г. Язык сибирских татар / Д.Г. Тумашева. – Казань: Изд-во КГУ, 1977. – 294 с.
235. Тухватуллина Дж.Н. Языковая ситуация в Республике Татарстан в контексте европейской языковой политики: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Дж.Н.Тухватуллина. – Казань, 2007. – 23 с.
236. Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII – XVIII вв. / М.А. Усманов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972. – 223 с.
237. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV – XVI вв. / М.А. Усманов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1979. – 318 с.
238. Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI – XIX вв.) / Б.А. Успенский. – М.: Гнозис, 1994. – 239 с.
239. Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI – XVII вв) / Б.А. Успенский. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 559 с.
240. Уфимцева А.А. Лексическое значение (Принцип семиологического описания лексики) / А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1986. – 240 с.
241. Фасеев Ф.С. Краткий грамматический справочник татарского языка / Ф.С. Фасеев // Татарско-русский словарь / [сост. К.С. Абдразаков, Г.С. Амиров, А.Ш. Асадуллин и др.]. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – С. 809–810.
242. Фасеев Ф.С. Вокализм татарского языка в синхронии и диахронии / Ф.С. Фасеев // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1985. – С. 99–109.
243. Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка / Ф.П. Филин. – М.: Наука, 1981. – 327 с.
244. Фукс К. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях / К. Фукс. – Казань: Унив. тип., 1844. – 131 с.
245. Функциональная стратификация языка / [М.М. Гухман, Н.И. Толстой, В.А. Чернышев и др.]. – М.: Наука, 1985. – 240 с.

246. Хайруллин М.Б. Проблемы развития лексической системы татарского литературного языка / М.Б. Хайруллин. – Казань: ИЯЛИ, 2000. – 202 с.
247. Хайрутдинова Т.Х. Говор златоустовских татар: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.Х. Хайрутдинова. – Алма-Ата, 1980. – 20 с.
248. Хайрутдинова Т.Х. Златоустовский говор татарского языка / Т.Х. Хайрутдинова. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1985. – 158 с.
249. Хаков В.Х. О методах и источниках составления историй тюркских литературных языков (На материале истории татарского литературного языка) / В.Х. Хаков // Советская тюркология. – 1988. – № 3. – С. 86–91.
250. Хакимзянов Ф.С. Язык эпитафий Волжских Булгар / Ф.С. Хакимзянов. – М.: Наука, 1978. – 206 с.
251. Хакимзянов Ф.С. О поволжском варианте среднетюркского литературного языка / Ф.С. Хакимзянов. – Историко-лингвистический анализ старописьменных памятников. Казань: ИЯЛИ, 1983 / [отв. ред. Ф.С. Хакимзянов]. – С. 3–24.
252. Хакимзянов Ф.С. О языке межэтнического общения в Волжской Булгарии / Ф.С. Хакимзянов // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья / [редкол.: Ф.С. Хакимзянов (отв. ред.), Ш.Н. Асылгараев]. – Казань: ИЯЛИ, 1985. – С. 76–89.
253. Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык / Ф.С. Хакимзянов. – М.: Наука, 1987. – 191 с.
254. Хакимзянов Ф.С. Истоки татарского литературного языка / Ф.С. Хакимзянов // Советская тюркология. – 1988. – № 3. – С. 78–81.
255. Хакимзянов Ф.С. Варианты реализации поволжского литературного языка / Ф.С. Хакимзянов // Старотатарский литературный язык: исследования и тексты / [сост. И.А. Абдуллин]. – Казань: ИЯЛИ, 1991. – С. 28–37.
256. Халиуллина А.Р. Графо-фонетические и морфологические особенности тюркоязычного памятника XIV в. «Кысас ал-Анбия» Рабгузи: дис. ... канд. филол. наук / А.Р. Халиуллина. – Казань, 2002. – 229 с.

257. Хисамиева З.А. Язык дастанов Кадыр Гали бека: дис. ... канд. филол. наук / З.А. Хисамиева. – Уфа, 1980. – 231 с.
258. Хисамов Н.Ш. Поэма «Кысса-и Йусуф» Кул Али. Анализ источников сюжета и авторского творчества / Н.Ш. Хисамов. – М.: Наука, 1979. – 254 с.
259. Хисамова Ф.М. Татароязычные грамоты XVII – XVIII вв. / Ф.М. Хисамова // Истоки татарского литературного языка / [сост. Х.Р. Курбатов]. – Казань: ИЯЛИ, 1988. – С. 57–71.
260. Хисамова Ф.М. Функционирование и развитие старотатарской деловой письменности XVI–XVII вв. / Ф.М. Хисамова. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1990. – 154 с.
261. Хисамова Ф.М. Язык деловой письменности и его место в функциональной парадигме татарского языка XVII – XVIII веков / Ф.М. Хисамова // Старотатарский литературный язык: исследования и тексты / [сост. И.А. Абдуллин]. – Казань: ИЯЛИ, 1991. – С. 60–80.
262. Хисамова Ф.М. Функционирование и развитие старотатарской деловой письменности (XVI – нач. XVII вв.): дис. ... д-ра филол. наук / Ф.М. Хисамова. – Казань: Изд-во КГУ, 1995. – 418 с.
263. Хисамова Ф.М. Татарский язык в восточной дипломатии России (XVI – начало XIX вв.) / Ф.М. Хисамова. – Казань: Мастер Лайн, 1999. – 408 с.
264. Черняк В.Д. Наброски к портрету маргинальной языковой личности / В.Д. Черняк // Русский текст. – СПб., 1994. – № 2. – С. 115–130.
265. Шайхулов А.Г. Историческая и диалектная лексика тюркоязычных народов Волго-Камско-Уральского региона: (Аспекты системной характеристики): Учебное пособие / А.Г. Шайхулов. – Уфа: БГУ, 1988. – 87 с.
266. Шарыпова Н.Х. Двужычие в Татарстане: дис. ... д-ра филол. наук / Н.Х. Шарыпова. – Казань, 2004. – 373 с.
267. Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социолингвистику (Для институтов и факультетов иностранных языков) / А.Д. Швейцер, Л.Б. Никольский. – М.: Высшая школа, 1978. – 216 с.

268. Швейцер А.Д. К проблеме социальной дифференциации языка / А.Д. Швейцер // Вопросы языкознания. – 1982. – № 5. – С. 39–48.
269. Швейцер А.Д. Социальная дифференциация английского языка в США / А.Д. Швейцер. – М: Наука, 1983. – 216 с.
270. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку / Л.В. Щерба. – М.: Учпедгиз, 1957. – 188 с.
271. Щербак А.М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X – XIII веков из восточного Туркестана / А.М. Щербак. – М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. – 204 с.
272. Щербак А.М. Грамматика староузбекского языка / А.М. Щербак. – М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. – 274 с.
273. Юзеев А.Н. Татарская философская мысль конца XVIII – XIX веков. Книга первая / А.Н. Юзеев. – Казань: Иман, 1996. – 137 с.
274. Юзеев А.Н. Ислам и национальная идентичность казанских татар во второй половине XIX–XX в. / А.Н. Юзеев // Ислам и проблема идентичности татар: сб. ст. – Казань, 2002. – С. 27–28.
275. Юзмухаметов Р.Т. Структура текста и языковые особенности произведения Шигабутдина Марджани «Книга использованных сведений по истории Казани и Булгара»: дис. ... канд. филол. наук / Р.Т. Юзмухаметов. – Казань, 2001. – 187 с.
276. Юсупов А.Ф. Морфологические особенности языка произведений суфийского поэта I половины XIX века Шамсетдина Заки: дис. ... канд. филол. наук / А.Ф. Юсупов. – Казань, 2004 – 226 с.
277. Юсупов А.Ф. Язык произведений Шамсетдина Заки. Морфология / А.Ф. Юсупов. – Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2006. – 204 с.
278. Юсупов А.Ф. Арабо-персидские заимствования в языке татарской поэзии XIX века / А.Ф. Юсупов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 12 (42): в 3-х ч. Ч. I. – С. 208–210.

279. Юсупов А.Ф. Закономерности функционирования арабских и персидских грамматических элементов в языке татарской поэзии XIX века / А.Ф. Юсупов // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. – 2018. – № 4 (414). – С. 182–187.
280. Юсупова А.Ш. Двухязычная лексикография татарского языка XIX века / А.Ш. Юсупова. – Казань: Изд-во Казанск. гос. ун-та, 2008. – 410 с.
281. Юсупов Ф.Ю. Татарские говоры Южного Урала и Зауралья (Челябинской и Курганской областей): автореф. дис. ... канд. филоло. наук / Ф.Ю. Юсупов. – Казань, 1972. – 42 с.
282. Юсупов Ф.Ю. Неличные формы глагола в диалектах татарского языка / Ф.Ю. Юсупов. – Казань: КГУ, 1985. – 318 с.
283. Юсупов Ф.Ю. Изучение татарского глагола / Ф.Ю. Юсупов. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1986. – 238 с.
284. Юсупов Ф.Ю. Татарский глагол в ареальном освещении: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Ф.Ю. Юсупов. – М., 1988. – 36 с.
285. Юсупов Ф.Ю. Морфология татарского диалектного языка: категории глагола / Ф.Ю. Юсупов. – Казань: ФЭН, 2004. – 592 с.
286. Юсупов Ф.Ю. Сибирские татары. Из сокровищницы духовной культуры. Антология фольклора сибирских татар. II / Ф.Ю. Юсупов; [под ред. Ф.Х. Завгаровой]. – Казань: Магариф-Вақыт, 2016. – 887 с.
287. Юсупов Ф.Ю. Из истории формирования этнографических групп и диалектов татарского народа: в 2-х частях / Ф.Ю. Юсупов; [сост. и авт. предисловия Ф.Ю. Юсупов]. – Казань: Ихлас, 2017. – Т. 1. Ч. II. – 560 с.
288. Юсупов Ф.Ю. Сибирские татары. Из сокровищницы духовной культуры. Антология фольклора сибирских татар. III / Ф.Ю. Юсупов; [под ред. Ф.Х. Завгаровой]. – Казань: Татар, кн. изд-во, 2017. – 895 с.
289. Юсупов Ф.Ю. Сибирские татары. Из сокровищницы духовной культуры. Антология фольклора сибирских татар. IV / Ф.Ю. Юсупов; [под ред. Ф.Х. Завгаровой]. – Казань: «Ак Буре», 2018. – 896 с.

290. Юсупов Ф.Ю. Из истории формирования этнографических групп и диалектов татарского народа: в 3-х частях / Ф.Ю. Юсупов; [сост. и авт. предисловия Ф.Ю. Юсупов]. – Казань: «Фолиант», 2019. – Т. 1. Ч. III. – 518 с.

291. Язык и личность: [Сборник статей] / Отв. ред. Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1989. – 211 с.

292. Языки мира. Тюркские языки / Гл. редкол.: В. Н. Ярцева (пред.) и др. – М.: Индрик, 1997. – 542 с.

Теоретическая литература на татарском языке

293. Абдуллин И.А. Г. Камал драмаларының теле / И.А. Абдуллин. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1968. – 198 б.

294. Абдуллин И.А. Әдәби тел тарихын һәм чыганаclar өйрәнүнең төп концепцияләре / И.А. Абдуллин // Некоторые итоги и задачи изучения татарского литературного языка / [сост. и отв. ред. Ф. Г. Гарипова]. – Казань: ИЯЛИ, 1992. – Б. 8–20.

295. Алпаров Г. Сайланма хезмәtlәр / Г. Алпаров. – Казан: Татгосиздат, 1945. – 328 б.

296. Баязитова Ф.С. Себер ареалы татар диалектларында этнокультура лексикасы / Ф.С. Баязитова. – Казан: Алма-Лит, 2010. – 740 б.

297. Баязитова Ф.С. Туй йолалары лексикасы (жирле сөйләш һәм фольклор текстлары яссылыгында) / Ф.С. Баязитова. – Казан: Паравитта, 2011. – 976 б.

298. Баязитова Ф.С. Халык традицияләре лексикасы: бишек туге (йола һәм фольклор текстлары яссылыгында) / Ф.С. Баязитова. – Казан: Алма-Лит, 2012 – 331 б.

299. Баязитова Ф.С. Халык традицияләре лексикасы: соңгы туй (дини фольклор һәм жирле сөйләш текстлары яссылыгында) / Ф.С. Баязитова. – Казань: ИЯЛИ, 2015. – 710 б.

300. Баязитова Ф.С. Им-томнар, ырымнар, тылсымлы сүзләр / Ф.С. Баязитова. – Казан: Магариф-Вақыт, 2017. – 790 б.

301. Баязитова Ф.С. Халык традицияләре лексикасы. Мифологик персонажлар, ышанулар. (Жирле сөйләшләр һәм фольклор текстлары яссылыгында / Ф.С. Баязитова. – Казан ИЯЛИ, 2018. – 815 б.

302. Баязитова Ф.С. Халык традицияләрендә борынгы бәйрәмнәр, йолалар: Сабан туе, Нәүрүз, кыр келәүләре (жирле сөйләшләр, фольклор текстлары яссылыгында). – Казан: ИЯЛИ, 2019. – 687 б.

303. Баязитова Ф.С. Халык традицияләре лексикасы: Календарь йолалар, этноконфессиональ һәм дини бәйрәмнәр (жирле сөйләшләр һәм фольклор текстлары яссылыгында) / Ф.С. Баязитова. – Казан: ИЯЛИ, 2020. – 943 б.

304. Бәдигый Х. Татар әдәби теленең барышы / Х. Бәдигый // Безнең юл. – 1930. – № 2. – Б. 34–40.

305. Бәдигый Х. Татар әдәби теленең барышы / Х. Бәдигый // Безнең юл. – 1930. – № 3–4. – Б. 38–41.

306. Бәширова И.Б. XIX йөз ахыры татар прозасында әдәби тел нормалары / И.Б. Бәширова // Старотатарский литературный язык: исследования и тексты / [сост. И.А. Абдуллин]. – Казань, 1991. – Б. 98–105.

307. Бәширова И.Б. XIX гасыр ахыры – XX йөз башы татар әдәби теле: исем категорияләре һәм фигыль наклонениеләрендә әдәби норма, норма вариантлылыгы һәм функциональ-стилистик вариантлылык / И.Б. Бәширова. – Казан: КДТУ нәшр., 1999. – 576 б.

308. Бәширова И.Б. Хәзерге татар әдәби теле. Семасиология: татар лексикасында системалы бәйләнеш-мөнәсәбәтләр / И.Б. Бәширова. – Казан: ТӘҺСИ, 2006. – 192 б.

309. Бәширова И.Б. XIX гасыр ахыры – XX йөз башы татар әдәби теле: жанр-стильләре, аерым грамматик категорияләрдә норма һәм вариантлылык / И.Б. Бәширова. – Казан: ТӘҺСИ, 2008. – 340 б.

310. Бәширова И.Б. Татар әдәби теле. Семасиология / И.Б. Бәширова. – Казан: ТӘҺСИ, 2010. – 532 б.

311. Бәширова И.Б. Татар әдәби теле тарихы. Гомумтеоретик мәсьәләләр / И.Б. Бәширова. – Казан: ТӘҺСИ, 2012. – 255 б.
312. Вәлидов Ж.Ж. Сайланма хезмәтләр / Жамал Вәлиди. – Казан: Мәгариф, 2007. – 271 б.
313. Гайнуллин М.Х. Татар әдәбияты. XIX йөз. Югары уку йортлары өчен / М.Х. Гайнуллин. – Казан: Таткнигоиздат, 1957.– 654 б.
314. Гайнуллин М.Х. Татар әдәбияты. XIX йөз. Тулыландырылган икенче басма. Югары уку йортлары өчен / М.Х. Гайнуллин. – Казан: Татарстан китап нәшр., 1968. – 690 б.
315. Даутов Р. Заһир Бигиев (Тормыш юлы һәм ижаты) / Р. Даутов // Бигиев Заһир. Зур гөнаһлар. Романнар һәм сәяхәтнамә / [төзүчесе, төп текстның транскрипциясен һәм хәзерге әдәби телгә тәржемәсен эшләүче, искәртмәләр һәм ахыр сүз авторы Р. Даутов]. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1991. – Б. 360–379.
316. Жәләй Л. Татар диалектологиясе / Л. Жәләй. – Казан: Татгосиздат, 1947. – 131 б.
317. Жәләй Л. Татар теленең тарихи фонетикасы буенча материаллар / Л. Жәләй. – Казан: Таткнигоиздат, 1954. – 108 б.
318. Жәләй Л. Татар теленең тарихи морфологиясе: (очерклар) / Л. Жәләй. – Казан: Фикер, 2000. – 287 б.
319. Зәйнуллин Ж.Г. XVIII йөз – XX йөз башында татар рухани әдәбияты: Коръән тәфсирләре, хәдисләр һ.б. чыганаclar. Тәржемә принциплары һәм тел үзенчәлекләре / Ж.Г. Зәйнуллин. – Казан: Мәгариф, 1998. – 207 б.
320. Ибраһимов Г.Г. Әсәрләр: 15 томда / Галимжан. Ибраһимов. – Академик басма. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2018. – 10 т.: татар тел белеменә һәм телне уку методикасына караган хезмәтләр / [төз., текст., иск. һәм аңл. әзерл.: Э.М. Галимжанова, Ф.Г. Фәйзуллина]. – 2019. – 351 б.
321. Йосыпов А.Ф. XIX гасыр татар поэзиясе телендә мөнәсәбәт белдерү алымнары / А.Ф. Йосыпов // Фәнни Татарстан. – 2014. – № 2. – Б. 5–9.

322. Йосыпов А.Ф. XX гасыр башы татар суфичылык эсэрлэренен стиль үзенчәлекләре (Г. Тукай һәм Дәрдемәнд ижатлары мисалында) / А.Ф. Йосыпов // Габдулла Тукай и тюркский мир: материалы международной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения Г. Тукая. – Казань: ИЯЛИ, 2016. – С. 219–222.

323. Кол Гали. Кыйссаи Йосыф / [төп текстны (транскрипцияне) эзерләүче, кереш мәкаләне, искәrmә һәм аңлатмаларны, кулъязмаларның тасвирламасын язучы филология фәннәре кандидаты Ф.С. Фәсиев]. – Казан: Татарстан китап нәшр., 1983. – 543 б.

324. Курбатов Х.Р. Татар әдәби теленен стилистик системасы / Х.Р. Курбатов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1971. – 193 б.

325. Курбатов Х.Р. Иске татар поэзиясендә тел, стиль, метрика һәм строфика / Х.Р. Курбатов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. – 164 б.

326. Мәржани Ш. Мөстәфадел-әхбар фи әхвәли Казан вә Болгар. (Казан һәм богар хәлләре турында файдаланылган хәбәрләр) / [китапны тәржемә итүче һәм төзүче Ә.Н. Хәйруллин]. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. – 415 б.

327. Мәхмутов М.И. Татар әдәби теленә кергән гарәп-фарсы элементлары (Грамматик белешмә) / М.И. Мәхмутов // Мәхмутов М.И. Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлеге / М.И. Мәхмутов, К.З. Хәмзин, Г.Ш. Сәйфуллин. – Казан: Иман, 1993. – II том. – Б. 793–853.

328. Мөхәммәдиев М.Г. XIX йөз ахыры – XX йөз башы татар прозасында кайбер заман формаларының кулланылышы (Әдәби тел үсеше мәсьәләләренә карата) / М.Г. Мөхәммәдиев // Лексика и стилистика татарского языка. – Казань: ИЯЛИ / [отв. ред. Х.Р. Курбатов], 1982. – С. 32–38.

329. Мөхәммәдиев М.Г. Ш. Камал прозасының теле / М.Г. Мөхәммәдиев. – Казан: СССР ФА КФУ Г.Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм тарих институты, 1991. – 135 б.

330. Низамов И.М. Татар социоллингвистикасы хәрәкәттә / И.М. Низамов. – Казан: Казан ун-ты, 2011. – 301 б.

331. Рамазанов Ш. Татар теле буенча очерклар / Ш. Рамазанов. – Казан: Татгосиздат, 1954. – 200 б.
332. Рәхим Г., Газиз Г. Татар әдәбияты тарихы. Феодализм дәвере. – 2-басма / Г. Рәхим, Г. Газиз. – Казан: Татар, матбугат һәм нәшр. комбинаты, 1925. – 315 б.
333. Ризаэддин Фәхреддин. Асар. Беренче том / Фәхреддин Ризаэддин. – Казан: Рухият, 2006 – 360 б.
334. Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр – XX йөз башы) / И.Б. Бәширова, Ф.Ш. Нуриева, Э.Х. Кадыйрова; [фәнни ред. Ф.М. Хисамова]. – Казан: ТӘҺСИ, 2015. – I т.: Фонетика. Графика: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык. – 696 б.
335. Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр – XX йөз башы) / И.Б. Бәширова, Ф.Ш. Нуриева, Э.Х. Кадыйрова, Р.Ф. Мирхәев; [фәнни ред. Ф.М. Хисамова]. – Казан: ТӘҺСИ, 2017. – II т.: Морфология. Грамматик категорияләрнең структур-субстанциональ үзенчәлеге һәм функциональ-стилистик мөмкинлекләре: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык. – 888 б.
336. Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр – XX йөз башы) / И.Б. Бәширова, М.З. Вәлиева, Г.Ф. Гайнуллина, Х.Х. Кузьмина; [фәнни ред. Ф.С. Баязитова]. – Казан: ТӘҺСИ, 2019. – III т.: Лексика. Лексик-семантик категорияләрнең инвариант-парадигма үзенчәлеге һәм контекстуаль-синтагматик мөмкинлекләре: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык. Беренче кисәк. – 528 б.
337. Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр – XX йөз башы) / И.Б. Бәширова, М.З. Вәлиева, Р.Ф. Мирхәев; [фәнни ред. Ф.С. Баязитова]. – Казан: ТӘҺСИ, 2020. – III т.: Лексика. Лексик-семантик категорияләрнең инвариант-парадигма үзенчәлеге һәм контекстуаль-синтагматик мөмкинлекләре: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык. Икенче кисәк. – 588 б.
338. Татар әдәбияты тарихы. Алты томда, 2 том. XIX йөз татар әдәбияты / [баш редколлегия: Юзиев Н.Г. (баш редактор), Абдуллин Я.Г., Абилов Ш.Ш., Ахунов Г.А., Гайнуллин М.Г. һ.б.]. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1985. – 564 б.

339. Татар әдәбияты тарихы: сигез томда / [төз. Р.Ф. Рахмани]. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2014. – 1 т.: Борынгы чор һәм Урта гасырлар [фән. мөх. М.Х. Бакиров]. – 2014. – 415 б.
340. Татар әдәбияты тарихы: сигез томда / [төз. Р.Ф. Рахмани]. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2014. – 2 т.: XV–XVIII гасырлар [фән. мөх. Х.Й. Миңнегулов]. – 2014. – 471 б.
341. Татар әдәбияты тарихы: сигез томда / [төз. Р.Ф. Рахмани]. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2015. – 3 т.: XIX йөз [фән. мөх. Х.Й. Миңнегулов]. – 2015. – 551 б.
342. Татар грамматикасы: өч томда / [проект жит. М.З. Зәкиев]. – тулыландырылган 2 нче басма. – Казан: ТӘҺСИ, 2016. – Т. II. – 432 б.
343. Татар лексикологиясе: өч томда / [проект жит. М.З. Зәкиев; ред. Г.Р. Галиуллина]. – Казан: ТӘҺСИ, 2015. – Т. I. – 352 б.
344. Татар лексикологиясе: өч томда / [проект жит. М.З. Зәкиев; ред. Г.Р. Галиуллина]. – Казан: ТӘҺСИ, 2016. – Т. II. – 392 б.
345. Татар лексикологиясе: өч томда / [проект жит. М.З. Зәкиев; ред. Г.Р. Галиуллина]. – Казан: ТӘҺСИ, 2017. – Т. III. 1 кис. – 536 б.
346. Татар мәғрифәтчелек әдәбияты (1860 – 1905) / [төзүчесе, сүз башы һәм биографик белешмәләрне язучы М.Х. Гайнуллин]. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1979. – 416 б.
347. Татар халык сөйләшләре: Ике китапта: Беренче китап / Ф.С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, Т.Х. Хәйретдинова һ.б. – Казан: Мәгариф, 2008. – 463 б.
348. Татар халык сөйләшләре: Ике китапта: Икенче китап / Ф.С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, Т.Х. Хәйретдинова һ.б. – Казан: Мәгариф, 2008. – 495 б.
349. Тумашева Д.Г. Көнбатыш Себер татарлары теле. Грамматик очерк һәм сүзлек / Д.Г. Тумашева. – Казан: КДУ нәшр., 1961. – 233 б.
350. Хаков В.Х. Татар милли әдәби теленең барлыкка килүе һәм үсеше / В.Х. Хаков. – Казан: Казан университеты нәшр., 1972. – 224 б.

351. Хаков В.Х. Татар әдәби теле тарихы / В.Х. Хаков. – Казан: КДУ нәшр., 1993. – 325 б.
352. Хаков В.Х. Тел – тарих көзгесе (Татар әдәби теленең үсеш тарихыннан) / В.Х. Хаков. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. – 295 б.
353. Хисамова Ф.М. XVIII йөздәге татарча эш кәгазьләренең тел үзенчәлекләре / Ф.М. Хисамова. – Казан: Казан университеты нәшр., 1981. – 162 б.
354. Хөсәен Фәезханов: тарихи-документаль җыентык / [төз.-авт. Р. Мәрданов]. – Казан: «Җыен», 2006. – 704 с.
355. Хужа Бәдигый – тел галиме / [текстларны әзерләүче һәм төзүчеләр Э.Х. Кадирова, Д.М. Мөхәммәтжанова]. – Казан: ТӘҺСИ, 2021. – 252 б.
356. Юсупов Ф.Ю. Татар теленең диалектлары: Урал сөйләшләре / Ф.Ю. Юсупов. – Казан: Мәгариф, 2003. – 351 б.
357. Tolmbajski Q]. Tatar burzua tle – bzneñ tel tÿgel / Q]. Tolmbajski. – Qazan: Tatizdat, 1931. – 80 b.

Теоретическая литература на иностранных языках

358. Boetlingk O. Über die Sprache der Jakuten / O. Boetlingk. – St. Peterburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. – 1851. – 663 s.
359. Brockelmann C. Ali's Qissa'i Jusuf, der älteste Vorläufer der osmanischen Literatur / C. Brockelmann // Abhandlungen der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften: Philosophisch-historische Klasse. – Berlin: Verl. der Akad. der Wiss., 1916. – № 5. – 60 s.
360. Brokelmann C. Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens / C. Brockelmann. – Leiden, 1954. – 429 c.
361. Ferguson Charles A. Language Structure and Language use / Essays by Charles A. Ferguson // Selected and introd. by Anwar S. Dil. – Stanford: Stanford University Press, 1971. – 327 p.

362. Fishman J.A. The Sociology of Language: An Interdisciplinary Social Science Approach to Language in Society / J.A. Fishman. – Rowley: Newbury House Publishers, 1972. – 250 p.
363. Friedrich P. Social Context and Semantic Feature: The Russian Pronominal Usage / P. Friedrich. // Directions in Sociolinguistics: The Ethnography of Communication. – New York: Holt, Rinehart and Winston. 1972. – P. 270–300.
364. İnan A. Eski Türk Dini Tarihi / A. İnan. – İstanbul: Milli Eğitim Basımevi, 1976. – 256 s.
365. Labov W. The social stratification of English in New York City / W. Labov. – Washington: Center for applied linguistics, 1966. – 655 p.
366. Ölmez Z. Çağatay Edebiyatı ve Çağatay Edebiyatı Üzerine Araştırmalar / Z. Ölmez // Türkiye Araştırmaları Literatür Dergisi. – 2007. – № 9. – S. 173–219.
367. Paasonen H. Mischar-tatarische Volksdichtung gesammelt von – Übersetzt und herausgegeben von E. Karahka / H. Paasonen. – Helsinki, 1953. – S. 4–6.
368. Pelissier R. Mischar-tatarische sprachproben gesammelt in Nordosten des Bezirks Tjemnikov des Gouvernements Tambov im Herbst 1912 / R. Pelissier // Abhandlungen Preußischen Akademie der Wissenschaften: Philosophisch-historische Klasse. – Berlin: Verl. der Akad. der Wiss., 1919. – № 18. – 47 s.
369. Pritsak O. Die Bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren / O. Pritsak. – Wiesbaden, O. Harrassowitz, 1955. – 102 s.
370. Pritsak O. Kāšgars Angaben über die Sprache der Bolgaren / O. Pritsak. – ZDMG, 109 (N. F. 34). – 1. – 1959.
371. Pritsak O. Bolgaro-Tschuwaschica. Acht Noten zu den Wolga-Bolgarischen Grabin-Schriften des 13-14 Jhs. Wiesbaden, O. Harrassowitz. / O. Pritsak. UAJb, Bd 31, 1959.
372. Radloff W. Vergleichende Grammatik der nordlichen Türksprachen. Erster Teil. Phonetik der nordlichen Türksprachen / W. Radloff. – Leipzig: T.O. Weigel's Verlag, 1882. – 318 s.

373. Weisgerber L. Muttersprache und Geistesbildung / L. Weisgerber. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1929. – 170 s.

Словари

374. Әхмәтъянов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда. I том (А – Л) / Р.Г. Әхмәтъянов. – Казан: Мәгариф – Вақыт, 2015. – 543 б.

375. Әхмәтъянов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда. II том (М – Я) / Р.Г. Әхмәтъянов. – Казан: Мәгариф – Вақыт, 2015. – 567 б.

376. Древнетюркский словарь / [ред. В.М. Наделяев и др.]. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.

377. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. / Т.В. Жеребило. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.

378. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен / [сост. Н.И. Золотницким]. – Казань: тип. Имп. ун-та, 1875. – 279 с.

379. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / [под общ. рук. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева]. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 840 с.

380. Мәхмутов М.И. Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлеге / М.И. Мәхмутов, К.З. Хәмзин, Г.Ш. Сәйфуллин. – Казан: Иман, 1993. – I том. – 448 б.

381. Мәхмутов М.И. Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлеге / М.И. Мәхмутов, К.З. Хәмзин, Г.Ш. Сәйфуллин. – Казан: Иман, 1993. – II том. – 854 б.

382. Словарь социолингвистических терминов / [В.А. Кожемякина, Н.Г. Колесник, Т.Б. Крючкова, О.С. Парфенова, Ю.В. Трушкова при участии А.Н. Биткеевой и М.А. Горячевой]. – М., 2006. – 312 с.

383. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, со включением употребительнейших слов арабских и персидских с переводом на русский язык. Том I / [сост. Лазарь Будагов]. – Санкт-Петербург: тип. Императорской Акад. наук, 1869. – 810 с.

384. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, со включением употребительнейших слов арабских и персидских с переводом на русский язык. Том II / [сост. Лазарь Будагов]. – Санкт-Петербург: тип. Императорской Акад. наук, 1871. – 415 с.

385. Татарско-русский словарь: в 2-х т. / [редкол.: Ш.Н. Асылгараев, Ф.А. Ганиев, М.З. Закиев, К.М. Миннуллин, Д.Б. Рамазанова]. – Казань: Магариф, 2007. – Т. 1 (А–Л). – 726 с.

386. Татарско-русский словарь: в 2-х т. / [редкол.: Ш.Н. Асылгараев, Ф.А. Ганиев, М.З. Закиев, К.М. Миннуллин, Д.Б. Рамазанова]. – Казань: Магариф, 2007. – Т. 2 (М–Я). – 726 с.

387. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: өч томда / [редкол.: Л.Т. Махмутова, М.Г. Мөхәммәдиев, К.С. Сабилов, Ш.С. Ханбикова]. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1977. – I том. – 476 б.

388. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: өч томда / [редкол.: Л.Т. Махмутова, М.Г. Мөхәммәдиев, К.С. Сабилов, Ш.С. Ханбикова]. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1979. – II том. – 726 б.

389. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: өч томда / [редкол.: Л.Т. Махмутова, М.Г. Мөхәммәдиев, К.С. Сабилов, Ш.С. Ханбикова]. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1981. – III том. – 832 б.

390. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: I том: А–В / Р.Р. Абдуллина, А.М. Сәгыйтова, Ф.Ф. Гаффарова, Г.Г. Саберова, О.Н. Галимова, А.Ф. Гайнетдинова, Г.Д. Фәтхетдинова, Ф.И. Таһирова, И.И. Сабитова, Э.И. Сафина, Ф.М. Газизова. – Казан: ТӘҺСИ, 2015. – 712 б.

391. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: II том: Г – Й / И.И. Сабитова, Ф.И. Таһирова, А.М. Сәгыйтова, А.Ф. Гайнетдинова, Г.Г. Саберова, Л.Ш. Шәмсетдинова, Г.Р. Сәмирханова, Э.И. Сафина. – Казан: ТӘҺСИ, 2016. – 748 б.

392. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: III том: К / И.И. Сабитова, А.Ф. Гайнетдинова, Ю.Ф. Борһанова, О.Н. Галимова, Г.Г. Саберова, Ф.Ф. Гаффарова,

Э.И. Сафина, А.Ә. Тимерханов, Р.Р. Абдуллина, Р.Т. Сәфәров, Ф.И. Таһирова. – Казан: ТӘҺСИ, 2017. – 744 б.

393. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: IV том: Л – Р / Ф.И. Таһирова, Э.И. Сафина, И.И. Сабитова, Ф.Ф. Гаффарова, Р.Т. Сәфәров, О.Н. Галимова, Р.Р. Абдуллина, Г.Р. Сәмирханова, Ф.А. Кушелекова, Г.Г. Саберова. – Казан: ТӘҺСИ, 2018. – 760 б.

394. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: V том: С–Т / Э.И. Сафина, И.И. Сабитова, О.Н. Галимова, Г.Г. Саберова, Р.Т. Сәфәров, А.Ф. Гайнетдинова, Ю.Ф. Борханова, Ф.И. Таһирова, Ф.Ф. Гаффарова, А.Ә. Тимерханов, Р.Р. Абдуллина. – Казан: ТӘҺСИ, 2019. – 908 б.

395. Татар теленең зур диалектологик сүзлеге / Ф.С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, З.Р. Садыкова һ.б. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. – 839 б.

396. Турецко-русский словарь / А.Н. Баскаков, Н.П. Голубева, А.А. Кямилаева и др. – М: Русский язык, 1977. – 966 с.

Электронные ресурсы

397. Атлас мировых языков, находящихся под угрозой исчезновения ЮНЕСКО [Электронный ресурс] // Режим доступа: www.unesco.org/culture/endangeredlanguages/atlas (Дата обращения – 11.01.2021).

398. Карта слов и выражений русского языка «КАРТАСЛОВ.РУ» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://kartaslov.ru> (Дата обращения – 07.10.2021).

399. Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru> (Дата обращения – 24.06.2021).

400. Сайт «MONUMENTA ALTAICA» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://altaica.ru> (Дата обращения – 16.08.2021).

401. Словарь социолингвистических терминов [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://rus-soc-lingvo-terms.slovaronline.com> (Дата обращения – 12.11.2021).

402. Татарская энциклопедия «TATARICA» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://tatarica.org/ru> (Дата обращения – 12.10.2021).
403. Филологический портал «Philology.ru» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://philology.ru> (Дата обращения – 14.07.2021).
404. Цифровая платформа «100% Татарстан» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://100tatarstan.com> (Дата обращения – 25.12.2021).
405. Электронная библиотека Национальной библиотеки Республики Татарстан [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://kitaphane.tatarstan.ru/e-library.htm> (Дата обращения – 18.11.2021).
406. Электронный фонд словарей [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://suzlek.antat.ru/indexR.php> (Дата обращения – 01.12.2021).
407. Языковой каталог «Ethnologue: Languages of the World» («Этнология: языки мира») [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.ethnologue.com> (Дата обращения – 11.01.2022).

Приложение 1.

**Использованное в рамках диссертационного исследования соответствие
знаков арабицы, кириллицы и латиницы**

Знаки арабицы	Знаки кириллицы	Знаки латиницы	Знаки арабицы	Знаки кириллицы	Знаки латиницы
ا	А а, Ә ә	A a, Ä ä	ط	Т т	T t
ب	Б б, П п	B b, P p	ظ	З з	Z z
پ	П п	P p	ع	Г г	G g
ت	Т т	T t	غ	Г г	Ğ ğ
ف	С с	S s	ف	Ф ф	F f
ج	Ж ж	C c	ق	К к	Q q
چ	Ч ч	Č č	ك	К к, Г г, ң	K k, G g, ñ
ح	Х х, Һ һ	X x, H h	گ	Г г	G g
خ	Х х	X x	ل	Л л	L l
د	Д д	D d	م	М м	M m
ذ	З з	Z z	ن	Н н	N n
ر	Р р	R r	ر	Җ	ñ
ز	З з	Z z	ه	А а, Ә ә, Һ һ	A a, Ä ä
ژ	Ж ж	Ž ž	و	В в, О о, Ө ө, У у, Ү ү	V v, W w, O o, Ö ö, U u, Ü ü
ص	С с	S s	ڤ	В в	V v, W w
ش	Ш ш	Š š	ی	И и, Й й, Ы ы	I i, J j, Y y
ص	С с	S s	ای	И и, Ы ы	I i, Y y
ظ	З з	Z z	او	О о, Ө ө, У у, Ү ү	O o, Ö ö, U u, Ü ü

Приложение 2.

Статистические параметры функционирования социально маркированных лексических единиц и их дериватов в текстах произведений М. Акъегета, З. Бигиева, Р. Фахретдина

№	Лексемы	Количество словоупотреблений	Индекс употребляемости
1	<i>advokat</i> 'адвокат'	30	0,0003
2	<i>aqyl // ġaqyl</i> 'ум, разум; интеллект'	78	0,00078
3	<i>äxlaq</i> 'нравственность, этика, мораль'	42	0,00042
4	<i>bajlyq</i> 'богатство, состояние'	44	0,00044
5	<i>bäj</i> 'бей, господин'	26	0,00026
6	<i>vagon</i> 'вагон'	3	0,00003
7	<i>gazeta</i> 'газета'	24	0,00024
8	<i>gastinsa</i> 'гостиница'	6	0,00006
9	<i>ġyjlem</i> 'наука, знание'	151	0,00151
10	<i>däülät</i> 'богатство, состояние; государство'	107	0,00107
11	<i>divan</i> 'диван'	3	0,00003
12	<i>cämäġat</i> 'общество, народ, община, прихожане'	63	0,00063
13	<i>cämġujät</i> 'общество'	33	0,00033
14	<i>cäridä</i> 'газета'	14	0,00014
15	<i>ezlek</i> 'обыск'	2	0,00002
16	<i>eř</i> 'работа'	277	0,00277
17	<i>zavod</i> 'завод'	4	0,00004
18	<i>zihen</i> 'ум, разум; сознание'	14	0,00014
19	<i>qapik</i> 'копейка'	8	0,00004
20	<i>käseb</i> 'труд, дело; промысел'	71	0,00071
21	<i>kvartir</i> 'квартира'	3	0,00003
22	<i>koljaska</i> 'коляска'	5	0,00005
23	<i>kofe</i> 'кофе'	18	0,00018
24	<i>krisla</i> 'кресло'	5	0,00005
25	<i>qawem</i> 'племя'	61	0,00061
26	<i>qajġu</i> 'горе, печаль, скорбь'	53	0,00053
27	<i>qatilä</i> 'убийца'	3	0,00003

28	<i>mal</i> ‘состояние; собственность; богатство; товар’	67	0,00067
29	<i>manit</i> ‘монета’	9	0,00009
30	<i>mašina</i> ‘машина’	7	0,00007
31	<i>matbuğat</i> ‘печать, пресса’	5	0,00005
32	<i>mäğarif</i> ‘просвещение, образование’	21	0,00021
33	<i>mäğrifät</i> ‘образование, просвещение; просветительство’	34	0,00034
34	<i>mäğšuqa</i> ‘возлюбленная’	5	0,00005
35	<i>mäğyjšät</i> ‘жизнь, быт, повседневное существование’	23	0,00023
36	<i>mädänijät</i> ‘культура, цивилизация’	19	0,00019
37	<i>mädräsä</i> ‘медресе’	200	0,002
38	<i>märxämät</i> ‘милосердие, сострадание’	41	0,00041
39	<i>mäxäbbät</i> ‘любовь’	84	0,00084
40	<i>mäxkämä</i> ‘суд’	44	0,00044
41	<i>milek</i> ‘имущество, собственность’	25	0,00025
42	<i>millät</i> ‘нация’	93	0,00093
43	<i>mirza</i> ‘мурза’	5	0,00005
44	<i>möğallim</i> ‘учитель’	43	0,00043
45	<i>möğallimä</i> ‘учительница’	44	0,00044
46	<i>mösafirxanä</i> ‘гостиница’	30	0,0003
47	<i>möslimä</i> ‘мусульманка’	14	0,00014
48	<i>nadanlyq</i> ‘неграмотность, невежество’	11	0,00011
49	<i>nomer</i> ‘номер’	190	0,0019
50	<i>ötmät</i> ‘община (религиозная)’	5	0,00005
51	<i>paraxud</i> ‘пароход’	77	0,00077
52	<i>pojuzd</i> ‘поезд’	19	0,00019
53	<i>prokuror</i> ‘прокурор’	16	0,00016
54	<i>rublä</i> ‘рубль’	29	0,00029
55	<i>saxibä</i> ‘хозяйка’	1	0,00001

56	<i>särmaja</i> ‘капитал’	10	0,0001
57	<i>säüdä</i> ‘торговля’	67	0,00067
58	<i>sledovatel</i> ‘следователь’	99	0,00099
59	<i>stul</i> ‘стул’	9	0,00009
60	<i>syščik</i> ‘сыщик’	25	0,00025
61	<i>sud</i> ‘суд’	36	0,00036
62	<i>šähär</i> ‘город’	300	0,0003
63	<i>tabib</i> ‘врач, доктор’	20	0,0002
64	<i>täftiš</i> ‘следствие’	100	0,001
65	<i>telegram</i> ‘телеграмма’	14	0,00014
66	<i>telefon</i> ‘телефон’	6	0,00006
67	<i>ticarät</i> ‘торговля’	42	0,00042
68	<i>tutaš</i> ‘барышня, девушка, мадемуазель’	218	0,00218
69	<i>fabrika</i> ‘фабрика’	4	0,00004
70	<i>fän</i> ‘наука, дисциплина, предмет’	25	0,00025
71	<i>fäqyrlek</i> ‘бедность, нищета, нужда’	7	0,00007
72	<i>fiker</i> ‘мысль, мнение, суждение, идея’	162	0,00162
73	<i>xaq</i> ‘плата, оплата, зарплата’	8	0,00008
74	<i>xalyq</i> ‘народ’	147	0,00147
75	<i>xatyn // qadyn</i> ‘женщина; жена, супруга’	428	0,00428
76	<i>xanym</i> ‘дама, госпожа, ханум’	74	0,00074
77	<i>xäsädlek</i> ‘зависть, ревность’	2	0,00002
78	<i>xezmät</i> ‘труд’	261	0,00261
79	<i>xökem</i> ‘суд’	62	0,00062
80	<i>hönä</i> ‘ремесло, профессия’	52	0,00052